

Философия

Сайт: [Электронная информационно-образовательная среда
Московского университета имени С.Ю. Витте](#)
Курс: Философия1
Книга: Философия

Напечатано:: Отабоев Бобур Мирзокулович
Дата: Понедельник, 21 Февраль 2022, 12:09

Оглавление

1. Предмет и значение философии

- 1.1. Философия как форма духовной культуры. Ее роль в жизни человека и общества
- 1.2. Основные философские картины мира

2. История становления и развития философской мысли в Древнем мире

- 2.1. Основные религиозно-философские учения Древнего Востока
- 2.2. Основные идеи и представители античной философии

3. Исторические типы философии: от Средневековья до Нового времени

- 3.1. Общая характеристика средневековой философии. Философия эпохи Возрождения
- 3.2. Основные идеи и представители философии Нового времени

4. Ведущие направления современной философской мысли и основные разделы общетеоретической философии

- 4.1. Общая характеристика современной философии
- 4.2. Основные разделы философского знания

Предмет и значение философии

Философия как форма духовной культуры. Ее роль в жизни человека и общества

«Наука обо всем»

Все, что нас окружает, можно мысленно разделить на две большие сферы: это все, не созданное человеком (естественное) и все, им созданное (искусственное). Первую сферу мы, как правило, называем природой, вторую – культурой. Как известно, культура делится, в свою очередь, тоже на две большие группы – это материальная и духовная культура. Последняя существует в различных видах или формах, из которых основными являются наука, религия, искусство и философия.

Эти формы сходны между собой в том, что с их помощью человек пытается ответить себе на бесчисленные вопросы, которые он, будучи существом разумным (Homo Sapiens), с момента своего появления на Земле никогда не уставал себе задавать. А различие между основными формами духовной культуры заключается в том, что они исследуют различные вещи и используют разные методы.

Так, например, предметом науки является, как правило, естественный (природный, физический) мир, постигая который, она стремится к высокой точности своих знаний, считает необходимым все доказывать, а также – экспериментировать, все глубже проникать в тайны природы и извлекать из этого практическую пользу, увеличивая техническую мощь человека.

Предметом религии, наоборот, является сверхъестественный (потусторонний, божественный) мир, который она полагает реально существующим и считает все земные события напрямую зависящими от этого высшего мира. Увидеть его нельзя, а поэтому точное знание о нем невозможно. По отношению к этому миру нельзя поставить эксперимент, а значит ни доказать, ни опровергнуть его существование невозможно. А что же тогда возможно? Только бездоказательная вера: можно произвольно, свободно, безо всяких знаний и обоснований верить в реальность потустороннего мира, Бога, бессмертной души и загробной жизни, верить в силу одного только нашего желания, чтобы был Бог, бессмертие души и вечная жизнь. И, разумеется, если такого желания у нас нет, то запросто можно не верить ни во что вышеперечисленное. Итак, религия обращена, в отличие от науки не на естественный, а на сверхъестественный мир, и базируется не на доказательстве, а на вере.

Предметом искусства является, как правило, внутренний, эмоциональный мир человека. В отличие от науки искусство не стремится что-либо доказывать, а в отличие от религии – не призывает во что-либо безусловно верить, оно базируется на выражении и передаче через художественные образы каких-либо чувств, настроений, переживаний.

Философия в отличие от науки, религии и искусства не ограничивается каким-нибудь одним предметом или сферой реальности и пытается охватить в своей деятельности и естественный, и сверхъестественный и внутренний мир человека. При этом она признает в качестве средств освоения этих миров и доказательное знание, и бездоказательную веру, и эстетическое чувство. Как видим, философия имеет нечто общее и с наукой, и с религией, и с искусством, но в то же время значительно отличается от этих форм духовной культуры прежде всего своим масштабом. Поэтому можно определить философию как специфическую форму духовной культуры (наряду с наукой, религией и искусством), которая пытается различными способами охватить, описать, объяснить и понять в наиболее общих (широких) чертах и мир, и человека.

В разное время различные мыслители пытались приблизить или даже отождествить философию с какой-нибудь другой формой духовной культуры, объявляя, что сама по себе она существовать не может. То ее полагали служанкой религии, то рассматривали как одну из наук, то сближали с искусством. (Подробнее мы еще будем говорить об этом в следующих лекциях). Однако философия, в конечном итоге, остается самою собой и, будучи тесно связанной с наукой, религией и искусством, является все же самостоятельной формой духовной культуры и не сводится ни к одной из других ее форм.

Тем не менее, знакомясь с различной научной, научно-популярной и учебной литературой, можно заметить, что философию довольно часто называют наукой. Так например, последняя глава книги «История русской философии», написанной известным русским философом Н. О. Лосским, начинается такими словами: «Философия – это наука. Как и всякая другая наука, философия стремится к установлению строго доказуемых истин не для избранных народов или наций, а для всех мыслящих людей...» Рассмотрим три выражения: 1. «Философия – это наука...»; 2. «Философия – это религия...»; 3. «Философия – это искусство...» Какое из них звучит наиболее естественно и вызывает менее всего возражений? Конечно же, первое. Поэтому давайте выясним, что должна представлять собой философия, если называть ее наукой, с какими оговорками и ограничениями можно было бы говорить о ней, как о науке.

Изучение любой науки начинается с ответа на вопрос, о чем она, чем занимается, что изучает. Так, например, мы говорим, что астрономия – это наука о небесных телах, биология – о различных формах жизни и т. д. Таким образом, каждая наука изучает какую-либо часть или область окружающего мира, имеет свой конкретный предмет, которым она и занимается.

Что же изучает философия (если считать ее наукой), каков ее предмет? Точно ответить на этот вопрос невозможно, потому что у нее нет определенного, конкретного предмета и, следовательно, она сильно отличается от всех других существующих наук. Поэтому условно можно было бы сказать, что философия – это наука обо всем.

Это краткое и в то же время странное определение обязательно вызывает следующий вопрос – каким образом может быть наука обо всем? Ведь можно всю жизнь потратить на занятия биологией или математикой, физикой или химией потому что мир любой науки неисчерпаем, и изучать ее можно бесконечно. Сколько же надо жизни человеку, чтобы изучить все вообще? И, стало быть,

возможна ли наука обо всем? Кроме того, вполне понятно, если наука занимается чем-то определенным: планетами и звездами или материками и океанами, или животным и растительным миром, например. Но как она может заниматься всем сразу, изучать все подряд? Получается, что наука обо всем есть не что иное, как наука ни о чем.

Поэтому в наше условное определение философии надо внести следующее уточнение. Есть вещи второстепенные и главные, есть частное и общее. Так, например, все люди совершенно различны, но есть то, что их объединяет, связывает, что присуще каждому. Это наличие разума, которым не обладает ни одно другое существо на Земле. Таким образом, разум – это главная отличительная черта человека вообще, его основная особенность. Точно так же можно выделить главные черты неживой природы, растительного или животного мира и т. д. Причем эти основные черты связывают различные вещи, объединяют их в одну группу или класс предметов, в то время как конкретные или индивидуальные особенности вещей, наоборот, разъединяют их, отличают друг от друга. И если у каждой большой группы предметов есть связующие их, главные, общие черты, то, наверное, и у мира в целом есть какие-то главные черты или основные признаки, которые объединяют все совершенно различные вещи в одно грандиозное целое, которое мы называем «окружающим миром» или «мирозданием», или «Вселенной».

Так вот, философия – это (условно говоря) наука, которая и занимается поиском и исследованием этих общих черт всего окружающего мира в целом (и внутреннего мира человека). Если любая другая наука изучает какую-либо область или часть мира, то философия охватывает весь мир. Поэтому мы и говорим, что она – наука обо всем. Но не обо всем вообще, а только о самых главных чертах, основных признаках мироздания и человека. Таким образом, философия – это наука обо всем, то есть – о наиболее широком, общем, важном, главном, основном.

Эта особенность философии существенно отличает ее от всех других наук и даже противопоставляет ее им. В чем сходство всех наук между собой? В том, что все они изучают один и тот же окружающий нас мир. В чем их различие? В том, что они изучают его по-разному, подходят к нему с разных сторон. Ботаника изучает растительный мир, зоология – животный, астрономия исследует небесные тела, география – материки и океаны и т. д. Каждая наука смотрит на какую-либо сторону мира, занимается только одной его областью. Философия же смотрит на всё не с какой-то его стороны, а со всех сторон сразу. Любая наука стремится увидеть всего лишь одну, ее интересующую, грань мироздания, философия же пытается увидеть мир весь, целиком. Любая наука, изучая что-либо одно, хочет получить только часть знания, только порцию истины, философия же, изучая все, стремится добыть все знание, обрести полную истину. Поэтому она может быть названа метанаукой. Приставка «мета» в переводе с греческого означает «над», «сверху». Философия как метанаука, ставя перед собой более глобальные цели, чем все другие науки, возвышается над ними и объединяет их. Если каждая из наук изучает какую-то часть мира, а философия – весь мир, то любая наука может быть названа частной, а философия – общей наукой или связующей нитью всех наук.

Понятно, что масштаб философии и масштаб любой частной науки несоизмеримы. Поле деятельности философии необъятно, сфера всякой частной науки более узка и ограничена. Цели частных наук и их задачи довольно скромные. Например, надо выяснить, с каким ускорением вращается электрон, как протекает химическая реакция, по каким закономерностям делится живая клетка, как движутся планеты и галактики, каковы причины какой-либо болезни и методы борьбы с ней и т. д. Философия задает себе вопросы совершенно иного рода. Откуда произошел мир? По каким законам он устроен и развивается, или же в нем нет никаких законов? И существует ли мир вообще? Может ли быть так, что все нами видимое – всего лишь иллюзия, и ничего нет? Кто такой человек? Откуда он взялся и куда движется, в чем смысл его появления и существования, какое предназначение призван он осуществить во Вселенной? Или же у него нет ни смысла, ни предназначения, а жизнь его – только воля слепой случайности? И почему все вообще так, как есть? А может ли быть иначе? А как должно быть? И можно ли что-либо изменить?..

Поскольку масштабы частных наук не слишком велики, а вопросы их довольно скромные, они с успехом на них отвечают. Колоссальный прогресс частных наук очевиден: мы сейчас знаем в сотни и в тысячи раз больше, чем знали наши далекие предки. За пять тысяч лет человечество ответило себе на огромное количество вопросов и проникло во многие тайны природы. Результаты частных наук налицо: от каменного топора – до современного компьютера, от звериных шкур и борьбы за огонь – до освоения межзвездного пространства.

Совсем наоборот обстоит дело с вопросами, которые задает себе философия. Они слишком глобальны и сложны, масштаб философии колоссален и поэтому ее вопросы точно так же стоят перед человечеством и так же открыты, как и пять тысяч лет назад. За всю свою историю человек почти нисколько не продвинулся в поисках ответа на эти вопросы и назвал их вечными. Философия, таким образом, – это бесконечный поиск ответов на вечные вопросы мироздания.

Но если частные науки с успехом справляются со своими задачами, а философия со своими совсем не справляется, то невольно возникает вопрос – нужна ли она вообще. Понятно зачем существуют и чем занимаются частные науки, но не вполне понятно, зачем существует и что делает философия, если она задает себе вопросы, на которые не может ответить, ставит перед собой задачи, с которыми не справляется, и стремится к целям, которые недостижимы. В следующем пункте лекции мы попытаемся ответить на этот вопрос, а также – еще раз рассмотрим соотношение философии и науки.

Вопросы для самопроверки

1. Вспомните, когда и где вам приходилось сталкиваться с понятиями философия, философ, философский. Каким значением они были для вас наполнены?
2. В чем сходство и различие основных форм духовной культуры: науки, религии и искусства?

3. Почему философию возможно определить как специфическую форму духовной культуры, несводимую ни к одной из других ее форм?
4. Если говорить о философии как о науке, то какие ограничения необходимо отметить? Согласны ли вы с тем, что философию можно определить как науку обо всем? Попробуйте отметить достоинства и недостатки такого определения.
5. Почему, говоря о философии как о науке, ее можно назвать метанаукой или общей наукой? Каковы масштабы, вопросы и результаты философии по сравнению с масштабами, вопросами и результатами частных наук? Почему философские вопросы часто называют вечными?
6. Попытайтесь сформулировать свое определение философии.

«Я не мудрец, но только философ»

Слово «философия» греческого происхождения и состоит из двух частей. «Филия» переводится как «любовь», «софия» – как «мудрость». Таким образом, философия буквально означает любовь к мудрости. Впервые слова «философия» и «философ» стал употреблять знаменитый грек Пифагор, живший в VI в. до н.э. До него греческие ученые называли себя термином «софос», что означает «мудрец», то есть считали себя мудрецами. Пифагор в беседе с царем Леонтом произнес слова, ставшие впоследствии крылатыми: «Я не мудрец, но только философ». Это изречение на первый взгляд представляется странным и даже бессмысленным, так как понятия «мудрец» и «философ» кажутся синонимами. На самом деле они означают совершенно разное. «Софос» – мудрец – это тот, кто владеет мудростью, обладает полной истиной, знает все. «Фило-софос» – любитель мудрости – это тот, кто не владеет мудростью, но стремится к ней, не знает всей истины, но хочет узнать. Пифагор считал, что человек не может знать всего и обладать полной истиной, но он может стремиться к этому, а говоря иначе, он не может быть мудрецом, но может быть только любителем мудрости – философом.

Таким образом, само понятие «философия» заключает в себе мысль о том, что конечная истина или абсолютное знание недостижимы, что на вечные вопросы нет и не будет ответов. Но означает ли это, что их вообще не стоит искать, к истине нет смысла стремиться, а философией заниматься бесполезно? Пифагор, называя себя философом, отнюдь не считал стремление к мудрости бессмысленным делом. В его знаменитых словах, помимо прочего, содержится утверждение, что человек не только может быть любителем мудрости, но и должен им быть. Так что понятие «философия» говорит не только о невозможности достижения абсолютной истины, но еще и о том, что к ней возможно и даже необходимо стремиться, что следует постоянно искать ее, несмотря ни на что. Но зачем?

Когда мы говорим, что на вечные вопросы никогда не будет вечных ответов, мы противоречим сами себе. Ведь само высказывание: «Ответов не будет, истина недостижима» уже является неким ответом, утверждением. Если мы говорим, что истину невозможно найти, то мы должны отказаться и от самого этого тезиса, ибо он уже представляет собой некую истину. Поэтому на вопрос: «Достижима ли истина?» невозможно ответить: «Недостижима», так как такой ответ сам себя опровергает. Наверное, ответить следует неопределенно: «то ли достижима, то ли нет». Да и откуда нам знать наверняка – откроется когда-либо человечеству истина или же не откроется никогда? Правильнее было бы предположить, что возможно и то, и другое. Но если так, если есть вероятность достижения того, что кажется недостижимым, тогда поиск истины в высшей степени оправдан, а философия, которая этим поиском занимается, имеет огромный смысл и значение. Известный русский философ В.С. Соловьев писал по этому поводу: «Так как нам совершенно ничего неизвестно об относительном возрасте человечества, то мы не имеем права отрицать, что его предполагаемая неспособность к метафизическому (философскому) познанию может быть того же рода, как неспособность говорить у трехмесячного ребенка». Итак, мы не знаем, какие горизонты знания могут открыться нам в будущем. Значение философии в том, что она устремляется к этим неведомым горизонтам.

Однако если бы человек даже наверняка знал, что на вечные вопросы нет и никогда не будет ответов, он, скорее всего, не переставал бы их себе задавать и продолжал бы искать эти ответы. Такова его природа: будучи существом разумным, он не может остановиться в познании на чем-то и навсегда удовольствоваться достигнутым результатом. Он всегда хочет продвинуться дальше, заглянуть глубже, дойти до предельных и последних оснований всего существующего, найти окончательные и вечные ответы, обрести полную истину. Об этом прекрасно говорят известные строки Б. Л. Пастернака:

«Во всем мне хочется дойти

До самой сути:

В работе, в поисках пути,

В сердечной смуте.

До сущности истекших дней,

До их причины,

До оснований, до корней,

До сердцевины».

Выяснив, например, что представляет собой закон всемирного тяготения и какую пользу можно извлечь из него в практической деятельности, человек, наверное, не был бы самим собой, если бы не задавался также вопросом более широким, предельным (и на первый взгляд даже странным) – почему существует закон всемирного тяготения, откуда он взялся, кто наделил мир такой константой и почему – именно такой, а не другой. Или, например, каждый из нас может спросить себя, что он будет делать сегодня и как проведет завтрашний день, но ведь рано или поздно любой человек задает себе предельный вопрос – а зачем я вообще живу и что должен сделать в этой жизни, да и должен ли вообще что-либо делать... Значение философии в том и заключается, что именно с ее помощью человек пытается раздвинуть горизонты, заглянуть в неведомое, понять непостижимое, осуществить невозможное.

Еще одно «оправдание» философии заключается в том, что если бы что-то было совершенно бессмысленным – всегда и везде, то этого, наверное, не было бы вовсе. Но если философия существует уже не одну тысячу лет, значит зачем-то она нужна. Вспомним знаменитые строки В.В.Маяковского:

«Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают –

Значит – это кому-нибудь нужно?»

И наконец, если даже вернуться к нашему исходному утверждению, что философские горизонты навсегда закрыты и истину найти невозможно, а стремиться к невозможному бесполезно, то и тогда философия не будет бессмысленным занятием. Всем с детства хорошо известна сказка о том, как умирающий отец позвал к себе сыновей и сказал им: «Во дворе нашего дома я закопал клад», не сказав, где именно он его спрятал. Сыновья взялись за лопаты и работали день и ночь. Они тщательно и глубоко перекопали весь двор, но никакого клада не нашли. Перед ними лежала прекрасно возделанная их трудом земля. Не пропадать же ей даром, – решили они и посадили виноградник, который быстро вырос и дал роскошные плоды. Тогда сыновья поняли, о каком клade говорил отец. Так и философия, отправляясь на поиски, может быть несуществующего клада – истины, тем не менее, добывается других результатов, пусть косвенных, но весьма ощутимых. Она не находит конечных ответов, но, ища их, попутно с успехом отвечает на множество других вопросов, тем самым оказывая неоценимую помощь частным наукам.

Сравним происхождение названий некоторых наук с происхождением термина «философия». Почти все эти названия заимствованы из греческого языка. В составе таких слов, как «биология» (биос – жизнь + логос – наука), «астрономия» (астэр – звезда + номос – закон), «геометрия» (гэ – земля + мэтрэо – измерять) обязательно присутствует какой-нибудь указатель на исследование, показатель научности (логия, номия, метрия). В случае же с философией мы имеем совершенно иную картину: вместо показателя научности выступает нечто весьма от него далекое – любовь (филия). Возникает вопрос – можно ли вообще философию считать наукой, если она не исследование и не изучение чего-либо, а всего лишь любовь, любовь к мудрости?

Стремление к мудрости это, наверное, не столько научное занятие, сколько некое состояние души, определенный эмоциональный и интеллектуальный настрой. Философия – это скорее образ мышления, способ мировосприятия, или даже стиль жизни, нежели область знания, род профессиональной деятельности или наука. Принципиальное отличие философии от частных наук помимо прочего заключается также в том, что ей недостает научности, вернее, она охватывает сферу гораздо большую, чем любая наука, раздвигает свои горизонты предельно широко и поэтому представляет собой явление, несомненно, более грандиозное, чем просто наука. Последняя занимается только тем, что есть, философия же – тем, что есть, но еще и тем, что должно быть. Наука только констатирует факты, философия же не только констатирует, но еще и оценивает их с точки зрения хорошего и дурного. Наука опирается только на рассудок, в философию помимо рассудочного мышления входят и интуиция, и воля, и чувства, и все прочие слагаемые человеческого духа. Наука, как уже говорилось, занимается чем-то определенным, философия же – всем. Поэтому наука всего лишь одно из явлений жизни, а философия, по крупному счету, – это сама жизнь человеческая – сложная, многогранная, вечно непостижимая.

Философию часто называют **критическим мышлением**. Слово «критика» переводится с греческого как «исследование», поэтому критическое мышление – это исследовательское мышление, но – в широком смысле этого слова, т.е. мышление самостоятельное, независимое, пытающееся разобраться в вещах и явлениях, дойти, как уже говорилось, до их основы и сути.

Философию также можно представить, как **нонконформизм**, а философов – как **нонконформистов**. Что это такое? **Конформизм** (лат. conformis – подобный, сходный) – бездумное повторение чего-то за кем-то, отсутствие самостоятельного размышления и своей точки зрения, приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т.п.

Нонконформизм – это самостоятельные размышления над чем-либо, выработка собственной точки зрения, готовность выступить против господствующих мнений, если они кажутся неправильными, способность «плыть против течения». Обратим внимание на то, что, если мы хотим добраться до истока, например, реки, нам надо двигаться как раз против течения.

Вопросы для самопроверки

1. Расскажите о происхождении терминов «философия» и «философ».
2. Какие вопросы ставит перед собой философия? Возможно ли утверждать, что на них в принципе не может быть ответов?
3. Если философия не достигает результатов, к которым стремится, то в чем тогда заключается ее роль и значение?

4. В чем сходство и различие между философией и наукой? На основании своего ответа заполните таблицу:

	Наука	философия
черты сходства		
черты различия		

5. Что такое критическое мышление? Почему философию часто определяют как критическое мышление?

6. Что такое конформизм и неконформизм? Почему философию часто представляют как неконформизм, а философов – как неконформистов?

Философия и философоведение

После прочтения предыдущего пункта лекции, может возникнуть вполне резонный вопрос: если философия вроде бы не наука, то чем же предстоит заниматься студентам, изучающим философию. Всё дело в том, что и в школе, и в вузе изучаются именно различные науки. Поэтому и философия, стоящая в учебных планах и фигурирующая в расписаниях занятий наряду с экономикой, юриспруденцией, социологией, историей, математикой, физикой, биологией и другими предметами воспринимается учащимися как одна из наук. На самом же деле философия, как уже говорилось, не наука, а самостоятельная и специфическая форма духовной культуры наряду с наукой, религией и искусством. Однако, если начать преподавание философии с утверждения, что она не наука, то скорее всего у слушателей сразу возникнет недоумение и вопрос о том, что им предстоит изучать: ведь в вузе изучают науки.

Да и в самих философских кругах вопрос о соотношении науки и философии является одним из дискуссионных и запутанных. Одни говорят, что философию, в принципе, можно определять как науку, другие же категорически это отрицают. Философы могут спорить по данной проблеме сколько угодно: от этих дискуссий никто и ничто серьёзно не пострадает. Хуже всего, когда эта неопределённость и путаница выносятся на студенческую аудиторию, дискредитируя философию в глазах учащихся и создавая у них дополнительные мотивы негативного отношения к ней.

Наверное, внести ясность в этот вопрос можно следующим образом. Философия как самостоятельная форма духовной культуры действительно не является наукой, так же, как не является ей религия или искусство. Философия как вид духовной деятельности – это поиск ответов на вечные вопросы, попытка всё объяснить и во всём разобраться, заглянуть за край возможного, раздвинуть горизонты существующего, обрести полное и окончательное знание, т. е., говоря иначе – совершить невозможное. Поэтому она проявляется в дружеских беседах мыслителей, которые, не уставая, ищут истину (в диалоге Платона «Пир» любители мудрости всю ночь напролёт пьют слабое вино и произносят один за другим философские речи о любви, после чего совместно их обсуждают, пытаются добраться до последних пределов, оснований и сути предмета своего обсуждения). Или же философия реализуется в творчестве мыслителя-одиночки, который годами напряжённо решает какую-либо сложную философскую проблему (немецкий философ И. Кант в течение одиннадцати лет непрерывно создавал свою знаменитую «Критику чистого разума»). Философия как явление духовной культуры – это свободное и дерзновенное размышление человека о тайнах окружающего мира и собственном предназначении в нём, это создание различных идей, систем и учений, как правило, противостоящих друг другу, по-разному объясняющих мироздание и человека. А философия как учебный предмет – это рассмотрение и изучение всего вышеперечисленного. Таким образом, термин «философия» имеет два значения: во-первых, размышления человека о мире и себе и, во-вторых, хронологическое или систематическое изучение самих этих размышлений. В первом случае философия – это не наука, а самостоятельная форма духовной культуры, а во втором случае её вполне можно назвать одной из гуманитарных наук. Только в этом втором случае правильнее было бы говорить не о философии, а о философоведении или философознании. Точно так же, как религия и искусство – это никак не науки, а самостоятельные явления или формы духовной культуры, а всестороннее изучение этих форм называется религиоведением и искусствознанием, которые являются не чем иным, как гуманитарными науками. К сожалению, термин «философоведение» не существует, и поэтому философия как форма духовной культуры и как наука, её изучающая, обозначается одним и тем же словом – «философия», что и вносит большую путаницу в вопрос о её научном статусе. Кстати, примерно те же два значения имеют и многие другие термины: «русский язык», «литература», «экономика», «история» и т. п. Только различение двух значений этих понятий является очевидным и не приводит к недоразумениям. В случае же с философией, как мы увидели, это не так.

Таким образом, чтобы ответить на вопрос о том, является ли философия наукой, надо прежде всего уточнить, что подразумевается в данном случае под словом «философия»: если – форма духовной культуры, то философия – не наука, а специфическая форма духовной культуры, наряду с другими ее формами (наукой, религией, искусством); если – гуманитарная наука об этой форме духовной культуры, то философия, а вернее философоведение, – одна из гуманитарных наук. Философы – это мыслители, а философоведы – это те, кто изучает творчество мыслителей, или философов. Мой коллега как-то рассказал мне один интересный эпизод из своей преподавательской практики. После первой лекции по философии к нему подошли студенты и спросили его: «Мы обычно называем между собой преподавателей – по названию того предмета, который они у нас ведут, например, преподавателя истории мы называем историком, преподавателя математики – математиком, а вас можно называть философом?» Он ответил так:

«Скорее всего, нельзя, – какой же я философ, я всего лишь философствую; ведь литературоведы не выдают себя за поэтов». И действительно – поэзия и литературоведение – не одно и то же, так же как и философия и философствование. В дипломе выпускника философского факультета университета написано, что ему присвоена квалификация «философ». Представьте себе, что он приходит устраиваться на работу и говорит работодателю, показывая диплом: «Видите, я – философ!» Как это понимать? Может быть так, что перед работодателем стоит новоиспеченный Пифагор, Сократ, Кант, Гегель... Согласитесь, ситуация вполне комичная. Недоразумений было бы меньше, если бы в дипломе у выпускника было написано, что он «философовед» – в этом случае в большей степени было бы понятно, что он может делать и чем должен заниматься.

Однако все сказанное не означает, что понятия «философ» и «философовед» являются несовместимыми. По все видимости, они пересекаются: философ может как быть философом, так и не быть им, и, соответственно, наоборот; точно так же как поэт может быть литературоведом, а литературовед – поэтом. Например, Ф. М. Достоевский – несомненно выдающийся философ, но он не является философом, а Г. Гегель – не только философ, но и философствование (его перу принадлежат «Лекции по истории философии»). Наконец, автор этих строк – всего лишь философствование, но никак – не философ.

Понятно, что философия как учебная дисциплина, или вузовский курс представляет собой философию во втором значении слова, т. е. – философствование. В этом курсе рассматриваются основные философские понятия, вопросы, проблемы, идеи и учения, созданные различными мыслителями в разные эпохи; зарождение и развитие философии, ее роль и значение в жизни человека и общества и т. п. Существует два подхода к изучению философии: хронологический и тематический. В первом случае вышеперечисленное строится и излагается по историческим эпохам, а во втором – по основным темам или философским проблемам. В случае хронологического подхода в курсе философии (а вернее – философствования) выделяются следующие основные разделы: 1. Религиозно-философские учения Древнего Востока; 2. Античная философия; 3. Средневековая философия; 4. Философия Возрождения и Нового времени; 5. Современная философия, или философия 20 века. В случае тематического подхода выделяются следующие основные разделы: 1. Онтология – философская проблематика бытия; 2. Гносеология – философская проблематика познания; 3. Антропология – философская проблематика человека; 4. Социальная философия – философская проблематика общества и истории (под словом «проблематика» подразумевается совокупность подходов, вопросов, идей и учений по определенной философской проблеме или теме; понятия «онтология», «гносеология» и «антропология» будут рассмотрены более подробно в следующем пункте лекции). Обычно в курсе философии два этих подхода совмещаются: сначала материал рассматривается хронологически (история философии), а потом – тематически (общетеоретическая, или систематическая философия); при этом два этих блока во многом дублируют друг друга. В наших лекциях материал будет построен по хронологическому, или историческому принципу: во-первых, он становится в этом случае более интересным, а во-вторых, – лучше усваивается.

Вопросы для самопроверки

1. Каким образом возможно корректно ответить на вопрос о том, является ли философия наукой?
2. Какие два значения имеет термин «философия»? Что представляет собой философия как одна из форм духовной культуры и – как одна из гуманитарных наук?
3. Почему употребление таких вроде бы несуществующих понятий как «философоведение» и «философоведы» смогло бы внести большую ясность в вопрос о научном статусе философии?
4. Как соотносятся понятия «философ» и «философовед»?
5. Что представляют собой хронологический и тематический подходы к построению и изучению курса философии?

«Азбука» философии

Любая область знания имеет свою систему понятий, на которых она базируется и которыми постоянно оперирует. Для изучения философии необходимо ознакомиться с ее основными понятиями и принципами, которые будут постоянно присутствовать в дальнейшем изложении. Одним из наиболее важных является понятие «**метафизика**». Наиболее часто оно употребляется как синоним философии. Этот термин греческого происхождения. Слово «**фюзис**» или «**физика**» означает в переводе – «природа», причем в широком смысле: природа как все вообще нас окружающее. Приставка «**мета**» означает «над», «выше», «сверху» и т. п. Таким образом, физика – это наука о природе, а метафизика – о том, что над ней, выше ее. Физика изучает видимые нами вещи и факты во всем их многообразии и различии, метафизика занимается невидимыми причинами всего происходящего, всеобщими связями вещей, ищет наиболее главные и существенные черты всего существующего, пытается постичь фундаментальные законы и принципы, по которым построен и развивается окружающий мир. Метафизика – это наука обо всем наиболее общем и главном, которая ставит себе глобальные вопросы и имеет грандиозные масштабы. Поэтому философию часто называют метафизикой, а прилагательное «**метафизический**», как правило, обозначает «**философский**».

Если мы посмотрим на окружающий мир в целом и попытаемся выделить в нем наиболее крупные области или разделить его на несколько огромных частей, то у нас, наверное, получится следующая картина: неживая природа, живая природа и разумная природа (человек). Мы выделили два глобальных деления: неживое – живое и живое – разумное. Какое из них более существенно? Происхождение из неживой природы живой современной наука более или менее объясняет, но появление разума до

сих пор остается для человечества неразрешенной загадкой. Поэтому возможно предположить, что разделение мира по линии живое (неразумное) – разумное является главным. Все существующее, таким образом, распадается на две большие части: неживая и живая природа или окружающий мир и человек – единственное разумное существо в этом мире.

Окружающий мир в философии обычно называется **объектом**, а человек, познающий этот мир, **субъектом**. Необходимо отметить, что такое разделение, как и сами термины, довольно условны, так как человек, например, является частью окружающего мира, а значит, субъект входит в объект и жестко разграничить их невозможно. Данные термины призваны для того, чтобы отделить неразумное и непознающее (мир – объект) от разумного и познающего (человека – субъекта). То же самое обозначают и прилагательные от этих терминов. **Объективное** означает то, что существует само по себе, вне человека и не зависит от него. Например, лист бумаги, лежащий перед нами, объективен, так как он – предмет окружающего мира, существует вне нас, и его существование от нас не зависит. Можно возразить, что зависит, ведь его можно, например, сжечь, и тогда этого предмета не будет. Однако вместо листа в этом случае получится горстка пепла, а это значит, что мы не уничтожили предмет, но только придали ему другую форму существования. Можно, таким образом, изменить форму объективного, но нельзя произвести или отменить само его существование, и в этом смысле мы говорим, что объективное вне нас и от нас не зависит. **Субъективное** же – это то, что существует в нас (вернее – в нашем сознании) и зависит от нас, например, наши мысли или фантазии. Мы можем произвольно вызывать в своем воображении то или иное представление и точно так же можем убирать (стирать) его. Субъективный мир, поэтому, называется внутренним или духовным миром человека. Объективный мир, существующий вокруг нас, называется часто внешним миром.

Важной особенностью окружающего мира (объекта) является то, что он познается человеком (субъектом). А одна из основных особенностей субъекта заключается в том, что он познает внешний мир. Таким образом важным отношением мира и человека является познание, которое в философии понимается гораздо шире, чем в обыденном представлении. Как правило, под познанием мы понимаем целенаправленный процесс изучения чего-либо. В философии познание – это контакт человека с окружающим миром вообще. Мы что-то видим или слышим, или осязаем, стало быть уже получаем какую-то информацию о том, что вокруг нас, уже что-то узнаем. Любое воздействие на нас внешнего мира несет в себе элемент познания. Поэтому само существование человека в какой-то мере уже является познанием. Контакт человека с окружающим миром может быть произвольным или произвольным, бессознательным или осознанным, стихийным или специально организованным, но в любом случае этот контакт будет являться познанием, которое, таким образом, совершенно неизбежно для человека, если он существует в мире.

Однако познание – это не только получение нами информации о внешнем мире через органы чувств (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус), но также и переработка этой информации нашим сознанием (животные тоже ведь получают чувственную информацию о мире, но вряд ли можно говорить, что они познают его). Таким образом, познание как бы двухярусно: наши органы чувств получают из внешней действительности какую-то информацию, которая затем подвергается мыслительной обработке и превращается в знание. Познание мира с помощью органов чувств называется в философии чувственным познанием, а – с помощью разума – рациональным (от латинского слова рационалис – разумный). На уровне чувственного познания обычно выделяются такие ступени как ощущение, восприятие, представление; а на уровне рационального – понятие, суждение, умозаключение. Одной из философских проблем является вопрос о том, какое познание дает более достоверные (точные, правильные) выводы – чувственное или рациональное. Одни мыслители утверждали, что разум, которым наделен только человек, намного совершеннее чувств (в смысле – органов чувств), которые есть у любого живого существа, и поэтому в познании нужно более доверять разуму, а не чувствам, опираться на него. Эта точка зрения называется **рационализмом**. Другие же мыслители считали, что в большей степени надо доверять чувствам (органам чувств), а не разуму, который может нафантазировать, что угодно и поэтому вполне способен заблуждаться. Эта точка зрения называется **сенсуализмом** (от латинского слова сенсус – чувство). Обратите внимание на то, что термин «чувства» имеет два значения: чувствами мы называем различные человеческие эмоции (радость, печаль, гнев, любовь и т. д.), но также чувствами мы называем органы чувств, с помощью которых воспринимаем окружающий мир (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус). Здесь шла речь о чувствах во втором значении слова.

Познание бесконечно, так как внешний мир, на который оно направлено, скорее всего, бесконечен во времени и пространстве, а также в своих свойствах и проявлениях. Здесь можно вспомнить притчу о том, как к философу пришел юноша и попросил взять его в ученики. Учитель начертил на песке окружность и сказал: «Внутри нее – то, что ты знаешь, а вне – что не знаешь, допустим, я научил тебя многому, и знание твое увеличилось». С этими словами он начертил еще одну окружность, которая была гораздо больше первой. «Теперь ты знаешь несравненно больше, чем раньше, – сказал он, указывая на пространство внутри нее, – но посмотри насколько увеличилась граница соприкосновения твоего знания с твоим незнанием, стало быть ты теперь не знаешь гораздо больше, чем раньше». Получается парадокс: чем больше мы узнаем, тем больше оказывается того, что еще предстоит узнать. Знаменитый греческий философ Сократ часто говорил: «Я знаю, только то, что я ничего не знаю». Познание, таким образом, – это вечная погоня за стремительно убегающим вдаль горизонтом. Но выше мы уже говорили о том, что стремление к возможно неосуществимому, движение к горизонту, которым и занимается философия, отнюдь не является пустым и бессмысленным делом.

Итак, вся действительность распадается на объект и субъект, между которыми лежит познание. Поэтому в философии как «науке обо всем» можно выделить три больших раздела. Первый называется **онтологией** (от греч. онтос – бытие и логос – наука, учение) и является философским учением о бытии, то есть обо всем том, что есть, что существует, говоря условно – об окружающем мире. Второй раздел – это **гносеология** (от гносис – знание и логос – наука, учение), который занимается проблемами познания. Третий – **антропология** (от антропос – человек и логос – наука, учение) – это философское учение о человеке.

Три основных раздела философии – онтология, гносеология и антропология тесно друг с другом взаимосвязаны и образуют единое целое. Они взаимно дополняют, предполагают и обуславливают друг друга.

Философское знание не исчерпывается этими тремя разделами, помимо них в философии еще выделяется социальная философия – философское учение об обществе и истории, этика – философское учение о морали, эстетика – философское учение о прекрасном и другие разделы.

Далее рассмотрим два других принципиальных философских понятия: материальное и идеальное. Материальное – это то, что можно воспринять с помощью органов чувств (зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса), то есть – увидеть, потрогать и т. д., а также это то, что имеет физические параметры и характеристики (вес, размер, цвет и прочие). Любой чувственно (то есть с помощью органов чувств) воспринимаемый предмет окружающего мира является материальным. Поэтому в философии внешний мир часто называется физическим или материальным, или чувственным миром. Совокупность всего материального называется материей, которая представляет собой мировое вещество или грандиозную сумму всех вообще существующих вещей и предметов. Понятно, что материя существует не в качестве некоего определенного предмета, но в виде бесчисленного количества различных своих форм, в разнообразных видах (планеты и звезды, материки и океаны, воздух и камни, растения и животные и т. д.). Правильнее было бы сказать, что материя – это даже не столько мировое вещество, сколько очень широкое философское понятие (категория), которое обозначает объективную реальность, воспринимаемую органами чувств или же – регистрируемую различными приборами. Так например, электромагнитное поле не воспринимается не одним органом чувств (мы его совершенно не ощущаем, хотя оно повсюду нас окружает), но оно, тем не менее, является материальным объектом или формой материи, потому что, будучи недоступным для органов чувств, оно прекрасно улавливается (фиксируется) различными физическими приборами. Противоположность материального – идеальное. В философии это совсем не то, что в обыденном сознании. Мы привыкли считать, что идеальный – это значит очень хороший, образцовый, совершенный. Идеальное в философии – это то, что не воспринимается органами чувств (нельзя увидеть, потрогать, услышать и проч.) и не имеет физических параметров и характеристик (нельзя взвесить, измерить, нагреть и т.д.). Идеальными являются, например, наши мысли и представления, слова и числа, а также такие явления высшего и невидимого мира (если они существуют) как Бог и бессмертные души. Если совокупность всего материального называется материей, то совокупность всего идеального – это Сознание. Причем речь идет не только о человеческом сознании, но и о Сознании вне человека (если таковое существует), под которым можно понимать Бога (божественное сознание) или Мировой Разум или еще что-нибудь в этом роде.

Одной из основных тем философии является проблема, связанная с природой или происхождением всего существующего. Или все нас окружающее – только мировое вещество, и человеческий мозг, который также является видом материи, создал представления о Боге, душе и всем прочем идеальном; или же все, что нас окружает, является творением реально существующего внечеловеческого Сознания (Бога, Мирового Разума и т. п.), и весь физический или материальный мир имеет на самом деле духовную или идеальную природу. В первом случае реально и изначально существует только материальное, а все идеальное – всего лишь его порождение, во втором случае – все наоборот. Первая точка зрения называется **материализмом**, вторая – **идеализмом**. Какая из них ближе к истине – до сих пор неизвестно (хотя не исключено, что вообще – никакая). Но многие философы сознательно или стихийно, прямо или косвенно, как правило, придерживаются одной из них. Было предпринято множество попыток найти компромисс. Но тогда надо предположить, что материальное и идеальное существуют параллельно и независимо друг от друга или же, что они – одно и то же и между ними нет противоположности, или же, что нет ни того, ни другого, а имеет место что-то среднее... В следующей теме мы остановимся на этом вопросе более подробно.

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте содержание понятия метафизика. Почему оно является одним из наиболее важных философских понятий?
2. Что обозначают в философии термины «объект» и «субъект», «объективное» и «субъективное»? Возможно ли однозначное противопоставление этих понятий?
3. Какие вопросы и проблемы, на ваш взгляд, вытекают из противопоставления объекта и субъекта?
4. Отталкиваясь от понятий объективное и субъективное, попытайтесь объяснить, что представляют собой такие философские идеи, как объективизм и субъективизм.
5. Каковы основные разделы философии?
6. Почему проблема познания является одной из наиболее принципиальных в философии? Прокомментируйте парадоксальное утверждение Сократа: «Я знаю, только то, что я ничего не знаю».
7. Что такое рационализм и сенсуализм?
8. Что такое материальное и идеальное?
9. В чем смысл материалистического и идеалистического объяснений мира?
10. Подумайте, какие вопросы вы могли бы адресовать философам-материалистам, на которые они затруднились бы ответить, и какие вопросы поставили бы в тупик идеалистических философов?
11. В чем заключаются, на ваш взгляд, достоинства и недостатки материализма и идеализма?

Основные философские картины мира

Материализм

Одним из важных философских понятий является понятие материального. Как мы уже говорили, материальное в философии - это все, что воспринимается нашими органами чувств (говоря иначе, - это то, что можно увидеть, услышать, потрогать, понюхать и попробовать на вкус), а также - имеет физические качества или свойства (цвет, запах, размер, плотность, массу и все прочее). Так, например, любой предмет из окружающего мира материален. А как же быть с электромагнитным полем, возразите вы, ведь его невозможно воспринять с помощью органов чувств. Совершенно верно, но, поле, будучи недоступным для чувств, вполне улавливается или фиксируется различными приборами. Кроме того, оно имеет определенные физические свойства, например, - напряженность или скорость распространения. То есть, электромагнитное поле тоже материально.

Совокупность всего материального называется в философии материей. Раньше считалось, что материя и мировое вещество - это одно и то же. Материю, конечно же, можно называть веществом, но это не совсем точно. Поэтому правильнее говорить, что материя - это все, что существует вне нас и независимо от нас, то есть - объективно, а также - воспринимается или нашими органами чувств или какими-либо техническими приспособлениями (приборами). Понятно, что материя - это предельно широкое понятие, название, и что материи вообще, которую можно было бы потрогать или увидеть, нет. Говоря иначе, не существует такого объекта, который можно было бы поместить в музей под стеклянным колпаком с надписью «Материя». А что же тогда представляет собой любой предмет окружающего мира? Очень просто: он является разновидностью или формой материи. Таким образом, материя существует не в виде какого-то определенного предмета, а в виде огромного и даже бесконечного количества своих форм. Материки и океаны, планеты и звезды, растения и животные - это все различные формы материи. Понятно, что они могут отличаться друг от друга уровнем своей сложности. Так например, камень, лежащий у дороги - это более простая форма материи, чем растущий рядом с ним цветок, а птица, летящая в небе - это более высокий уровень материи по сравнению с цветком, а млекопитающее животное - более сложная форма материи по сравнению с птицей. Одним из важных философских вопросов является проблема происхождения материи. В зависимости от ответа на этот вопрос можно выделить несколько глобальных представлений о мире.

Первое из них называется материализмом. Оно говорит о том, что материя ниоткуда не взялась и никуда не может деться, потому что она существует вечно, является первоначалом мира, самим миром. Материя - это все. Давайте задумаемся в слово «всё» и ответим себе на несколько вопросов. Могло ли «всё» откуда-то взяться? Если могло, значит оно появилось из чего-то другого, следовательно это другое существовало само по себе и в наше «всё» не входило. Но в этом случае «всё» никак нельзя назвать «всем», потому что было нечто, которое оно в себя не включало. Далее, может ли «всё» куда-либо деться? Если может, значит ему есть куда деться, то есть - существует такое место, где его сейчас нет. Но в этом случае оно опять никак не может быть «всем». Говоря иначе «всё» - это то, чему неоткуда взяться и некуда деться. Таким образом, из самого понятия «всё» вытекает его вечность, несотворимость и неуничтожимость. Поэтому, если материя - это все, то она вечна.

Материя существует на различных уровнях сложности. Самой сложной и совершенной формой материи является человеческий мозг, который порождает сознание или мышление. Любая мысль является нематериальной. Ведь ее нельзя воспринять органами чувств, и она не обладает никакими физическими свойствами (ее нельзя увидеть, потрогать, измерить, нагреть и т.д. и т.п.) Все что не воспринимается органами чувств и не имеет физических качеств называется в философии, как мы уже говорили, термином «идеальное», который, таким образом, противоположен понятию «материальное». Мысль, следовательно, идеальна, но она - продукт мозга, а мозг - это форма материи. Значит, материальное первично, а идеальное вторично и существует только на базе материального, благодаря ему и после него. Идеальное же вторично и полностью зависит от материального. Где нет мыслящей формы материи - мозга, там не может быть ничего идеального. Все эти утверждения являются материалистическими, а их сторонники называются материалистами.

Если мы спросим их, что такое Бог или бессмертная душа, они скажут нам, что - это всего лишь человеческие мысли, выдумки нашего сознания, фантазии разума, который может породить какой угодно идеальный объект, не существующий на самом деле. Таким образом, с точки зрения материализма, нет ни Бога, ни бессмертной души, ни прочих религиозных объектов. Религия, говорят материалисты, появилась из страха древних людей перед непонятными явлениями природы. Будучи не в силах многое объяснить, они выдумали себе сверхъестественных богов и все неизвестное и непознанное приписали им, а позже религиозные представления стали использоваться богатыми для того, чтобы держать в подчинении бедных; но, кроме того, религия - это еще и мечта о несбыточном, земное утешение и отрада обездоленным и несчастным. Как видим, неизменным спутником материализма является атеизм (полное отрицание существования Бога).

С точки зрения материализма материя бесконечна не только в пространстве и времени, но также - в своих свойствах или качествах, а значит бесконечно наше познание окружающего мира, и полных знаний о нем, окончательной истины мы не достигнем никогда. Однако главное не в этом, а в том, что мир познаваем, что мы можем его познавать, и ничто не мешает нам делать это. Надо только не бояться познания и смело проникать в тайны природы. Поскольку материальный мир бесконечен, то всегда будут оставаться вещи непознанные, но нет и не может быть вещей непознаваемых вообще. Ведь в мире нет ничего сверхъестественного, потустороннего, полностью недоступного. Что было неизвестно и непонятно вчера, то станет известным и понятным сегодня или завтра, главное не отчаиваться и ничего не бояться. А чудо или тайна - это всего лишь пока еще непознанное, которое мы обязательно со временем откроем, после чего оно перестанет быть чудом. Нет границ и пределов для человеческого разума и познания, утверждают материалисты. Мы можем и должны с помощью науки уверенно идти вглубь неизведанного, чтобы покорять природу, совершенствовать самих себя и делать нашу жизнь лучше и счастливее.

Выдающимися представителями материализма были французские философы XVIII века Жюльен Ламетри, Клод Гельвеций, Поль Гольбах, а также немецкий философ XIX века Людвиг Фейербах, который утверждал, что основным предметом философии должна быть природа и человек как самое совершенное ее создание. Материализм также представлен идеями Карла Маркса и Фридриха Энгельса – немецких философов XIX века, рассматривавших материю как единственную реальность – бесконечную во времени и пространстве, существующую в безграничном количестве форм и видов, проявлений и состояний, способную к самоэволюции или саморазвитию. Об этих и других материалистических мыслителях мы будем говорить в следующих разделах.

Вопросы для самопроверки

1. Что обозначают философские понятия материальное и материя?
2. Что такое формы материи? Чем можно доказать, что они находятся на различных уровнях сложности?
3. Что такое материализм? Какова его основная идея?
4. Почему неизменным спутником материализма является атеизм?
5. Что говорят материалисты о познании мира?

Идеализм

Противоположным материализму философским воззрением является идеализм. Как мы уже знаем, идеальное в философии - это все то, что не воспринимается нашими органами чувств и не имеет физических качеств. Здесь может возникнуть вопрос - если идеальное является невоспринимаемым вообще, то откуда же тогда мы о нем можем что-либо знать? Дело в том, что помимо органов чувств у нас есть еще одно орудие познания - разум, и недоступное для чувств вполне может быть доступным для разума: то что нельзя увидеть, потрогать, услышать и т.д., можно воспринять мыслью, усмотреть умом. Говорят, однажды греческий философ Антисфен, критикуя платоновскую теорию идей (по которой любая земная вещь, будь то цветок, камень, лошадь и что угодно еще – всего лишь отражение или тень какой-либо идеи высшего и невидимого, но реально существующего мира), сказал ее создателю: «Я видел многих лошадей, Платон, но я никогда не видел идеи лошади, о которой ты говоришь будто бы она существует». На это Платон ответил ему так: «Что же, Антисфен, выходит, у тебя есть глаза, чтобы увидеть конкретную лошадь, но у тебя нет разума, с помощью которого ты мог бы увидеть идею лошади». Философы идеальное также называют бестелесным, нефизическим, сверхчувственным, умопостигаемым.

Если совокупность всего материального называется в философии материей, то совокупность всего идеального называется, как правило, сознанием. Мы привыкли считать, что этим термином обозначается человеческий разум.. Однако, это материалистическая точка зрения, по которой мышление, разум, духовная жизнь есть только там, где есть человек и его мозг. Философский идеализм говорит о том, что сознание есть не только у человека, а вернее, - человеческое сознание - это маленькая часть мирового Сознания. Здесь этот термин пишется с большой буквы, потому что он обозначает некое духовное, разумное начало, находящееся вне человека и не зависящее от него. Это мировое Сознание можно назвать божественным, то есть - Сознанием Бога, его так же можно назвать Мировым Разумом или Абсолютной Идеей (как это сделал немецкий философ XIX века Георг Гегель).

Главным утверждением идеализма является мысль о том, что Сознание вечно, несотворимо и неуничтожимо. Оно есть всё (точно так же, как и материя в материализме). Оно - первоначало мира, которое порождает, создает или творит все материальное, физическое, телесное, чувственное. Таким образом с идеалистической точки зрения Сознание первично, а материя вторична, она существует только на базе Сознания, благодаря ему и после него. Таким образом, все материальное - это проявление, воплощение или инобытие (иная форма существования) идеального. Следовательно, если материалистическое воззрение тесно связано с атеизмом, то идеализм, наоборот, близок к религиозным представлениям.

Идеалистическая философия говорит о том, что человеческое мышление или разум - это малая частица мирового Сознания, которая является как бы «божьей искрой», находящейся в любом человеке. Поэтому познание мира, представляющего собой бесконечное Сознание, вполне возможно, ведь в нас представлена его частица, с помощью которой мы можем приобщиться к нему. Материализм тоже говорит о возможности познания. Однако, вполне понятно, что пути познания мира в материализме и идеализме совершенно различны. Материалисты говорят о том, что надо наблюдать окружающую реальность (во многом - с помощью органов чувств) и постепенно проникать в ее тайны и открывать ее законы, а идеалисты предлагают, как правило, игнорировать, то есть, - не обращать особенного внимания на материальный, физический мир, так как он - вторичное и неподлинное существование, и напрямую устремлять свои мысленные взоры к первичному и настоящему существованию - мировому Сознанию, одним только умозрением (а не органами чувств) постигая его вечные и совершенные истины.

Значительными представителями идеализма были древний греческий философ Платон и немецкий философ Георг Гегель. Так Платон говорил, что все видимые нами вещи физического мира - это всего лишь отражения или тени бестелесных идей, находящихся в высшей и невидимой сфере, а Гегель утверждал, что материальная или чувственная природа - это в иной форме существующий Мировой Разум и называл ее «застывшей мыслью». Об этих мыслителях и о других представителях идеализма более подробно мы будем говорить в следующих разделах.

Вопросы для самопроверки

1. Какими синонимами можно заменить философское понятие идеального?
2. Что представляет собой сознание с точки зрения идеализма?
3. Как звучит основное утверждение идеализма? Чем является физический или материальный мир с его точки зрения?
4. Почему можно утверждать, что идеалистические воззрения близки к религиозным?
5. Что говорят идеалисты о познании мира?

Дуализм

Материализм и идеализм - это противоположные друг другу философские воззрения. Все, что утверждает материализм, отрицается идеализмом и наоборот. Неудивительно, что в философии часто звучал вопрос - возможно ли как-то примирить эти две крайности, найти какое-то среднее, компромиссное решение проблемы. Вспомним, материализм объявляет первопричиной мира материю, а идеализм - Сознание. А нельзя ли утверждать, что и материя и Сознание являются одновременно двумя равноценными первоначалами, что мироздание имеет как бы двойственную природу - одна его часть материальна, а другая идеальна?

Такое воззрение называется дуализмом (от греческого слова дуо - два) и говорит о том, что и материя, и Сознание существуют вечно и параллельно друг другу, то есть - ни одно из них не может быть причиной или следствием другого. Каждое представляет собой полноценное мировое начало. Остается только выяснить, как они взаимодействуют. Чаще всего, дуализм представлял себе это взаимодействие в качестве контакта идеального с материальным, в результате которого появляются все видимые нами предметы мира. Материя - это грандиозное строительное вещество, лишенное каких-либо очертаний, качеств или свойств, а идеальное из этого бесформенного материала создает конкретные вещи со всеми их свойствами. По учению греческого философа Аристотеля, идеальные сущности, которые он называет формами, являются как бы образцами или эталонами и попадая в какой-нибудь бесформенный кусок материи, превращают его в некую определенную вещь. Любой предмет мира, говорит Аристотель, - это единство материи и формы, это часть материи, приведенная с помощью идеальной формы в нормальное состояние. Например, цветок, - это кусок материи преобразованный в нормальную видимую нами вещь идеальной сущностью - формой или образцом цветка, а лошадь - это часть материи, ставшая реальным животным благодаря вселившейся в нее форме лошади. В учении Аристотеля материю можно уподобить пластилину, из которого по различным образам или представлениям нашего сознания (которые не материальны, а идеальны) мы способны вылепить (создать) какие угодно предметы. Весь вопрос заключается в том, кто занимается этой мировой лепкой, кто или что разумно преобразует материю в многообразие конкретных вещей. Это делает, говорит Аристотель, мировой божественный Ум. Получается, что без него идеальные сущности - формы никогда не совместились бы со строительным материалом - материей, и нынешнего гармоничного, упорядоченного мироздания не было бы. Следовательно, в учении Аристотеля Ум занимает все же более высокое место и играет более важную роль, чем материя и формы. Но ведь он является абсолютно идеальным объектом: формой всех форм называет его Аристотель, а это значит, что аристотелевский дуализм очень близок к идеалистическому воззрению.

В философии был и другой вариант дуализма, предложенный французским философом XVII века Декартом, который утверждал, что одновременно существуют два равноценных мировых начала - духовное и материальное. Основным свойством первого является мышление, а второго - протяженность. В мире есть и то, и другое, причем существуют эти два начала вечно, и ни одно из них не возвышается над другим. Однако на вопрос о том, откуда взялись эти две субстанции, Декарт отвечает, что они созданы Богом, а это значит, что его дуализм отчасти также приближается к идеализму.

Как видим, основной проблемой дуализма, утверждающего равноценность и параллельность противоположных мировых начал - материального и идеального, был и остается вопрос об их происхождении. Если этих начал два, значит они порождены или созданы неким третьим. Что оно собой представляет? Если - нечто материальное, тогда дуализм превратится в материализм, а если - нечто идеальное, тогда он станет идеализмом, а если же - не то и не другое, тогда - что? Не отвечать на этот вопрос нельзя, а ответить на него довольно сложно, потому что не вполне понятно, что еще может быть кроме материального и идеального. Таким образом, дуализм, существующий как одно из философских объяснений мира, не лишен противоречий и возражений. Также не лишены серьезных вопросов и проблем материализм и идеализм, о чем пойдет речь в следующем параграфе.

Вопросы для самопроверки

1. Что представляет собой философский дуализм? Какова его основная идея?
2. Какой вариант дуализма был предложен Аристотелем? Почему возможно утверждать, что его дуализм близок к идеализму?
3. Какой вариант дуализма был предложен Декартом?
4. В чем заключается главное затруднение дуалистического объяснения мира?

Философия тождества

Материализм и идеализм при всем их различии имеют одно очень важное сходство. И та, и другая точка зрения что-то полагает первичным, а что-то вторичным, одно называет причиной мира, а другое - его следствием. А также как материализм, так и идеализм объявляют материальное и идеальное совершенно несовместимыми сущностями мира, его противоположными началами.

При таком взгляде, неизбежно возникает следующий вопрос. Как известно, материализм утверждает, что из материи возникает сознание, что материальное порождает идеальное, а идеализм, наоборот, говорит, что Сознание является причиной материи, что из идеального появляется материальное. Но если материя - это полная противоположность Сознания, как считают и материалисты и идеалисты, то мы можем спросить первых - каким образом из материи может произойти то, чего в ней нет, а также адресовать вопрос идеалистам - как может Сознание породить свою полную противоположность, создать то, что в нем никоим образом не содержится. И, в том и в другом случае получается, что нечто происходит из ничего. Для пояснения приведем пример. Может ли из камня вырасти дуб? Конечно же, не может. А из желудя может вырасти дуб? Конечно же, может. Почему? Потому что желудь сам - продукт дуба, в нем дуб как бы уже содержится, или запрограммирован. Говоря иначе, желудь чреват дубом, и поэтому он из него появляется, а в камне дуба нет, и поэтому он не может из него вырасти. Таким образом, если нечто одно каким-либо образом содержится в другом, то первое вполне может из второго произойти.

Значит, если Сознание, как считают материалисты, происходит из материи, то оно в ней изначально содержится. Получается, что материя чревата Сознанием. И наоборот, если материя, как считают идеалисты происходит из Сознания, значит она в нем так или иначе представлена, то есть, Сознание чреват материей. Следовательно, материя и Сознание, так же, как желудь и дуб, - не разные вещи, а, по крупному счету, одно и то же. Что такое дуб? Это иная форма существования (инобытие) желудя. А что такое желудь? Это иная форма существования или инобытие дуба. Стало быть, то же самое можно сказать о материи и Сознании: материя - это инобытие Сознания, а Сознание - инобытие материи. Сознание и материя, идеальное и материальное - это одно и то же, а вернее, они - разные проявления или состояния, или формы чего-то одного, единого, которое можно назвать Бытием или вечным существованием, или еще чем-нибудь в этом роде.

Воззрение, по которому материя и Сознание равны друг другу или тождественны, называется философией тождества. Оно противостоит как материализму, так и идеализму. Рассматривая материальное и идеальное как одно и то же, философия тождества снимает вопрос о первичности. Нельзя спрашивать, что было раньше - материя или Сознание, говорит нам это воззрение, точно так же, как нельзя спрашивать, что было раньше, - желудь или дуб, курица или яйцо. Будучи тождественными материя и Сознание как бы плавно перетекают или переходят друг в друга, и никакой границы между ними нет.

Для иллюстрации этой точки зрения приведем простой пример. Представьте себе круг, поделенный на две части, одна из которых черная, а другая белая. Граница между ними отчетливо видна, и понятно, что белое не может перейти в черное или наоборот, что это - несовместимые противоположности. Именно так и рассматривают материю и Сознание материалисты и идеалисты. А теперь представьте себе полосу, на одном конце которой помещено черное, а на другой белое, но между ними - длинное размытое пространство серого цвета: черное постепенно светлея через огромное количество оттенков серого медленно, плавно и постепенно переходит в белое. Никакой границы между черным и белым на этой полосе нет; невозможно сказать, где кончается одно и начинается другое, потому что две противоположности как бы вытекают друг из друга. Именно так рассматривает материальное и идеальное философия тождества.

Одним из ее представителей был нидерландский философ XVII века Бенедикт Спиноза, который говорил, что существует только одно мировое начало. Им является Бог или природа. Причем Бог (духовное, идеальное) и природа (физическое, материальное) - это одно и то же в учении Спинозы. Точку зрения философии тождества также разделял немецкий философ XVIII-XIX веков Фридрих Шеллинг, который утверждал, что первичным не было ни материальное, ни идеальное, что и то, и другое - это потенции (скрытые возможности, качества, свойства) природы, которые она в своем вечном существовании периодически проявляет или реализует. Говоря иначе, природа, изначально содержа в себе и материальное, и идеальное, может порождать в разное время и в различных местах как то, так и другое.

Как видим, философия тождества выступает и против материализма, и против идеализма и считает спор о первичности, который ведут между собой эти философские воззрения, пустым и бессмысленным.

Вопросы для самопроверки

1. Какое сходство есть между материализмом и идеализмом, несмотря на все различия между ними?
2. Какой вопрос можно адресовать и материалистам и идеалистам, на который было бы трудно ответить и тем и другим?
3. Что такое философия тождества? Какова ее основная идея?
4. Какие мыслители были представителями философии тождества?
5. Какая из четырех точек зрения (материализм, идеализм, дуализм, философия тождества) представляется вам наиболее убедительной и почему?

История становления и развития философской мысли в Древнем мире

Основные религиозно-философские учения Древнего Востока

Мифология - колыбель философии

Если существуют столь различные объяснения мира, рассмотренные нами в предыдущей лекции, то как же тогда возможна философия - форма духовной культуры, стремящаяся в наиболее общих чертах охватить и понять мир, познание, человека, если для кого-то мир - одно, а для кого-то - совершенно другое? Одни считают его реально существующей суммой всех материальных вещей, другие - всего лишь нереальной тенью божественного замысла, а третьи - не тем и не другим. Ведь, если допустим, некие ученые захотели изучить какой-то предмет, и один из них назвал его водой, другой - огнем, а третий - камнем, например, то могли бы они вообще изучать его? Трудно себе представить философию в качестве некоей общей науки о мире - строгой и беспристрастной. Но ведь пять тысяч лет люди философствовали, и все, о чем они думали и говорили, называется историей философии. Поэтому философия вообще возможна прежде и, скорее всего, как история философии. Давайте посмотрим, что думали люди о мироздании давным-давно и совсем недавно, на какие вопросы пытались ответить и какие проблемы - решить. Тем более, что вопросы эти и проблемы, наверное, были одни и те же, так как человека всегда окружал - где бы он ни находился и когда бы ни жил - один и тот же мир. Древний египтянин и средневековый европеец, и житель Нового Света, и мы с вами, поднимая голову к небу, видим одно и то же солнце. И много тысячелетий назад, как и сейчас в северной части ночного небосвода неподвижно, безмолвно и величественно висел ковш Большой Медведицы. И раньше, как и сегодня лето сменялось осенью, а рождение - смертью, вечно увядала и расцветала природа, и по земле проходили поколения. И всегда и везде люди радовались и печалились, любили и ненавидели, стремились к счастью и отчаивались, и добро постоянно боролось со злом... Поэтому, если мы задумаемся об окружающем мире, мысль наша пойдет теми же путями, что и мысли наших далеких предшественников. Для нас философствовать - это значит вместе с древними мудрецами и когда-то жившими философами, и современными учеными размышлять о мироздании, его законах, смыслах и тайнах.

Для удобства изучения истории люди создают ее периодизацию, то есть делят всю историю человечества на большие периоды или этапы. Существуют различные варианты исторической периодизации, потому что разделить историю на периоды можно по-разному (по различным признакам). Наиболее распространенной и простой является периодизация, в соответствии с которой выделяются пять больших исторических эпох: Древний мир, Средние века, Возрождение, Новое время и XX-ое столетие. В каждую из них человек пытался познать и объяснить окружающий мир и самого себя.

Мы уже говорили о том, что живущий на земле человек, в силу самого факта своего существования не может не познавать окружающий мир, не философствовать о нем. Поэтому философия появилась, наверное, вместе с появлением человека. Человек же современного типа или человек разумный (*Homo Sapiens*) появился примерно 40 тысяч лет назад. Первые цивилизации возникли приблизительно 5 тысяч лет назад. Значит, большая часть человеческой истории приходится на первобытные времена. Мы знаем, что пещерные жители охотились и собирали дары природы, хранили огонь и боролись за жизнь. Они не писали книг, не совершали кругосветных путешествий и не делали научно-технических открытий. Науки и искусства появились в полном смысле только в эпоху цивилизации. Но видя перед собой окружающий мир, древнейший человек не мог не задумываться о нем, если был существом разумным, не мог не пытаться объяснить его себе, хотя бы в самых общих чертах. Поэтому и у первобытных была философия. Каким же образом философствовали наши далекие предшественники?

Первобытный человек объяснял себе окружающее с помощью мифов, совокупность которых - мифологию можно условно назвать философией первобытности. (Появившись в первобытный период человеческой истории, мифология не исчезла, а продолжала существовать наряду с другими - религиозными и философскими представлениями). Человек видел движение светил по небосводу, смену дня и ночи, разливы рек, вечное обновление природы. Ему было необходимо объяснить себе все это, понять происходящее вокруг. Но у него не было опыта, накопленного предыдущими поколениями, так как он первым шел по земле, у него не было книг и учебников, в которых он нашел бы ответы на волнующие его вопросы, не было научных приборов и технических приспособлений, с помощью которых он мог бы исследовать внешний мир и правильно понять его.

Мысленно поставим себя на место первобытных людей: мы ничего не знаем, но хотим узнать, а средств для этого у нас никаких нет, кроме собственных глаз, рук и ног. Мы стоим, допустим, посередине Балканского полуострова, идем в одну сторону и видим, что земля кончается, и перед нами расстилается бескрайний морской простор до самого горизонта, где небо сходится с водой; идем в противоположную сторону и находим такую же картину. Также мы видим, что Солнце выплывает из океана на Востоке, медленно путешествует по небу, все освещая, и исчезает в воде на Западе, все погружая во тьму, а вместо него над головой - ночное небо, усыпанное мириадами других светил. Что мы скажем по поводу всего этого? Наверное, что земля - это плоский диск, покоящийся на поверхности бескрайнего океана, который заключен в огромную вращающуюся сферу небесных светил, вечно движущихся в одном направлении - то в темных глубинах океана, то в светлом пространстве над ним. Теперь представим себя первобытными охотниками, всю свою жизнь проводящими в погоне за дикими животными, в убиении их и разделывании их туш. Мы видим на ночном небосводе то тоненький серп луны, то половину ее, то полную луну, иногда небо вообще безлунно, а днем в том же направлении, что и луна ночью, по небесному своду движется солнце. Наверное, мы скажем, что солнце охотится за луной, отрезая у нее куски мяса, но в какой-то момент луне удается вырваться из рук солнца, спрятаться, и тогда она вновь обрывается мясом; солнце замечает это и опять начинает гоняться за ней. У древних египтян, жизнь которых была тесно связана с Нилом, солнце - это бог Амон-Ра, который плывет по небесной реке в золотой лодке. В античном мире популярнейшим средством передвижения была колесница, и в греческой мифологии солнце - это бог Гелиос, который несется по небу в золотой колеснице, запряженной огненными лошадьми. А как не сравнить человеческую радость, смех, улыбки, счастье с расцветающей весной природой, ласковым солнцем, голубым небом и пением птиц, и, наоборот, - печаль, грусть, тоску и слезы - с природой увядающей, с пустующими полями, опадающими листьями, серым небом и морозящим осенним дождем? Древние греки считали, что когда-то властитель подземного царства Аид похитил у богини плодородия Деметры прекрасную дочь Персефону, и верховный бог Зевс, дабы никому не было

обидно, постановил, чтобы Персефона одну часть года проводила с мужем Аидом под землей, а другую часть - с матерью Деметрой на земле. Когда Персефона уходит к Аиду, Деметра печалится, и природа увядает, когда же дочь возвращается, она радуется, и все вокруг расцветает.

Как видим, первобытному человеку ничего не оставалось, как объяснить окружающий мир через самого себя, через свои занятия, образ жизни и чувства, сказать себе, что все вокруг такое же, как и он. Человек распространил (**экстраполировал**) свои черты на внешний мир, наделил его своими свойствами и качествами. Все вокруг, по его представлениям так же, как и он живет, то же самое чувствует и тем же самым занимается. На уровне мифологического сознания человек не только не отделяет себя от мира и не противопоставляет себя ему, он, напротив, отождествляет себя с миром, а мир - с собой. Он равен миру, и мир равен ему. Человек и мир - одно и то же, а значит, в мифологии нет разделения на объект и субъект, они равны друг другу, слиты воедино. Но где нет объекта и субъекта, там нет и познания. Если человек един с миром, то надо ли его познавать, если он и мир - одно, значит, человек уже все знает о мире. Но осознает ли он это знание? Не осознает. Получается парадокс: человек все знает о мире, но не ведает об этом. Это незнание знания и есть главная особенность мифологического состояния.

Было бы неправильно полагать, что мифологическое сознание - явление давно ушедшей эпохи. В сегодняшней жизни мы вполне можем наблюдать его. Ребенок от рождения примерно до трех лет находится полностью в мифологическом пространстве. Присмотритесь к нему внимательно: он не выделяет себя из мира, а все окружающее для него - такое же, как он сам. Если младенец ударился, например, о стол, он стучит по нему, наказывая предмет, причинивший ему боль, пусть столу тоже будет больно, чтобы он больше никогда не обижал маленького. Посмотрите на детские рисунки: неодушевленные предметы - шкафы, тарелки, пылесосы - изображены с глазами, ушами, улыбками. Все вокруг ребенка живет и чувствует, все одушевлено, так же как для первобытного человека одушевлен окружающий мир. Это перенесение человеком своих качеств на все окружающее называется **антропоморфизмом** (от греч. антропос - человек и морфос - вид, форма), то есть приданием внешнему миру человеческих черт. Нам кажется, что ребенок наивен и ничего не понимает, но возможно, что, находясь в единстве с миром, он знает о нем все, только на своем особом первобытном, мифологическом уровне. Какие истины мироздания и какие глубины сущего были открыты древнейшим людям и доступны младенцам? Наше сравнение тех и других не просто аналогия. Вспомним, что онтогенез повторяет филогенез, то есть, что человеческий эмбрион за девять внутриутробных месяцев проходит в сокращенном виде несколько миллиардов лет эволюции всего живого на земле. Почему бы не предположить, что в первые три года своей жизни человек кратко повторяет несколько тысячелетий первобытности.

Трехлетний возраст считается в психологии кризисным. Его часто называют вторым рождением. Ребенок начинает понимать, что мир вокруг него совсем не такой, как он, но неодушевленный и чужой. В этом возрасте он впервые начинает употреблять слово «я», то есть выделяет себя из мира, выпадает из него, утрачивает свое первоначальное с ним единство, выходит из мифологического сознания и постепенно становится похожим на нас взрослых.

Так же и первобытный человек по мере своего исторического взросления начал понимать, что он - единственное разумное существо посреди неразумного мира. Он не только выделил себя из него, но и противопоставил себя всему окружающему. Когда человек выпал из мира, он превратился в субъект, все вне его стало объектом, и появилось познание как стремление человека вернуться назад - к объекту, к единству с миром. Но, единожды отпав от него, он уже не может вернуться к утраченной целостности. Теперь, тщетно пытаюсь постичь внешний мир, человек признается себе, что ничего о нем не знает. И он прекрасно понимает это. Получается новый парадокс: знание незнания. Мифологическая стадия существования заканчивается.

Итак, в первобытности человек един с миром и поэтому все (на своем уровне) о нем знает, но не осознает этого (незнание знания), в эпоху же цивилизации человек существует как бы вне мира, по ту его сторону, являясь познающим субъектом и поэтому ничего о нем не знает, но осознает этот факт (знание незнания). Перед нами вечный сюжет: «когда мы там, не знаем; когда же знаем, то уже не там», который наблюдается на самых различных уровнях и в самых разнообразных сферах. Например, в любой человеческой жизни есть досадные эпизоды, о которых по прошествии времени мы думаем примерно так: «Вот теперь я знаю, что мне надо было тогда сделать или сказать, меня бы нынешнего - в ту давнюю ситуацию, я бы теперь не сплеховал». Но дело в том, что назад вернуться невозможно. Когда мы были в прошлом, не знали, что следует предпринять, когда же узнали, то прошлое далеко позади, а мы в настоящем совершаем новые обидные промахи и ошибки...

Вопросы для самопроверки

1. Как соотносятся между собой философия и история философии? Согласны ли вы с утверждением, что философия возможна прежде всего как история философии?
2. Чем объясняется единство философских вопросов, проблем и идей в разные времена и у различных народов?
3. Вспомните периодизацию всемирной истории. Дайте краткую характеристику ее основных этапов.
4. Вспомните из курса истории Древнего мира основные черты первобытнообщинного уклада жизни.
5. Какую роль играли мифы в жизни первобытного человека?
6. Что такое антропоморфизм?
7. Покажите на конкретных примерах как образ жизни древних людей отражался в их представлениях о мире.

8. Почему мифологические представления об устройстве и происхождении мира часто называют наивными? Согласны ли вы с таким утверждением? Обоснуйте свой ответ.

Умереть насовсем – значит родиться навсегда (индийская философия)

Первые цивилизации появились приблизительно 5 тысяч лет назад на Древнем Востоке, под которым понимается огромный регион Земли от Египта до Индии. Мировоззрением этих цивилизаций был сплав религии и философии, последняя еще не выделилась в совершенно самостоятельную форму человеческого сознания, и поэтому древневосточные учения часто называют религиозно-философскими. Наиболее известные из них были созданы в Индии и в Китае.

Индийская философия выросла из ведической литературы. Веды, что в переводе с санскрита (древнеиндийского языка) означает «ведение» или «знание» - это священные книги древних индийцев, в которых содержится их религиозное понимание мира. Ведическая литература складывалась длительное время, самые древние и основные ее памятники датируются приблизительно серединой второго тысячелетия до нашей эры. Впоследствии появились многочисленные комментарии к главным книгам (ведам). Наиболее важным из этих комментариев являются «Упанишады», в которых впервые делается попытка философского осмысления религиозного содержания вед. В «Упанишадах» мы находим сюжет, на котором впоследствии строилась вся индийская философия. Он состоит в следующем.

Все мироздание – это **Брахман**, то есть идеальное, духовное или разумное мировое начало. По смыслу – это Бог. Но представления о Боге у разных народов и в разные эпохи сильно отличаются друг от друга. Если считается, что Бог – это идеальное существо в виде какой-либо личности, которое стоит вне мира или над миром и мир сотворило, то такое воззрение называется **теизмом** (от греческого «теос» – Бог). В теизме Бог – это личное начало (потому что существует в виде личности) и поэтому часто называется личным Богом. Но теизм появился только на рубеже античности и средневековья, а в древности представление о Боге было иным. Считалось, что все окружающее нас - это и есть Бог или, что мир равен Богу, а Бог - миру, что они тождественны. Бог растворен во всем мироздании, он везде и поэтому нигде конкретно, он не вне мира, но внутри него, так как он и есть мир. Такой Бог называется безличным, потому что он в данном случае не в виде личности и вообще не может быть ни в каком определенном виде, ибо он и Вселенная – одно и то же. Понятно, что в этом случае не было творения, а мир, который является бесконечным божеством, существует вечно, ниоткуда не взялся и никуда не может деться. Это воззрение называется **пантеизмом** (от греческого «пан» - всё и «теос» – Бог, то есть всебожие). Через стадию пантеизма прошли многие древние народы. И теизм и пантеизм являются вариантами **монотеизма** (от греч. монос – один и теос – Бог) – представления, по которому существует только один Бог (личный или безличный, соответственно). Однако монотеизму исторически предшествовал **политеизм** (от греч. полиос – многий и теос – Бог) – представление, по которому существует много богов. Причем они могут мыслиться в облике животных, то есть быть зооморфными (от греч. зоос – жизнь и морфос – вид, форма) или антропоморфными (от греч. антропос – человек и морфос – вид, форма). Монотеизм является более развитой формой религиозных представлений и соответствует более высокой ступени исторического развития. Кроме того монотеистические воззрения более близки философии, чем политеистические, а вернее в монотеизме содержится больше философских элементов, чем в политеизме. Поэтому для философии больший интерес представляет монотеизм, существующий в виде теизма и пантеизма.

Так вот индийский Брахман и есть то самое безличное начало, пантеистическое божество. Брахман – это весь мир. Индивидуальная человеческая душа – это **атман**, который является частицей Брахмана и поэтому должен находиться с ним в единстве. Но душа не находится в единстве с Брахманом, потому что постоянно отпадает от него и существует в каком-нибудь теле в физическом, материальном мире. Вернее, атман единожды отпадает от Брахмана, то есть частица целого отпадает от него и становится чем-то конкретным, индивидуальным, становится атманом и в то же самое время появляется в виде какого-либо материального предмета: растения или животного, или человека. Пока живет это физическое тело, живет в нем и душа – атман, когда тело умирает, атман следовало бы вернуться к Брахману и раствориться в нем, стать им и перестать быть атманом, но этого не происходит, и душа (атман) вселяется в другое тело, когда погибает и оно, атман начинает жить в новом и так постоянно. Это вечное рождение вновь называется **сансарой** (колесом перерождений). В каком теле родиться очередной раз решается законом **кармы** (воздаяния): если одна жизнь была плохой, следующая будет лучше и наоборот, хотя любая физическая, телесная жизнь плоха. Тело ведь рождается и умирает, а при жизни подвержено разным страданиям, будь это тело растения, животного или человека. Поэтому лучше всего после очередной смерти соединиться с Брахманом и больше не рождаться вновь, в физическом мире, не появляться на земле, не претерпевать отныне ни рождения, ни смерти, ни телесных страданий. Если атман соединится с Брахманом, он перестанет быть индивидуальной частицей, но станет Брахманом, то есть всем, потому что растворится в нем. Здесь можно привести грубый, но яркий пример: если крупицу сахара растворить в стакане с водой, крупица исчезнет, но она, соединившись со всей этой водой, станет всей этой массой воды, то есть исчезнув, превратится в нечто гораздо большее, чем была сначала. Так же и атман, утратив свою индивидуальность, станет неизмеримо большим, будет равен Брахману, умерев насовсем и перестав рождаться на земле, соединившись с Брахманом, атман, тем самым, родится навсегда и будет жить вечно, ибо вечен Брахман. Но наша душа прочно привязана к колесу сансары и после очередной смерти мы вновь рождаемся для того, чтобы потом вновь умереть. Заветная мечта – это не родиться больше, умереть окончательно для того, чтобы родиться навечно, и перестав быть собой, стать всем. Это возвращение к Брахману называется **нирваной**. Но как достичь ее?

Мы рождаемся вновь потому, что сами воспринимаем себя в качестве некой конкретной единицы, некой индивидуальности, определенного «я». Мы сами себя обособливаем, индивидуализируем, а потому и живем постоянно в каком-нибудь конкретном, индивидуальном теле; воспринимая себя как «я», мы и являемся каким-либо определенным «я». Надо отказаться от этой индивидуальности, конкретности и осознать, понять, почувствовать себя не обособленной единицей, а частицей целого – Брахмана, то есть всего мира, надо воспринять себя, не как «я», а как элемент целого, или, иначе, следует понять, что меня, как

такового нет, а есть только все мироздание, а я – растворенная в нем его крупница. И как только вполне искренне и совершенно мы это поймем и осознаем, так оторвемся от колеса сансары, освободимся от пут кармы и погрузимся в нирвану, то есть умерев очередной раз, больше не родимся на земле, но теперь появимся в виде всего необъятного и вечного мира. Трудно отказаться от индивидуального сознания, трудно перестать быть собой, почти невозможно вполне уверовать в то, что меня на самом деле нет, что нет никакого моего «я», но только таким образом можно победить злую участь постоянных перерождений и обрести жизнь бесконечную и совершенную, не подверженную превратностям рождений, смертей и страданий.

Вопросы для самопроверки

1. Почему мировоззренческие учения Древнего Востока называют религиозно-философскими?
2. Что такое Веды и Упанишады? Какова роль Упанишад в формировании индийской философии?
3. Что такое теизм и пантеизм?
4. Раскройте содержание и взаимосвязь основных понятий индийской философии: Брахман, атман, карма, сансара.
5. Что обозначает понятие нирвана в индийской философии? В чем заключается трудность достижения нирваны по представлениям древних индийцев?
6. Прокомментируйте следующий фрагмент из Упанишад: «Как текущие реки исчезают в море, теряя имя и облик, так знающий (мудрец), отрешенный от имени и облика, приходит к божественному Пуруше, что выше высокого».

Преодоление желаний – избавление от зла (Буддизм)

Одним из наиболее известных и значительных направлений в индийской философии является буддизм. Создание этого учения связано с легендой о принце по имени Сиддхартха Гаутама, который жил в Индии приблизительно в VI веке до нашей эры. Он был сыном одного знатного правителя, жил в роскошном дворце, окруженном великолепным садом, в котором росли необыкновенно красивые цветы и деревья, гуляли экзотические животные, раздавалось чарующее пение птиц, текли прозрачные ручьи с диковинными рыбами и били, сияя в солнечных лучах, прекрасные фонтаны. Гаутама был молод, здоров и богат. Он проводил дни свои безмятежно и счастливо, гуляя в своем райском саду и любясь цветущей природой. Его дворец и сад были совершенно изолированы от всего остального мира, он его никогда не видел и потому не знал, что творится в нем. Ему казалось, что его молодость, здоровье и богатство вечны и неизменны, а счастье его бесконечно и постоянно.

Но однажды, гуляя по саду, принц подошел к самой его окраине, преодолел высокое ограждение и, влекомый любопытством, пошел посмотреть, что существует за пределами его прекрасного мира. По дороге он встретил старца с головой, белой как снег, и с изрезанным глубокими морщинами лицом и понял, что молодость его не вечна и он сам когда-нибудь станет таким же старцем – слабым и беспомощным. Потом он повстречал человека, мучимого тяжелой болезнью, все тело которого было покрыто ужасными язвами и понял, что здоровье его не вечно и что неизвестно, где и когда его тоже может настичь болезнь и принести несчастья. Потом он увидел нищего в грязном рубище, который протягивал к нему костлявую руку за подаванием и понял, что сам он тоже мог бы быть нищим, и влачить жалкое существование, прося милостыню. Ведь богатство его не вечно – сегодня оно есть, но нет никакой гарантии, что и завтра он будет так же богат, а кроме того, ему просто повезло – он родился у богатых родителей, он ведь мог бы вполне быть и сыном бедняка. Гаутама понял, что, живя безмятежно в своем саду и считая жизнь прекрасной, глубоко заблуждался, потому что не видел, какой несчастной и печальной она может быть. Только в его маленьком уголке она хороша, но в огромном мире – совсем иначе. Ведь он только сейчас и причем случайно, и не по своей заслуге молод, здоров и богат, но мог бы вполне быть стар, болен и нищ. Печали в жизни случаются гораздо чаще, чем радости, а счастье, словно черный лебедь – редкая птица на земле. Жизнь человеческая, понял он, по преимуществу наполнена страданиями и несчастьями, и потому тяжело ее бремя.

Он обдумал все это и открыл одну истину, которая озарила его, и он стал «просветленным» или по древнеиндийски – Буддой, положив эту истину в основу своего учения, которое в скором времени стало знаменитым и нашло многих приверженцев. Ядро буддизма – это «четыре благородных канона», то есть четыре основных положения, которые состоят в следующем.

Во-первых, жизнь это страдание и потому зло. Какой человек скажет, что жизнь его счастлива и что у него все точно так, как ему хотелось бы, а не наоборот? Трудно найти счастливого, зато каждый из нас чем-то недоволен, расстроен, обижен, претерпевает скорее страдания, чем радости, а если последние и случаются, то печалей, неустраиваемости, неудовлетворенности все равно больше.

Во-вторых, надо ответить на вопрос, в чем причина человеческого страдания и несчастной жизни. Причина эта заключается в постоянном стремлении человека к чему-либо, которое понимается весьма широко и называется в буддизме жадностью. Человек всегда стремится к чему-то, чего-то хочет, имеет определенные желания и жаждет их реализовать. Начертите мысленно круг ваших желаний, а потом круг ваших возможностей. Второй окажется меньше первого и будет располагаться внутри него. Неудивительно, что мы хотим всегда большего и лучшего. Поскольку возможности не совпадают с желаниями, мы увеличиваем свои возможности, совершенствуем себя, чтобы достичь желаемого, мы ставим перед собой цели и стремимся к ним, и потому вся наша жизнь – борьба и напряжение. Но как только мы достигаем, чего хотели, как только круг возможностей совпал с кругом желаний, последний тут же увеличивается, у нас появляются новые цели, и мы опять стремимся и напрягаемся и, главное, вновь страдаем от того, что желаемое не совпадает с действительным. Получается, что наши желания – это стремительно убегающий вдаль горизонт, а наша

жизнь – постоянная погоня за неосуществимым и невозможным - оттого и является страданием, что мы изо всех сил хотим получить то, что получить не можем. Этот сюжет знаком каждому с детства по прекрасной пушкинской сказке о рыбаке и рыбке: как только очередное желание старухи исполнялось, она немедленно хотела большего, а в результате оказалась у разбитого корыта. К такому же печальному концу приходит и наша погоня за эфемерным горизонтом желаний. Каждый день мы живем, готовясь к некому «завтра», в котором наконец-то реализуются наши цели и наступит желаемое, начнется «настоящая» жизнь. Но приходит «завтра», а мы тратим его на подготовку уже к другому «завтра», полагая, что там-то наверняка откроется наше счастье. Так проживаем мы жизнь свою – как бы на черновиках, все к чему-то готовясь и чего-то ожидая, а в результате оказывается, что беловика-то жизни не будет, что «завтра» не наступит и для будущего уже прошло время. Французский писатель Анатоль Франс в сочинении «Сад Эпикура» пишет: «Мне еще не было десяти, я учился в девятом классе (имеется ввиду обратный счет – авт.), когда наш преподаватель г-н Грепинэ прочел нам на уроке басню «Человек и гений». Но я помню ее, как если б это было вчера. Гений дает ребенку клубок ниток и говорит ему: «Это нить твоей жизни. Возьми ее. Когда захочешь, чтобы время шло скорей, дерни нитку: дни твои потекут быстрее или медленнее, смотря по тому, с какой скоростью ты будешь разматывать клубок. А пока не будешь до него дотрагиваться, жизнь твоя будет стоять на месте». Ребенок взял клубок; он стал дёргать нить – сперва для того, чтобы стать взрослым, потом – чтобы жениться на девушке, которую полюбил, потом – чтобы увидеть, как выросли дети, чтобы скорее добиться удачи, денег, почестей, чтобы сбросить бремя забот, чтобы избежать огорчений, связанных с возрастом недугов, наконец – увы! – чтобы покончить с докучной старостью. После прихода Гения он прожил на свете четыре месяца и шесть дней.»

Третьим пунктом учения является положение о том, что преодолеть страдание возможно через устранение жажды, то есть – постоянного человеческого стремления к чему-либо. Если бесполезно гнаться за расширяющимся кругом желаний, увеличивая при этом круг возможностей, то не лучше ли сузить круг желаний до круга возможностей. Ведь возможности меньше не станут, а желания, ограниченные до них и с ними совпавшие, есть долгожданная гармония человека с самим собой, прекращение борьбы и напряжения, прекращение страданий. Кроме того, наше вечное стремление к большему и к лучшему, погоня за желаниями приковывает нас к колесу сансары и заставляет рождаться вновь – для новой жизни, новых стремлений и страданий. Отказываясь от своих желаний, мы тем самым отказываемся от самих себя, теряем индивидуальное «я» и погружаемся в нирвану, то есть умираем насовсем для того, чтобы жить вечно. Ограничение и уничтожение желаний, стало быть, единственный способ преодолеть зло земной страдальческой жизни и обрести вечность и счастье. Устранение собственных желаний называется **аскетизмом** и является путем правильной жизни в буддистском учении.

Четвертый его пункт раскрывает этот путь или поясняет его. Правильный жизненный путь, ведущий к нирване – это правильное суждение (т.е. понимание жизни как страдания), правильное решение (решимость проявлять сочувствие ко всем живым существам), правильная речь (бесхитростная, правдивая, дружественная), правильная жизнь (не вредить живым существам, не брать чужого, не прелюбодействовать, не вести праздных лживых речей, не пользоваться опьяняющими напитками). Аскетизм, таким образом, это преодоление различного рода желаний и специфический стиль или способ жизни – и практической, и эмоциональной, и интеллектуальной. Как ни удивительно, но для того, чтобы достичь счастья, надо отказаться от постоянных стремлений к нему. Мы оттого и несчастны, что гонимся за ним, полагая, что оно – в реализации наших желаний. Налицо парадокс: отказаться, чтобы получить, пренебречь, чтобы приобрести, остановиться, чтобы достичь.

Вопросы для самопроверки

1. Расскажите легенду о принце Гаутаме. В чем заключается, на ваш взгляд, ее философский смысл?
2. Почему земная жизнь является по буддистским воззрениям несомненным страданием? Согласны ли вы с таким утверждением?
3. В чем главная причина земных страданий с точки зрения буддизма?
4. Каким образом буддистское учение предлагает избавиться от страданий и печалей земной жизни?
5. Раскройте содержание понятий аскетизм и аскет.
6. Широко распространено мнение о том, что аскет - это человек, который может жить в пустыне или в лесу, есть, что придется, одеваться только для того, чтобы прикрыть наготу, годами ни с кем не общаться. Как вы думаете, достаточно ли перечисленных качеств для полного понимания того, кто такой аскет?

Хаос или Порядок (Конфуцианство)

Одной из основных систем китайской философии было конфуцианство. Его создатель – философ Кун Цю по прозвищу Кун Фу-цзы (учитель Кун, в латинской версии – Конфуций) жил примерно в VI-V в.в. до н.э. и излагал свое учение устно. Оно было впоследствии записано его учениками в книге «Беседы и суждения» (Лунь юй).

Тема земного зла волновала всех без исключения философов. Но если в буддизме речь идет о страданиях отдельного человека и способе их преодоления, то в конфуцианстве говорится о социальном зле или о несчастьях, которые претерпевает общество. Ведь если оно бедствует, значит страдает и каждый отдельный его представитель и, напротив, если общество процветает, то благополучен и каждый человек, входящий в него. Каковы же причины социальных несчастий? Почему государи обижают свои

народы, а народы поднимаются против своих государей? Почему родители не заботятся подчас о детях, а дети не уважают родителей, что порождает вечный конфликт поколений? Почему в мире процветает жестокость, ложь и вражда? И, главное, как избавиться от этих напастей и сделать человеческое общежитие гармоничным и счастливым?

Зло не имеет самостоятельной причины в мироздании, говорит Конфуций. Наш мир сам по себе не зол и не может быть таковым, потому что он создан и контролируется абсолютно добрым и высшим, безличным, пантеистическим началом – Небом (Тянь), которое само будучи добром, назначило и мирозданию быть добрым. Небо установило порядок (Ли), наполненный добродетелью, то есть имеющий своим смыслом добро. Оно, таким образом, изначально заложено в программу мироздания. Зло не было создано добрым Небом в качестве самостоятельного элемента мира. Откуда же оно берется? Оно проистекает от нарушения порядка, который был создан добрым, то есть от нарушения добра. И это нарушение производим мы – люди, оттого, что не понимаем вполне этот небесный порядок, не видим его, не можем или не хотим ему следовать, выполнять его. Мы вносим в мир беспорядочность, разрушая изначальную гармонию, мы создаем в нем хаос, тем самым нарушая и уничтожая первоначальный порядок. Так появляются несчастья и беды, так появляется зло. Таким образом, оно есть результат нарушения мирового баланса или упорядоченности. Зло – это разбалансированность мироздания. Представим себе механизм, прекрасно работающий, все части которого правильно соединены друг с другом и потому нормально функционируют. Теперь представим себе, что этот механизм разобрали и соединили его части не в той последовательности, неправильно. Будет ли этот разбалансированный механизм, как и раньше, работать? Скорее всего он вообще не сможет действовать. Так же и в нашем мире, изначально гармоничном и упорядоченном, искажение гармонии, нарушение порядка превращают его в дисбаланс и хаос, в котором все не так, как должно быть: людям следует помогать друг другу, а они враждуют, им следует соблюдать справедливость, а они творят всяческие бесчинства, им надлежит поступать добродетельно, они же совершают злодеяния.

Для того, чтобы этого не происходило, чтобы упорядочить и гармонизировать человеческую жизнь, сделать ее благополучной, нам следует понять небесную волю и тот добрый порядок вещей, который оно установило. Мы должны увидеть этот порядок, осознать его до конца, а далее – следовать ему постоянно, выполнять его неукоснительно. Нам не следует искать общественное счастье где-либо, так как оно всегда рядом с нами, им нужно только воспользоваться. От нас требуется всего лишь соблюдать добрый порядок, назначенный нам Небом, жить по нему, в соответствии с ним, выполнять все его принципы и правила, никогда не нарушать их, и тогда наша жизнь, построенная на исполнении этого порядка и руководимая им, будет безупречно правильной и оттого счастливой. Основными ее принципами или главными добродетелями, установленными Небом, являются великодушие (куань), уважение к старшим (ди), сыновняя почтительность (сяо), верность долгу (и), преданность государю (чжун) и другие. Понятно, что жизнь отдельного человека и всего общества, покоящаяся на соблюдении этих правил будет отличаться необычайной стабильностью. Если люди будут поступать не в силу субъективного произвола каждого, не по своим личным желаниям и устремлениям, которые разнообразны, противоречат друг другу и потому раскалывают общество, а в силу от века установленного порядка, единого для всех, тогда человеческое общежитие тоже будет одним целым, спаянным нерушимым единством общественным организмом, незыблемым и постоянным.

Стабильное общество, живущее по своему неизменному установлению, веками не будет меняться, а течение людской жизни будет столь же размеренным, как вечное движение Солнца по далекому лазурному небосводу. Внутренние изменения неведомы такому обществу, а от влияний и потрясений извне оно гарантировано, ибо, живя исключительно своими автономными законами, является совершенно изолированным от всего остального мира. Пусть вокруг кипят страсти, и действительность стремительно меняется, пусть в одночасье созидаются и погибают целые государства, нам нет до этого никакого дела, потому что у нас свое назначение, свой путь и свое разумение.

Конфуцианское учение как нельзя лучше соответствовало историческим процессам экономической, политической и культурной консервации и изоляции Китая и на долгое время стало официальной доктриной, способствуя внутренней целостности, неизменности и национальной самобытности китайской цивилизации, которая для европейцев всегда была непостижимой и загадочной. Они не понимали ее, удивлялись ей, а подчас и восхищались ее мудрой независимостью. Вспомним знаменитый монолог Чацкого у Грибоедова, в котором тот рассказывает, как один француз собирался «в Россию, к варварам, со страхом и слезами». Он думал, что приедет к дикарям, а попал будто бы в родную страну: вокруг французская речь, французские платья и манеры. Чацкий досадует на то, что мы так подвержены заграничному влиянию и столь бездумно все перенимаем, как будто у нас нет ничего своего великого и прекрасного. Он в отчаянии восклицает: «Ах, если рождены мы все перенимать, хоть у китайцев бы нам несколько занять премудрого у них незнания иноземцев».

Вопросы для самопроверки

1. В чем видел Конфуций причины общественных несчастий?
2. Каким образом, по конфуцианским представлениям, можно гармонизировать общественную жизнь и сделать ее благополучной?
3. Виртуальным в философии называется возможное (от лат. *virtualis* - возможный), то есть то, чего нет, но что может быть при определенных условиях. Можно ли говорить, что зло (прежде всего - общественное) трактуется в конфуцианстве как виртуальная реальность?
4. Каковы основные принципы небесного порядка, которые призывает выполнять Конфуций?
5. Почему конфуцианство на длительное время стало государственной идеологией Китая?

6. В книге «Беседы и суждения», написанной учениками Конфуция есть такие утверждения: «Учитель сказал: «Древние говорили с осторожностью, так как опасались, что не смогут выполнить сказанное... Благородный муж беспокоится о том, что не обладает способностями, но не беспокоится о том, что люди не знают его... Благородный муж предъявляет требования к себе, низкий человек предъявляет требования к людям». На какие принципы небесного порядка (которым необходимо следовать) указывают эти утверждения Конфуция?

Философия естественной фатальности (Даосизм)

Другой великой системой китайской философии был даосизм. Его основатель, современник Конфуция, философ Лао-цзы (старый учитель) написал сочинение «Дао дэ цзин» (Книга о пути и добродетели). Одной из проблем философии всегда был и остается по сей день вопрос о свободе человеческой воли. Что определяет жизнь каждого из нас, а вернее, что главным образом на нее влияет: мы сами или же что-то вне нас? То ли все в наших руках и мы сами творим свою жизнь, то ли она подчиняется неким иным силам, которые от нас не зависят. Два всем известных положения прекрасно иллюстрируют существование проблемы. Первое о том, что «каждый – кузнец своего счастья», второе же говорит – «от судьбы не уйдешь». Воззрение, по которому мы сами формируем свой жизненный путь, может быть названо **волюнтаризмом** (все зависит от нашей собственной **воли**), противоположный ему взгляд – это **фатализм** (от латинского слова «фатум» – судьба или рок, господствующий над людьми). В первом случае говорится о наличии свободы или свободной человеческой воли (что хочу, то и делаю, и все зависит только от меня), во втором же – об отсутствии оной и о наличии зависимости (что ни делай, все равно все будет так, как предreshено). Стало быть, если есть какая-то сила или сущность, или начало, которая выше нас и намного сильнее, в подчинении у которой мы находимся, тогда нет смысла надеяться и рассчитывать на себя, ибо этой высшей силой за нас все продумано и просчитано, и жизнь наша сложится так, как угодно чьей-то безграничной воле, ведущей нас в неведомом направлении. Если же эта сила не существует, а есть только мы со своими замыслами и расчетами, то все будет так, как мы хотим и предполагаем, ведь нет ничего над нами, стало быть мы сами ведем себя в избранную нами же сторону. Получается, что фатализм обязательно предполагает тяготеющий над нами рок, отсутствие которого неизбежно ведет к волюнтаризму. Даосизм говорит о том, что человеческая воля в любом случае несвободна и что возможна только фаталистическая модель мироздания. Если рок существует, то фатализм сверхъестественный (так как этот рок – сила высшая и непостижимая), а если его нет, то получается не волюнтаризм, а тоже фатализм, но только естественный. Даосизм и представляет собой учение естественного фатализма. Сущность его в следующем.

Сам факт нашего появления на Земле уже есть акт нашей несвободы, потому что перед рождением нас никто не спрашивал: хотим мы того или нет. Нам не предоставляли выбрать – родиться или не родиться. А если кто-то, допустим, не хотел рождаться. Так, например, для буддиста земная жизнь – это зло, и он предпочел бы не родиться вовсе. Мы появились на свет и, хотим того или нет, должны считаться с фактом нашего существования и подчиняться ему. Далее, выбирали ли мы наш пол, наследственность, родителей, социальную среду и историческую эпоху, в которую родились? Совершенно не выбирали. Все это было нам дано безусловно и авторитарно и, стало быть, опять ни о какой нашей свободе говорить не приходится. А воспитание, которое мы получили с колыбели и которое сформировало нас, сделав нас такими, каковыми мы сейчас являемся, разве выбирали мы его? Нет, оно тоже предложено нам помимо всяких наших желаний. А если мы его не выбирали, а оно и сделало нас тем, что мы теперь есть, значит мы и себя самих не выбирали, и то, что мы сейчас из себя представляем есть результат совершенно от нас не зависящий. И, наконец, влияет ли все перечисленное на жизнь, то есть влияет ли пол, наследственность, среда, эпоха, воспитание и все прочее на человеческий путь? Конечно же, влияет, и даже определяет его, направляет, формирует. Можно привести еще множество иных факторов, так же влияющих на нас. А сумма всех этих факторов и будет той силой, которая ведет нас в определенном направлении и делает нашу жизнь той или иной. Вот и получается, что ни самого себя, ни свой жизненный путь никто не выбирает и не может выбрать, ибо и он сам и его жизнь предложены ему, как бы заданы ему, и с этой данностью идет каждый по земле, будучи не в силах что-либо изменить. Здесь можно возразить, что человек меняет все же свою жизнь и примеров тому – тьма. Но предположим, кто-то принял решение что-либо изменить. Почему он его принял? В силу каких-то причин и мотивов, то есть в силу чего-то. Но это что-то, значит, было в нем, присутствовало. А откуда оно? Черта характера? Особенность природы? Склад ума? Но ведь мы только что видели, что и характер, и ум есть заданность, и что человек не выбирает их. Значит, если даже он и принял решение что-то изменить, он сделал это в силу своих внутренних особенностей, а они не от него зависят, ибо заданы изначально, стало быть это решение он принял вовсе не свободно, и оно тоже было предопределено, так как вытекает все из той же совокупности факторов, которая влечет человеческую жизнь. Нам кажется, что мы поступаем свободно, что выбираем нечто и можем что-то изменить, но это иллюзия и самообольщение. Человек и его существование - грандиозная сумма огромного количества обстоятельств, параметров или факторов, которая обуславливает, формирует, задает то русло или колею, в которой движется наша жизнь в строго определенном направлении. Такое воззрение является фатализмом, но только здесь не сверхъестественная сила влияет на человеческий путь, а сложение всех естественных сил и обстоятельств ведет жизнь человека в какую-либо сторону. Поэтому такой фатализм мы называем естественным.

Человек, говорят даосские философы – это полет стрелы: она движется туда, куда послала ее рука стрелка и зависит ее движение от степени натяжения тетивы, от сопротивления воздуха, от препятствий на ее пути. Понятно, что направление ее полета может измениться: подул сильный ветер, пошел дождь, или она во что-нибудь врезалась, но весь вопрос в том, может ли стрела **сама** изменить направление своего движения, самостоятельно отклониться в ту или иную сторону, полететь назад или же не лететь вовсе? Так и человеческая жизнь летит в том направлении, которое задают ей факторы и условия, ее формирующие, внешние параметры и обстоятельства, ее определяющие, и не может произвольно изменить это направление. Путь жизни, заданный всей суммой внешних сил, называется дао. Этот путь есть у любой вещи, потому что каждый предмет мира и его существование, как и человек, тоже результат всех возможных факторов. И у всего мироздания есть свое дао. Если сложить абсолютно все вещи нашего мира, все силы в нем действующие, все причины и следствия во всем их грандиозном и необъятном взаимодействии и целостности, то получится единый путь - дао нашего мироздания.

Если жизнь человеческая есть заданность, значит она известна вся – от начала и до конца: надо всего лишь просчитать все факторы и параметры, из которых она складывается. Мы просто не можем все совершенно учесть, а тем более просчитать, так как никто не может объять необъятное. Оттого нам и кажется, что результат нашей жизни, ее исход неопределен, во многом случаен и только будущее окончательно все осветит. На самом же деле все, что будет, вполне известно уже сейчас, но только не нам, подобно тому, как ответ задачи помещен в конце учебника, он уже есть, готов, он следует из ее условия, но ученику предстоит решать эту задачу, проходить последовательно все ее пункты, чтобы добраться до него. Ответ всего нашего существования тоже готов, так как вытекает из заданной совокупности исходных и текущих параметров, он помещен в конце книги под названием «Наша жизнь», только неведом нам, вследствие нашей неспособности охватить аналитически всю эту совокупность, отчего мы и думаем, что ответа пока вообще нет и самообольщаемся, будто бы он зависит от наших действий, планов и замыслов. Подкинем монету: может выпасть орел или решка. Нам кажется, что выпадение того или иного совершенно случайно и потому непредсказуемо. Но если бы нам было известно первоначальное положение монеты, сила толчка, сообщенного ей, количество ее переворачиваний в полете, сопротивление воздуха, сила земного тяготения и все прочие условия ее движения, если бы мы могли их учесть и просчитать, то тогда выпадение, допустим, решки было бы событием не случайным, а совершенно закономерным и не внезапным, а вполне ожидаемым и предопределенным.

Естественный фатализм говорит нам о парадоксальных вещах: получается, что жизнь наша нам совсем не принадлежит, так как она, да и мы сами – это всего лишь сумма от нас не зависящих факторов и условий. Выходит, что жизнь происходит с нами, для нас и делается нашими вроде бы руками, но в то же время совершенно помимо нас, вне нас и от нас не зависит. Наша собственная жизнь – это театральное представление, на которое мы смотрим, как зрители из зала, она происходит с нами, но вместе с тем она – феерия, на которую мызираем совершенно со стороны. И даже если мы сами являемся действующими лицами в этом представлении, то играем не нами составленный сценарий и не нами избранные роли. Что остается нам? Спокойно смотреть на происходящее и безучастно дожидаться, чем оно закончится, видеть течение собственной жизни, нисколько не подчиняющиеся нам и не делать бессмысленных попыток что-либо в нем менять. Что же хорошего в таком понимании мира? Чем положителен естественный фатализм? Кажется – ничем. На самом деле наоборот: ведь если от меня ничего не зависит и я сам – некий заданный набор параметров, сам по себе развивающийся, тогда я нисколько не виноват в своих неудачах, и нет никакой моей заслуги в моих успехах. Чтобы не случилось в жизни – хорошее или дурное – я ни при чем, ведь так получилось, так сложилось, само собой сделалось, вне меня и помимо моей воли, ибо жизнь моя мне не принадлежит и сам я в ней ничего не значу и не могу. Также я ни к чему не стремлюсь и ничего не избегаю, потому что и то и другое бесполезно, я никому ничего не должен и, самое главное, я не должен ничего самому себе. Свобода от долженствования, от напряжения, от борьбы и погони за чем-то, которые наполняют жизнь страданиями, а стало быть, свобода от страданий – вот результат естественного фатализма. Свобода от желаний и стремлений, надежд и отчаяний, проистекающая из недеяния есть величайшее благо, умиротворяющее человеческую жизнь. Я – результат внешних сил, заданная сущность, порождение всей совокупности условий – сам себе не принадлежу и сам себя не формирую. Напротив, все вышеуказанное делает меня и мою жизнь. Я такой, какой я есть и другим быть не могу. Такой, какой получился, сложился, оказался. Могу ли я в этом случае кому-нибудь позавидовать – у него лучше, чем у меня? Не могу, потому что он – другой, не такой, как я, и у него иная жизнь. Могу ли я над кем-то посмеяться или презреть кого – он хуже меня? Не могу, потому что он другой, и у него не такой, как у меня жизненный путь. Каждый человек задан самому себе мирозданием, каждый идет своей дорогой, играет свою роль, исполняет свое дао, у каждого своя миссия и смысл во Вселенной – и у блистательного могучего монарха, и у жалкого нищего раба. Бесполезно пытаться быть не собой – другим и занять чужое место и сыграть не свою роль. При таком взгляде и зависть, и гордость совершенно исчезают, и никого нельзя оценить с точки зрения «лучше – хуже». Не «лучше», а другой, не «хуже», но только иной. Невозможно сравнить двух людей, как невозможно сравнить, скажем, сосну и березу. Что лучше – сосна или береза? Какая краска хуже – красная или синяя? Какая человеческая жизнь удачливее, а какая достойна презрения? Никакая! О каждой можно сказать только то, что она есть и зачем-то нужна мирозданию. Сосна не сможет стать березой, сколь не убеждайте ее, что березой быть гораздо лучше, чем сосной. Один человек никогда не станет другим человеком, только потому, что они – разные сущности мира. Невозможно ругать одного за то, что он – такой, и невозможно хвалить другого за то, что он не такой как первый, как невозможно ругать негра за то, что он не китаец, лес – за то, что он не фруктовый сад, пустынную колючку – за то, что она не прекрасный цветок.

Жизнь, исполненная такого взгляда, ни к чему не стремящаяся, тихая и спокойная, погружена в созерцание своего дао и в безмятежное следование ему. Невозмутимо и мирно течет она неспешным потоком в обозначенном ей русле, не подверженная страстям, беспокойству и напряжению. Просто и умиротворенно внемлет она окружающему миру, как вечно внемлет небу цветущая и увядающая, всегда прекрасная и безмолвная природа. Истина даосизма – это жизнь, не противостоящая мирозданию, но спокойно в нем растворяющаяся, и тем самым достигающая мудрого счастья.

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте содержание понятий волюнтаризм и фатализм.
2. Вспомните, в каких произведениях художественной литературы, изучавшихся в школе, вы сталкивались с фаталистическими идеями?
3. В чем разница между сверхъестественным и естественным фатализмом?
4. Раскройте основные естественно-фаталистические идеи даосизма.
5. Прокомментируйте аллегорическое утверждение даосизма о том, что человеческая жизнь – это полет стрелы.

6. В чем заключается даосский принцип недеяния?

7. Как трактуется счастье в философии даосизма?

Основные идеи и представители античной философии

«Золотой век» человечества

Философия в чистом виде появилась у древних греков. Само слово «философия», как мы уже видели, греческого происхождения. Поэтому можно утверждать, что философию, как таковую, придумали греки. Они прочертили весь круг философских проблем и вопросов и наметили пути их решения. Последующие народы и эпохи развивали дальше, обогащали и продолжали те первоначальные положения и идеи, которые были сформулированы греками. Немецкий ученый Ф. Энгельс в книге «Диалектика природы» говорит, что «... в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений». Кроме того, философия древних греков дошла до нас в необыкновенно ярких и выразительных формах. Она представляет собой нечто среднее между наукой и искусством, и поэтому ее можно было бы назвать научной художественностью или художественной научностью. Греки имели особый дар, наверное, навсегда утраченный в человечестве, говорить о сложнейших вопросах мироздания необычайно просто, но в то же время точно, ясно и выразительно. Философия для них, как правило, не была родом деятельности, или профессиональным занятием, она была, скорее, образом их мышления или стилем жизни: они, философствуя, жили или, живя, философствовали. Жизнь и любовь к мудрости нераздельны в эллинском понимании (эллина – греки, Эллада – Греция в переводе с греческого). Именно поэтому результаты греческой философии были огромными, наследие ее – колоссальным, а идейный резонанс – нескончаемым. Она по праву и всеми считается сейчас философией классической, то есть образцом, эталоном, совершенным вариантом любого философствования вообще. Поэтому изучающим философию следует начинать с эллинской мысли и глубоко с ней знакомиться, потому что именно греческая любовь к мудрости позволяет увидеть и почувствовать сам дух философии, ее специфику, непередаваемую внутреннюю сущность, вполне понять, что она такое.

Греческую философию часто называют античной. Но античность – это история и культура Древней Греции и Древнего Рима, поэтому можно полагать, что античная философия суть греко-римская. Но это не совсем так. Рим – величайшее государство Древнего мира – за свою тысячелетнюю историю превратился из маленького города на семи холмах в крупнейшую империю, которая охватила собой все Средиземноморье. Представим себе этот размах: вся Европа и половина британских островов, Малая и Передняя Азия, Ближний Восток, вся Северная Африка – поистине мировая держава. Все силы римского народа ушли в завоевательные войны, в создание необъятного государства, равного которому не было в человеческой истории. Понятно, что римлянам было не до философии и поэтому их любовь к мудрости была заимствованием и приспособлением к своим практическим нуждам оригинальных греческих идей. Рим оставил человечеству свою необыкновенную политическую историю, юриспруденцию и риторику, но философское наследие мир получил от греческой цивилизации. Поэтому под античной философией, как правило, понимается философия греков.

Древняя Греция, история которой охватывает период приблизительно с XXII по II вв. до н.э., очень часто воспринимается человеческим сознанием как нечто прекрасное, единожды появившееся на земле и с тех пор более недостижимое. В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» один из персонажей – Версиков – произносит такие замечательные слова: «Мне приснился совершенно неожиданный для меня сон, потому что я никогда не видал таких. В Дрездене, в галерее, есть картина Клода Лоррена, по каталогу – «Асис и Галатей»; я же называл ее всегда «Золотым веком», сам не знаю почему. Я уж и прежде ее видел, а теперь, три дня назад, еще раз мимоходом заметил. Эта-то картина мне и приснилась, но не как картина, а как будто какая-то быть. Я, впрочем, не знаю, что мне именно снилось: точно так, как в картине, – уголок Греческого архипелага, причем и время как бы перешло за три тысячи лет назад; голубые, ласковые волны, острова и скалы, цветущее побережье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце – словами не передашь. Тут запомнило свою колыбель европейское человечество, и мысль о том как бы наполнила и мою душу родною любовью. Здесь был земной рай человечества: боги сходили с небес и роднились с людьми... О, тут жили прекрасные люди! Она вставали и засыпали счастливые и невинные; луга и рощи наполнялись их песнями и веселыми криками; великий избыток непочатых сил уходил в любовь и в простодушную радость. Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей... Чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже умереть! И все это ощущение я как будто прожил в этом сне; скалы, и море, и косые лучи заходящего солнца – все это я как будто еще видел, когда проснулся и раскрыл глаза, буквально омооченные слезами...».

Греческая философия была одной из сторон этого «земного рая человечества» и прошла в своем развитии три этапа. Первый – архаический, то есть древнейший, охватывает время примерно с VII по V вв. до н.э. Второй – классический, датируется V-IV вв. до н.э. и последний – эллинистический, начавшийся с похода эллинов на Восток, то есть с завоевания (эллинизации) Востока охватывает период с III по II вв. до н.э. Первый период чаще называется досократическим, то есть бывшим до появления в греческой философии Сократа, а архаических философов часто называют досократиками.

Если говорить не только о греческой философии, а более широко – об античной (греко-римской), то в периодизации античной философии обычно выделяют четыре этапа: досократический, классический, эллинистический и римский.

В составе имени любого греческого философа два слова: первое – его собственная имя, а второе происходит от названия города, в котором он родился. Например, имя Фалес Милетский означает, что этот мыслитель был из города Милет. Под словом «школа» в истории греческой философии понимается не учебное заведение, а группа мыслителей, объединенная сходными идеями или мыслями, образующими в философии определенное течение или направление. После этих предварительных замечаний перейдем к рассмотрению воззрений и учений эллинских философов.

Вопросы для самопроверки

1. Почему Древняя Греция ассоциируется в памяти человечества с «золотым веком» всемирной истории?
2. Что такое античность и античная философия?
3. В чем заключается роль и значение греческой мысли в мировой истории философии?
4. Расскажите о периодизации греческой философии.
5. Известный античный историк и философ Диоген Лаэртский, написавший книгу «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», утверждал: «Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассирийян – халдеи, у индийцев – гимнософисты... И все же это большая ошибка – приписывать варварам открытия эллинов: ведь не только философы, но и весь род людей берет начало от эллинов». Прокомментируйте это утверждение.

Поиск первоначала (милетцы и Пифагор)

Для мыслителей архаического, или досократического периода греческой философии было характерно стремление к постижению природы в ее наиболее общих чертах, поэтому их философскую деятельность обычно называют натурфилософией, а их – натурфилософами. Основными вопросами, которые их интересовали были вопросы космогонические (греч. космос – мир, мироздание) – о происхождении мира и космологические – об устройстве мира.

Первой школой в греческой философии была милетская, основанная в городе Милет (греческая колония на побережье Малой Азии) Фалесом. Его учениками и продолжателями были Анаксимандр и Анаксимен. Задумываясь об устройстве мироздания, милетские философы говорили следующее: нас окружают совершенно различные вещи, причем многообразие их бесконечно. Ни одна из них не похожа на любую другую: растение это не камень, животное – не растение, океан – не планета, воздух – не огонь и так далее до бесконечности. Но ведь несмотря на это разнообразие вещей, мы называем всё существующее окружающим миром или мирозданием, или Вселенной, тем самым предполагая единство всего сущего. Несмотря на разницу между вещами мира, он является все же единым и цельным, значит у мирового многообразия есть некая общая основа, одна и та же для всех различных предметов. За видимым разнообразием вещей кроется невидимое их единство. Подобно тому, как в алфавите всего три десятка букв, которые порождают путем всяческих комбинаций миллионы слов. В музыке всего семь нот, но различные их сочетания создают необъятный мир звуковой гармонии. Наконец, нам известно, что существует сравнительно небольшой набор элементарных частиц, а различные их комбинации приводят к бесконечному разнообразию вещей и предметов. Это примеры из современной жизни и их можно было бы продолжать; то, что разное имеет одну и ту же основу – очевидно. Милетские философы верно уловили данную закономерность мироздания и пытались найти эту основу или единство, к которому сводятся все мировые различия и которое разворачивается в бесконечное мировое многообразие. Они стремились вычислить основной принцип мира, все упорядочивающий и объясняющий и назвали его Архэ (первоначало).

Фалес считал основой всего сущего воду: есть только она, а всё остальное – ее порождения и модификации. Понятно, что его вода не совсем похожа на то, что мы сегодня разумеем под этим словом. У него она – некое мировое вещество, из которого все рождается и образуется. Анаксимен первоначалом полагал воздух: все вещи происходят из него путем сгущения или разрежения. Самый разреженный воздух – это огонь, более густой – атмосферный, еще гуще – вода, далее – земля и, наконец, – камни. Анаксимандр решил не называть первооснову мира именем какой-либо стихии (воды, воздуха, огня или земли) и считал единственным свойством первоначального мирового вещества, все образующего, его бесконечность, всеобъемность и несводимость к какой-либо конкретной стихии, а потому – неопределенность. Оно стоит по ту сторону всех стихий, все их в себя включает и называется Апейроном (Беспредельным).

Милетским философам, полагавшим первоначалом нечто вещественное или материальное противостоит Пифагор Самосский (с острова Самос), который, как и милетцы, говорил, что нас окружают совершенно различные предметы, но должна быть у этого многообразия единая мировая основа. В чем же она? Все вещи можно посчитать. Понятно, что птица – это не рыба, дерево – не камень и так далее. Но мы всегда можем сказать: две птицы, десять рыб, двадцать деревьев. Числом можно все выразить или описать. Число есть то, что всегда и неизменно присутствует в совершенно различных вещах, является их связующей нитью, единой объединяющей основой, поэтому его можно назвать первоначалом мира. Но число – нематериальная сущность, оно идеально и в этом принципиальное отличие пифагорейского воззрения от милетского. Из всех чисел главным является единица, так как любое другое число есть всего лишь та или иная комбинация единиц. Каким же образом первоначало мира – число порождает все видимое нами многообразие? Единице, говорит Пифагор, соответствует точка, а двойке – две точки, но через две точки можно провести прямую, таким образом, числу два соответствует прямая; тройке соответствует плоскость, потому что ее можно построить только через три точки, а через четыре строится пространство, которое, следовательно, соответствует четверке. Оно делится на четыре стихии: землю, воду, огонь и воздух, а каждая из них, в свою очередь, – на различные предметы, взаимодействие которых и приводит к бесконечному мировому разнообразию вещей. Это многообразие, таким образом, сводится к четырём стихиям, они – к пространству, пространство – к плоскости, плоскость – к прямой, а прямая к точке, которая является единицей. Получается, что весь мир представляет собой последовательное разворачивание идеальной сущности – Числа; оно же является не чем иным, как свернутым в единство мирозданием.

Говоря иначе и более коротко, одной из главных идей пифагорейского учения является утверждение о том, что окружающий нас мир – инобытие невидимого, но реально существующего мира математических объектов: чисел, пропорций, симметрий, геометрических фигур и т.п.

Как видим, первоначально всего можно было с одинаковым успехом усмотреть как в чем-то материально-вещественном, так и в чем-то идеально-бестелесном, что и сделали первые греческие философы – милетцы и Пифагор, развернув и обосновав два противоположных взгляда на происхождение и устройство мира.

Вопросы для самопроверки

1. Какой была основная философская идея мыслителей милетской школы?
2. Как объясняли милетцы наличие одновременно и единства мира и его многообразия (и тождества между вещами и их различия)?
3. Как трактовали первоначально мира Фалес и Анаксимен?
4. Какова специфика трактовки первоначально Анаксимандром?
5. Как понимать утверждение Пифагора о том, что весь мир есть Число?
6. Каким образом Число разворачивается в бесконечное многообразие мироздания в пифагорейском учении?
7. В чем заключаются главные различия философских доктрин милетцев и Пифагора.

Спор о природе Бытия (элейцы и Гераклит)

Следующей школой в греческой философии была элейская, основанная в городе Элея (греческая колония в Южной Италии) странствующим философом Ксенофаном Колофонским, который прославился своей критикой народной греческой религии и мифологии. Во-первых, говорит Ксенофан, греки считают, что богов много, во-вторых, что они подобны по своему устройству людям: у них те же руки, ноги, тело и голова, в третьих, олимпийские боги и в поведении своем мало чем отличаются от людей: они так же радуются и печалются, любят и ненавидят, обманывают и враждуют. Все их отличие от людей только в том, что они бессмертны и могущественны. А в остальном – это такие же люди. Разве возможно, спрашивает Ксенофан, чтобы богов было много, чтобы были они в человеческом облике и вели себя, как люди? Ведь такие боги вовсе не являются богами и остается только предположить, что их выдумали люди и наделили, естественно, своими собственными чертами. «Если бы коровы и лошади, - говорит Ксенофан, - придумывали себе богов, то их боги были бы коровами и лошадьми.» Это высказывание кажется атеистическим, но его автор далек от атеизма. Он выступает не против религии вообще, но только против конкретной ее формы. Олимпийским антропоморфным богам он противопоставил свое понимание божества. Бог – это высшее и непостижимое начало и поэтому, во-первых, он один, во-вторых, он бесформен, потому что приписать ему какую-либо известную нам форму (человека, животного, растения, природной стихии) невозможно, в-третьих, он неведом нам и невыразим, то есть мы совершенно не можем сказать, что он делает и как себя ведет. Такое божество Ксенофан называет термином Единое и говорит, что весь мир из него происходит и в него обращается. Единое – это и есть все мироздание. Воззрение Ксенофана пантеистическое: мир и божество – это одно и то же начало – вечное, безграничное и постоянное.

Продолжателем его учения философ Парменид Элейский вместо термина Единое, предполагающего все существующее, употребляет понятие Бытие и предлагает его рассмотреть. Оно происходит от глагола «быть», который в личной форме звучит как «есть». Бытие, значит, – это все, что существует, все, что есть. Но если что-то сейчас есть, то возможно ли, что его не было в прошлом? Если возможно, тогда получается, что нечто, которое есть сейчас, и которого не было раньше, произошло из ничего. Но из ничего не может произойти нечто. Таким образом, если что-то сейчас есть, то это автоматически означает, что оно и было. Другое дело, что оно могло быть в прошлом в иной форме, но его не могло не быть вовсе. Далее, если что-то сейчас есть, то возможно ли, что его не будет в будущем? Если возможно, тогда получается, что нечто, которое есть сейчас и которого не будет в будущем, обратится в ничто. Но нечто не может обратиться в ничто. То есть, если что-то сейчас есть, это обязательно означает, что оно будет и в дальнейшем. Правда, оно может перейти в иную форму существования, но не может исчезнуть вообще. Итак, получается, что если что-то сейчас есть, то это непременно означает, что оно и было и будет, то есть, что оно из ниоткуда не взялось и не может в ничто превратиться или существует вечно. Из самого понятия Бытие, как видим, следует его вечность. То, что существует, обязательно вечно. Если же чего-то нет сейчас, то это значит, что его не было и не будет, ибо в противном случае пришлось бы предположить, что нечто обращается в ничто, из которого потом опять возникает нечто. Парменид произнес знаменитое высказывание, которое кажется, на первый взгляд, бессмысленным: «Бытие есть, небытия же нет». На самом деле в этой фразе подытожено всё, что было нами сказано выше: если что-то есть, то оно есть всегда, а если чего-то нет, то его нет никогда. Вечность, как мы уже отметили, вытекает из самого понятия Бытия и является его первым и наиболее существенным признаком.

Но то, что вечно, обязательно должно быть неделимым. Если что-то делится, значит, оно состоит из частей, и если части разъединятся, то этого предмета не будет. Следовательно, делимое то есть, то – нет. А Бытие есть всегда и потому оно неделимо. Но если это так, то оно нечто сплошное, не состоящее из частей; и тогда возможно ли в нем какое-либо движение? Ведь если есть части и границы, то перемещение вполне допустимо. Но если что-то является абсолютно цельным и сплошным, то в нем ничего не может двигаться. Значит, Бытие неподвижно. Но любое движение это всегда какое-нибудь изменение. Стало быть, Бытие еще и неизменно. Итак, в результате чисто логического, умственного рассмотрения Бытия у нас получилось, что оно обязательно вечно, неделимо, неподвижно и неизменно. Такую картину Бытия нарисовал нам разум. Наши чувства же (зрение, осязание и другие)

рисуют нам совершенно другую его картину: мы видим, что все не вечно (то есть возникает и уничтожается), делимо (состоит из частей), движется и меняется. Какая же из двух картин является истинной: та, которую нам рисуют несовершенные и грубые чувства, коими наделены все вообще живые существа, или же та, которую нам рисует несомненно более тонкий и совершенный по сравнению с чувствами разум, имеющий только у человека? Картина, представляемая нам разумом является правильной. Чувства же нас обманывают. Мы видим мир делимым, подвижным и изменчивым, на самом же деле он неделим, неподвижен и неизменен, только мы этого не видим, но понимаем это разумом. Значит, действительно или подлинно существует не то, что мы чувствуем (воспринимаем органами чувств), а то, что мы мыслим. Мыслимое существует, а немислимое не существует.

Чувства, например, говорят нам о том, что все возникает и уничтожается. Понятно, что мы видим постоянно возникновение. Но давайте попробуем его помыслить, то есть представить себе возникновение не чувствами, а разумом. Допустим, что-то возникло. Обозначим его условно буквой А. Из ниоткуда оно возникнуть не могло. Значит появилось откуда-то, из чего-то другого. Из чего? Обозначим это другое буквой В. Из некоего В возникло некое А. Но это значит, что А уже содержалось в В, то есть, что в В было какое-то не-В, следовательно, В было самим собой и одновременно не было самим собой, что невероятно. Пытаясь помыслить возникновение, мы натолкнулись на противоречие, стало быть возникновение немислимо и потому невозможно.

Далее – мы видим, что все вокруг нас делится на части. Но попробуем помыслить деление. Всё состоит из частей, но каждая часть тоже, в свою очередь, делится на более мелкие части. Значит, любая вещь является целым по отношению к частям, из которых она состоит, и в то же самое время она является частью по отношению к более крупному целому, в которое она входит. То есть вещь является целым и частью, что невозможно. Следовательно, деление немислимо и потому оно не существует.

И, наконец, мы видим, что всё движется. Но давайте попробуем помыслить движение. Это предлагает сделать последователь Парменида – Зенон Элейский, который выдвинул **апории** (парадоксы), доказывающие, что движение немислимо и поэтому невозможно. Рассмотрим три его апории. Первая называется «Дихотомия (деление пополам)». Допустим, телу надо пройти из точки А в точку В. Перед тем, как оно пройдет свой путь, ему сначала надо пройти половину этого пути, а еще раньше – четверть его, а еще раньше – 1/8 этого пути, а перед тем – 1/16, а еще раньше – 1/32 и так сколь угодно долго. Получается, что телу надо пройти бесконечное количество отрезков. А можно ли пройти бесконечность? Тело, таким образом, никогда не сможет пройти из точки А в точку В.

Другая апория Зенона – «Стрела» – предлагает нам мысленно рассмотреть полет стрелы из одной точки пространства в другую. Наши глаза, конечно же, говорят о том, что стрела летит, или движется. Однако что будет, если мы попытаемся, отвлекаясь от зрительного впечатления, помыслить ее полет? Для этого, зададим себе простой вопрос: где сейчас находится летящая стрела? Если, отвечая на данный вопрос, мы скажем, что она в настоящий момент находится там-то, или где-то, то в этом случае у нас получится, что стрела не летит, а покоится, ведь находится где-то, или быть в каком-то определенном месте, – это как раз и означает находиться в неподвижности, или покоиться. Таким образом, единственное, что мы можем ответить на вопрос о том, где сейчас находится летящая стрела, – это следующее: «Везде и нигде конкретно». Но разве возможно быть везде и нигде одновременно? Итак, при попытке помыслить полет стрелы мы натолкнулись на логическое противоречие, на нелепость – стрела находится везде и нигде. Получается, что движение стрелы вполне можно увидеть, но его нельзя помыслить, вследствие чего оно невозможно, как и любое движение вообще.

Еще одна апория называется «Ахиллес и черепаха». Ахиллес идет на неком расстоянии вслед за черепахой, причем в 10 раз быстрее ее и никогда ее не догонит. Понятно, что зрительно (то есть, если мы представим себе такую картину) он ее догонит и перегонит. Но наша задача – не представлять себе движение чувственно, а попытаться помыслить его, разобрать или проанализировать логически, с помощью разума. Когда Ахиллес пройдет расстояние, разделяющее его и черепаху, она за это же время пройдет впереди него 1/10 этого расстояния (ведь она идет в 10 раз медленнее) и будет на 1/10 пути впереди него; когда Ахиллес пройдет 1/10, черепаха за это же время пройдет 1/100 и будет на 1/100 впереди него; когда он пройдет эту 1/100, она пройдет 1/1000 и так до бесконечности.

Общая идея всех апорий заключается в том, что двигаться, с точки зрения мысли, а не чувственных восприятий, означает быть в неком месте и не быть в нем одновременно, что, конечно же, невозможно. То, что мы видим вещи движущимися, говорят философы элейской школы, вовсе не значит, что движение действительно существует. Так, например, мы видим, что Солнце движется над нами с Востока на Запад, на самом же деле оно неподвижно. Почему бы не предположить, что и другие вещи, которые нам представляются движущимися, на самом деле неподвижны, только мы этого не видим, не ощущаем и потому не понимаем.

Элейским философам противостоит мыслитель Гераклит Эфесский, ключевой формулой учения которого были знаменитые слова: «Всё течет и ничто не становится». Это высказывание говорит о том, что всё в мире вечно движется и меняется, ничто не пребывает в неизменном состоянии. А если мы что-либо и видим неизменным, то только потому, что не замечаем произошедших изменений. Так, например, дважды нельзя войти в одну и ту же комнату. Почему? Ведь сколько не заходи а нее – всегда одни и те же стены и окна, пол и потолок, столы и стулья. Но это только на первый взгляд. Когда мы заходим в комнату второй раз, там уже совсем другая комбинация молекул воздуха, уже произошли невидимые микропроцессы в веществе, из которого сделаны стены и потолок. Значит, это уже не абсолютно та же самая комната, какая была совсем недавно. Точно так же меняется и все остальное. Да и в нашем собственном организме происходят тысячи неоощаемых нами химических и физических реакций в секунду, и мы сами в каждый момент времени уже не те, что были мгновение назад.

Ничто не стабильно, все движется и меняется и никогда ни на чем не останавливается. Мир, в котором нет ничего устойчивого и постоянного является беспорядочным и хаотичным. Но только таким он и может быть. Вообще изменение и движение – это единственно возможный способ существования мироздания. Хаос мира – это главный его принцип или закон, по-гречески – **Логос**.

Говоря иначе, высший закон всего заключается в том, чтобы оно было хаотичным. Но закон это нечто стабильное и упорядоченное. Получается парадокс: высшая упорядоченность мира заключается во всеобщей беспорядочности или хаотичности. Два противоположные начала – Хаос и Логос, оказывается, тесно друг с другом связаны и являются, как ни странно, тождественными.

Если у Фалеса первоначалом всего является вода, у Анаксимена – воздух, у Анаксимандра – апейрон (бесконечное), у Пифагора – число, у элейских философов – неизменное Бытие, то у Гераклита – это огонь, который и является Логосом (законом) мира, в силу которого он (мир) пребывает в вечном движении и изменении.

Итак – вечное, неизменное и стабильное (Логос) удивительным образом проявляется в постоянном изменении и всеобщей нестабильности. Точно так же, говорит Гераклит, и все вещи состоят из противоположностей: мокрое и сухое, теплое и холодное, темное и светлое, день и ночь, расцвет и упадок и т.д. Противоположности борются друг с другом: день, например, это преодоление ночи, весна – победа над зимой, радость – отрицание печали. Борьба противоположных начал и является источником вечного движения и изменения. Если бы противоположностей не было, то ничто не менялось бы, так как любой вещи не на что было бы меняться. Но противоположности не только борются между собой, но еще образуют и единство. Так, например, мокрое – это противоположность сухого. Но почему оно мокрое? Только потому, что когда-то было сухим, намокло и превратилось в мокрое. Получается, что если бы оно не было сухим, то никак не могло бы стать мокрым и наоборот. Или, допустим, существовал бы только день, а ночи не было бы вовсе. Знали бы мы тогда, что такое день? Нет. Мы только потому и знаем, что он такое, потому что есть его противоположность – ночь. Выходит, что противоположности друг без друга не существуют, друг друга дополняют, друг из друга вытекают и друг друга предполагают. Они находятся не только в состоянии вечной борьбы, но еще и пребывают в неизбывном единстве. Эта фундаментальная закономерность мироздания, о которой говорит Гераклит, является главным принципом **диалектики** – учения о всеобщей связи и вечном изменении вещей.

Итак, элейские философы и Гераклит сформулировали два совершенно противоположные понимания мира. Первые говорят о том, что он неизменен, неделим и неподвижен, представляет собой вечную стабильность и абсолютную устойчивость; эфесский же мыслитель, наоборот, утверждает, что мир есть совершенное непостоянство, непреходящее движение, всеобщее изменение и полное отсутствие чего-либо устойчивого.

Вопросы для самопроверки

1. Вспомните основные черты олимпийской религии и мифологии. За что Ксенофан критиковал их?
2. Можно ли называть Ксенофана атеистом? Какая трактовка божества была им предложена?
3. Раскройте основные идеи Парменида. Как вы понимаете его утверждение о реальном существовании только того, что можно мыслить без противоречий?
4. Объясните, что представляют собой апории Зенона. Какую цель преследовал он, выдвигая их?
5. Каковы основные идеи Гераклита? Как вы понимаете тезис о единстве и борьбе противоположностей?
6. В чем заключаются основные различия элейского и гераклитовского учений?
7. В одном из своих произведений Гераклит утверждал: «Этот космос, один и тот же для всего существующего не создан никем из богов и никем из людей, но всегда он есть был и будет вечно живым огнем, мерами воспламеняющимся и мерами потухающим». Как вы думаете, почему Гераклит называл мироздание огнем?

«Только атомы и пустота...» (Демокрит)

Примирил элейскую и гераклитовскую точки зрения философ Демокрит Абдерский. Он осуществил синтез этих двух воззрений. Так же, как и Гераклит, он считал, что все в мире находится в движении, изменяется и делится на части, но, вслед за элеатами, полагал также, что Бытием может быть только неделимое и неизменное. Ведь Бытие вечно, что следует из самого этого понятия, а вечное не может быть делимым, так как то, что состоит из частей, существует не всегда (если части вместе, оно существует, если же они разъединятся, то его не будет). Каждая вещь состоит из частей, считал Демокрит, но и каждая ее часть, в свою очередь, тоже состоит из частей, и так все делится сколь угодно долго. Но если деление возможно до бесконечности, если все вообще состоит из частей и все делимо, то тогда что же можно назвать Бытием? Делимое не вечно, а всё является делимым, значит всё не вечно, но Бытие может быть только вечным, следовательно, его вообще нет. Но Бытия не может не быть, что следует из самого понятия. Поэтому необходимо предположить, что всё делится не до бесконечности, а до некоего определенного предела, за которым деление невозможно. То есть, что существует некая частица, пусть очень маленькая, но неделимая дальше. Будучи неделимой, она не может уничтожиться, потому что не состоит из частей, на которые может распаться. Она существует вечно, а значит и является действительной основой Бытия, его носителем, представляет собой само Бытие. Делимое по-гречески звучит как «томос». Отрицательная частица в греческом – «а». Поэтому неделимое – это «атомос» или «атом». Это слово, как видим, впервые употребил Демокрит, и вот уже две тысячи лет оно существует во всех западных языках. Понятно, что атом в современном смысле – совсем не то же самое, что у Демокрита. Сегодня этим термином обозначается очень маленький элемент вещества, но отнюдь не неделимый: мы знаем, что атом состоит из элементарных частиц и имеет сложную структуру. У Демокрита же атом – это обязательно неделимое и потому вечное, то, что можно считать подлинным Бытием. Ведь единственное свойство атома – это

всегда быть. Даже если бы он захотел не быть, он не смог бы это сделать. Атом (неделимое) обречен на неизменное существование, на Бытие. Демокрит в своем учении о постоянной основе всего сущего – атоме – частице мироздания вечной, неделимой и неизменной – разделяет воззрение элейских философов.

Но вслед за Гераклитом, он полагал мир вечно меняющимся. Дело в том, что по Демокриту, атомов бесконечно много, они движутся в пустоте и, сталкиваясь, соединяются, существуют какое-то время вместе, потом, под воздействием новых столкновений, разъединяются и вновь движутся, взаимодействуя друг с другом. Соединение атомов приводит к рождению вещей, разъединение – к гибели их. Все предметы, таким образом, возникают и уничтожаются, а мир представляет собой вечное движение и изменение. Все вещи совершенно различны, но, вместе с тем они, по крупному счету, одно и то же, потому что состоят из одних и тех же атомов. Мировое многообразие сводится к одной основе – атомам, движущимся в пустоте. Как за разнообразием мироздания у Фалеса стоит единое начало – вода, а у Анаксимена – воздух, у Пифагора – число, так у Демокрита – атомы. Почему вещи отличаются друг от друга, если сделаны из одного материала? Потому что атомы, из которых они образованы, соединены в каждой вещи по-разному и в различных пропорциях.

Любой предмет – всего лишь временная комбинация неделимых частиц и существует только до тех пор, пока они вместе. Вещи то есть, то – нет, и поэтому не являются действительным Бытием, говоря иначе, их вообще, по крупному счету, нет, а есть только то, из чего они состоят – набор неизменных атомов. Точно так же и свойства вещей существуют временно: нет вещи, нет и ее свойств. Они, таким образом, тоже, по крупному счету, не существуют, так как являются лишь порождениями атомных комбинаций. Всё, что мы видим вокруг себя, говорит Демокрит, на самом деле не является настоящей реальностью. За тем неподлинным миром, который нас окружает стоит действительный, но невидимый нами мир атомов и пустоты. Он и есть истинно существующее, а всё, что мы воспринимаем чувственно – всего лишь его порождение и потому эфемерность, фантом, мираж, иллюзия. Нет ни гор, ни небесных тел, ни воды, ни земли, ни воздуха, нет растений и животных, говорит абдерский мыслитель, нет ни холодного, ни теплого, ни сладкого, ни соленого, ни белого, ни зеленого, нет вообще ничего, а нам только кажется, что всё это есть. А вот единственно и действительно существуют только атомы и пустота.

Для иллюстрации атомистической картины мира Демокрита приведем аналогию. Всем хорошо известен такой вид изобразительного искусства, как мозаика: есть набор цветных стеклышек или фишек, из которых можно составить один узор или орнамент или другой, ту или иную комбинацию. Сделаем из них какую-нибудь картинку, потом сломаем ее и построим другую и так далее. Существуют ли реально все эти рисунки? Нет, не существуют, они – только возможность. А что же существует реально? Только этот набор мозаичных стеклышек и больше ничего! Так и мироздание по Демокриту представляет собой не вещи и их свойства, но только сумму атомов, которая и есть единственная реальность.

Соединение и разъединение атомов, образование из них различных вещей, исчезновение их и новые комбинации атомов, приводящие к появлению новых вещей – все это, несомненно процесс механический. Поэтому Демокрита можно представить как одного из первых мыслителей, создавших механистические идеи. Правда, механицизм как представление о мире, который является грандиозным механизмом, появилось в истории философии намного позже, только в Новое время. Таким образом, спустя многие столетия, философское учение Демокрита о мире как постоянной смене комбинаций неделимых объектов проявилось в механицизме Нового времени

С механицизмом Нового времени тесно связан детерминизм **детерминизм** (лат. *determinare* – определять) – идея, по которой мир является определенным, ясным, «прозрачным», предсказуемым, случайность не играет в нем роли, в развитии нет альтернатив и развилки, оно носит линейный характер. Противоположная точка зрения – это **индетерминизм** (лат. *in* – приставка, означающая отрицание), согласно которому мир не является полностью определенным, ясным, «прозрачным», предсказуемым, случайность играет существенную роль, в развитии есть альтернативы и развилки, оно носит нелинейный характер. Атомистическое учение Демокрита также возможно рассматривать как одну из ранних форм детерминизма.

Вопросы для самопроверки

1. Выделите мотивы элейской философии в системе Демокрита.
2. Попробуйте объяснить смысл демокритовского утверждения: если все делимо до бесконечности, тогда Бытия нет.
3. Какие идеи Гераклита заимствовал Демокрит при построении своего философского учения?
4. Если атомы, по крупному счету, бескачественны, то почему образованный из них реальный мир в учении Демокрита обладает бесконечным количеством качеств и свойств? Можно ли называть его с демокритовской точки зрения виртуальной реальностью?
5. Если атомы неощущаемы, то откуда мы знаем об их существовании с точки зрения демокритовской системы?
6. Что такое механицизм, детерминизм и индетерминизм? Почему атомистическое учение Демокрита возможно рассматривать как раннюю форму механицизма и детерминизма?
7. Иногда философское учение Демокрита об атомах характеризуется в качестве материалистического. Возможно ли представить атомизм Демокрита как разновидность или форму материализма?

Сколько существует истин? (софисты и Сократ)

В V в. до н.э. во многих городах Греции установилась демократическая форма политической жизни. Это значит, что на различные государственные должности людей не назначали, а выбирали путем народного голосования. Стало быть, человек, который вызывал симпатии избирателей, удачно выступив перед ними в народном собрании, мог занять какой-нибудь ответственный пост. Ведь для того, чтобы за кого-то проголосовали, он обязательно должен был понравиться массе народа, которая коллективно и решала политическую судьбу тех или иных претендентов. Понятно, что в это время сильно поднялось в цене ораторское искусство и вообще образование, так как выступить перед народом с успехом мог только образованный, владеющий политическим красноречием человек. Но обширными познаниями в различных областях располагали тогда философы (отдельных наук и искусств, в полном смысле слова, в древности не было, и все их заменяла философия, а философы были почти единственными в то время учеными), к которым люди и стали обращаться с просьбами научить их различным премудростям, но прежде всего – умению спорить и доказывать, опровергать и убеждать.

Некоторые философы стали брать деньги за обучение и получили название софистов, то есть платных учителей мудрости. Они учили, прежде всего, риторике – различным приемам доказательства и опровержения, искусству вести спор и побеждать в нем, уметь при любых обстоятельствах воздействовать на слушателя и добиваться желаемого эффекта. Но для того, чтобы во всех интеллектуальных ситуациях выходить победителем, надо иметь способность и доказывать, и опровергать все, что угодно. Платные учителя мудрости изобрели разнообразные софизмы – внешне правильные доказательства заведомо ложных положений. Например, софизм «Рогатый» звучит так: «У тебя есть то, что ты не терял; ты не терял рога, значит ты рогат». Или софизм «Покрытый»: человека спрашивают: «Знаешь ли ты, кто стоит под этим покрывалом?» «Не знаю», - отвечает он. «Это же твой отец, - говорят ему, - выходит ты не знаешь своего отца». Или вы спрашиваете кого-нибудь: «Знаешь ли ты, что я хочу тебя спросить?» «Не знаю», - отвечает ваш собеседник. Тогда вы говорите ему: «Неужели ты не знаешь, что Солнце встает на Востоке?» «Знаю», - говорит он. «Ага, - торжествуя произносите вы, - выходит, ты знаешь, а сначала сказал, что не знаешь, получается – ты знаешь то, чего не знаешь». А вот более хитрый софизм: что лучше – вечное блаженство или бутерброд? Конечно же – вечное блаженство. А что может быть лучше вечного блаженства? Ничто! А бутерброд лучше, чем ничто, значит, он лучше, чем вечное блаженство.

Но одних софизмов недостаточно. Для того, чтобы побеждать в любом споре, человек должен быть всегда прав. Однако, если истина едина для всех, а спорящий не на ее стороне, тогда он никак не может быть прав. Значит, единственное, что остается софисту – это предположить существование не одной истины, а многих. Сколько людей, столько и мнений, каждый человек – сам себе истина. Знаменитый софист Протагор Абдерский предложил формулу такого воззрения: «Человек, - говорит он, - есть мера всех вещей». То есть как кому кажется, то для каждого и есть истина, которая, таким образом, совершенно субъективна (зависит от субъекта – человека). Ничего общего и обязательного для всех нет, никаких единых принципов или законов не существует. Каждый из нас сам себе устанавливает правила и ориентиры, по которым должна протекать его жизнь. Любое воззрение настолько же истинно, насколько ложно. Всё можно и доказать и опровергнуть, противоположные суждения совершенно равносильны. Обо всем можно сказать: «Это и так и не так одновременно». И все в данном случае зависит только от конкретного человека, который и устанавливает критерий правды и лжи. Такой взгляд называется **субъективизмом**. Но если нет ничего общепринятого, тогда никто не может быть ни абсолютно прав, ни абсолютно неправ, вернее, что кажется истинным одному, для другого – ложно, важное для кого-то оставляет иного совершенно равнодушным, смешное для одного кажется грустным другому, и если нечто представляется кому-то добром, другой вполне может расценить его, как зло. Получается, что ни о чем нельзя сказать определенно, и все в мире относительно. Таким образом, из субъективизма софистов вытекает **релятивизм** – положение об относительности всего сущего и мыслимого (relativus в переводе с латыни означает – относительный).

Познаваем ли мир, в котором нет ничего устойчивого и общеобязательного, но все субъективно и относительно? Скорее всего – не познаваем. Заслуга философской софистики в том, что она уделила значительное внимание гносеологической проблеме. Архаические философы от Фалеса до Демокрита не сомневались в познаваемости мира, поэтому их больше беспокоили вопросы о его устройстве (космологические) и происхождении (космогонические). Софисты же считали, что прежде чем рассуждать о мироздании, надо сначала выяснить – можем ли мы о нем вообще что-либо узнать или же наш удел – оставаться в полном неведении и потому полагать истинным то, что кажется нам таковым. В ответе на этот вопрос они склонялись ко второму, и поэтому характерной чертой их учения является также **агностицизм** (гносис – знание, а – отрицательная частица в греческом) – утверждение о непознаваемости мира или же **скептицизм** (от греческого скептомай – сомневаюсь) – сомнение в возможности его познания. Так, например, софист Горгий Леонтийский, написавший сочинение «О несуществующем или о природе», сформулировал свои взгляды в виде трех положений: во-первых, ничего нет; во-вторых, если бы что-то и было, то оно было бы непознаваемым; в-третьих, если кто-то и смог бы что-либо познать, то не мог бы передать это знание другому.

Философское учение софистов возможно рассматривать в качестве отдаленного предшественника **постмодернизма** – интеллектуального явления второй половины XX в., основная идея которого заключается в утверждении о том, что есть только одно правило, по которому никаких правил нет: все научные теории, философские учения, религиозные верования и т.п. равноправны, равноценны и альтернативны, т.к. истины нет, а есть ее различные интерпретации

Софистам противостоит знаменитый греческий философ Сократ Афинский. В отличие от них он считал, что истина, так же, как Солнце в небе, всё освещающее и всех согревающее, может быть только одна. Она едина для всех, общеобязательна и объективна, то есть существует вне нас и независимо от наших желаний. Не мы ее придумали и не нам ее отменять. Эта истина была до нас и будет всегда. Где бы ни жил и кем бы ни был человек, он не может не подчиняться ей, потому что она абсолютна. Как, например, всех людей, совершенно различных, объединяет то, что все они рождаются и умирают, радуются и печалются, дышат и ощущают биение своего сердца, так же все мы едины и нет меж нами различий перед лицом одной истины, разлитой во всем, все освещающей и пульсирующей в каждой человеческой душе. Если кто-то и вздумает утверждать, что он не подчиняется ей, не признает ее, что у него своя индивидуальная истина, это будет самообманом, попыткой отвернуться от неизбежного. Невозможно никому из нас, считал Сократ, отказаться от этой общей для всех нас истины, как нельзя отказаться от того, например, что ты – человек, как нельзя отказаться от собственных глаз, рук и ног, сердца и разума.

Что же это за истина? Где она? Чем является? Отвечая на эти вопросы, Сократ говорит, что было бы слишком самонадеянно кому-либо из смертных полагать, что он наверняка знает эту истину и точно может сказать, что она из себя представляет. Единственное, что мы можем утверждать, это то, что истина такая есть. Но говорить, что она есть нечто уже определенное, совсем известное, раз навсегда найденное и установленное, невозможно, ведь речь идет об абсолютной истине, а человек как существо далеко несовершенное никогда не может достичь абсолюта. Скорее, даже наоборот, единственное, о чем мы знаем точно – это о собственном незнании, о трудностях, которые встают перед нами при попытках что-либо познать. Поэтому одним из известнейших изречений Сократа было: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Но наше неведение истины вовсе не означает, что ее нет. Мы просто не знаем какая она, и насущной задачей каждого человека как раз и является поиск этой реально существующей, единой для всех, но неизвестной вполне истины.

Причем искать ее любой из нас должен самостоятельно, потому что ни один авторитет, каким бы уважаемым он ни был, не может точно знать, какова истина и на этом основании вести за собой других. А самостоятельный поиск всегда чреват сомнениями, противоречиями и долгими размышлениями, но только таким способом – тернистым и многотрудным – человек может если не обрести истину, то хотя бы приблизиться к ней. Этот метод получил название **эвристического** (от греч. эвриско – я нахожу). Философ, говорит Сократ, должен содействовать ищущему в его начинаниях: не предлагая готовых ответов, он всего лишь помогает ему сориентироваться в необъятной стихии мыслей и идей, в которую вступает желающий найти что-либо истинное. Поэтому сократический метод также является **майевтикой** (от греч. майевтикос – повивальный): философ оказывает помощь рождению истины, но его участие в этом отнюдь не решающее, так как она все же должна рождаться сама в душе и разуме человека.

Однако, будут ли люди заниматься поиском какой-то неведомой и далекой истины, если повседневная жизнь прекрасно понятна им и для нее совсем не требуется никаких особых раздумий? Допустим, человек зарабатывает достаточно денег, чтобы безбедно существовать, имеет почет и уважение в обществе, у него привычные занятия и уверенность в завтрашнем дне. Он утром идет на работу и неплохо выполняет свое дело, получая от этого немало удовольствия, вечером возвращается к своему очагу, где ждет его кружка доброго вина и наслаждение отдыхом. Чего же более? Зачем размышлять о каком-то не вполне понятном бессмертии, смысле жизни, своем предназначении во Вселенной, о долге, добродетели и еще неизвестно о чем, если все и так достаточно хорошо? Все дело в том, что обычный круг жизни уводит человека от этих мыслей, заслоняет их собой, в то время как они, быть может, и являются главными, а все повседневное – суета и вздор, иллюзия жизни, неподлинность существования. Сократ считал необходимым постоянно напоминать людям, что помимо привычных дел есть заботы высшего порядка, иначе мы окончательно погрязнем в земной рутине и напрочь забудем о настоящем, истинном и нетленном, тем самым потеряв право называться именем человека – существа разумного, а потому не могущего не размышлять о глобальном и вечном. Он сравнивал себя с оводом, который больно жалит спокойно пасущуюся на лугу лошадь, не давая ей стоять на месте, медленно тучнеть, жиреть и пропадать зря. В своих беседах афинский мыслитель тонко подводил слушателей к пониманию того, что никто не может быть вполне доволен своей жизнью и самим собой, что нет пределов вопросам, сомнениям и стремлению к более совершенному. При этом он использовал приемы и методы, к которым часто прибегали софисты: ставил человека в интеллектуальное затруднение, озадачивал его противоречиями, заставлял усомниться в очевиднейшем и предположить невозможное. Только софистика ставила своей целью смутить человеческий ум, сбить его с толку, чтобы показать относительность и субъективность всего, Сократ же делал то же самое для того, чтобы через сомнения и мыслительные тупики подтолкнуть человека к поиску объективной и вечной истины.

Понятно, что такие его «приставания» далеко не всем были по душе. И как лошадь стремится прихлопнуть назойливого овода, так и афиняне решили избавиться от беспокойного философа, который своими вопросами «портит» людям беззаботную жизнь. Против Сократа организовали судебный процесс, обвинив его в нечестии – будто бы он не почитает государственных богов, не уважает традиций и развращает юношество. Понятно, что он не делал ни того, ни другого, ни третьего, однако его осудили слишком жестоко: Сократ выпил чашу с ядом. После казни философа его сограждане тут же раскаялись и воздали ему всяческие почести, как, впрочем, всегда бывает в таких случаях.

Сократ не оставил после себя никаких сочинений, узнаём же мы о нем из трудов его современников, а также по свидетельствам многочисленных учеников и последователей. Афинский мыслитель принципиально ничего не писал, говоря, что книга – это ровно столько, сколько в ней есть, ее ни о чем не спросишь, с ней не поспоришь, и никакой текст никогда не заменит живого человеческого общения. Он излагал свои воззрения устно, но не только беседы, а и вся жизнь его была философией. Можно сказать, что Сократ не записывал собственное учение, потому что сам жизненный путь философа и был наиболее ярким воплощением его взглядов, в силу чего он стал своего рода символом философии, ее пафосом на века.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы исторические условия появления софистики?
2. Кто такие софисты? Чем отличаются друг от друга понятия мудрец, философ и софист?
3. Что такое софизм? Приведите примеры каких-нибудь софизмов. Если вы изучали или изучаете логику, попробуйте определить, какие логические законы нарушаются при построении софизмов?
4. Каковы основные философские идеи софистов? Раскройте содержание понятий субъективизм, релятивизм, агностицизм, скептицизм.
5. Каковы основные философские идеи Сократа? В чем заключается его противостояние софистике?

6. Что такое майевтика? Почему Сократа часто сравнивали с софистами? Что общего между их учениями?

7. Известный софист Протагор написал сочинение «О богах», главной мыслью которого было следующее утверждение: «О богах я ничего не могу знать: ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют; слишком многое препятствует мне узнать это, и прежде всего - темнота предмета и краткость человеческой жизни». Какой принцип софистической философии лежит в основе этого утверждения?

Вещество без Идеи – ничто (Платон и Аристотель)

Знаменитым учеником Сократа был философ Платон Афинский. Настоящее имя его – Аристокл, а Платон – это прозвище, которое переводится с греческого как «Широкий». Он получил его то ли за крепость телосложения, то ли за широкий лоб, то ли широту мысли. Если Сократ ничего не писал, то Платон оставил много сочинений, которые в современном издании занимают четыре больших тома. Его произведения написаны, в основном, в форме диалогов, главным действующим лицом которых является Сократ, беседующий с философами на различные темы.

Одной из основных мыслей Платона является известное утверждение о том, что видимое не есть реальное: если мы что-то видим, то это вовсе не значит, что оно существует именно так, как нами воспринимается. Эта мысль является одной из вечных в философии. Вспомним, элейские философы говорят – мы видим вокруг себя движение и изменение, но на самом-то деле ничто не движется и не меняется; Гераклит утверждал, что если нечто наблюдается нами неизменным, то это не означает, что оно действительно таково, просто никто не замечает всеобщее и непрекращающееся движение; вы думаете, говорит нам милетский философ Анаксимен, что вокруг нас – разные вещи, ничего подобного – все, кажущееся различным, есть одно и то же вещество – воздух, только в разных своих состояниях; мы видим горы и деревья, луга и озера, звезды и планеты, утверждает Демокрит, и совсем не понимаем, что нет ни того, ни другого, ни третьего, а есть только набор невидимых нами атомов, которые движутся в пустоте. Итак, вполне может быть, что видим мы одно, а на самом деле существует совсем другое.

Чтобы лучше понять теорию Платона представим себе такую картину. Допустим, перед нами лежат три предмета – яблоко, груша и слива. Эти вещи совершенно различные и не похожие друг на друга, понятно, что яблоко – это не груша, груша – не слива и т.д. Но есть в них нечто общее, сходное, делающее их отличными от других вещей, объединяющее их в одну группу предметов. Это общее мы называем словом «фрукт». Теперь спросим – существует ли фрукт в реальности – в качестве вещи, в которой были бы собраны все возможные фрукты земли, в качестве предмета, который можно было бы посмотреть или потрогать? Нет, не существует, говорим мы. «Фрукт» – это всего лишь понятие, термин, имя, название, которым мы обозначаем группу сходных между собой вещей. Реально существуют только сами эти предметы, а их названия реально в мире не существуют, так как они находятся в качестве понятий или идей только в нашем сознании. Так считаем мы.

Но ведь вполне можно предположить, что все обстоит совсем наоборот. Реально и сначала существуют идеи или понятия вещей, и не в нашем уме, а сами по себе, вне нас, только в особом, высшем, недоступном нам мире, а все вещи, которые нас окружают – всего лишь порождения этих первичных сущностей – идей и являются их отражениями или тенями и поэтому реально не существуют. Эта мысль – главная в учении Платона. Нам кажется, говорит он, что мир один – тот, который мы видим вокруг себя, на самом же деле мира два: один - высший и невидимый мир идей, другой - низший и воспринимаемый нами мир вещей. Первый порождает второй. Существует, например, в высшем мире идея лошади, она и обуславливает каждую конкретную лошадь, которая находится на земле. И именно благодаря этой идее земная лошадь остается лошадью и не превращается в какой-нибудь другой предмет. То есть чувственно воспринимаемые вещи обретают смысл, реальность, устойчивость, постоянство как раз из-за причастности к вечным и неизменным идеям. Если бы этого стабилизирующего мирового начала – идей – не было, то любая вещь постоянно переходила бы в любое иное состояние: муравей мог бы превратиться в слона или гору, или цветок, а планета могла бы стать треугольником или облаком, или каплей росы... Таким образом мир идей – это как бы смысловой «каркас» чувственного или физического мира, не видимый глазу, но доступный умозрению.

Но наш мир не вполне низший, потому что ниже его находится материя. Идеальный мир Платон называет Бытием, материю – Небытием. Она – ничто с его точки зрения, но она есть. Как это понимать? Мысленно перемешаем все разнообразные вещи нашего мира до состояния однородной массы. Получится некое мировое месиво, в котором не будет ни конкретных предметов, ни их свойств. Что можно будет сказать об этой массе? Ничего. Какая она? Единственно возможный ответ – никакая. И в этом именно смысле она ничто, Небытие. Знакомый нам по чувственным восприятиям мир возникает как раз на стыке материи и мира идеального: какая-либо высшая сущность – идея из бесформенной частицы материи творит нормальную, воспринимаемую нами вещь. Поэтому предметы физического или чувственного мира все же более совершенны по сравнению с никакой материей, так как в их появлении решающую роль играют вечные и неизменные, действительно сущие идеи.

Вещи телесного мира являются их проекциями, контурами, бледными подобиями или, всего лучше, – тенями. Для иллюстрации своего воззрения Платон предлагает следующую аллегорию. Представьте себе, говорит он, что мы сидим в пещере спиной к входу и смотрим на ее стену. За нами в солнечных лучах проходят какие-то животные, пролетают птицы, растут цветы. Мы же видим на стене пещеры тени этих предметов, но поскольку сидим спиной к выходу, то не знаем об их существовании – нам кажется, что наблюдаемые тени и есть сами предметы и представляют собой единственно возможную реальность. Но вот, допустим, кому-либо удалось оглянуться и увидеть сам предмет, который, конечно же, тысячу крат совершеннее по сравнению со своей тенью. Увидевший поймет, что все время принимал тень за саму вещь, сравнит одно с другим и удивлению его не будет предела. Он осознает, что настоящий мир совсем не такой, каким он его раньше видел, восхитится и уже никогда более не будет смотреть на жалкие тени, но все свои силы направит на созерцание самих предметов; более того, он выйдет из пещеры, чтобы увидеть, что помимо ее низкого свода, серых, мрачных стен, гнилого воздуха есть широкие зеленые равнины, прекрасные луга, свежий простор,

бесконечное лазурное небо, на котором сияет великое Солнце. Также и в нашей жизни: мы видим вокруг себя различные вещи и полагаем их реально и единственно существующими, не понимая, что они – всего лишь ничтожные отражения, несовершенные подобия или бледные тени идей – сущностей мира действительного и в высшей степени подлинного, но недоступного и невидимого. Если бы кому-то из нас удалось увидеть за физическими вещами их настоящее начало – идеи, сколь бесконечно он презрел бы тот материальный, телесный мир, нам близкий, понятный и привычный, в котором мы живем, считая его единственно возможным.

Поэтому задача каждого из нас – за неподлинным увидеть подлинное, за нереальным – действительное, за материальным – идеальное, за контуром – настоящие очертания, за фантомом сущего – истинное Бытие. Как это сделать? Дело в том, что человек не полностью принадлежит миру вещей. У него есть душа – сущность вечная и идеальная, она-то и связывает его с невидимым миром. После смерти тела, душа отправляется именно туда, пребывает там какое-то время и при этом созерцает сами идеи и приобщается к высшему знанию. Потом она спускается в материальный мир и, вселяясь в какое-нибудь тело, забывает о своем знании. Но забыть не означает не знать вовсе, ибо в забывании кроется возможность вспомнить. Получается, что человек рождающийся уже все знает, но только потенциально. Ему не следует познавать с нуля и шаг за шагом приобретать знания. Он должен всего лишь обнаружить их в себе, проявить, вспомнить забытое. Поэтому познание по Платону – это припоминания души. Позже это воззрение получило название «теории врожденных идей». Но, несмотря ни на какие усилия, мы все же не сможем вполне постичь идеальный мир, хорошо если нам откроется хотя бы маленький элемент или фрагмент его. Ведь мы – хотим того или нет – находимся по преимуществу в мире телесном, который зол и несовершенен. Но коль скоро известно нам о Бытии прекраснейшем, то почему бы не попытаться земную жизнь облагородить и возвысить по его образцу, сделать ее более гармоничной, добродетельной и счастливой?

Душа человека состоит, говорит Платон, из трех частей: разумной, аффективной или эмоциональной и вожделеющей. Это сочетание в каждом случае не равномерное. Если преобладает разумная часть души, то человек – философ, если эмоциональная, он – воин, а если вожделеющая, то – земледелец или ремесленник. Получается, что род человеческий естественным образом распадается на три сословия, каждое из которых должно заниматься тем, к чему предопределено своей природой: философы как люди всеведущие и мудрые должны управлять государством; храбрые, сильные и мужественные воины должны его защищать; а те, кто прекрасно знает как обрабатывать землю, умеет добывать урожай и изготавливать ремесленные изделия, должны трудиться и кормить государство. Каждый, занимающийся своим делом, будет приносить максимальную пользу обществу, и в этом случае нас ждет процветание. Если же каждый будет делать то, что не умеет, пользы не будет никакой, а общественная жизнь станет беспорядком. Первый принцип, на котором должно строиться идеальное государство – это разделение труда между сословиями, из которого вытекает полное отрицание демократии. Ведь она – это выборность руководящих государством людей. Как можно выбирать руководителя, недоумевает Платон. Ведь управлять должен тот, кто умеет это делать, а не тот, кто симпатичен нам и которого мы поэтому выбираем, чтобы он управлял нами. Не выбираем же мы кормчего на корабль – судном правит умеющий это делать, а если мы посадим на корму просто нам симпатичного или даже уважаемого человека, но совершенно не смыслящего в навигации, он потопит наш корабль после первых же минут плавания.

Вторым принципом идеального общественного устройства должно быть отсутствие частной собственности, так как она – источник всех бедствий. Если все равны, то кому придет в голову позавидовать ближнему оттого, что у него чего-то больше, и кому надо будет бояться соседа, который может что-либо отнять. Равенство исключает и зависть, и страх, и вражду. Из-за чего людям ссориться и обижаться друг на друга, если все одинаковые по своему имущественному положению? Общество и государство, построенные на естественном разделении труда и отсутствии частной собственности, будут процветающими и счастливыми. Так должно быть, но в действительности все иначе: каждый делает не свое дело; руководители не умеют управлять, ввергая народ в пучину страданий, воины скверно защищают его, а земледельцы не трудятся; любой преследует личный интерес, раскалывая общественное единство; все враждуют со всеми, а в результате на земле множатся бедствия и несчастья. Нарисованная Платоном картина – идеал, к которому следует стремиться и по которому должно преобразовывать нашу жизнь. Как правило, учение о совершенном обществе называется **утопией** (в пер. с греч. – несуществующее место: у – не + тоπος – место), потому что чаще всего идеалы на практике не осуществляются, и мечты не сбываются. Таким образом, Платон создал первую в истории человечества развернутую социальную (общественную) утопию.

В священной роще близ Афин, в которой по преданию был похоронен мифический герой Академ, Платон основал свою философскую школу, которая получила название Академии. Эту платоновскую школу закончил знаменитый впоследствии его ученик Аристотель Стагирит, который является последним представителем классического периода греческой философии.

Аристотель несколько видоизменил теорию Платона. Каким образом, спрашивает он, вещи могут существовать отдельно от идей, их порождающих? Как тени и предметы, которые их отбрасывают, могут находиться в совершенно разных местах? Платон, говорит Аристотель, слишком противопоставил друг другу мир идей и мир вещей, между ними в его учении – пропасть. Поэтому необходимо предположить, что предмет и его идея существуют вместе, в единстве. Вместо платоновского понятия «идея» Аристотель употребляет термин «форма», который обозначает идеальную сущность, вечную и неизменную. «Форма» Аристотеля – это почти то же самое, что «идея» Платона. Помимо форм существует также материя, которая, будучи напроочь лишена свойств, качеств или признаков, является никакой, представляет собой ничто. Во взгляде на материю как на Небытие Аристотель вполне сходится с Платоном. И вот какая-либо высшая сущность – форма вселяется в бессмысленный кусок материи, и получается нормальная, чувственно воспринимаемая вещь физического мира, которая обладает размером, цветом, запахом и прочими качествами. Например, форма лошади (или идея лошади – как сказал бы Платон) вселяется в никакой, то есть бесформенный, кусок материи и появляется телесная, конкретная лошадь, которую мы перед собой видим; а форма, допустим, цветка встраивается в другую ничего из себя не представляющую частицу материи, и делает из нее вполне материальный цветок, имеющий определенное строение, цвет, аромат и другие свойства. Здесь можно привести следующую аллегория. Допустим перед нами лежит бесформенный кусок пластилина, но в нашем сознании есть представление или образ, например, дерева. Если мы этот свой умственный образ перенесем в кусок пластилина или наделим его этим образом, то есть вылепим из данного материала дерево, то бесформенный кусок

пластилина превратится в нормальный предмет, у которого есть ствол, ветви, корни и так далее. Пока материал был бесформенным, мы ничего не могли о нем сказать, и он был ничем, но наделенный с помощью наших рук и сознания некой формой, он превратился в вещь, о которой теперь можно что-то говорить, то есть – стал чем-то. Так же и в окружающем нас мире: все вещи – это материя, преобразованная идеальными сущностями – формами. Все мироздание – это оформленное вещество. В любой вещи есть и материя и форма, а их нерасторжимое единство и является этой вещью. Таким образом, если в учении Платона мир идей и мир вещей существуют отдельно друг от друга, то по воззрению Аристотеля мир форм и мир материи образуют одно целое, которым и является все нас окружающее. Однако решающая роль в существующем принадлежит именно формам. Без них материя – ничто, и они приводят ее к состоянию упорядоченности, правильности и мировой гармонии. Материя, говорит Аристотель, есть всего лишь возможность Бытия, форма же из этой потенции создает действительность. Низменная материя – строительный материал, сущность вещей, форма же из этой основы создает подлинное существование. За видимым материальным строит невидимое идеальное, за чувственным – бестелесное, за несовершенным и изменчивым – совершенное и неизменное. Только одно нельзя отделить от другого, потому что они совпадают в рамках того мира, в котором мы живем, составляют неизбежное единство. Нет материи вне и помимо формы, считал Аристотель, как нет и формы без материи. И только одна единственная форма существует совершенно сама по себе, ни от чего не зависит и является предельно автономной. Это Ум - перводвигатель - причина и начало всего. (Его Аристотель также называет Богом).

Иной взгляд на взаимодействие материального и идеального в учении Аристотеля обусловил и несколько отличное от платоновского понимание познания. Платон полагал бессмысленным изучение вещей окружающего мира, так как они – всего лишь тени, а познавательной задачей он считал выведение знания из человеческого ума, в котором оно уже изначально содержится. Аристотель же говорит о том, что любая форма находится обязательно в единстве с материей, внутри каждого конкретного предмета, и поэтому не изучать последние невозможно – только через исследование отдельных вещей мы можем прийти к постижению формы, их определяющей, а значит познание должно состоять в исследовании внешнего мира, в накоплении фактов, обогащении нашего опыта; знание, таким образом, выводится не из ума, а из изучения окружающей действительности.

Из всех античных мыслителей средневековая теистическая философия (христианская – на Западе и мусульманская – на Востоке) признала прежде всего Аристотеля. Причем, не только признала – Стагирит стал непререкаемым, почти священным авторитетом в духовной жизни Средних веков. В это время утвердилось знаменитая фраза: «Сам сказал!» (Ipse dixit!). Если кому-то из спорящих удавалось доказать, что отстаиваемые им положения высказывал в свое время Аристотель, то он произносил эти заветные слова и спор считался законченным. Спорить дальше означало вести полемику с самым выдающимся философом всех предыдущих эпох, учение которого считалось в средневековье совокупностью истин безусловных и неизменных.

Вопросы и задания

1. В чем заключается центральная мысль платоновского учения?
2. Почему Платон сравнивает наш мир с пещерой, а чувственные предметы - с тенями?
3. Как вы думаете, какие идеи Сократа, бывшего учителем Платона, оказали влияние на становление платоновского учения?
4. Откуда мы знаем по Платону о мире идей, если он сверхчувственный? Что связывает нас с этим миром?
5. Определите, какую науку Платон считал божественной (ближе всего находящейся к миру идей) и почему?
6. Раскройте основные идеи учения Платона о душе и о познании.
7. Что такое утопия? Какие принципы положены Платоном в учение об идеальном обществе и государстве?
8. В чем заключается сходство и различие платоновского и аристотелевского учений?
9. И Платон и Аристотель называли материю небытием. Можно ли трактовать это их утверждение в том смысле, что материи нет?
10. Можно ли утверждать, что система Аристотеля, как и учение Платона, представляет собой вариант философского идеализма? Если нет, то почему?
11. Философ Антисфен, критикуя платоновскую теорию идей, как то сказал ее создателю: «Я видел огромное количество лошадей, Платон, но я никогда не видел идею лошади, о которой ты так настойчиво говоришь». Платон ответил ему: «У тебя, Антисфен, есть глаза, чтобы увидеть каждую конкретную лошадь, но, видимо, у тебя нет разума, с помощью которого ты мог бы усмотреть идею лошади». Прокомментируйте эти платоновские слова. Каким образом в них выражена основная мысль его учения?

Как быть счастливым? (эпикурейцы, стоики, скептики, киники)

В 334 г. до н.э. греческое войско под предводительством Александра Македонского начало поход на Восток, который продолжался девять лет. На греческом языке Греция – это Эллада, а греки – эллины. Они завоевали Восток или эллинизировали его. Эпоха, которая началась с этого времени называется эллинистической или эллинизмом. Основной ее чертой была крайняя нестабильность и непредсказуемость. Весь старый, привычный и веками незыблемый уклад жизни рухнул, все менялось стремительно и безусловно. Действительность стала для человека жестокой и враждебной, в силу чего у него пропала уверенность в завтрашнем дне. Ощущение, типичное для этой эпохи – чувство потерянности и ненадежности. А когда утрачиваются все внешние гарантии, у людей возникает стремление обрести их внутри себя. Как выжить и сохранить самообладание в мире, где каждый

брошен на произвол судьбы? Как оставаться спокойным и невозмутимо взирать на происходящие вокруг катаклизмы? Как оставаться самим собой, несмотря на разрушающуюся действительность? В эллинистической философии на первый план выходит антропологическая проблематика, а вопросы онтологические и гносеологические занимают подчиненное по отношению к ней положение. Главный вопрос философской мысли этого времени – как быть счастливым, как обрести внутри себя уверенность и благо, когда во внешнем мире ничего подобного найти уже невозможно. Счастье по-гречески звучит как **эвдемония**, поэтому философия эллинизма может быть названа эвдемонистической (ищущей счастье). В ней оформились четыре основных школы, сходные между собой в стремлении обосновать и разработать эвдемонизм, но различающиеся способами или путями, которыми они предлагали человеку достичь счастья.

Основателем одной из них был Эпикур с острова Самос. Прежде чем выяснять, считал он, каким образом можно достичь счастья, надо устранить препятствия к нему. Что мешает обрести благо? Прежде всего – страх, который является вечным спутником человеческого рода и постоянно отравляет его существование. Из всех возможных страхов есть три главных, от которых следует избавиться в первую очередь. Это страх перед Богами – существами высшими и могущественными, способными не только помочь нам, но и навредить; страх перед смертью – печальным, а главное, совершенно непостижимым финалом любой человеческой жизни; и страх перед судьбой – предопределением, от нас не зависящим, которое может быть как добрым, так и злым. По поводу первого Эпикур говорит так: Боги - бессмертные существа, а значит и совершенно блаженные (то есть обладают полным благом, абсолютно счастливые). Представьте себе того, кто имеет все возможное благо, кому предельно хорошо: будет ли он к чему-то стремиться, чего-то избегать, ставить перед собой цели и задачи и вообще – что-либо делать? Не будет. Значит Боги как совершенно блаженные являются и полностью бездеятельными и поэтому никак не могут повлиять на нашу жизнь. Стало быть, хотя они и существуют, их вовсе не следует бояться. Что касается смерти, говорит Эпикур, то мы прекрасно знаем, что все хорошее и дурное заключается в ощущениях, а смерть – это лишение всех ощущений, а значит после нее нет ни хорошего, ни дурного. Напрасно мы думаем, что она имеет к нам какое-либо отношение, как раз наоборот – пока мы есть, смерти нет, когда смерть есть, нас нет, то есть она и мы – это совершенно разные вещи, которые никак не соприкасаются и поэтому смерти не надо бояться. Относительно страха перед судьбой получается следующее. Если предопределение существует, значит есть и высшие силы, которые его назначают. Но только что мы видели, что Боги совершенно бездеятельны и не влияют на нас. Кому же тогда предопределять наш путь, в чьих руках наша жизнь? Остается сказать только то, что – в наших собственных. Каждый - хозяин своей судьбы и кузнец своего счастья. На нас никто не влияет, кроме нас самих. Судьба – это результат своих собственных действий, поступков и усилий и бояться ее, значит бояться себя самих.

Освободившись от страхов, необходимо выяснить, что следует делать, а чего – не следует для того, чтобы обрести счастье. Надо, говорит Эпикур, выбирать удовольствия и избегать страданий. Этот пункт его учения, кажется, на первый взгляд, гедонистическим утверждением. **Гедонизм** (от греч.гедонэ – удовольствие) – это культивация удовольствий. Но при более детальном ознакомлении с эпикурейской теорией выбора и избегания видно, что охарактеризовать ее как гедонизм невозможно. Во-первых, стремление к удовольствиям, полагал Эпикур, должно быть разумным: надо уметь и отказаться иной раз от чего-то соблазнительного и претерпеть, если нужно, какое-нибудь страдание. Во-вторых, удовольствия делятся по Эпикуру на три вида: 1) естественные и необходимые; 2) естественные, но не необходимые и 3) неестественные и не необходимые; из этих трех групп надо выбирать только первую, удовольствия же второго и третьего вида следует отбросить как совершенно пустые и бессмысленные. В-третьих, само отсутствие страданий, по мнению Эпикура, уже есть удовольствие. В-четвертых, и это главное, счастье заключается не в том, что вне нас, а в нас самих. Ведь ни для кого не секрет, что одно и то же событие может быть по-разному воспринято различными людьми в зависимости от их установок, оценок и мнений. Один обрадуется чему-либо, другой расстроится из-за этого, третий останется равнодушным по тому же самому поводу. Счастье – не в вещах, а в нашем отношении к ним. Стало быть, если мы произвольно поменяем свои оценки происходящего, все вокруг может (для нас) радикально измениться. Если мы иначе отнесемся к событиям собственной жизни, то понятно, что наше восприятие их станет совершенно другим, сможет превратиться из отрицательного в положительное, и поэтому от нас вполне зависит, чтобы печали стали радостями, а напряжение сменялось спокойствием. Значит если кто-то хочет быть счастливым, то он запросто может им быть, надо только открыть источник счастья в себе самом. А мы, как правило, ищем его вовне и, понятное дело, не находим. Из всего сказанного видим, что Эпикур вовсе не призывает к максимальному удовлетворению всех возможных желаний. Как раз напротив, он предлагает человеку довольствоваться малым и при этом испытывать не страдание от недостатка, а удовольствие от самого наличия. Зачем, спрашивает он, нам богатый стол и роскошные кушанья, когда и грубая еда может доставить столько же удовольствия. Не случайно же говорят, что голод – лучшая приправа к пище. Человеку, который хочет есть, простой черный хлеб покажется очень вкусным и доставит ему немало положительных эмоций, в то время как того, кто постоянно переедает, не удовлетворят даже изысканные яства. Зачем человеку, продолжает Эпикур, мягкая перина и десяток подушек, когда можно прекрасно выспаться даже на жестких досках, была бы возможность просто поспать в течение ночи, а не бодрствовать, борясь со сном, охраняя, например, какой-нибудь объект. Получать удовольствие от небольшого – вот действительно жизненное искусство, говорит Эпикур. Понятно поэтому, что назвать его учение гедонизмом совершенно невозможно. Как это ни странно, философ, призывающий стремиться к удовольствиям, будет в данном случае являться представителем противоположной модели – аскетизма. Но если буддистские, например, аскеты готовы претерпеть страдания лишений, то для Эпикура сознательное ограничение собственных желаний есть средство удовольствия.

В центре философии самосского мыслителя стоит человек, устройство же мира, его законы и способы познания не являются для Эпикура столь же существенными вопросами, как проблема человеческого счастья. В онтологической части своей философской системы он повторил, несколько видоизменив, атомистическую теорию Демокрита.

Второй эллинистической школой была стоическая. В Древней Греции весьма распространенным архитектурным сооружением были портики – открытые с нескольких или со всех сторон беседки с колоннами, которые были защищены от солнца и продуваемы ветром. В одном из таких портиков философ Зенон из города Китион основал свою философскую школу. Портик на греческом языке – стоя, потому школа получила название стоической, а ее представителей называют стоиками.

Человек, полагал Зенон, является частицей мироздания. Что больше: часть или целое? Конечно же целое. А что чему подчиняется: часть – целому или же целое – части. Конечно же, часть подчиняется целому. Каждый из нас, поэтому, подчиняется мирозданию, малым элементом которого он является. Было бы смешно думать, говорит Зенон, будто бы отдельный человек был могущественнее мирового целого и делал бы с ним что угодно по своему собственному произволу. Всё как раз наоборот: никто не может заставить весь мир подчиняться чьим-либо желаниям, однако мировое целое постоянно диктует нам свою волю, определяет нашу жизнь, формирует наш путь. Оно является судьбой или роком, который от нас не зависит. Оно представляет собой ту силу, которой мы не можем не подчиняться, ибо она и ведет нас неизвестными никому путями. Человеческая жизнь подобна мельчайшей частице в огромном смерче пыли, которая сама по себе ничего не значит и вместе с миллионами других таких же частиц, не принадлежа сама себе, несется в неведомом ей направлении. Такое воззрение является фаталистическим. Ведущему нас року, считают стоики, бесполезно противостоять или сопротивляться: можно сколько угодно не соглашаться с его волей, но в любом случае, все произойдет так, как запланировано и предопределено, независимо от наших желаний. Формула стоической философии представлена знаменитым положением: «Желающего судьба ведет, нежелающего – тащит». Человек совершенно несвободен и всецело пребывает в распоряжении внешних и не зависящих от него сил. А вернее, свобода состоит в том, чтобы понять их замысел и добровольно его выполнять, подчиняться своей судьбе и следовать предначертанному. В чем же тогда заключается стоическое счастье? Понятно, чем положительна волюнтаристическая модель Эпикура: каждый совершенно свободен и сам распоряжается своей жизнью. Но что хорошего в том, что от человека ничего не зависит и за него все заранее предрешено?

Результатом фаталистического миропонимания является полная свобода от всякой суеты, пустых хлопот и волнений. Тот, кто считает, что всё в его власти, обязательно ставит перед собой какие-то цели и задачи, к чему-то стремится и чего-то избегает, радуется, если у него получается задуманное, и печалится, если что-то не удастся, а главное, он постоянно что-либо должен: одно делать, другое – нет, быть таким-то, не быть другим, добиваться неких результатов, а потому – напрягаться и беспокоиться. Тот же, кто считает, что от него ничего не зависит, не будет ни к чему стремиться и чего-то желать. Его жизнь совершенно свободна от волнений, забот и тревог. Если человек – всего лишь игрушка в руках мирового рока и его собственные желания ничего не значат и абсолютно бессмысленны, то чему он может радоваться или печалиться, к чему – стремиться и чего – избегать? Зачем ему волноваться и тревожиться, думать, решать и предпринимать что-либо, если за него все уже давно решено, а он не в силах ничего изменить? Такой человек будет абсолютно спокоен и безмятежен, ни положительные, ни отрицательные эмоции не смогут пробраться в его душу. Что бы ни происходило вокруг, он будет смотреть на все равнодушным взором, никак не оценивать совершающееся, мудро безмолвствовать и хранить невозмутимость. Поскольку человек, при таком взгляде на вещи, сам себе не принадлежит, то и жизнь его также не принадлежит ему, и с ней можно запросто расстаться. Одной из основных добродетелей стоиков является способность спокойно и мужественно встретить собственную смерть. Стоическое счастье, таким образом, заключается в полном безразличии ко всем жестоким превращениям судьбы, какими бы ужасными они ни были.

Третьей философской школой эллинизма была скептическая. Греческий глагол «скептомай» переводится как «я сомневаюсь». Поэтому скептицизм – это сомнение, а его представители – скептики – сомневающиеся во всем философы. Родоначальником этой школы был Пиррон из Элиды. Для того, чтобы достичь счастья, говорил он, человек должен ответить на три вопроса: 1) какова природа вещей? 2) как нам к ним относиться? 3) что из этого для нас следует? Отвечая на первый вопрос, Пиррон утверждает, что природа вещей непознаваема. То, что мы видим и то, что действительно есть – не одно и то же. Вещи сами по себе нам недоступны, а известным может быть лишь то, как они нам себя являют, то, что нам кажется, то, как мы их воспринимаем. То есть, нам доступны только явления (в греч. – феномены) вещей, но не сами вещи. И поэтому мир как бы удваивается, разделяясь на реальный – существующий сам по себе и феноменальный – видимый или воспринимаемый нами. Первый – подлинный, второй – иллюзорный. Знание о втором возможно, о первом же – нет. Мы никогда не сможем сказать – «это так», но только – «мне кажется, что это так». Ответ на второй вопрос таков: если вещи непознаваемы, то все суждения о них, как утвердительные, так и отрицательные являются и истинными, и ложными одновременно. Все можно доказать и опровергнуть. Ни одно из противоположных положений не может быть более или менее достоверным, чем другое. Таковую ситуацию Пиррон называет **изостенией** (изос – равный + стейнос – сила), то есть равносилием различных высказываний. Вследствие этого все суждения о вещах ничего не значат и совершенно бессмысленны и, поэтому, от них надо воздержаться или отказаться. Безмолвие – вот наиболее правильная философия, считают скептики. Каким же будет ответ на третий, самый главный вопрос? Поскольку мы ничего не знаем, говорит Пиррон, то мы, в том числе, не знаем, что является хорошим, а что – плохим, чему следует радоваться, а чему – печалиться, а значит не можем испытывать ни положительных, ни отрицательных эмоций. Можно сказать и иначе: так как нам доступен только феноменальный мир (см. ответ на первый вопрос), который является неподлинным, то возникает резонный вопрос – стоит ли по поводу неподлинного мира испытывать подлинные эмоции, то есть по-настоящему радоваться и печалиться. Обыкновенный человек скажет себе по поводу какого-либо события: «Это плохо» и расстроится из-за него. Скептик же скажет: «Мне кажется, что это плохо, но ведь всего лишь кажется». Как же он сможет расстроиться из-за этого события, если он даже не знает какое оно на самом деле – плохое или хорошее? Это отсутствие позитивных и негативных эмоций, полную невозмутимость души, безразличие ко всему происходящему греческие скептики называют **атараксией**. Она-то и является несомненным счастьем и результатом скептической философии. Один античный историк сообщает нам такой эпизод. Однажды корабль, на котором плыл Пиррон, попал в сильную бурю, и среди его спутников началась страшная паника. Философ указал паниковавшим на поросенка, который, не обращая ни малейшего внимания на происходящее, спокойно продолжал поедать свой корм, и произнес знаменитые впоследствии слова: «Вот в какой атараксии должен находиться мудрец». Как видим, результат скептического умонастроения значителен: если вокруг закипят самые ужасные страсти, начнутся немыслимые катастрофы и станет рушиться мир, философу-скептику не будет до этого никакого дела, он сохранит полную невозмутимость, хотя бы ему даже и предстояло погибнуть вместе со всем мирозданием.

Известный представитель античного скептицизма Секст Эмпирик, последователь Пиррона, написавший трактаты «Три книги пирроновых положений» и «Против ученых», называл скептиков «ищущими философами». Он говорил, что «Ищущим какую-нибудь вещь приходится или найти ее, или дойти до отрицания нахождения и признания ее невоспринимаемости, или упорствовать в отыскании. Поэтому, может быть, и в отношении вещей, искомых в философии, одни говорили, что они нашли истину, другие

высказывались, что воспринять ее невозможно, третьи еще ищут. Те, что воображают себя нашедшими, называются особым именем догматиков, как, например, последователи Аристотеля, Эпикура, стоиков и некоторые другие; об истине как о невоспринимаемом высказывались последователи Клитомаха, Карнеада и другие академики. Ищут же скептики». Понятно, что скептицизм тесно связан с уже знакомыми нам агностицизмом и релятивизмом, однако он не сводится к ним и не тождествен им, т.к. скептики исходят именно из невозможности что-либо окончательно и однозначно утверждать или отрицать.

И наконец еще одной не менее известной эллинистической школой была киническая, основанная философом Антисфеном Афинским, который полагал, что стремление к Благам является главной особенностью любой человеческой жизни и поэтому достойно философского рассмотрения. Прежде всего Антисфен задает вопрос о препятствиях, которые мешают достижению Блага. Ведь, прежде всего, надо устранить то, что преграждает нам путь к счастью.

Первой и самой главной помехой, по мнению Антисфена, является имущество или частная собственность. Кажется, что плохого в том, если кто-то чем-либо обладает? Напротив, имущество считается всеми несомненным Благом. На самом же деле, оно самое большое на свете несчастье из всех возможных. Тот, у которого ничего нет, во-первых, завидует тому, у кого есть, а зависть – чувство, несомненно, страдальческое; во-вторых, неимущий изо всех сил стремится что-то приобрести и при этом напрягается, проводя дни свои в вечной погоне и борьбе, а значит – в страдании. Тот, кто владеет каким-либо имуществом, боится его потерять, и жизнь его превращается в страх – чувство самое неприятное. Если же ему и случится расстаться со своим богатством, он будет страдать еще сильнее, потому что раз привыкнув к одному, он вряд ли сможет приучить себя к тому, чтобы довольствоваться меньшим. Неимущие завидуют, имущие боятся, первые готовы посягнуть на вторых, которые, в свою очередь, стремятся оградить себя от произвола первых. Зависть и страх порождают ненависть и вражду, и на земле постоянно происходят столкновения, и люди терпят всяческие бедствия. Имущество – корень всех человеческих зол. Какое преступление от маленького до самого великого – не было порождено корыстными мотивами? «Проклятая жажда золота» все пять тысяч лет человеческой истории толкала людей на кровопролитие и насилие, подлость и бесчинства. Инстинкт частной собственности заставлял их совершать самые низкие и гнусные поступки и забывать, подчас, о своей человеческой природе.

Вторым препятствием к достижению Блага является зависимость каждого из нас от стереотипов, правил, норм и условностей, навязанных нам обществом. Все мы с детства прекрасно знаем, что одно считается хорошим, а другое – дурным, что-то обязательно поощряется, а иное непременно осуждается и даже наказуемо. Каждый должен постоянно подавлять свои желания и делать не то, что хочется, но то, что предписано и надлежит. Ограничение себя искусственными и условными общественными установлениями, подчас совершенно глупыми и бессмысленными, доставляет нам, несомненно, отрицательные эмоции.

Для того, чтобы быть счастливым, человеку необходимо освободиться от того, что мешает этому. Прежде всего, следует сделать себя свободным от всякого имущества, а во-вторых, обрести свободу от общественных стереотипов и норм, поступать всегда так, как хочется, быть в гармонии с самим собой и не сообразовываться с людскими мнениями. Тот, кто выполнит эти требования, станет существом, живущим совершенно естественно, то есть в полном согласии с природой, а также – предельно свободно и именно поэтому – счастливо. Но такая жизнь подобна существованию животных, чего Антисфен несколько не отрицает. Напротив, он подчеркивает, что животные, находясь в единстве с окружающим миром, живут необычайно просто, ничего не имея и никогда не стыдясь, не раскаяваясь, не надеясь, не отчаиваясь, они не ведают наших страстей и свободны от наших страданий и потому всегда безмятежны и беззаботны. За этот призыв уподобиться животным современники прозвали Антисфена и его последователей собаками (в греч. – кюон), поэтому школа и получила название кинической, а ее представители были киниками (собачествующими философами). В латинском языке они стали называться циниками. Сейчас мы понимаем под этим словом наглеца, пренебрегающего нормами морали, но, как видим, современный смысл этого понятия слишком далек от его первоначального содержания. Кинизм – это философия, говорящая о совершенстве и гармонии природы и губительном несовершенстве цивилизации, призывающая вернуться к естественному состоянию и проповедующая аскетизм – ограничение потребностей и **анархизм** – безусловную личную свободу человека от всего навязанного ему извне.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое эллинизация и эллинизм?
2. Почему в эллинистической философии на первый план выдвинулась антропологическая проблематика?
3. В чем заключается сходство всех эллинистических философских учений? Раскройте содержание понятия эвдемонизм.
4. Каковы основные идеи эпикурейского учения?
5. Почему возможно, утверждать, что учение Эпикура об удовольствиях является скорее аскетизмом, нежели гедонизмом?
6. Попытайтесь определить, какие удовольствия, с точки зрения Эпикура, являются естественными и необходимыми; какие – естественными, но не необходимыми; и какие – неестественными и не необходимыми.
7. Раскройте основные идеи философского учения стоиков. В чем заключается стоическое счастье?
8. Раскройте основные философские идеи скептицизма. Что представляет собой скептическое счастье? Чем отличается стоическая невозмутимость души от скептической?
9. Кто такие киники и что такое кинизм? Раскройте основные положения кинической философии.

10. Что общего и в чем различие между античными киниками и современными нам циниками?

11. В одном из сочинений Эпикура есть такое рассуждение: «...когда мы говорим, что удовольствие - это конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые..., но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог. Нет, не попойки и кутежи непрерывные, не наслаждения женщинами, не наслаждения всякими яствами, которые доставляет роскошный стол, рожают приятную жизнь, но трезвое рассуждение, исследующее причины всякого выбора и избегания и изгоняющее лживые мнения, которые производят в душе величайшее смятение». В чем заключается специфика эпикурейского учения об удовольствиях (необычность эпикурейского понимания удовольствий)?

12. Как вы понимаете известное утверждение стоика Сенеки: «Сильнее всех тот, кто владеет самим собой».

13. Скептический мыслитель Секст Эмпирик предлагает следующую классификацию философов: «Ищущим какую-нибудь вещь приходится или найти ее, или дойти до отрицания нахождения и признания ее невосприимчивости, или упорствовать в отыскании. Поэтому, может быть, и в отношении вещей, искомых в философии, одни говорили, что они нашли истину, другие высказывались, что воспринять ее невозможно, третьи еще ищут». Согласны ли вы с такой классификацией? Как вы думаете, к какому типу философов причисляли себя сами скептики?

14. Говоря о предпочтительной позиции, которую человек должен занять в отношении к обществу, Эпикур выдвинул девиз: «Проживи незаметно!» Как такая позиция философа была обусловлена историческими условиями эпохи эллинизма? Сравните этот общественный идеал Эпикура с социальной позицией Платона.

15. Чье этическое учение: эпикурейское, стоическое, скептическое или киническое ближе лично вам и почему?

Исторические типы философии: от Средневековья до Нового времени

Общая характеристика средневековой философии. Философия эпохи Возрождения

Восход теизма (патристика)

Эпоха, пришедшая на смену Древнему миру, получила название средневековья. Она охватывает период приблизительно с V по XV вв. В идейном смысле это время было периодом безраздельного господства в Европе христианской религии, которая сформировалась в начале нашей эры в римской провинции Иудее, быстро распространилась по всей империи, завоевав огромное количество сторонников и последователей. Поскольку официальной религией Древнего Рима было язычество, то появившееся христианство в первые века нашей эры подвергалось жестоким гонениям со стороны государства. Однако в IV в. оно было провозглашено новой официальной религией, и притесняемые ранее христиане из гонимых превратились в гонителей, начали неумолимо преследовать язычников и ревностно бороться с остатками старой государственной религии. В чем же столь явная непримиримость язычества и христианства? Первое является политеизмом – многобожием, второе – монотеизмом – единобожием. Но это расхождение не является настолько принципиальным, чтобы из-за него жестоко враждовать. Дело в том, что в языческом политеизме каждое божество олицетворяет собой какую-нибудь природную стихию, то есть находится не вне мира, но внутри него, растворено в нем, слито с ним воедино, а совокупность языческих богов и есть мироздание. Христианский же монотеизм утверждает не только то, что Бог один, но, главное, то, что он находится вне мира, первичен по отношению к нему, потому что его сотворил. Для язычника окружающий его мир прекрасен и единственен, вне природы и больше ее ничего нет, потому что она и есть Бог. Природа вечна, беспредельна и потому божественна. Он благоговеет перед ней и ей поклоняется. Для христианина же сколь ни совершенен был бы окружающий мир, он – всего лишь творение, а за видимым великолепием природы стоит невидимая сила, тысячу крат более совершенная и бесконечно восхитительная – Творец, который есть действительное начало и источник всего, истинное Бытие. Поэтому именно перед ним следует преклониться, а за красотой мира всегда надо пытаться усмотреть великий и непостижимый замысел потустороннего Бога. Христианин считает, что когда язычник поклоняется природе, он тем самым ее принимает за самого Творца, он подменяет его творением, совершая самую непростительную ошибку, ибо умалывает и принижает роль Бога, растворяя его в окружающем мире. Христианский взгляд является теизмом, то есть утверждением о первичности и потусторонности Бога по отношению к миру и о сотворенности последнего.

Христианство характеризуется не только монотеизмом и теизмом, но еще и **провиденциализмом** (лат. providentia – провидение), который представляет собой утверждение о том, что всё в жизни природы, человека и общества происходит в силу божественного промысла (по воле Бога) и находится под контролем Бога. Однако, несмотря на всеобъемлющую волю Бога, в провиденциализме не отрицается и не исключается воля человека. В этом, по всей видимости, будет заключаться одно из отличий провиденциализма от уже знакомого нам фатализма, в котором воля человека ни на что не влияет и не может ничего изменить.

Таким образом, античные политеизм и пантеизм сменились средневековым теизмом, под идейными знаменами которого (христианского – на Западе и мусульманского – на Востоке) прошло тысячелетие человеческой истории.

Но прежде чем христианство завоевало людские умы, их надо было очистить от языческих представлений, а также разработать и обосновать новое вероучение, что и сделали основоположники христианского мировоззрения, которых называют его отцами. В греческом языке отец – это «патэр», поэтому их философская деятельность получила название **патристики**, которая датируется первыми веками нашей эры и может быть названа начальным периодом средневековой философии, ее становлением и формированием.

Одним из основных вопросов патристики была проблема соотношения веры и знания, религии и философии. Понятно, что знание – это принятие чего-либо в силу обоснования и доказательства, то есть – опосредованно и по необходимости, в то время как вера – это принятие чего-либо помимо всяких обоснований и доказательств, то есть – непосредственно и свободно. Верить и знать – совершенно разные вещи. Религия опирается на веру, философия – на знание, и поэтому разница между ними также очевидна. Поскольку Средние века – это эпоха безусловного идейного господства в Европе христианства, проблема заключалась в возможности применения философского знания к религиозной вере. Ни о каком приоритете философии не могло быть и речи, так как главенство религии было самим собой разумеющимся. Поэтому следовало всего лишь выяснить – может ли быть философия хоть в какой-то степени совместима с религией и поэтому следует ее оставить, сделав опоркой веры, «служанкой богословия» или же, напротив, необходимо отбросить вовсе любое философствование, как занятие вредное и богопротивное.

Так, например, один из первых представителей патристики Климент Александрийский считал, что философия не противоречит религии и является подготовкой к ней, ступенькой на пути к более совершенному способу познания – вере. Бог назначил людям философствовать, говорит Климент, чтобы подготовить их к высшему – религиозному – этапу духовной жизни. Другой известный христианский автор Тертуллиан полагал, что философское знание и религиозная вера несовместимы и исключают друг друга. Основные положения веры, считал он, являются в принципе непостижимыми и находятся вне всякого разума, поэтому в них можно и непременно должно только верить с трепетом и благоговением, ни в коем случае не пытаться их понять, осознать или обосновать, ибо любая такая попытка приведет только к недоразумению и обернется абсурдом. Тертуллиану приписывают знаменитую формулу: «Верую, ибо абсурдно (Credo, quia absurdum)», то есть следует только верить, хотя слепая вера нелепа и абсурдна с точки зрения разума и знания; следует только верить, потому что бессмысленно или абсурдно пытаться понять что-либо в сверхразумных и в принципе недоступных осознанию положениях веры. Или, говоря иначе, Тертуллиан утверждает, что чем абсурднее предмет веры с точки зрения разума, тем более у нас уверенности в том, что он сверхразумного, сверхъестественного происхождения и, следовательно, тем более у нас решимости и вдохновения верить в него. Философия, опирающаяся на знание, поэтому должна быть всячески истребляема как деятельность, злонамеренно уводящая человеческую душу от истинной и чистой веры.

Если Тертуллиан считал невозможным применить логическое разумение к религиозным предметам, то другой представитель патристики Ориген, полагал это осуществимым. Вполне с позиций разума он рассуждает так: человек был создан Богом, но нарушив запрет, отпал он от него и был наказан; с тех пор весь род человеческий грешен, но среди людей есть немногие праведные, которые спасаются в рай, в то время как грешники мучаются в аду. Но ведь человек, каким бы он ни был впоследствии, изначально вышел из рук всеблаготворца, а значит, по крупному счету, все же является хорошим, и поэтому когда-либо он все равно вернется к Богу, то есть все спасется, а ада вовсе не будет. Кроме того, говорит Ориген, первые люди, положившие своим послушанием начало греху, не вполне и виноваты: зачем им была предоставлена свобода выбрать – нарушить запрет или не нарушить, ведь запретный плод всегда сладок и понятно, что они его должны были вкусить, использовать свою свободу в сторону зла, то есть их грех был в какой-то степени предопределен. А коли так, то за что первых людей жестоко и навечно наказывать? Поэтому вполне возможно их, а вместе с ними и весь человеческий род, в конце концов, простить, оправдать и спасти в рай.

Самым выдающимся представителем патристики был Аврелий Августин, епископ Гиппонский. Одно из основных его сочинений называется «О граде Божьем». Вслед за Тертуллианом он утверждал, что божественный замысел непостижим. Бог изначально предопределяет одних к спасению в рай, других – к вечным мукам в аду. Поэтому праведный является добродетельным не в силу свободного выбора, а волей предопределения, и потому нет никакой его заслуги в собственной праведности. Равно как и грешник совершает преступления не в силу сознательного выбора зла, а потому, что предопределен к нему. Одни должны спастись и поэтому при жизни праведны, а другие обречены погибнуть и оттого грешны. Получается, что последние ни в чем не виноваты, и ни в чем нет заслуги первых, стало быть, ни добрыми, ни злыми делами нельзя ничего изменить или как-то повлиять на свою будущую участь. Но тогда возникает вопрос: за что же наказывать грешников адом и поощрять праведников раем, если никто не является плохим или хорошим добровольно, но всегда – в силу сверхъестественного предопределения? Этот вопрос вполне правомерен, но только с точки зрения разума; он логичен и вытекает из мышления, а божественная воля стоит совершенно вне всякого осознания и понимания, а потому данный вопрос является бессмысленным. Равно как лишен смысла и вопрос о том, чем руководствуется Бог, творя свое предопределение, назначая одних к спасению, а других – к гибели.

На первый взгляд божественное предопределение, по Августину исключает свободу человеческой воли, то есть – сознательный выбор добрых или злых мыслей и поступков в земной жизни. И действительно, зачем человеку думать о том, что делать и чего не делать, выбирать свой жизненный путь и отвечать за свои дела, если изначально все предопределено? Однако существенным элементом учения Августина о предопределении является утверждение о том, что мы **не знаем** этого предопределения, не ведаем своей будущей участи, а это незнание и открывает пространство для свободы воли. И действительно, хоть все тотально предопределено, но я об этом ровным счетом ничего не знаю, то это предопределение никак не может влиять на мою повседневную жизнь. Ведь если я не знаю о будущем, то волей-неволей должен сам строить его, на свой страх и риск принимать решения, к чему-то стремиться, от чего-то отвращаться, задумываться о своей жизни и отвечать за все, творимое мной. Кроме того, если даже люди и разделены изначально на праведных и грешных, мы также не знаем о возможности или невозможности изменения этого предопределения на основе жизненных деяний каждого из нас. А вдруг возможно изменение начальной предопределенности в результате тех или иных мыслей и поступков человека (ведь для Бога нет ничего невозможного, а воля его бесконечна). Это неведение божественных замыслов и планов, непредсказуемость божественной воли и делает волю человека свободной. Таким образом, предопределение, не только не освобождает человека от выбора и ответственности, но, как то ни удивительно, предполагает в его жизни и то, и другое. Жесткая только на первый взгляд заданность каждой человеческой жизни, все же не так безусловна: будучи существом разумным, человек осознает свои поступки, может выбирать между хорошим и дурным, добром и злом, жить по совести или же – бессовестно; при этом ни на что однозначно не надеясь и не рассчитывая, потому что – кто будет спасен, а кто – наказан, не знает ни один из нас.

Вообще, говорит Августин, наказание существует только потому, что есть грех или зло, которое не может быть безнаказанным. Но откуда оно взялось, если Бог – абсолютное добро, а значит – не мог создать ничего плохого. Зла первоначально не было вовсе. Бог создал только добро, поэтому оно – самодостаточный и автономный мировой элемент, который существует вечно. Откуда же тогда зло?

Принципиальной идеей христианского учения является утверждение о том, что зло не совечно добру, что оно – не что иное, как умаление добра, нарушение его, отпадение от него. Ведь прародитель зла – дьявол – это падший ангел, у которого была свобода выбора – оставаться с Богом или восстать против него и отпасть от него. Он восстал против Бога и увел с собой часть ангелов, так появилось зло. Но где есть отпадение, там возможно и возвращение. Если зло вторично и не совечно добру, значит оно в принципе искоренимо. В истории философии были и другие объяснения зла. Так например в некоторых восточных религиозных учениях зло – равновеликий добру мировой элемент, оно параллельно с ним существует, является самостоятельным началом и неискоренимо. А античные стоики считали, что зло – это необходимый элемент мировой гармонии: оно только при ближайшем рассмотрении является злом, а при взгляде на него в контексте мирового целого вовсе не является злом (как масляная картина, будучи при ближайшем рассмотрении – хаосом цветных пятен и штрихов, при восприятии на расстоянии превращается в прекрасный портрет или пейзаж, или натюрморт). Такой же точки зрения на природу зла придерживался немецкий философ XVII века Готфрид Лейбниц. Итак, по христианским воззрениям зло – это отпадение от добра. Здесь могут возразить – а почему бы не предположить наоборот, – что добро – это отпадение от зла. Однако такое утверждение невозможно, ведь отпадение (нарушение, искажение, умаление) – это уже зло. Следовательно от зла отпасть невозможно. А вот от добра можно вполне. И как когда-то от Бога отпал один из ангелов и тем самым положил начало злу, так же отпали от Бога и первые люди. История с отпадением повторилась.

Первые люди располагали свободным выбором: они могли нарушить божественный запрет вкушать с древа познания или же могли не нарушить его. В случае нарушения зло (уже на человеческом уровне) появилось бы, а в случае послушания его не было бы. То есть оно могло быть, а могло и не быть, находилось всего лишь в возможности, в потенциальном состоянии и переросло бы в действительность только при определенных условиях. Таким образом, Бог не создавал зла, говорит Августин, оно проистекло из свободной воли одного из ангелов и – позже – человеческой воли.

Первые люди выбрали нарушение запрета, то есть зло, в результате чего человек отпал от Бога и был изгнан на Землю. Грехопадение является, по Августину, началом человеческой истории. Середина ее – это первое пришествие Спасителя и искупление людских грехов мученической смертью на кресте. Концом истории будет второе пришествие и установление Божьего Царства на Земле. У Августина впервые появляется линейное понимание истории (она имеет начало, середину и конец), в то время как в античности было циклическое представление (история – такой же однообразный круговорот, который наблюдается в природе). Однако линейность исторического процесса в представлении Августина содержит в себе и циклические черты. Мы отчетливо видим триаду: пребывание (человек с Богом), отпадение (земная история), возвращение (человек вновь с Богом). В чем разница между первым и третьим элементами этой триады? В первой стадии человек с Богом в силу своего неведения: он не знает, что такое зло и поэтому совершенно добр. Когда же он стал знающим, он перестал быть добрым, узнав зло, сделался злым (греховным) и потому отпал от Бога, чтобы длительной и страдальческой земной историей очиститься и искупить свое преступление. В результате он преодолевает зло и вновь становится добрым. Но теперь он знает о зле, но все равно абсолютно добр и в этом новом качестве возвращается к Богу. Таким образом, на первом этапе человек находится с ним бессознательно и непроизвольно и поэтому не вполне заслуженно, на третьем же – совершенно осознанно и по своей свободной воле, а потому заслуга его в данном случае очевидна. Эта триада может быть обозначена так: тезис – антитезис – синтез. Последний ее элемент – это соединение первых двух. Сначала человек не знает и добр, потом он знает, но не добр и, наконец, он и знает и является добрым. Перед нами – в религиозной форме – вечный сюжет, о котором мы уже говорили в параграфе о мифологии: пока мы там, не знаем, когда же знаем, уже не там и очень хочется вернуться в новом знающем состоянии в прошлую ситуацию, что и будет синтезом первого и второго – мечта самая великая и невероятная из всех возможных, которая наверно поэтому и облеклась в христианском воззрении в форму представления о втором пришествии и конце истории.

Вопросы для самопроверки

1. Вспомните из курса истории Древнего мира когда, где и как зародилась христианская религия.
2. В чем заключаются причины непримиримой вражды язычников и христиан? Каковы основные различия их мировоззрений? На основании своего ответа заполните таблицу:

	язычество	христианство
Представления о Боге		
Представления о Природе		
Представления о Человеке		

3. Что такое патристика? Каковы ее основные вопросы и проблемы?
4. Объясните различия между знанием и верой.
5. Раскройте основные идеи главных представителей патристики: Климента, Тертуллиана, Оригена и Августина.
6. Аврелий Августин в одном из своих произведений утверждал: «...существовало всегда не более как два рода человеческого общения, которые мы... справедливо можем называть двумя градами. Один из них составляется из людей, желающих жить в мире своего рода по плоти; другой – из желающих жить также по духу... Два града созданы двумя родами любви: земной- любовью к себе, доведенной до презрения к Богу, а небесный – любовью к Богу, доведенной до презрения к самому себе. Первый затем полагает славу свою в самом себе, последний – в Господе». Что называет Августин земным градом и что – небесным? Какие принципы с его точки зрения лежат в основе существования первого и второго градов?

Можно ли осмыслить догматы вероучения? (схоластика и мистика)

В Средние века философия перестала быть свободным видом интеллектуальной деятельности, исследующей бесконечные тайны окружающего мира и дерзающей проникнуть в его глубины. Мироздание стало рассматриваться как творение, воплощение божественного замысла, и поэтому в центре познания оказалось не оно, а Творец, в силу чего и философия как наука о мире потеряла свое прежнее значение. Теперь участь ее решалась, как мы уже видели, рассматривая взгляды патристики, следующим образом: если философия имеет право на существование, то должна быть «служанкой богословия», а если же – не имеет, то ее следует предать забвению, отбросить за ненужностью.

В каком случае ее можно будет оставить, а в каком – нет? Все зависит от того, может ли она помочь в делах веры или же – неспособна на это. А помочь – это значит обосновывать положения религии, приводить для них разумные основания, уметь их доказывать. Понятно, что и одной веры в религиозные предметы вполне достаточно, но если ее можно будет логически разработать, укрепить с помощью разума и философского знания, то это нисколько не помешает и окажет религии несомненную услугу.

Основные положения веры называются догматами. Вопрос заключался в том, можно ли применить к ним философское рассуждение, то есть осмыслить их и понять, а не только верить в них. Приведем некоторые из этих положений. 1) Бог всемогущ и всеблаг (то есть является абсолютным добром). 2) Бог совершенно свободен. 3) Он сотворил мир из ничего. 4) Первые люди, как младенцы, ничего не ведали, то есть были неразумными, а потому – безмятежными и счастливыми; однако у них была возможность свободно выбрать нарушение или не нарушение божественного запрета вкушать с древа познания. 5) Бог создал сначала мужчину, потом – женщину, установил свой запрет, но они ослушались, совершили грех и в наказание были изгнаны из рая и осуждены на земную жизнь. 6) Род человеческий произошел от Адама и Евы и поэтому все люди грешны и совершают зло, за что наказываются муками в аду. 7) Однако в конце земной истории человек должен вернуться к Богу. При попытке осмыслить эти положения возникают различные вопросы, недоразумения и противоречия. 1) Если Бог всемогущ, то в его ведении находится и зло, но тогда он не всеблаг (т.е. не является абсолютным добром), а если он всеблаг (т.е. – только добро), тогда зло – не от него и ему не подчиняется, но в этом случае он не всемогущ. Получается, что всемогущество и всеблагость несовместимы и исключают друг друга. Из этого выросла очень важная в Средние века и в последующие эпохи проблема **теодицеи** (богооправдания) – объяснения существования зла. 2) Абсолютная свобода есть полная непредсказуемость и неопределенность, ведь это возможность и способность быть кем угодно, каким угодно и когда угодно и даже не быть вовсе. Когда же мы говорим, что Бог всегда есть, что он – только добро, то мы тем самым обрекаем его на то, чтобы всегда быть (а не быть, получается, ему нельзя), а также – являться только добрым (а быть каким-либо иным, получается, ему нельзя), то есть, приписывая ему некие определенные свойства, ограничиваем его абсолютную свободу. Ведь она – это мочь все, у нас же получается, что Бог не может абсолютно все. Например, не может не существовать или самоуничтожиться, или творить злые дела. А может ли Бог создать существо, более могущественное, чем он сам? Это вопрос, который, несомненно, ставит в тупик наш разум. 3) Наше сознание неизбежно исходит из положения о том, что из ничего не может произойти нечто (вспомним философию элейской школы), поэтому творение из ничего не совсем понятно. Если же предположить, что Бог сотворил мир из материи, то возникает вопрос, откуда она взялась: если существовала всегда наравне с Богом, то тогда он не всемогущий, ибо материя, получается, есть независимое от него начало; если же материю создал Бог, то тогда он не всеблаг, потому что как может абсолютное совершенство и добро создать несовершенную и злую материю (телесное, физическое). 4) Каким образом мог неразумный и несвободный первый человек совершить разумный, осознанный и свободный выбор? 5) Создавая два разнополюсных существа и запрещая им вкушать плоды с древа познания, Бог не то, чтобы не мог предвидеть, а наверняка знал, что случится дальше, то есть как бы и спланировал всю последующую историю. Но почему-то, когда первые люди совершили грех, Бог прогневался на них, как будто совсем этого не ожидал и изгнал их из рая. За что же наказывать Адама и Еву, если их поступок был прогнозирован, и они должны были поступить именно так, как поступили? 6) За что наказывать всех остальных людей, произошедших от первых грешников, муками в аду, если все они являются грешными автоматически, не по своей воле, то есть несвободны в своем грехе, не выбирали сознательно своей грешной участи? 7) Если в конце концов человек будет оправдан и вновь станет с Богом, то зачем было ему отпадать от Творца? И вообще, зачем потребовалась Богу вся эта мировая мистерия: создание первых людей, запрет о древе познания, изгнание из рая и земная история? И зачем он вообще сотворил мир? Ведь он есть Всё, и поэтому абсолютно самодостаточен, и, в этом случае, вроде бы не должен вовсе заниматься какой-либо деятельностью. Кроме того, если Бог – это Всё, то как возможно Творение еще чего-то, то есть как можно ко Всему что-либо присовокупить, если оно и так уже Всё?

Эти вопросы возникли при попытке понять разумом основные положения веры. Все эти «почему» и «зачем», и «каким образом», и «как могло» появляются только тогда, когда мы пытаемся осмыслить или уразуметь, или обосновать логически религиозные предметы, разобраться в них с помощью рассудка. Но неизбежно возникающие при этом противоречия приводят нас к тому, что положения веры вне разумны или сверхразумны, а потому применить к ним сознательное рассмотрение невозможно. Разум и вера несовместимы, и поэтому следует только верить, не пытаясь что-либо понять или осознать, ибо это дело бесполезное и бессмысленное. Бог ведь – сущность за пределами и непостижимая, абсолютно совершенная и невыразимая ни в каких понятиях и категориях. Можно ли о нем рассуждать так же, как об обычных и повседневных предметах, пытаясь применить к нему не только логику, но даже здравый смысл? Не смешно и не наивно ли стремиться нашим несовершенным человеческим разумением постичь, а тем более объяснить разумение высшее и божественное? Не бесконечно ли жалки, тщетны и абсурдны наши попытки ответить на вопросы о том, зачем Богу надо было это или то-то, почему он поступил так-то, а не иначе? Его воля, замыслы и планы в принципе недоступны нашему пониманию, а значит мы должны не осмысливать, а созерцать их с трепетом и благоговением перед их величием и непостижимостью, должны бесконечно верить в религиозные истины, а не препарировать их своим ничтожным разумением. Такая позиция получила название **мистики** (от греч. мюстикос – таинственный) и говорила о бесполезности философского знания, которое никак не сможет помочь религии, но только навредит ей. Путь к Богу лежит не через разум, а через откровение и мистический экстаз, которые достигаются только неограниченной и чистой верой. Формулой мистики является уже известное нам изречение Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно (Credo, quia absurdum)». Наиболее значительными представителями средневековой мистики были французский мыслитель Бернар Клервосский, итальянский – Джованни Бонавентура и немецкие – Иоганн Экхарт и Иоганн Таулер.

Однако, было и другое направление в духовной жизни Средних веков. Представители его считали, что недоразумения при попытках понять положения веры возникают оттого, что мы просто не можем как следует применить к ним разум. Противоречия получаются от неправильного его использования. Надо всего лишь найти верный способ осознания религиозных истин, выработать метод их понимания. Разум и вера не противоречат друг другу и не являются взаимоисключающими элементами, а поэтому их вполне можно объединить, надо только уметь это сделать. Возможен синтез веры и знания, религии и философии, следует только найти

правильные пути такого соединения, разработать надежные способы преодоления всех возможных вопросов и противоречий. В данном случае к Богу ведут одновременно два пути: вера и знание. Возможно не только верить в предметы религии, но и понимать их, уметь обосновывать и доказывать. Такое направление стало называться **схоластикой** (от лат. scholasticos – ученый). Формулой схоластики было изречение, часто приписываемое философу XI века Ансельму Кентерберийскому: «Верую, чтобы понимать (Credo, ut intelligam)». Наиболее значительными представителями средневековой схоластики были ирландский философ Иоанн Скот Эриугена, французские мыслители Иоанн Росцелин и Пьер Абеляр, немецкий философ Альберт Больштедтский, итальянский – Фома Аквинский, испанский – Раймунд Луллий, шотландский – Иоанн Дунс Скот, английские - Уильям Оккам и Роджер Бэкон. Обратим внимание: и в мистике и в схоластике основное положение начинается со слова «верую (credo)», то есть в любом случае речь идет о том, что сначала следует именно верить, что вера обязательно первична, а далее уже или можно или нельзя применить к ней разум и знание. Таким образом, было бы совершенно невозможным (в Средние века) положение: «Знаю, а потому верю». В схоластике философии отводится вторичная роль, она должна служить подспорьем религиозной веры, помогать ей. Но когда философию превращают в служанку религии, то тем самым ее не умаляют (в духовных масштабах средневековья), а, наоборот, оказывают ей немалую честь, так как предоставляют возможность существовать (пусть и в подчиненном положении), ведь в противном случае она вообще отбрасывается, теряя всякое право на существование. Философией Средних веков, поэтому, была схоластика, которая прошла в своем развитии три этапа: 1) стадию становления (IX-XI вв.), 2) период расцвета (XII-XIII вв.) и 3) эпоху упадка (XIV-XV вв.).

Вопросы для самопроверки

1. Какие противоречия возникают при попытке осмысления религиозных догматов? Что такое теодицея?
2. Каким образом объясняют противоречия между знанием и верой представители мистики? Как они решают проблему соотношения религии и философии?
3. Каким образом объясняют противоречия между знанием и верой представители схоластики? Как они решают проблему соотношения религии и философии.
4. С помощью толковых словарей выясните какое значение имеет термин «схоластика» помимо прямого (то есть - средневековая философия). Попробуйте объяснить происхождение второго значения.
5. Выдающийся французский писатель Стендаль, размышляя о Творце и творении, иронично заметил: «Единственным оправданием Бога является то, что его не существует». Как вы думаете, о чем идет речь в этом странном, на первый взгляд, высказывании?

Доказательства существования Бога

Для мистики существование Бога было самоочевидным и не подлежало никакому обоснованию. Для схоластики оно тоже являлось несомненным и очевидным, но она, будучи философствованием в вере, вполне могла выдвинуть разумные основания или аргументы в пользу существования Бога. Что она и сделала, оставив нам несколько таких доказательств. Возможно, что некоторые из них были созданы еще в античности, и средневековая мысль опиралась поэтому на предыдущую философию, однако окончательно сформулированы и разработаны они были именно в схоластике. Рассмотрим пять наиболее принципиальных доказательств.

Онтологический аргумент представляет собой такое рассуждение. Бог – это, по определению (т.е. это вытекает из самого понятия Бога), - абсолютное совершенство. Ведь если бы Бог не был абсолютным совершенством, то он автоматически не мог бы быть Богом. Далее зададимся таким вопросом: не существовать, не быть, не являться, отсутствовать – это все – признаки совершенства или несовершенства? Конечно же, это признаки несовершенства. Или, говоря иначе, абсолютное совершенство включает в себя много признаков, среди которых находится и признак наличия, существования, Бытия, ведь если бы этого признака не было, то тогда абсолютное совершенство не могло бы быть самим собой. Итак, Бог - это абсолютное совершенство, а не существовать, не быть – это признак несовершенства, следовательно, Бог не может не существовать. Этот аргумент называется онтологическим, потому что в нем утверждается, что из самого понятия Бога вытекает его существование, его Бытие (в греч. – онтос).

Психологический аргумент (греч. псюхэ – душа) звучит следующим образом. Мы мыслим Бога, значит, он существует, ибо нельзя мыслить то, чего нет, никогда не было и не может быть вовсе. Ведь все, что есть в нашем сознании (мысли, понятия, образы) попало туда из внешнего мира, который мы видим, слышим, осязаем, и по поводу которого имеем в своем уме какие-то представления. Если бы у некоего человека, допустим, не работал бы ни один орган чувств, то есть его ничто не связывало бы с окружающим миром, не было бы ни одного канала, по которому он мог бы получить информацию о том, что вне его что-то существует, тогда его сознание было бы абсолютно темным и пустым: ни одной мысли и ни малейшего представления не могло бы появиться в нем. Мы потому что-либо думаем, представляем или воображаем, что каждодневно, будучи живыми существами, воспринимаем, все окружающее нас. Наше сознание поэтому является как бы отражением всего, что существует и происходит во внешнем мире. Стало быть в нашем уме должно быть все то, что существует вне нас, и если мы что-либо мыслим или представляем, то оно существует не только в нашем сознании, но и в действительности, а значит невозможно мыслить то, чего никогда, вообще, в принципе не существует и не может существовать.

Здесь можно возразить: а как же всякие фантазии, мечты, нереальные вымыслы и все прочее? Например, можем же мы представить себе Змея Горыныча, однако не значит же это, что он действительно существует. Но откуда в человеческом уме взялся образ этого существа? Неужели он возник абсолютно из ничего, на пустом месте? Мы прекрасно знаем, что из ничего не бывает

нечто. Люди видели сверкающие на небе молнии, слышали раскаты грома, их ужасали лесные пожары и они оборонялись от хищных животных – лающих, воющих со страшными клыками и горящими глазами, и, возможно, все это соединилось в их сознании, произведя образ Змея Горыныча. Пусть он и не существует точно таким, каким люди себе его представляют, но мы видим, что этому образу в человеческом сознании все же нечто соответствует в окружающем мире, а стало быть это представление появилось не на абсолютно пустом месте. Этот пример, возможно, является грубым, но он – всего лишь иллюстрация для утверждения о том, что нельзя представлять или мыслить то, чего абсолютно нигде, никак и никогда нет. Мы мыслим Бога, в нашем уме слишком устойчиво и стабильно понятие о нем, значит вне нас что-то реально существующее этому представлению соответствует, и пусть оно существует не совсем так, как мы его себе представляем, главное, что оно не может не существовать вовсе. Достаточно обратить внимание на то, что все без сомнения народы, жившие в разные времена и в различных местах, совершенно не сговариваясь друг с другом, необыкновенно настойчиво и упорно говорили о существовании бесконечном, всемогущем и абсолютно добром. Неужели же это рассуждение возникало совершенно на пустом месте?

Космологический аргумент говорит, что у каждой вещи есть своя причина, по которой она и появилась на свет, ведь в противном случае придется предположить, что нечто возникает из ничего. Но и у самой этой причины тоже есть своя какая-то причина. Двигаясь, таким образом, по огромной цепочке причин в прошлое мы доходим до первопричины, которой ничто не предшествовало и которая ниоткуда не взялась, потому что существовала вечно. Мы видели, как много в античности говорили о первоначале – той основе мироздания, которая неизменна и единственным своим неотъемлемым свойством имеет вечное существование, в силу чего и может быть названа истинным Бытием. Вообще из самого факта наличия мира вытекает обязательное присутствие чего-то вечно существующего, так как его отсутствие непременно означало бы невозможность самого мироздания. В Средние века эту первопричину стали рассматривать как потустороннего Бога, который и есть основа, источник и начало всего существующего. Аргумент называется космологическим, потому что рассуждает о происхождении мира (в греческом языке мир – это космос). Если у всего на свете есть причина, то и у космоса (мира) в целом тоже есть своя некая причина, которая несомненно первична по отношению к нему и более совершенна, чем он. Но что может быть больше и совершеннее, чем все бескрайнее мироздание? Только Бог.

Телеологический аргумент предлагает нам посмотреть вокруг себя и отчетливо увидеть, что окружающий мир упорядочен и гармоничен, устроен необычайно правильно, грамотно, разумно или целесообразно (в греческом языке телеос – это цель). Все в нем происходит ритмично, в строгой последовательности, будто запрограммировано: день меняется ночью, а ночь – днем, зима – весной и летом, а те, в свою очередь – осенью и новой зимой; за расцветом следует упадок, за рождением – расцвет. А на небесной сфере планеты, звезды и целые галактики движутся необыкновенно упорядоченно, с точностью часового механизма. Медленно и верно идут они по одним и тем же траекториям и орбитам, неизменными путями возвращаются в исходные точки и продолжают свой ход, так что мы можем совершенно точно рассчитать положение любого небесного тела в какой угодно момент времени.

Нет, наверное, человека, который стал бы утверждать, что наш мир представляет собой не порядок, а хаос. А если кто и настаивает на последнем, то, наверное, оттого, что невнимательно смотрит на окружающее, не может, а скорее не хочет увидеть вечную стабильность и гармонию происходящего. Все вокруг будто бы подогнано друг к другу с тонким и безупречным расчетом, так что мироздание представляет собой совершеннейший механизм, действующий вечно и безотказно.

Если мы бросаем в весеннюю землю маленькое семечко, то оно неизменно пускает в нее свои корешки, чтобы пить влагу и впитывать в себя силу земли, а листьями тянется к солнцу, поглощая его неиссякаемую энергию и дыша теплым летним воздухом, чтобы крепнуть и расти, а на исходе лета уронить сотни тысяч таких же семян, одним из которых оно было раньше, несущих в себе миллионы грядущих жизней. Если бы мир был хаосом, мы не могли бы питать твердой уверенности в том, что завтра Солнце взойдет на Востоке, что весеннее тепло через пару месяцев растопит снег и можно будет возделывать поля, собрав с них осенью урожай. Если бы отсутствовала стабильность во всем происходящем, жизнь была бы невозможна вовсе. Попробуйте сказать, что наше существование не отличается неизменной упорядоченностью, что любая человеческая жизнь не протекает, по крупному счету, по одному и тому же сценарию и не руководится едиными для всех законами.

Каждый из нас рождается, растет, взрослеет, стареет и умирает. Кто из людей не испытывает радость удач и горечь поражений? Кто смог избежать в своей жизни надежд и отчаяний, благородных порывов и грешных мыслей? Кто не стремился к счастью и никогда не ведал любви? Найдите хотя бы одну девочку на всем белом свете, которая, превратившись в девушку, не влюбилась бы в какого-нибудь юношу и не жаждала бы ответного чувства, чтобы, соединившись с ним, подарить жизнь новым поколениям девочек и мальчиков, которые позже в точности повторят путь своих предшественников.

При взгляде на мировой порядок невольно возникает вопрос: могла ли неразумная, а тем более неживая материя сама по себе так правильно и разумно устроиться? Не могла! Значит, необходимо предположить наличие некоего разума, подобного нашему, только гораздо более совершенного и предельно могущественного, который и упорядочил все мироздание, приведя его к состоянию беспредельной красоты и гармонии. Этот разум и есть Бог. Здесь можно провести следующую аналогию. Допустим мы бросаем на поверхность стола горсть цветных мозаичных стеклышек. Упадут ли они хоть когда-нибудь в какую-либо разумную комбинацию: орнамент, например, или рисунок? Никогда. Они всегда будут рассыпаться хаотически. Но если мы встанем перед беспорядочно разбросанным набором и по какому-то образу своего сознания расположим эти стеклышки в некоем порядке, то получится и рисунок, и узор, и орнамент – в зависимости от нашего желания. Неужели же материя, будучи просто заброшенной в пустоту будущего мироздания могла сама организовать в стройный и восхитительный порядок? Видимо какой-то разум и воплотил в ней свой великий замысел, создав необъятную мировую комбинацию, поражающую нас своей абсолютной завершенностью и бескрайним совершенством.

Волюнтаристический аргумент (от слова «воля» в смысле – возможность, способность, сила, могущество) исходит из того, что все существующее расположено в иерархическом порядке, то есть находится на различных ступенях или уровнях своих способностей, возможностей, сил. Первый и самый низкий уровень – это неживые тела, которые существуют, но не наделены жизнью и поэтому они не активны, а пассивны (т.е. никаких собственных активных возможностей у них нет). Второй уровень – это живая природа, которая наделена жизнью, но не наделена разумом, и поэтому у нее возможностей и способностей к самостоятельной активности больше, чем у неживой природы, но меньше, чем у разумного существа – человека. Таким образом, третий уровень – это человек, который наделен разумом, но не наделен абсолютной волей, то есть может гораздо больше, чем неживая и живая природа, но не может всего, не является всемогущим. Следовательно, для завершения мировой иерархии совершенно необходимо предположить наличие (реальное существование) последнего, четвертого уровня или ступени. Это будет Бог, который обладает не только разумом, но и абсолютной волей, то есть является всемогущим.

У известного средневекового схоласта Фомы Аквинского пять доказательств существования Бога выглядят иначе. Его пять аргументов представляют собой различные вариации двух рассмотренных выше доказательств (космологического и телеологического).

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте смысл онтологического аргумента.
2. Как звучит психологический аргумент?
3. Что представляет собой космологический аргумент?
4. О чем говорится в телеологическом аргументе?
5. Как звучит волюнтаристический аргумент?
6. Какой из трех аргументов представляется вам наиболее убедительным? Обоснуйте свой ответ.

Спор об универсалиях

Одной из проблем средневековой философии было решение вопроса об универсалиях. В переводе с латинского этот термин (*universalia*) обозначает общие понятия, то есть наиболее широкие, обобщающие большой класс предметов. Так, например, универсалиями являются понятия «человек», «животное», «растение», «небесное тело» и многие другие. Вопрос заключался в том, существуют ли эти общие понятия реально, сами по себе, так же, как и вещи или же они – всего лишь названия и поэтому существуют только в качестве слов и не во внешнем мире, а в нашем уме. Мы, скорее всего, придерживаемся той точки зрения, что реально существуют конкретные предметы, а общие понятия – это только их обозначения и находятся в нашем сознании. Так, например, мы говорим, что нет дерева вообще, то есть такого предмета, в котором были бы собраны все возможные на земле деревья. Как нет и животного вообще, и человека вообще, а есть только конкретные, индивидуальные, единичные животные и люди, а общие понятия – это названия для больших групп сходных между собой предметов. Так считаем мы. Но ведь можно посмотреть на эту проблему совершенно иначе, что и сделал, как мы уже видели, античный философ Платон, полагавший, что идея или общее понятие, или универсалия существует реально, но в невидимом и высшем мире, а видимые нами конкретные вещи – всего лишь ее порождения. Средневековые философы, разделявшие точку зрения Платона, стали называться реалистами, так как считали универсалии реально существующими объектами, а их позиция получила название **реализма**. Противоположная точка зрения стала называться **номинализмом** (в лат. *nomen* – имя), так как ее представители полагали, что универсалии – это только имена и существуют не сами по себе, но лишь в человеческом сознании в качестве понятий или терминов, а реально же существуют, считали они, единичные, конкретные, чувственно воспринимаемые нами предметы. Таким образом, средневековый реализм не имеет ничего общего с современным значением этого слова и является идеалистическим философским воззрением, в то время как номинализм, несомненно, ближе к материализму. Понятно поэтому, что философией средневековья был реализм, номиналистические же взгляды появились и стали распространенными в эпоху упадка Средних веков, в рассветных сумерках Возрождения.

Реализм и номинализм имели свои разновидности. Так реализм был крайним и умеренным. Крайний реализм утверждал, что универсалии существуют до вещей (*universalia ante rem*), в высшем и недоступном нашему восприятию мире, а все вещи – это производные от них сущности; любой видимый нами предмет обусловлен невидимой и вечной идеей (универсалией), его порождающей. Как видим, крайний реализм восходит к платоновскому учению. Умеренная форма реализма говорила, что универсалии существуют в самих вещах (*universalia in re*), в качестве их неизменных и определяющих оснований. Мир идей (универсалий) и мир вещей едины и образуют всю окружающую нас действительность. В любом предмете присутствует какая-либо идеальная сущность – универсалия, которая и делает его из бесформенной материи нормальной вещью. Умеренный реализм, поэтому, восходит к теории Аристотеля. Номинализм также был крайним и умеренным. Умеренный номинализм полагал, что универсалии существуют после вещей (*universalia post rem*), в нашем сознании в виде обобщенных названий этих вещей – понятий. Хотя последние и не существуют объективно и являются только терминами и словами, они имеют немаловажное значение: ведь с помощью понятий мы разбиваем действительность на различные сферы и области, упорядочиваем ее, в силу чего нам легче в ней ориентироваться и ее познавать. Поскольку понятие в латинском языке – это «концепт (*conceptus*)», то умеренный номинализм называется также **концептуализмом**. Крайний же номинализм считал общие понятия совершенно бессмысленными: если они не

существуют реально, то незачем о них вообще говорить. Например, существует конкретное дерево – мы его видим и осязаем, и вполне можем рассуждать о нем и познавать этот предмет, как и любой другой, который действительно существует. Но что такое дерево вообще? Слово или пустой звук, за которым не стоит никакой реальности, ничемное название, полностью лишенное смысла. Невозможно какую-либо вещь обозначить более общим названием, подвести ее под некое более широкое понятие, потому что она – ровно столько, сколько в ней есть – единичный конкретный предмет и ничего общего в себе не содержит. Поэтому универсалии, говорили крайние номиналисты – это всего лишь сотрясения воздуха (*flatus vocis*) и их существование никому не нужно, почему и следует от них вообще отказаться, а в рассмотрении принимать только конкретные, индивидуальные, реально существующие предметы.

Как мы уже отметили, философией Средних веков, конечно же, был реализм, но в эпоху ранней схоластики более распространенной была его крайняя форма, представляющая собой по смыслу платоновское воззрение, однако в период расцвета схоластики или - зрелого средневековья прочно утвердился умеренный реализм – аристотелевская по сути точка зрения, примиряющая мир материальный с идеальным, охватывающая собой все возможные сферы сущего в грандиозной, претендующей на абсолютную завершенность философской системе.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое универсалии? В чем заключалась сущность средневековой полемики вокруг них?
2. Раскройте содержание понятий реализм и номинализм в контексте средневековой философии.
3. Чем отличается крайний реализм от умеренного?
4. Чем отличается умеренный номинализм от крайнего?
5. Попробуйте сочинить рассуждения о каком-нибудь предмете (дерево, цветке, яблоке и т.п.) с философских позиций крайнего и умеренного реализма, а также с точек зрения умеренного и крайнего номинализма.
6. Кем, по вашему мнению, - рационалистами или сенсуалистами – были (то есть опирались на разум или чувства в познании мира) средневековые реалисты и кем были средневековые номиналисты?

Ангельский доктор (Фома Аквинский)

Самым выдающимся философом периода расцвета схоластики и всего вообще средневековья был итальянский религиозный мыслитель Фома Аквинский. В латинском языке его имя звучит как Томас, поэтому его учение получило название **томизма**. В настоящее время оно, в обновленном виде, является философской основой католицизма и одним из направлений современной философии, и называется **неотомизмом** (то есть возобновленным в новых условиях учением Фомы Аквинского). Итальянский схоласт создал грандиозную религиозно-философскую систему, в которой нашли место и были осмыслены все существующие тогда реалии, и которая на долгое время стала глобальным объяснением мироздания для средневекового человека.

Схоластика как попытка синтеза веры и разума, религии и философии достигла в учении Фомы своего апогея. Религиозная вера и философское знание не противоречат друг другу, говорит Аквинат, но, напротив, поддерживают друг друга, дополняют и образуют единство. Окружающий нас мир является божественным творением, а значит несет в себе тайну великого замысла, скрывает воплощенную в телесные вещи волю Творца. Поэтому через восприятие мира или творения мы пусть косвенно, но постигаем отчасти божественное, пусть незначительно, но приближаемся к нему. Однако, познание мира, в котором мы живем, происходит с помощью разума и философии, в силу чего философское знание через постижение окружающей действительности приближает нас к первопричине ее – Богу. Этот путь опосредованный или косвенный и, конечно же, не способен открыть всей истины, однако он ведет через познание творения к частичному постижению Творца и поэтому отвергать данную возможность приближения к Богу или игнорировать ее нет смысла.

Представьте себе, что вы смотрите на прекрасное живописное полотно, слушаете чудную музыку, со слезами на глазах читаете стихотворные строки. Вы удивляетесь таланту живописца, композитора или поэта. Но вот вы видите перед собой великолепную картину природы. Кто из нас хотя бы один раз в своей жизни не смотрел с замиранием сердца на величественно закатывающееся за край далекого горизонта яркое Солнце, не восхищался сияющей и прозрачной лазурью бесконечного неба, кого не завораживали переливающиеся всеми цветами радуги капельки утренней росы или пляшущие огоньки ночного костра, кто не бродил в задумчивости по осеннему лесу, вглядываясь в его золотую глубину? Так если за великолепием живописного полотна, музыкального произведения или стихотворных строк стоит какой-то человеческий гений, значит за гармонией и величием окружающего нас мира мы должны предположить наличие Творца, во много раз более гениального и совершенного. Что как не его фантастический замысел и таинственная кисть произвели вокруг нас непостижимую красоту природы? (Вспомним телеологический аргумент). По произведению художника, композитора или поэта мы узнаем отчасти о самом создателе этого произведения. Конечно же это будет знание неполное, ведь автор всегда больше, шире, сложнее, глубже, чем любое его творение. Разве не хотелось нам, придя в восторг от какого-либо произведения, увидеть его создателя, поговорить с ним? Точно так же по творению Бога – мирозданию – мы узнаем отчасти Творца. Разумеется, это знание крайне фрагментарно, и нам хочется выйти за его пределы, подняться до самого Создателя, но стоит ли пренебрегать творением, которое приоткрывает завесу над божественным гением?

Наоборот, стоит использовать эту возможность, пристально всматриваться в творение, а значит – совершенствовать разум, приумножать знание, так как оно оказывает великую услугу религии, укрепляя и обосновывая веру в начальную причину всего сущего – творящего Бога. Мысль о том, что философия должна быть служанкой религии (или служанкой богословия) принадлежит как раз Фоме Аквинскому. Однако, философское знание – всего лишь подспорье, потому что есть еще и прямой, непосредственный путь постижения Бога – через религиозную веру в него. Путем молитвы, поста, благоговения и трепета верующий может получить божественное откровение, то есть неким непостижимым чудесным образом узреть истины величайшие и вечные, которые никогда не могут быть добыты разумом и философией. Понятно, что этот мистический путь выше и совершеннее, чем рациональное познание, что вера выше разума, а религия выше философии. Если, например, между положениями веры и разума возникают противоречия, значит ошибается разум, потому что вера ошибаться не может. Важно, что между тем и другим возможна гармония, что и религия и философия ведут к одному и тому же и поэтому надо всесторонне обосновывать и разрабатывать их союз. Необходимо уметь преодолевать возникающие противоречия между верой и разумом, ибо они возникают не от принципиальной внеразумности веры и не от абсолютной неприменимости разумного к религиозным предметам, но только от нашего неумения, а, возможно, и нежелания увидеть и понять их возможное и даже должествующее согласие.

В своей философской системе Фома Аквинский при объяснении мироздания во многом использовал учение Аристотеля о форме и материи. Все нас окружающее, говорит Фома вслед за Аристотелем – это единство материи и формы. При этом несовершенная материя – всего лишь возможность чего-то, сущность вещей, в то время как форма – начало идеальное и неизменное – из этой возможности созидает действительность, а сущность приводит к подлинному существованию. Вклад Фомы Аквинского в разработку всевозможных проблем средневековой философии был наиболее значительным по сравнению с философской деятельностью других мыслителей средневековья, и поэтому современники называли его «ангельским доктором» (doctor angelicus). Вообще, латинский термин «доктор» означал в Средние века – ученый, или, точнее, – наиболее ученый (хотя и сегодня один из смыслов слова «доктор» – ученый человек) и являлся званием, которое присваивали наиболее отличившимся своими философскими заслугами (сегодня «доктор» - это также высшая ученая степень).

Как видим, в начале Средних веков были сильны сомнения в возможности применения философии к религии; зрелое средневековье ознаменовалось торжеством схоластики, в которой философствование стало средством укрепления веры; не удивительно поэтому, что на закате рассматриваемой эпохи сначала стали появляться сомнения в совместимости философского знания и религиозной веры, которые постепенно привели к полному освобождению философии от роли служанки религии.

Вопросы для самопроверки

1. Почему учение Фомы Аквинского считается кульминационным пунктом в развитии схоластики?
2. Каким образом Фома Аквинский обосновывает утверждение о том, что между разумом и верой не должно быть противоречий?
3. Идеи какого античного мыслителя оказали большое влияние на формирование философской доктрины томизма. Какие именно это были идеи? Как вы думаете, почему именно этот мыслитель из всех античных философов стал большим авторитетом в духовной жизни средневековья?
4. Определите, к какому аргументу из рассмотренных можно отнести следующее рассуждение Фомы Аквинского: «... В этом мире нечто движется. Но все, что движется, имеет причиной своего движения нечто иное: ведь оно движется лишь потому, что находится в потенциальном состоянии относительно того, к чему оно движется... Невозможно, чтобы нечто было одновременно и движущим и движимым. Следовательно все, что движется должно иметь источником своего движения нечто иное. Следовательно, коль скоро движущий предмет и сам движется, его движет еще один предмет, и так далее. Но невозможно, чтобы так продолжалось до бесконечности... Следовательно, необходимо дойти до некоторого перводвигателя, который сам не движим ничем иным; а под ним все понимают Бога».

Освобождение философии (Дунс Скот и Уильям Оккам)

В схоластике изначально были заложены противоречия, которые со временем разложили ее изнутри и привели к гибели. Они явились миной замедленного действия, которая рано или поздно должна была сработать. Эти противоречия заключались в несостыковке положений веры и разума, в их несовместимости. Поэтому возможно говорить о том, что схоластика вообще была одним грандиозным противоречием, ибо представляла собой попытку совместить несовместимое, в силу чего долго существовать не могла и должна была прийти к упадку сама по себе, без всякой внешней помощи. Так в XII в. арабский философ Ибн Рошд (в лат. – Аверроэс) разработал теорию двойственной истины. Эта теория говорит о том, что у религии и философии совершенно разные предметы и методы. Так, предметом религии является Бог, а методом – вера, в то время как предмет философии – природа, а метод ее – опыт (то есть практическая деятельность, возможно – даже экспериментальная – по изучению окружающего мира). Религия и философия занимаются абсолютно различными областями, почти ничего общего друг с другом не имеющими, и поэтому не удивительно, что у религии свои истины, а у философии – свои. Причем, эти истины не только могут, но и должны быть различными и даже противоречащими друг другу. Нет ничего плохого и необыкновенного в том, что они не согласуются между собой: это вполне естественно, нормально и понятно. Они вовсе и не должны состыковываться, как то кажется поборникам гармонии веры и разума, да и не могут эти истины не вступать в противоречие, так как говорят о противоположных и фактически несовместимых вещах. Так, например, является ли истиной утверждение, что вода в земных условиях кипит при температуре 1000С? И является ли истиной утверждение, что высоко в горах она кипит при более низкой температуре? И то и другое – истина. Исключают ли они друг друга?

Нет. Должны ли они согласовываться между собой и сливаться в одну единую общую истину? Не должны. Просто одну ситуацию описывает первое утверждение, для другой же, отличной от нее ситуации, будет справедливой вторая истина, которая противоречит первой, однако же не исключает ее, поскольку совершенно необходимо в данном случае наличие именно двух различных истин. Почему бы не предположить, что у веры и разума, равно как у религии и философии также должны быть разные и несовместимые друг с другом истины? Пусть философия занимается исследованием природы и не вмешивается в религиозные положения, пытаюсь их обосновать, и пусть религия не пытается быть знанием о мире, а тем более – наукой о нем, всегда оставаясь только верой, и не заставляет философию обслуживать свои нужды. Таким образом, теория двойственной истины была направлена против самой сущности схоластики – стремления осуществить синтез религии и философии, говоря, что такое соединение принципиально невозможно и подчеркивая необходимость всяческого разъединения и обособления религиозной и философской сфер. Эта теория, как видим, освобождала с одной стороны философию от обязанности быть подспорьем религии, а с другой стороны она избавляла последнюю от необходимости доказывать положения веры, подводить под них некую логическую основу. За философией, таким образом, вновь признавалось право быть свободным и дерзновенным познанием окружающего мира.

В западной философии последователями теории двойственной истины были шотландский философ Иоанн Дунс Скот и английские мыслители Уильям Оккам и Роджер Бэкон. Так, например, Дунс Скот полагал, что Бог сотворил мир не в силу некой разумной, а потому и вполне постижимой необходимости (как считал Фома Аквинский), а в силу своей абсолютной свободы. То есть он мог создать мир, но также мог и не делать этого, он мог создать совсем не такую действительность, в которой мы сейчас живем, а совершенно другую. Иными словами, все божественные действия есть полный, ничем не ограниченный и не регламентируемый произвол, совершаются абсолютно свободно, никакой логической или рациональной необходимостью не обладают, и потому совершенно непостижимы, неподвластны ни разуму, ни пониманию. Мы помним, что такое утверждение звучало в мистике и что его пыталась преодолеть схоластика, призывая к синтезу религии и философии. Дунс Скот, говоря о невозможности разумного осознания божественного, тем самым отделяет веру от разума, а религию – от философии и поэтому выступает хотя и в рамках схоластики, но уже – против нее, то есть мы явственно видим в учении шотландского философа, как последняя вступает в полосу своего кризиса и упадка, начинает разлагаться изнутри.

Другой сторонник теории двойственной истины – англичанин Уильям Оккам говорил, что в силу принципиальной разницы самих предметов и методов философии и религии следует жестко разграничить сферы их компетенции и рассматривать области божественного (сверхъестественного) и природного (естественного) как совершенно автономные и изолированные друг от друга. Разум ничего не может понять в делах веры, догматы невозможно осмыслить, но в то же время познание действительности или окружающего мира вполне может быть независимым от религии, может ориентироваться исключительно на разум, знание и философию. Физическую реальность можно понять из нее самой, утверждал Оккам, то есть экспериментальным, научным путем, а также с помощью жизненной практики постичь происходящее и объяснить совершающееся вокруг нас естественными причинами, действующими в природе вещей. Совершенно не следует при объяснении окружающего мира прибегать к представлениям о тайных причинах, скрытых качествах, неведомых силах и невидимых основаниях, будто бы лежащих в сущности мироздания и управляющих им. Надо отбросить или отсечь, как бритвой, все фантастическое и сверхъестественное при объяснении действительности и понять ее безо всяких вымыслов о потустороннем и мистическом. И это возможно сделать, ибо природное есть естественное, подвластное разуму и потому вполне познаваемое (этот принцип получил название «бритвы Оккама»). А решающая роль в деле такого познания должна принадлежать философии – науке о мире в целом, о природе, нас окружающей во всех ее проявлениях.

Еще один выдающийся представитель заката схоластики англичанин Роджер Бэкон считал философию способной постичь глубокие тайны мироздания и смело продвигаться вперед с помощью практического опыта и экспериментального исследования. Как то ни удивительно, но живший в XIII в., Бэкон был почти естествоиспытателем и во многом опередил современную ему эпоху. Так, в своих сочинениях он описал самодвижущиеся повозки, летательные аппараты, подводные машины, использование солнечной энергии и многое другое. Современники называли его «удивительным доктором» (*doctor mirabilis*). Понятие «опытная наука» (*scientia experimentalis*) было впервые употреблено в истории именно Роджером Бэконом. Понятно, что только философия, освобожденная от роли прислужницы религиозной веры и вновь ставшая изучением природы могла достичь таких результатов.

Как видим, в учениях Дунса Скота, Уильяма Оккама и Роджера Бэкона схоластика начинает идти на убыль и постепенно уступать место новому мировоззрению, проявившемуся в XIV веке и вполне развернувшемуся в XV-XVI вв., в котором центральное место отводилось наукам и, особенно – философии, а религия была значительно потеснена и потеряла свои прежние господствующие позиции.

Вопросы для самопроверки

1. Какие противоречия пыталась преодолеть схоластика на протяжении всего своего существования?
2. Что представляет собой теория двойственной истины? Какие цели преследовали ее создатели?
3. Как теория двойственной истины выразилась в учении Иоанна Дунса Скота?
4. Что такое «бритва Оккама»? Как вы думаете, против философских идей реализма или номинализма была направлена эта «бритва»?
5. Чем объясняются, на ваш взгляд, естественнонаучные фантазии схоласта Роджера Бэкона?

Сумерки средневековья

К XV веку средневековая эпоха исторически исчерпала себя. В недрах средневековья зарождались иные – буржуазные или капиталистические отношения. На смену отживающей эпохе шла новая, а это значит, что радикально менялись экономические, социальные и политические условия жизни людей, менялась историческая реальность. Неудивительно, что человеческое сознание в данный период (представления, взгляды, идеалы, принципы) тоже должно было значительно измениться. Одной из главных особенностей рассматриваемой эпохи было то, что человек, в короткий срок совершив грандиозный научно-технический рывок, увеличил свою мощь, стал менее зависеть от условий внешнего мира, почувствовал себя более свободным и уверенным. А потому старая христианская доктрина, по которой он вместе со всем миром – всего лишь творение Бога и целиком подчиняется ему, почти не принадлежа себе, перестала соответствовать изменившимся историческим условиям. Необходимо было создать другое мировоззрение, которое более удовлетворяло бы идейным запросам новой эпохи и в котором человек был бы более свободным и значительным существом, являлся бы не созданием потустороннего Творца, но – частицей несотворенной, а потому вечной природы. Однако, такое мировоззрение существовало в античности и вместо того, чтобы формировать новые идеи, возможно было вспомнить или возродить в духовном смысле греко-римскую древность. Этим и занялась философия рассматриваемой эпохи, вошедшей в историю под названием Возрождения.

Основной чертой нового философского сознания был **антропоцентризм** – постановка человека в центр рассмотрения, взгляд на него как на самое совершенное существо мироздания, видение главной задачи наук и искусств в изучении человека, в постижении его природы. В Средние века духовная жизнь характеризовалась **теоцентризмом** – представлением о Боге как о высшей, предельно совершенной и единственно достойной внимания реальности. Как видим, в эпоху Возрождения на место Бога был поставлен человек, а представителей философии, искусства и науки, исповедовавших идеи антропоцентризма стали называть гуманистами (от лат. *humanus* – человеческий). Именно они впервые предложили деление истории на древнюю, средневековую и новую, причем рассуждали следующим образом: когда-то давно существовала прекрасная античность, говорили они, потом она была отвергнута и забыта, и по прошествии нескольких веков мы вспомнили о ней и стали ее возрождать, и поэтому с нас начинается Новое время (то есть с началом культурной деятельности гуманистов). А вот между нашим Новым временем, продолжали они, и далекой безупречной древностью, которую мы теперь хотим воскресить, лежит эпоха безвременья, огромный исторический пробел, период глобального застоя, в который человечество ни на йоту не продвинулось вперед. Поэтому десяток столетий, прошедших с падения античности они презрительно называли средними веками (в лат. – *media eua*), то есть ни на что не годным, недостойным и бессмысленным временем. С легкой руки гуманистов мы до сих пор делим историю на древнюю, средневековую и новую, хотя в термин «средние века» давно уже не вкладываем тот наполненный духом пренебрежения и отрицания смысл, который разумели в этом понятии представители культурной жизни Возрождения.

Появление антропоцентризма и гуманизма знаменовало собой разрыв многовековой связи человека с Богом, отделение их (в идейном смысле) друг от друга, которое называется **секуляризацией** (от лат. *secularis* – отдельный). Причем происходило не только отделение человеческого от божественного, светского (нерелигиозного) от религиозного, но и постановка человека на место Бога, а значит – потеснение или даже полное вытеснение последнего. Вспомним, что средневековое представление о Боге как о потусторонней и вечной реальности и о мире как о творении называется теизмом. Поэтому, чтобы секуляризовать (то есть потеснить) Бога надо было каким-то образом видоизменить теистическую доктрину. Первым способом секуляризации был пантеизм – представление о тождественности природы и Бога. Весь окружающий мир и есть безличное, то есть везде и во всем находящееся божество. Важно, что в таком воззрении автоматически исключается акт творения: если Бог и природа – одно и то же, значит он никак не мог ее сотворить и ни в коем случае не является первичным по отношению к ней. Напротив, Бог и природа в пантеизме равны друг другу, совечны, а значит, природа, будучи несотворенной и неподлежащей уничтожению, наделяется статусом бесконечности. В пантеизме умалется роль Бога, но возрастает роль природы и человека, как ее частицы. Вторым способом секуляризации был **деизм** – представление, по которому Бог создал мир, наделил его законами и самоустранился, подобно тому, говорят деисты, как часовой мастер собрал механизм, завел его и ушел восвояси, а часы идут сами по себе. Наш мир развивается далее по своим собственным законам без всякого божественного вмешательства. Но ведь часы могут сломаться и тогда потребуются, чтобы собравший их некогда мастер вновь занялся бы ими, возразим мы представителям деизма, так же и в нашем мире может что-нибудь испортиться и вмешательство Бога станет необходимым. На это деисты ответят нам, что одно дело – часовщик и его механизм, другое дело – совершенный Бог, который не мог создать что-либо несовершенное. Стало быть мир совершенен и в принципе не подвержен никакой поломке, а значит невмешательство Бога гарантировано. Любопытно, что в деизме из совершенства Бога выводится полное отсутствие его влияния на человеческую жизнь (вспомним, что Эпикур из бессмертия и блаженства богов выводил их полную бездеятельность и далее – совершенную непричастность к людским делам). И, наконец, третьим способом секуляризации является **атеизм** – утверждение о том, что Бога вообще нет и не может быть – нигде, никак и никогда. Пантеизм был еще в древности, деизм появился приблизительно в XVI веке, а атеизм – в XVII-XVIII вв. Возрождение проходило под идейными знаменами пантеизма, тем более, что античность, которой всячески подражали в данную эпоху, всецело была пантеистической. Поэтому деизм и атеизм – это идейные явления более позднего времени, в период Возрождения их, скорее всего, еще не было, однако секуляризация, начавшись в XIV-XV вв. продолжалась очень долго, идеи антропоцентризма не были исчерпаны за два-три столетия Ренессанса. Правильнее было бы говорить, что в это время они только зародились. Поэтому идейными наследниками Возрождения стали XVII век – первая ступень Нового времени и XVIII столетие – эпоха Просвещения, которая ознаменовалась завершением основных философских представлений Ренессанса.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы исторические и идейные предпосылки радикальных мировоззренческих изменений эпохи Возрождения?
2. Раскройте содержание понятий антропоцентризм и секуляризация.
3. Охарактеризуйте основные способы идейной секуляризации.
4. Как меняется представление о статусе человека в мироздании при переходе от теизма к пантеизму?
5. В теизме тезис о сотворении мира является одним из главных; в деизме тоже идет речь о творении. В чем отличие деистической идеи создания мира от теистической?

Совпадение противоположностей (Николай Кузанский)

Выдающимся представителем философии Возрождения был немецкий мыслитель Николай Кузанский. Он являлся пантеистом и утверждал, что бесконечное мироздание и есть Бог, находящийся во всем существующем, везде и потому нигде конкретно, слитый со всем воедино. Бог – это все вообще – само Бытие или «максимум Бытия», как говорил Кузанский. Все вещи, предметы и тела мироздания – это воплощенное в нечто конкретное и телесное божество. Вселенная есть развернутый Бог, а Бог – свернутая в единое Вселенная. Таким образом, любая вещь – это проявление Бога, его реализация, его воплощение в некое определенное предмете. Говоря иначе, Бог представляет собой некую единую, однородную основу всего, идеальную и бесконечную сущность, которая обнаруживает себя через материальные, конечные, отдельные вещи. Бог один, а предметов в окружающем нас мире – огромное множество, которое и есть развертывание или проявление, или инобытие (то есть существование в другой форме) единого божества, тождественного всему мирозданию. Вещи, которые мы наблюдаем вокруг себя совершенно различны и непохожи друг на друга. Но это только с точки зрения самих этих вещей. Ведь если посмотреть на них с точки зрения бесконечного Бога, то тогда, то есть по крупному счету получится, что все вещи – одно и то же, так как любая из них – всего лишь воплощение Бога, его форма, проявление, частица, его обнаружение. Эта мысль не является новой. Вспомним, как милетские философы говорили, что за видимым разнообразием мира скрывается невидимое его единство. Все вещи – это всего лишь разные формы или состояния некоего однородного мирового вещества (воды, воздуха и т.п.) и поэтому по крупному счету, надо говорить не о различии вещей, а об их сходстве и даже тождественности. Николай Кузанский этой мировой основой всего сущего объявляет пантеистическое безличное начало – бесконечного Бога и говорит, что все вещи, представляющиеся нам различными с точки зрения повседневности и здравого смысла, являются на самом деле тождественными, так как все они – проявления этого пантеистического начала. Но различия между ними стираются и пропадают, если воспринимать их не в качестве отдельных предметов, а рассматривать их в Боге, то есть – с точки зрения бесконечности. Повседневное мышление, утверждает Кузанский, никогда не может постичь, каким образом различное может быть одинаковым, как противоположности могут сливаться в одно целое и переставать быть противоположностями. Обыденное сознание мыслит все в конечных, ограниченных масштабах, не может взглянуть на вещи с глобальной точки зрения. А философское мышление вполне может отрываться от привычной реальности, воспринимать бесконечность, и поэтому ему доступно кажущееся парадоксальным и невероятным – совпадение противоположностей. Только необходимо еще раз подчеркнуть, что различное отождествляется только в бесконечности, сливается в одно только в единой и вечной основе всего существующего – будь это некое мировое вещество или же – какое-либо духовное начало.

Для иллюстрации этого положения Николай Кузанский приводит несколько математических примеров. Представим себе окружность и проходящую рядом с ней прямую. Очевидно, что это совершенно разные геометрические фигуры. Если увеличивать радиус окружности, кривизна на каждом конкретном ее участке будет уменьшаться. При увеличении радиуса до бесконечности (!) окружность превратится в прямую, то есть перестанет быть самой собой. Также можно рассмотреть треугольник и прямую. Если уменьшать углы при основании треугольника до бесконечности, он станет прямой. Представим себе, что в окружность вписан многоугольник. Если увеличивать количество его сторон или граней до бесконечности, он превратится в окружность. И, наконец, покажем, что с точки зрения бесконечности 2 и 5, 3 и 7, 9 и 15 и любые две другие величины – одно и то же, что различия между ними стираются и пропадают. Допустим, что перед нами – два отрезка по 10 см каждый. Один разделим на части по 5 см, а другой разделим на части по 2 см. Первый, таким образом, распадется на 2 части, а второй – на пять частей. Получается, что мы делили одинаковые отрезки, на разные величины (на 5 см и на 2 см) и поэтому получили разные результаты, значит различие между пятеркой и двойкой очевидно. Но 5 и 2 отличаются друг от друга только в конечном, ограниченном масштабе, ведь мы рассматривали два отрезка. Теперь представим себе, что перед нами – две прямые (бесконечные линии). Первую прямую разделим на отрезки по 5 см, а вторую – на отрезки по 2 см. Сколько частей получится на первой прямой? А на сколько частей распадется вторая прямая? И в первом случае и во втором количество получившихся частей будет бесконечным. Таким образом, мы делили две бесконечные линии на разные величины, а результат получили один и тот же. Единственное, что следует из этого – то, что разница между двойкой и пятеркой исчезает в бесконечности, равно как и различия между любыми двумя другими величинами неизменно стираются в бесконечном масштабе. Хотя математические примеры и являются наиболее наглядными, совпадение противоположностей в бесконечности вполне можно увидеть и в совершенно иных сферах. Так, например, если бы человек был бессмертным (то есть бесконечным) существом, тогда мог бы в принципе возникнуть в его сознании вопрос о смысле жизни? Не мог бы. Также в данном случае автоматически отпали бы вопросы о предназначении человека, о его долге и ответственности, исчезли бы цели, задачи, стремления и желания. Перед лицом бесконечности все вообще пропадает, теряется и исчезает.

Задача философского познания по мнению Кузанского заключается не в последовательном изучении отдельных вещей и предметов окружающего мира, а в постижении бесконечности, единой мировой сущности, которая и есть все. Но если о каждой конкретной вещи вполне можно получить определенное знание, то постичь бесконечность совершенно невозможно, о ней может

быть только незнание. Однако данный факт вовсе не означает отказа от метафизического познания, от желания открыть непостижимое. Философия на то и является любовью к мудрости, чтобы пытаться совершить кажущееся в принципе невероятным, сделать невозможное, стремиться к невысказанному.

Вопросы и задания

1. Каким образом представлен Бог в учении Николая Кузанского? Как соотносятся в нем понятия Бог и природа?
2. Что представляет собой тезис Николая Кузанского о совпадении противоположностей? Какими примерами он его иллюстрирует?
3. Согласны ли вы с утверждением, что законы, по которым устроено что-либо конечное, совершенно не действуют в бесконечности и наоборот? Приведите примеры (кроме тех, которые предлагает Николай Кузанский), иллюстрирующие эту идею.
4. Какая идея заключена в следующем рассуждении Николая Кузанского: «Знает по-настоящему тот, кто знает свое незнание... однозначное приведение неизвестного к известному настолько выше человеческого разума, что Сократ убедился, что он знает только о своем незнании; премудрый Соломон утверждал, что все вещи сложны и неизъяснимы в словах... Поскольку это так..., то ясно, что все, чего мы желаем познать, есть наше незнание. Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем учнее, чем полнее увидит свое незнание».

Прорыв в современность (Джордано Бруно)

Эпоха Возрождения ознаменовалась многими научными открытиями. Одним из наиболее выдающихся достижений был переворот во взглядах на строение мироздания, произведенный польским ученым Николаем Коперником. С античных времен в человеческих умах господствовало представление о том, что Земля является неподвижным центром Вселенной, а Солнце, Луна и звезды вращаются вокруг нее по неизменным орбитам. Такое воззрение было создано в античности, существовало почти две тысячи лет и называется **геоцентрической** системой мира (от греч. гэ – Земля). Переворот Коперника заключался в том, что он разработал **гелиоцентрическую** систему (от греч. гелиос – Солнце), тем самым намного приблизив человеческие представления об устройстве Вселенной к действительному положению вещей. Он утверждал, что не Земля, а Солнце является центром мироздания, а наша Земля вместе с другими планетами вращается вокруг своей оси, поворачиваясь к Солнцу то одной, то другой своей стороной, отчего и происходит смена дня и ночи. Кроме того, ось земного вращения несколько наклонена по отношению к орбите Земли, и поэтому при движении нашей планеты вокруг Солнца его лучи падают на ее поверхность более или менее отвесно. Вертикальное их расположение сильно нагревает Землю, когда же они скользят по земной поверхности, то почти не греют ее. Вот почему в одних частях нашей планеты холодно, а в других – тепло. Вращением Земли вокруг Солнца объясняется вечная и неизменная смена времен года, с которой так тесно связана жизнь человеческого рода. Система Коперника была настоящей революцией в естествознании, грандиозным шагом вперед в познании окружающего мира, освобождением от многовекового заблуждения и предвосхищением сегодняшнего дня (геоцентрическое представление кажется нам теперь смешным и наивным, а об открытии Коперника знает любой третьеклассник). Однако, в выработке нового воззрения на устройство мира польский ученый не пошел до конца и его учение имело два существенных недостатка. Первый заключался в утверждении о том, что Солнце – это центр Вселенной и является неподвижным (на самом деле оно движется, как и любое другое небесное тело и не является центром мироздания). Второй недостаток вытекает из первого: если у Вселенной есть центр, значит у нее есть и граница. Коперник в данном случае разделял древнее воззрение и считал, что мироздание представляет собой грандиозную сферу, пределом которой являются видимые нами на ночном небе далекие звезды. Эти недостатки исправил знаменитый итальянский философ Джордано Бруно, учение которого на несколько столетий опередило его время.

Исходным пунктом философских воззрений Бруно был пантеизм. Только если Николай Кузанский, с которым мы познакомились в предыдущем параграфе, в духе пантеизма утверждал, что природа растворена в Боге, то Джордано Бруно исходил из того, что Бог растворен в природе. На первый взгляд, от перестановки слов ничего не меняется. На самом же деле, перед нами – два совершенно различных варианта пантеизма. У Николая Кузанского речь идет прежде всего о Боге (природа растворена в **Боге**), а у Бруно, наоборот, – о природе (Бог растворен в **природе**). Первый вариант пантеизма поэтому можно назвать теологическим (теос – Бог), а второй – натуралистическим (лат. natura – природа). Как видим, итальянского мыслителя интересует природа, мироздание, космос, Вселенная, которая, по его мнению, пронизана божественным началом, одухотворена, жива, едина. Из этого натуралистического пантеизма вытекают все основные положения философского учения Бруно.

Так, например, если Вселенная божественна, то может ли она иметь границы, быть конечной? Разумеется – не может, Вселенная бесконечна, а количество миров в ней бесчисленно. Из этого положения неизбежно следует, что у мироздания нет центра, и, стало быть, наше Солнце вовсе не является центром мира, как считал Коперник. Оно – центр только для нас, вернее – для нашей солнечной системы. А вообще, если Вселенная бесконечна, то ее центр везде и поэтому нигде; любое небесное тело можно рассматривать в качестве относительного центра, абсолютного же – в принципе не может быть. Видимая нами сфера звезд, говорил итальянский философ, не есть граница мироздания, но – всего лишь тот предел, которого достигает наше зрение даже вооруженное различными оптическими приборами. Ночные звезды – это огромные раскаленные и светящиеся небесные тела, подобные нашему Солнцу. Иначе – это солнца других миров, которые, так же, как и наше, имеют свои спутники-планеты. Однако мы не видим их вследствие малого размера, а также потому что они тонут в блеске звездных лучей. Эти догадки были

экспериментально подтверждены только в XX веке, когда с помощью сложнейшей техники мы окончательно удостоверились в существовании иных планетных систем и галактик, разбросанных тысячами в бескрайних просторах Вселенной и увидели множество небесных тел, недоступных для наблюдения невооруженным зрением.

Другим замечательным утверждением Джордано Бруно, вытекавшим из его пантеизма, была мысль о том, что небо и Земля состоят из одних и тех же элементов. Раньше (со времен Аристотеля) считалось, что вещества Земли и неба совершенно различны и даже противоположны: Земля состоит из четырех грубых стихий – земли, воды, огня и воздуха, небо же образует более совершенное и тонкое вещество – эфир. Не случайно, наверное, противопоставлялись друг другу безупречность небесной сферы и несовершенство земной обители, а все идеальные и сверхъестественные сущности помещались человеком всегда на небо. Бруно утверждал, что между небесным и земным веществами нет противоположности: эфир – это не принципиальный материал неба, но – всего лишь пятый элемент, такой же, как и четыре остальных, который выполняет роль связующего вещества: он объединяет четыре стихии в единое целое мироздания. Эта гениальная догадка, выраженная пусть и в художественной, аллегорической форме, была также подтверждена только в XX веке, когда с помощью современных технических достижений мы смогли изучить вещество различных планет и звезд, экспериментальным путем исследовать их химический состав и убедиться в том, что в различных частях Вселенной присутствуют те же самые немногим более ста химических элементов, что и на нашей Земле, которые заполняют собой периодическую систему Д.И. Менделеева. В современной науке это утверждение обозначается термином «химически однородный состав Вселенной».

Вопрос о соотношении материального, вещественного и идеального, духовного Джордано Бруно решал также пантеистически. Безусловно, утверждал он, что мир, нас окружающий, устроен разумно и правильно. Почему, например, все небесные тела неизменно движутся по стройным орбитам? Неразумная и неживая материя – вещество, лишённое духа и жизни, никак не могло бы само по себе устроиться гармонично и разумно. Значит, необходимо предположить, что вещество является живым и разумным, что материя одушевлена. В данном случае важно то, что в учении Бруно духовное начало перестает быть потусторонним по отношению к окружающему нас миру, оно переносится в него, растворяется во всем мироздании. Пропадает резкая противопоставленность материального и идеального, речь идет почти об их тождественности: материя является одушевленной, а духовное материализовано. Такой взгляд называется также **гилозоизмом** (от греч. гило – вещество и зоос – жизнь).

Из этого утверждения следует весьма интересный и важный вывод: если Вселенная одушевлена и разумна, говорит Джордано Бруно, то не исключено, что миры, наполняющие ее бескрайние просторы и отстоящие от нас на колоссальные расстояния, так же, как и наш мир, населены и обитаемы. Эта мысль и по сей день не получила экспериментального подтверждения, однако вполне возможно, что в недалеком будущем мы еще раз удостоверимся в правоте гениальных прозрений итальянского философа и вновь поразимся тому, каким образом в далеком и диком (в научно-техническом смысле) XVI веке он смог сделать свои удивительные выводы, которые во многом предвосхитили современное столетие.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключается сущность коперниканского переворота в естествознании?
2. Какие недостатки содержала в себе гелиоцентрическая система Коперника?
3. Раскройте основные философские идеи Джордано Бруно.
4. Из каких идейных предпосылок, на ваш взгляд, вытекает тезис Джордано Бруно о бесконечности Вселенной?
5. Подумайте, являются ли понятия гилозоизм и пантеизм тождественными? Если нет, то в чем заключается их различие?
6. Какая идея заключена в следующем рассуждении Джордано Бруно: «Поскольку Вселенная бесконечна и неподвижна, не нужно искать ее двигателя... Бесконечные миры, содержащиеся в ней, каковы земли, огни и другие виды тел, называемые звездами, все движутся вследствие внутреннего начала, которое есть их собственная душа..., и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель».
7. Пантеизм Николая Кузанского, по которому весь мир - это Бог называется также пантеизмом (от греческого пан - все + эн - в + теос - Бог). Каковы различия гилозоизма Джордано Бруно и пантеизма Николая Кузанского? На основании своего ответа заполните таблицу:

	гилозоизм	Пантеизм
Представления о Боге		

Представления о Природе		
Представления о Человеке		
Представления о Познании		

Город всеобщего счастья (Томазо Кампанелла)

Во все эпохи человеческой истории люди часто задавали себе вопрос о том, почему не все в жизни происходит так, как должно быть или – как хотелось бы. Например, почему существуют зависть, ненависть, страх и ложь. Ведь они только отравляют человеческую жизнь и поэтому должно быть так, чтобы их не было вовсе. Но почему-то они существуют, толкая людей на вражду и преступления.

Многие мыслители пытались найти главную причину общественных несчастий, чтобы показать ее людям, устранить и сделать жизнь счастливой. Вспомним, китайский мудрец Конфуций говорил, что все беды происходят от нарушения основных принципов небесного порядка, по которому следует жить. Греческие киники считали корнем всех проблем имущество или частную собственность и различные общественные ограничения, мешающие людям жить так, как им хочется. Некоторые мыслители создавали проекты идеального общественного устройства, в которых общество в целом и каждый отдельный человек рисовались счастливыми и процветающими. Проект идеального общества и счастливой жизни называется **утопией** (от греческого слова *тоπος* – место и отрицательной частицы *у* – не). Дословно термин утопия можно перевести на русский так – место, которого нет или – несуществующее место.

Автором первой известной утопии был знаменитый греческий философ Платон, который считал, что в идеальном обществе должно быть три сословия: философов, воинов и земледельцев. Причем каждое из этих сословий должно заниматься только своей профессиональной деятельностью и не вмешиваться ни в какие другие дела. Философы, как наиболее мудрые, должны управлять государством, воины - защищать его, а земледельцы – кормить. Вторым важным принципом идеального общества после разделения труда между сословиями должно быть, с точки зрения Платона, отсутствие частной собственности и имущественное равенство людей. Ведь если у всех всего поровну, считал он, тогда в обществе не может быть ни зависти, ни недовольства, ни ненависти, ни страха, ни вражды между людьми.

В эпоху Возрождения (вспомним, что это было возрождение духовных идеалов античности) тоже были созданы различные утопические модели. Наиболее известной из них является утопия о городе Солнца, автором которой был итальянский философ Томазо Кампанелла. Он нарисовал идеальное общество, по образу и принципу которого люди смогли бы построить настоящую счастливую жизнь.

Жители его утопического проекта населяют прекрасный белокаменный город и его живописные окрестности. Любому путнику издали видны белые, одна над другой возвышающиеся стены города, плавающий на солнце купол – двойной, большой венчается малым. Перед городом раскинулись зеленые поля и цветущие сады, в которых с песнями работают люди в одинаковых одеждах, с одинаково веселыми лицами. Население города работает все, только старость и болезнь освобождают от труда. Бездельников в городе нет. А среди широких пашен и роскошных лугов нет ни своих земель, ни чужих – общие. Окованные железом городские ворота открыты, в них может войти каждый, кто несет в себе добрые мысли и чувства. Если же к городу приближается враг, тогда все семь стен, одна выше другой, превращаются в неприступную крепость. Внутри эти стены расписаны превосходной живописью – геометрические фигуры и карты разных земель, алфавиты стран и виды растений, животных, минералов, портреты великих людей и орудия труда. Вдоль красочных стен ходят группами дети в сопровождении ученых старцев. Неграмотных в городе нет, потому что он весь – школа, дети, глядя на стены, играючи постигают науки. По мраморным лестницам, по крытым галереям, пересекая улицы, путник поднимается к широкой центральной площади, к величественному круглому храму, который внутри просторен, прохладен и освещен лучами, падающими из отверстия купола. В алтаре находятся два глобуса – Неба и Земли, и семь золотых лампад, знаменующих собой семь планет, освещают плитчатый пол, выложенный редкостным камнем.

Гостя выходят встречать правители города. Впереди идет старший по возрасту, он же – высший священник – Сол, то есть Солнце. За ним следуют три его помощника – Пон, Син и Мор, что означает Мощь, Мудрость и Любовь. Сол не завоевал свое высокое место правителя, не получил его по наследству. Однако, нельзя сказать также, что он избран народом. Звание Сола может получить лишь тот, кто окажется настолько учен, что будет знать все. Он сам собой должен выделиться среди других своей непомерной мудростью. «Пусть он даже будет неопытен в деле управления государством, однако, никогда он не будет ни жестоким, ни преступником, ни

тираном именно потому, что настолько мудр», – считают граждане города. Три его сопровителя не должны быть всеведущими, однако они прекрасно осведомлены в тех делах, которыми им надлежит заниматься. Мощь управляет воинским ремеслом, ведает защитой города. Мудрость занимается обучением, Любовь наблюдает за рождением детей.

Таким образом, все население города – это единая община (коллектив людей), которая спаяна одинаковыми целями, делами и идеалами. Один за всех и все за одного – вот главный принцип, по которому живут граждане города Солнца. Поскольку ни у одного из них нет личного имущества или частной собственности, а, наоборот, все общее, то жителям счастливого города не из-за чего враждовать, некому завидовать, не на кого обижаться и некого бояться. Где нет личной корысти, там нет преступлений, нет несчастий, считал Кампанелла вслед за Платоном. Люди делают одно общее дело, движутся к одной общей цели, они равны между собой, и поэтому никогда не конфликтуют, что делает все общество и каждого человека сильным, счастливым и уверенным в завтрашнем дне.

И также вслед за Платоном Кампанелла говорит, что руководить государством должен философ или мудрец, а не неизвестно кто. Ведь мудрец знает все или почти все и поэтому он может взять на себя ответственность за тысячи других людей. А если же руководитель государства не знает всего или же знает мало, или вообще ничего не знает, то ему надо шить сапоги, а не руководить государством, потому что он не умеет этого делать.

Ни утопия Платона, ни проект Кампанеллы, несмотря на все старания их создателей, не были осуществлены на практике, но они стали выдающимися памятниками человеческой мысли, - философскими творениями, которые и по сей день указывают нам на несовершенства нашей жизни, являются немим упреком и поныне процветающей несправедливости.

Вопросы для самопроверки

1. Какие принципы положены Кампанеллой в учение об идеальном обществе?
2. В чем заключается сходство утопических моделей Платона и Кампанеллы?
3. Каковы, на ваш взгляд, достоинства и недостатки принципов, по которым живут и трудятся граждане города Солнца?
4. Как вы думаете, может ли благая социальная теория на практике обернуться негативными последствиями? Какова, на ваш взгляд, главная причина этих последствий: несовершенство теории или ее неправильное практическое применение?

Основные идеи и представители философии Нового времени

«Чистая доска» или опыт превыше всего (Бэкон, Гоббс, Локк)

Новое время – это эпоха, которая охватывает в истории человечества XVII, XVIII и XIX века. Условно началом Новой истории считается Английская буржуазная революция 1640 года (есть и другие точки зрения на начало Новой истории), которая ознаменовала собой начало нового периода – эры капитализма или буржуазных отношений, или индустриальной цивилизации. Эпоха, начавшаяся три столетия назад, потому и называется нами Новой, что именно в XVII в. были заложены основы, из которых выросла реальность сегодняшнего дня. Три века назад мы окончательно вышли из древности и, расставшись с ней (античность и Средние века навсегда превратились в музейные экспонаты), вступили в ту полосу истории, в которой и находимся по сегодняшний день.

Радикальные изменения условий жизни людей влекли за собой глобальные перемены в человеческом сознании: философия Нового времени продолжила идеи, сформулированные в эпоху Возрождения. Основной духовной установкой новой философии, ее интеллектуальным пафосом было положение о том, что человек – самое совершенное существо в мироздании, венец эволюции, а значит – господин всего сущего. Кто сильнее и значительнее человека? Вроде бы, Бог. Но это для Нового времени – старая и отжившая свой век мысль, наивное заблуждение древних. Новая философия нисколько не сомневалась в том, что над человеком в смысле большей силы и могущества никого и ничего нет. А если даже и есть, то существует каким-то отстраненным образом и никак не влияет на человеческие желания и деяния. Человека же отныне интересует только он сам, ибо теперь, по его мнению, нет ничего иного, кроме реальности его собственного существования. Об этом прекрасно говорит доктор Фауст у Гёте:

« Но я к загробной жизни равнодушен.

В тот час, как будет этот свет разрушен,

С тем светом я не заведу родства.

Я сын земли. Отрады и кручины

Испытываю я на ней единой.

В тот горький час, как я ее покину,

Мне все равно, хоть не расти трава.

И до иного света мне нет дела,

Как тамошние б чувства не звались,

Не любопытно, где его пределы,

И есть ли там, в том царстве, верх и низ.»

Отныне человек гордо смотрит вокруг себя и чувствует, что нет преград возможностям его разума, что путь познания полностью открыт и можно проникнуть в самые сокровенные тайны природы, чтобы поставить ее себе на службу и бесконечно увеличивать собственную мощь. Безграничная вера в Прогресс, Науку и Разум – главная отличительная черта духовной жизни Нового времени. Познание окружающего мира с целью увеличения власти над природой – главная задача новой науки и философии. В XVII в. человеку казалось, что с природой можно делать все возможное и желаемое, причем безответственно и безнаказанно. Тогда все было просто и понятно, а покорение окружающего мира представлялось безусловным прогрессом. Спустя три столетия мы увидели результаты своей научно-технической, «покорительной», производственной деятельности и ужаснулись тому, что натворили, так как сегодня отчетливо видно, что и природа и человечество поставлены на грань уничтожения и исчезновения. Однако, на заре Нового времени ни о чем подобном не было даже мысли, а увеличение человеческой мощи казалось делом исключительно благим и необходимым.

Родоначальником новой философии был английский мыслитель Фрэнсис Бэкон, который начинал свои рассуждения с критики предшествующей XVII веку философии, говоря, что она довольно мало продвинула людей по пути познания и слабо способствовала прогрессивному развитию. Вместо того, чтобы дерзновенно проникать в тайны природы старая философия занималась какими-то отвлеченными мудрствованиями и поэтому топталась, по крупному счету, на одном и том же месте. Прежде всего следует подвергнуть решительному пересмотру, а если надо – и отрицанию всю предыдущую философскую традицию, после чего – построить принципиально новую философию, отвечающую требованиям эпохи. Главный недостаток древнего философствования, по мнению Бэкона, заключался в несовершенстве метода, который и надлежало реформировать в первую очередь. Метод – это вообще способ выполнения чего-либо, основной прием реализации каких-то задач. Философский метод – это, стало быть, способ мышления или познания, путь, которым мы продвигаемся в постижении окружающего. Методом старой философии была **дедукция** (от лат. deductio – выведение) – такой способ рассуждения, при котором из общего правила делается вывод для частного или конкретного случая. Любое дедуктивное умозаключение со времен Аристотеля называется **силлогизмом**. Приведем пример:

Все люди смертны.

Сократ – человек.

Сократ смертен.

В данном умозаключении (силлогизме) из общего правила («Все люди смертны») делается вывод для частного случая («Сократ смертен»). Как видим, рассуждение в данном случае идет от общего к частному, от большего к меньшему, знание сужается, и поэтому дедуктивные выводы всегда достоверны (то есть обязательны, точны, безусловны). За что же тогда критиковать дедукцию? Во-первых, говорит Бэкон, в основе любого дедуктивного умозаключения обязательно лежит какое-либо общее положение («**Все** люди смертны», «**Все** небесные тела движутся», «**Все** металлы плавятся» и т.п.). Но всякое общее утверждение всегда недостоверно и принимается нами на веру. Откуда мы, например, знаем, что все металлы плавятся? Можно расплавить, скажем, железо и быть уверенными в том, что оно плавится. Но справедливо ли сказать то же и обо всех остальных металлах, не проводя эксперимента с каждым? А вдруг не все металлы плавятся? Тогда наше обобщение будет ложным, а если оно лежит в основе дедукции, то и дедуктивный вывод окажется также ложным. Итак, первый недостаток силлогизма – непроверяемость его общих положений, из которых и делается заключение. Во-вторых, дедукция – это всегда сужающееся знание, движение внутрь, а не вовне. Но ведь наша задача – открывать новые вещи и неизвестные пока истины, значит, рассуждение обязательно должно идти вширь, охватывая доселе неведомое, знание должно расширяться, и поэтому дедуктивный метод в данном случае совершенно неприемлем. Старая философия, говорит Бэкон, потому и не продвинулась существенно в деле познания, что пользовалась дедукцией, рассуждая от большего к меньшему, а не наоборот.

Новая философия и наука, по мнению английского философа, должна принять на вооружение иной метод, который называется **индукцией** (от лат. *inductio* – наведение). Приведем пример индуктивного умозаключения:

Железо при нагревании расширяется.

Медь при нагревании расширяется.

Ртуть при нагревании расширяется.

Железо, медь, ртуть – металлы.

Все металлы при нагревании расширяются.

Как видим, в данном случае из нескольких частных случаев делается одно общее правило, рассуждение идет от меньшего (всего три металла) к большему (все металлы), знание расширяется: мы рассмотрели только часть предметов из некоторой группы, но вывод сделали обо всей этой группе, и поэтому он всего лишь вероятен. Это, конечно же, недостаток индукции. Но главное в том, что она представляет собой расширяющееся знание, ведет нас от известного к неизвестному, от частного к общему и, поэтому, способна открывать новые вещи и истины. А чтобы индуктивные выводы были более точными, необходимо выработать правила или требования, соблюдение которых сделает индукцию намного совершеннее. Важное достоинство этого метода заключается также в том, что в основе его всегда лежат не общие, а частные положения («Железо плавится», «Юпитер движется», «Метан взрывоопасен», «У березы есть корни» и т.п.), которые мы всегда можем проверить экспериментальным путем и потому – не сомневаться в них, в то время как общие положения дедукции всегда принимаются нами на веру, вследствие чего и являются сомнительными.

Индуктивный путь познания представляет собой, таким образом, постепенное наращивание или обогащение нашего знания, собирание информации об окружающем мире по частям, по крупичкам, которое происходит только в процессе каждодневной жизни. Знание накапливается только в результате жизненного опыта, постоянной практики: если бы мы не контактировали с миром, то никаких представлений о нем в нашем сознании не было бы, так как оно изначально (то есть при рождении человека) совершенно пустое – младенец не знает ровным счетом ничего. Но по мере своей жизни он видит, слышит и осязает все, что его окружает, то есть постепенно приобретает некий жизненный опыт и, таким образом, его ум наполняется образами внешнего мира, представлениями о нем, мыслями, обогащается рождающимся знанием. Поэтому вне опыта, без него или независимо от него невозможно приобрести какую-либо информацию, что-то узнать. Опыт по-гречески – «эмпирия», и индуктивный метод философского познания, предложенный Бэконом и опирающийся на опыт, получил название **эмпиризма**. Эмпирическое философствование – это выведение знания из окружающего мира в процессе жизненного опыта и последовательное наполнение изначально пустого или чистого человеческого ума различными представлениями и информацией.

Ф.Бэкон указывал, что на пути познания человека подстерегают разнообразные трудности в виде различных стереотипов и предрассудков, которые с незапамятных времен настолько укоренены в нашем уме, что мы безотчетно доверяем им и даже поклоняемся, как первобытные дикари поклоняются своим идолам. Эти предрассудки он так и назвал? «идолами». По Бэкону существует четыре группы идолов.

1. **Идолы рода** - это особенности нашей общечеловеческой (родовой) природы. У человека определенным образом устроены органы чувств и разум, в силу чего он воспринимает мир не таким, каков он на самом деле, а таким, каким он может его воспринять в силу устройства своих познавательных орудий.

2. **Идолы пещеры** представляют собой наши субъективные состояния, в которых волей-неволей находится каждый - это возраст, пол, национальность, социальное происхождение, а также воспитание, взгляды, убеждения, привычки и т. п. Любой человек находится как бы в «пещере» своих субъективных состояний и смотрит на мир через их призму, в результате чего видит его не

таким, какой он в действительности: «пещера» искажает истинную картину вещей.

3. Идолы рыночной площади - это наше некритическое и нетворческое отношение к словам и выражениям языка. Как на рыночной площади люди вступают в общение при помощи слов, так и все дело познания невозможно вне языка, слова и выражения которого могут неправильно передавать мысли, создавать путаницу и уводить от истины. Не случайно же говорят, что «мысль изреченная есть ложь». Нередко мы одно и то же обозначаем разными словами и, наоборот, одним словом обозначаем различные вещи. Это, несомненно, влечет за собой непонимание и разногласия. Например, два человека начинают спорить, глядя на одного зверя. «Это бегемот», - говорит один. «Нет, это гиппопотам», - возражает другой. После Бэкона осмысление языка стало одной из важных проблем философской мысли.

4. Идолы театра представляют собой наше слепое и безоговорочное доверие к ученым авторитетам, которые во-первых, знают далеко не все и вполне могут заблуждаться; а во-вторых, могут даже и не быть настоящими учеными, всего лишь искусно разыгрывая перед нами, как актеры в театре, представление своей учености. Идолы рода и пещеры, по Бэкону, являются врожденными, т. е. связанными с самой человеческой природой, и поэтому они непреодолимы; так как мы не в силах радикально изменить собственную природу, посмотреть на мир неким «нейтральным» оком, ведь для этого нам надо «вышагнуть из самих себя». Напротив, идолы рыночной площади и театра являются приобретенными, т.е. связанными с обществом и культурой, и поэтому они вполне преодолимы; ведь в наших силах более внимательно и критично относиться к словам и выражениям языка и не доверять слепо ученым авторитетам, самостоятельно и смело идя по пути познания.

В данном случае источником познания является внешний мир, в сознании человека нет никаких доопытных знаний, а значит нет и никакой реальности вне и помимо чувственного мира, из которой можно было бы такие знания получить (вспомним, что в учении Платона человеческая душа до вселения в тело обитает в совершенном мире идей и все знает, поэтому задача познания заключается в том, чтобы проявить это высшее знание). Продолжили воззрения Фрэнсиса Бэкона английские философы Томас Гоббс и Джон Локк. Гоббс выступил в духе материализма, утверждая, что не существует мира идей и бессмертной человеческой души, а есть только чувственный мир, состоящий из множества физических тел. Познание же происходит в результате их воздействия на наши органы чувств, в результате чего в уме и возникают различные идеи. Локк также говорил о том, что все знания выводятся из окружающего мира посредством чувственных восприятий. Он назвал первоначальное состояние человеческого сознания «чистой доской» (*tabula rasa*), на которой в процессе жизненного опыта появляется различная информация. Поэтому все, что есть в нашем уме, поступило туда по каналам органов чувств из внешнего мира и никакой автономностью (т.е. независимостью от окружающей действительности) не отличается. Это утверждение он выразил в следующем изречении, ставшем впоследствии классической формулой эмпиризма: «Нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувствах».

Материализм просматривается и в социальных воззрениях Гоббса и Локка, которые были революцией во взглядах на происхождение общества и государства. В Средние века это объяснялось теологически: Бог предписал людям жить общественной жизнью, даровал им законы и государственную власть. Английские мыслители выдвинули натуралистическое (от лат. *natura* – природа) представление, то есть попытались объяснить общество и государство естественными причинами. Их учение получило название «теории общественного договора», по которой когда-то давно люди жили в естественном состоянии, то есть – в природном или в животном. Понятно, что тогда каждый заботился только о собственном существовании, подчиняясь инстинкту самосохранения, и мог делать по отношению к ближнему все, что заблагорассудится. В этом состоянии, по Гоббсу, «человек был человеку волк» (*homo homini lupus est*) и шла «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Чтобы не истребить друг друга окончательно, люди договорились упорядочить и нормализовать свою жизнь, создать законы – такие правила, которые должен был бы соблюдать каждый, а также сформировать общество и государство, которые контролировали бы выполнение законов и гарантировали бы порядок. Подчиняясь этим законам, обществу и государству, человек терял часть своей прежней природной свободы, но зато обретал защиту и безопасность от посягательств окружающих его. Таким образом, люди перешли из естественного состояния в гражданское. «Теория общественного договора» внесла существенный вклад в идейную секуляризацию: социальная мысль освобождалась от теологических представлений.

В эмпиризме Бэкона, Гоббса и Локка отчетливо просматриваются основные черты философии Нового времени: антропоцентризм, секулярность, гносеологический оптимизм. Эти характеристики применимы и к другим философским направлениям данной эпохи. Однако, общность целей и задач, провозглашаемых в различных учениях отнюдь не означает одинаковости подходов к их решению. В новой философии был выработан и совершенно иной, противоположный бэконовскому, метод познания окружающего мира и усовершенствования человеческой природы.

Вопросы для самопроверки

1. Вспомните из курса Новой истории основные социально-экономические и политические черты эпохи, называемой Новым временем.
2. Какие принципы и идеи лежали в основе философии Нового времени?
3. За что Фрэнсис Бэкон критиковал старую философию, и в чем он видел основные задачи новой?
4. Что такое дедукция? Каковы ее достоинства и недостатки? Почему дедукция, по мнению Ф.Бэкона почти не продвинула человека в деле познания мира?
5. Какой философский метод предложил Ф.Бэкон взамен средневековой силлогистики? Каковы его достоинства и недостатки?

6. Что представляет собой процесс познания по Ф.Бэкону? Раскройте содержание понятия эмпиризм. Что представляет собой человеческое сознание от рождения с точки зрения эмпиризма?

7. Расскажите о представителях эмпиризма - продолжателях философских идей Ф.Бэкона.

8. Что представляет собой теория общественного договора Томаса Гоббса и Джона Локка?

9. Фрэнсис Бэкон утверждал, что познанию окружающего мира препятствуют различные предрассудки и стереотипы нашего мышления, которые он называл идолами. Прочитайте следующее рассуждение Ф. Бэкона и определите, о каких познавательных препятствиях идет в нем речь: «Существуют, наконец, идола, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем идолами театра, ибо мы считаем, что сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры».

10. Как вы думаете, какое из двух направлений средневековой философии – реализм или номинализм, продолжает эмпирическая философия Нового времени?

Врожденные идеи или «значенья духа опыт не покроет» (Декарт и Лейбниц)

Родоначальником новой философии также считается французский философ и ученый Рене Декарт, который, как и Фрэнсис Бэкон, основной задачей философии считал увеличение человеческого могущества путем познания окружающего мира и господство над природой. И так же, как Бэкон, Декарт полагал, необходимым пересмотреть всю прежнюю философию и построить принципиально иную. Однако, главное расхождение его воззрений с учением английского философа заключалось в совершенно другом понимании основного метода философского мышления.

Для того, чтобы создать новую систему взглядов, утверждал Декарт, следует усомниться во всем предыдущем знании, которое выработало человечество. Более того, надо подвергнуть сомнению и наличное существование окружающего: вдруг внешний мир – всего лишь иллюзия, и на самом деле его нет. Можно сомневаться даже в существовании своего собственного тела: нет никакой гарантии, что оно действительно существует, не исключено, что моя телесная жизнь – фантом и мне только кажется, что она есть. Возможно ли что-нибудь устойчивое в этом тотальном сомнении, то, в чем никак нельзя сомневаться? Оказывается, что возможно. Это сам факт нашего сомнения: когда мы во всем абсолютно сомневаемся, то, в этом случае, не можем сомневаться в своем собственном сомнении. Но если мы сомневаемся, значит мы мыслим, ибо сомнение – это акт мышления. А может ли мыслить то, чего в принципе нет, что не существует? Не может. Значит, если я мыслю, то существую. Это знаменитое положение Декарта (*cogito, ergo sum*) является ключевым моментом его философии.

Причем данный тезис не следует понимать в том смысле, что наше мышление порождает наше существование. Речь идет только о том, что факт собственного мышления для нас более несомненен и достоверен, чем факт собственного существования. Мы скорее знаем о том, что мыслим, а не о том, что существуем. Да и о самом своем существовании мы знаем только благодаря тому, что у нас есть мышление. Кошка, например, тоже существует, но знает ли она об этом? Скорее всего, нет. Человек – единственное существо в мире, которое благодаря наличию разума может сказать себе: «Я есть». Животные, не обладающие мышлением, знают ли о жизни и о смерти, понимают ли, что существуют? Таким образом, мышление – это реальность более осязаемая и безусловная, чем любая другая и является первичной. Вообще ведь для нас реально и действительно существует только то, что мы знаем, о чем имеем понятие или представление, то, что мыслим. Если даже что-то и существует само по себе, но мы не знаем о его наличии, тогда нам совершенно неважно, что оно есть – ведь для нас его вовсе нет. Так, например, если мы знаем о существовании в океане некоего острова, то его наличие не вызывает сомнений – он действительно есть. Но если он, допустим, существует, а мы не знаем об этом, но, напротив, думаем, что его нет, тогда существует ли он для нас? Конечно же, нет. И точно так же, как из факта мышления мы заключаем о собственном существовании, можно из наших представлений и понятий о вещах, из мыслей о предметах делать выводы о существовании самих вещей и предметов. То есть из мышления выводится не только наше существование, но и наличие внешнего мира.

Итак, мышление – первая, несомненная и достоверная реальность, с которой мы имеем дело. Оно автономно, самодостаточно и потому имеет собственную жизнь. Может ли оно тогда быть ничем или являться пустым? Не может. Оно наполнено врожденными идеями, то есть знанием, которое изначально (с самого момента рождения) присутствует в нашем уме и не зависит, следовательно, ни от внешнего мира, ни от жизненного опыта. Вспомним, что первым в истории философии определенно говорил о врожденном знании Платон. Теория Декарта отчасти похожа на платоновское учение, но в последнем изначальные представления в человеческом уме обусловлены высшим, но забытым знанием идеальной души, которая до рождения тела пребывала в совершенном мире истинного Бытия. Врожденные идеи в системе Декарта – это основная характеристика нашего мышления. Откуда они в нем? Заложены Богом. Они являются наиболее общими (широкими) и предельно простыми положениями, которые настолько ясно и отчетливо представляются нашему уму, что мы не можем в них усомниться. Так например знаменитые аксиомы евклидовой геометрии – это, по Декарту, врожденные идеи ума. Их не надо доказывать, потому что они самоочевидны, то есть настолько просты, ясны и несомненны, что в них и доказывать нечего. Например есть такая аксиома: «Если три точки лежат на одной прямой, то одна из них лежит между двумя другими». Это положение предельно общее (так как относится к любым трем точкам, лежащим на одной прямой) и в такой же степени простое и ясное, несомненное и очевидное, в силу чего и является аксиомой. Но почему оно столь ясно и отчетливо представляется нашему уму, почему оно самодостоверно и несомненно? Потому что представляет собой врожденную идею, заложенную в наш ум самим Богом, который, говорит Декарт, не может нас обманывать.

И как в геометрии из нескольких простых аксиом с достоверностью строится все грандиозное здание этой дисциплины, так и в других отраслях человеческого знания необходимо отталкиваться от аксиоматичных врожденных идей и возводить на их основе здание любой науки.

Врожденные идеи являются неотъемлемым содержанием сознания, его необходимыми атрибутами. Из них и следует вывести все возможное знание об окружающем мире. Таким образом, информацию не следует собирать по крупицам в процессе жизненной практики, надо всего лишь раскрыть, проявить или реализовать уже имеющиеся у нас допытные представления. Они являются теми общими положениями, из которых возможно делать выводы для каждого конкретного случая. Поэтому неудивительно, что основным методом познания по Декарту должна быть дедукция, когда, как мы уже знаем, из неких широких утверждений делаются различные частные выводы. В основе такой дедукции и должны лежать врожденные идеи, и они не могут быть ложными – ведь заложены в наш ум Богом, являются сущностью нашего мышления, несомненность и достоверность которого для нас очевидна. Важно только правильно употребить дедуктивный метод, соблюсти все его правила, уметь добыть из изначального знания все возможные и разнообразные конкретные положения, максимально раскрыть или развернуть его. Таким образом, по мнению Декарта верный путь познания заключается в том, чтобы вывести истины не из внешнего мира, а из мышления, и поэтому его философский метод получил название **рационализма** (от лат. ratio – ум, рассудок) и явился противоположностью бэконовскому эмпиризму.

Рационалистическая линия Декарта была продолжена в учении немецкого философа Готфрица Лейбница, который также утверждал наличие в человеческом сознании врожденных идей. Они содержатся в нем, говорил он, отнюдь не в готовом и вполне воспринимаемом виде, но представляют собой всего лишь набросок, эскиз будущего знания, подобно тому, как в глыбе мрамора просматриваются очертания будущей скульптуры, намеченные резцом ваятеля. Задача познания заключается в том, чтобы этот едва уловимый контур превратить в законченную систему знаний, полностью обнаружить скрытое во врожденных идеях содержание. Лейбниц хитро перефразировал известное положение Локка о зависимости сознания от чувственных восприятий, и получилась классическая формула рационализма: «Нет ничего в разуме, чего раньше не было бы в чувствах, - говорит Лейбниц, точно повторяя локковское утверждение, и добавляет, - кроме самого разума». Как видим, в данном случае речь идет о независимости мышления от чувственного опыта. Наше сознание автономно и живет собственной жизнью, в нем изначально содержится в неявной форме все то, что нам предстоит узнать. Поэтому приобрести знание возможно вне всякого непосредственного контакта с окружающим миром, без экспериментирования, помимо жизненной практики и независимо от опыта. Можно открыть неведомые глубины Бытия и постичь тайны сущего, не выходя из собственного кабинета – одним лишь всепроникающим актом умозрения, то есть мышлением, духом охватить всю Вселенную и исчерпать тысячи истин, потому что так или иначе они уже представлены в нашем уме. Не следует индуктивно собирать знание по частям, надо дедуктивно вывести его из безграничных и врожденных способностей нашего сознания. В трагедии «Фауст» бакалавр запальчиво произносит такие слова:

« Все опыт, опыт! Опыт – это вздор.

Значенья духа опыт не покроет.

Все, что узнать успели до сих пор,

Искать не стоило и знать не стоит.»

Речь идет о том, что эмпирические знания фрагментарны, разрознены и неглубоки в сравнении с истинами, которые могут быть добыты умозрительным путем.

Рационализм, в отличие от эмпиризма, более тяготеет к философскому идеализму, потому что предполагает наличие некой духовной, нематериальной реальности, существующей вполне независимо от чувственного, физического мира. Учения Бэкона и Декарта были первыми философскими системами Нового времени, сходными в трактовке целей духовной деятельности человека, по различающимся взглядами на основной метод познания или путь реализации намеченных задач.

Вопросы для самопроверки

1. Какое отношение к старой философии было у Рене Декарта? В чем видел он основные задачи новой философии?
2. Что представляет собой универсальное декартовское сомнение? Какие цели оно преследует? Чем отличается сомнение Декарта от сомнения античных скептиков?
3. Объясните знаменитый декартовский принцип: «Я мыслю, следовательно, я существую».
4. Согласны ли вы с утверждением о том, что мышление является более достоверной для нас реальностью, чем существование? Какие примеры можно привести в подтверждение этого тезиса?
5. Что представляет собой учение Декарта о существовании врожденных идей? Какие мыслители до Декарта разрабатывали подобные теории?
6. Какими были представления Декарта о процессе познания? Какой метод был положен им в его основу? Раскройте содержание понятия рационализм.
7. Расскажите о представителях рационализма - продолжателях философских идей Декарта.
8. Чем отличается декартовское учение о врожденных идеях от теории врожденного знания Лейбница?

9. В чем заключается сходство философских идей Ф.Бэкона и Р.Декарта?

10. Прочитав следующее рассуждение Декарта, определите, почему наилучшей из наук он считал математику и каким образом предлагал он распространить ее метод на другие области знания: «Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы прийти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть».

Действительность – поток ощущений (Беркли и Юм)

Оригинальными и вполне самостоятельными в философии Нового времени были учения английских мыслителей Джорджа Беркли и Дэвида Юма. Один из основных философских вопросов – о соотношении объективного и субъективного, мира и человека – решается у них достаточно самобытно. Если Бэкон выводил человеческое сознание из внешнего мира, а Декарт, наоборот, из мышления – окружающую действительность (а вернее – знания о ней), то Беркли и Юм, вообще, жестко разграничили области объективного (внешнего, физического) и субъективного (внутреннего, духовного) и фактически сняли вопрос об их соотношении и взаимодействии.

Мы уже неоднократно говорили о том, что наши представления о существовании окружающего мира присутствуют в сознании благодаря тому, что мы видим, слышим, осязаем, обоняем и т.д. Если у человека с рождения не работал бы ни один орган чувств, его сознание было бы абсолютно пустым или темным, в нем не могло бы возникнуть ни одного образа. Чувства – это те каналы, по которым к нам поступает информация о наличии вовне некой реальности. Но где гарантия того, что они совершенно точно воспроизводят действительность и предоставляют нам достоверное знание о ней? А если чувства искажают окружающий мир, обманывают нас, и в результате мы видим не совсем то или совсем не то, что существует на самом деле. Вспомним, что еще греческий софист Протагор говорил, что человек – это мера всех вещей, то есть утверждал о несуществовании общезначимого и для всех одинакового: как кому кажется, то для каждого и есть истина. Иначе говоря – мы не знаем, каков мир сам по себе, но знаем то, как каждый из нас его воспринимает или видит, не ведая объективной картины вещей, каждый имеет свое собственное представление о реальности. Последний и самый известный греческий скептик Секст Эмпирик уделил этой проблеме также немало внимания. У всех живых существ, говорил он, по-разному устроены органы чувств, поэтому неудивительно, что картина мира у каждого существа какая-либо своя и значительно отличается от восприятий других. Так, например, представим себе, что перед нами – комнатное растение. Наблюдая этот предмет, мы скажем, какой он величины и формы, каков его цвет и запах, гладкие или жесткие у него листья, сухой он или влажный и т.п. Таким образом, в нашем сознании сложилось определенное представление о нем. А теперь вообразим, что по данному растению ползает, скажем, муравей и тоже воспринимает его своими органами чувств, которые у него устроены совершенно иначе, нежели наши. Так вот его впечатление о данном предмете будет ли таким же, как и у нас? Скорее всего, оно будет совершенно другим. Стало быть, известно, какую картину действительности рисуют каждому живому существу его органы чувств, но мы ничего не можем сказать о том, каков мир на самом деле. Но если даже, продолжает Секст Эмпирик, не сравнивать восприятия человека и всех других живых существ, а остановиться на чувственном опыте только людей, то и в этом случае нам не откроется объективная картина вещей. Ведь органы чувств у всех устроены неодинаково: один лучше видит, другой – слышит, третий – обоняет, а, значит, и картина мира у каждого из нас будет отличаться от впечатлений любого другого. Так, например, человек, лишенный зрения и слуха, будет считать, что нет вообще ничего видимого и слышимого, нет цветов и звуков, а есть только осязаемое, обоняемое и вкусовое. А насколько отличается мир, видимый человеком со стопроцентным зрением от восприятия близорукого: стоит последнему надеть очки, как все вокруг него преобразуется и становится совершенно иным. Следовательно, мы можем сказать, какой нам кажется действительность в зависимости от наших чувственных данных, но ничего не знаем о том, какова она сама по себе. И, наконец, греческий скептик предлагает нам следующий замечательный пример. Представим себе, что перед нами – яблоко. Оно желтое (зрительное впечатление), гладкое (для осязания), благоуханное (восприятие обоняния), сладкое (на вкус) и хрустящее (для слуха). У нас пять органов чувств (так мы устроены) и поэтому нам кажется, что у наблюдаемого предмета пять вышеперечисленных качеств. Но если бы у яблока было не пять качеств, а, скажем, десять, то тогда сколько бы качеств мы воспринимали? Все равно пять, потому что у нас нет тех органов чувств, которыми мы могли бы воспринять оставшиеся качества. А если бы у яблока было только одно качество, то сколько мы в данном случае воспринимали бы качеств? Все равно пять, потому что каждый орган чувств это одно качество преподносит бы нам по-своему. И даже если бы у яблока вообще не было никаких качеств, то мы воспринимали бы их ровно пять, так как каждый действующий орган чувств рисовал бы нам некую определенную реальность. Значит, мы вообще не в состоянии сказать, каков предмет на самом деле и что собой представляет, но можем знать только, каким он нам кажется в зависимости от устройства наших чувств. Мы видим мир не таким, какой он сам по себе, но всегда – только таким, каким должны и единственно можем его увидеть в силу своей чувственной организации. Философская традиция, начинающаяся с Протагора и проходящая через учение греческих скептиков, называется субъективизмом (объективная реальность недоступна, но вполне известно, какой она представляется (кажется) познающему человеку – субъекту).

Беркли и Юм были последователями и продолжателями в новой философии этого направления и говорили, что когда мы воспринимаем какой-либо предмет, то в любом случае имеем его зрительный образ, слуховой, осязательный и т.д. Мы узнаем о наличии предмета через наши ощущения или чувства. Поэтому правильнее говорить, что перед нами – не предмет, а сумма наших ощущений или чувственных его восприятий. Ведь вне и помимо чувств мы не могли бы вообще ничего воспринимать. Мы имеем дело не с действительностью, а с нашими ощущениями этой действительности, которые для нас и являются настоящей, безусловной и первичной реальностью, то есть самой действительностью. Что стоит за ними, неизвестно. Какой реальный мир за ними скрывается, мы никогда не узнаем, потому что не в состоянии выйти за пределы из наших ощущений, воспринять существующее без них и помимо них. А в том, что они не представляют нам истинной картины вещей, сильно искажают

действительность, обманывают нас, мы вполне убедились. То, что мы ощущаем и то, что есть на самом деле – далеко не одно и то же, но нам доступно только ощущаемое. Поэтому вполне можно утверждать, что действительность – это совокупность наших ощущений. Предметом философии, значит, должен быть поток впечатлений, сумма восприятий, чувственный опыт, а вопрос о том, каков подлинный мир, совершенно бессмыслен, так как мы абсолютно отрезаны от него своей субъективной реальностью (суммой ощущений). Более того, не имеет смысла даже вопрос о самом существовании объективного мира: не все ли нам равно, что стоит за нашими впечатлениями и стоит ли вообще что-либо, если единственно возможная для нас действительность – это мир собственных чувств и ощущений.

Однако в философии все же было и такое редкое воззрение, по которому считается, что весь мир – это именно только мои ощущения, то есть никакой реальности нет, а существую только я, все же, мной наблюдаемое вовне --это мои чувства, иллюзии, вымысли, подобные образам сновидения. Я есть, а мира нет вовсе. Такое утверждение называется **солипсизмом** (от лат. solus – единственный и ipse – я сам). Данное положение достаточно трудно обосновать и отстаивать, поскольку в пользу него аргументов фактически нет, против же – огромное количество. Ни Беркли, ни Юм не разделяли позиции солипсизма. Поэтому их субъективизм можно назвать умеренным, а солипсизм – крайним вариантом субъективизма.

Ничего говорить о настоящей реальности мы не можем и познать ее – не в состоянии. Нам всегда будут неведомы причины происходящего, связи предметов и событий и взаимодействия вещей. Мы можем не объяснить совершающееся, а всего лишь описать свой чувственный опыт, наш ум бессилён открыть невидимые механизмы сущего, но способен только констатировать кажущееся. Поэтому знать ничего, по крупному счету, невозможно. Однако мы наблюдаем вокруг себя некую последовательность вещей и стабильность происходящих событий (день сменяется ночью, а зима – летом, булыжник непременно тонет в воде, газ горит и взрывается, любой живой организм нуждается во влаге, планеты движутся вокруг Солнца, а человеческий глаз воспринимает только освещенные предметы и т.д. и т.п.), в силу чего непроизвольно ожидаем, что в будущем они будут происходить так же, как в прошлом, что сегодня все совершится так же, как было вчера. Мы фактически бессознательно надеемся на то, что завтра Солнце взойдет на Востоке и будет новый день, что благодатная весенняя почва примет брошенные в нее семена и на исходе лета даст нам свои плоды, что у разожженного костра будет тепло и что вступивший в стадию ранней юности человек станет искать любви... Из нашего непроизвольного ожидания вырастает привычка к устойчивому порядку вещей, из привычки же рождается вера в этот порядок. В данном случае понятие «вера» трактуется предельно широко: речь идет не о веровании в потусторонние, сверхъестественные, высшие силы, но о вере во все происходящее вокруг нас. Поскольку мы ничего не можем знать о мире, нам ничего не остается, как верить в него. Мы верим, что весной должны разлиться реки, что всякий родившийся человек растёт и взрослеет, что за год Земля непременно обернется один раз вокруг Солнца, и что на ясном ночном небосводе обязательно будут видны мириады далеких звезд. Эта всеохватывающая вера и есть главная характеристика нашего существования. Дэвид Юм назвал ее «естественной религией», то есть – верой в существующее, в наличное и повседневно нас окружающее Бытие. В состоянии этой веры все мы и живем на земле, некоторые, правда, говорят о том, что могут что-то достоверно знать и пытаются постичь некие истины сущего, однако, все их усилия совершенно напрасны.

А философия вовсе и не должна открывать причины происходящего и проникать в его глубины и тайны, так как она все равно не сможет этого сделать. Ее задача гораздо скромнее: она должна быть практическим руководством в повседневной жизни, помогать человеку ориентироваться в окружающем мире, облегчать его реальное существование. Если философия спустится с небес и займется земными делами, она, тем самым, принесет немало ощутимой пользы, наполнится конкретным смыслом и вполне оправдает свое наличие в качестве вида духовной деятельности. Такое воззрение получило название **утилитаризма** (от лат. utilitas – польза) или **прагматизма** (от греч. прагма – дело, действие) и стало теоретической основой более поздних философских учений, ставших достаточно популярными и получивших широкое распространение в нынешнем столетии.

Вопросы для самопроверки

1. Согласны ли вы с тем, что идея о несовпадении видимого нами с реально существующим является одной из наиболее важных в философии? Покажите на различных примерах из истории философии как эта идея выражалась в различных учениях.
2. Проблема несовпадения видимого и сущего решалась в философии двояко: одни мыслители предлагали, игнорируя видимое, искать вечно сущее; а другие считали, что надо ориентироваться на видимое, не пытаясь постичь истинно существующее. Какие мыслители из известных вам придерживались первой точки зрения, а какие - второй?
3. Как вы понимаете утверждение Беркли и Юма о том, что действительность - это поток ощущений?
4. Каким образом Беркли и Юм доказывают, что вопрос о существовании внешнего мира можно отбросить ввиду его несостоятельности? Согласны ли вы с этим их утверждением?
5. Можно ли охарактеризовать учение Юма такими понятиями, как агностицизм, скептицизм, эмпиризм? Если да, то почему? Обоснуйте свой ответ.
6. Что такое «естественная религия» в учении Юма? Каким образом тезис о «естественной религии» связан с юмовским скептицизмом?
7. Раскройте содержание понятий прагматизм и утилитаризм.

8. Как вы думаете о каких философских вопросах и проблемах идет речь в следующих словах Юма: «Все эти вопросы приводят меня в полное замешательство, и мне чудится, что нахожусь в самом плачевном положении, которое только можно вообразить... я чувствую себя запутавшимся в таком лабиринте, что не знаю, ни как исправить свои прежние мнения, ни как согласовать их друг с другом».

Век Просвещения

XVIII век вошел в историю под названием «века Просвещения» и в философском смысле завершил те идеи, которые появились в эпоху Возрождения и развивались далее в XVII веке. Просвещение было общеевропейским явлением, но более всего оно развернулось во Франции. Знаменитыми французскими просветителями были Вольтер, Монтескье, Руссо, Кондильяк, Ламетри, Дидро, Гольбах и другие. Каждый из них написал немалое количество сочинений и изложил свои воззрения по различным философским вопросам. Не рассматривая взглядов каждого представителя французского Просвещения, выделим наиболее общие и существенные черты их идейного наследия.

Для всех просветителей была характерна секулярность мышления и каждый так или иначе выступил с критикой теистической христианской религии как мировоззрения. Большинство из них разделяли точку зрения деизма, в котором Богу отводится всего лишь роль первотолчка, исходной причины мироздания (он создал мир, но после этого его нигде, никак и никогда нет). Деизму понятие о Боге требуется только для объяснения происхождения мира и больше – ни для чего. Некоторые просветители разделяли атеистические воззрения. В любом случае, для всех философов Просвещения центральной реальностью и главным объектом изучения был физический мир или природа, которую, как они считали, можно понять и объяснить из нее самой, то есть найти естественные причины всего существующего и происходящего и не прибегать к понятиям о потустороннем, таинственном и неведомом. Эта характерная черта их мировоззрения называется **натурализмом** (от лат. *natura* – природа). Самым же совершенным существом природы является, по их мнению, человек. Эта особенность, как мы уже знаем, представляет собой антропоцентризм. Человек же вполне способен постичь окружающий мир, думали просветители, и поставить его себе на службу. У познания нет границ и препон: тайны Вселенной должны открыться перед могуществом человеческого интеллекта. Как видим, просветительская философия отличалась гносеологическим оптимизмом и рационализмом, ее представители безгранично верили в совершенство Разума, всеисилие Науки и безусловность Прогресса. Последние три понятия и стоящие за ними реалии они почти обожествляли. Кроме того, просветители одной из своих основных задач считали повсеместное распространение и популяризацию главных идей новой философии, то есть, в буквальном смысле, стремились к просвещению широких масс населения, в силу чего их культурная деятельность и вошла в историю под названием Просвещения.

Однако центральная их мысль заключалась в следующем. Отчего люди живут плохо, спрашивали эти философы. Почему в человеческой истории невозможно найти хотя бы десяток безусловно счастливых лет, когда все процветало бы и вовсе не было вражды, насилия и несправедливости? Все несчастья происходят оттого, утверждали они, что люди просто не знают, как жить хорошо и поэтому живут плохо. Значит, для того, чтобы исправить общественную жизнь надо всего лишь показать всем, как следует жить хорошо, просветить человеческое сознание, наполнить умы людей добрыми идеями, и реальная жизнь тогда также станет добродетельной, справедливой и счастливой. Измените сознание, говорили они, и вслед за этим изменится сама реальность. Главная движущая сила прогресса и избавление от всех социальных бед усматривалось в просвещении, в силу чего само это понятие и приобрело значительный смысл и заняло центральное место в духовной культуре XVIII века.

Идеи, распространенные в умах, полагали просветители, делают общественную жизнь счастливой или несчастной, движут историю человечества. Это воззрение противостояло древнему и средневековому взгляду на исторические процессы, который является теологическим или богословским: считалось, что главной, единственной и скрытой причиной всего происходящего в истории является воля Бога, его замыслы и планы, а все люди – от раба до императора – всего лишь орудия для их осуществления. Теперь же на место божественных замыслов ставилось человеческое разумение: исторические события совершаются в силу тех или иных идей, поэтому новое понимание истории получило название идеалистического (не путать с идеализмом философским, по которому весь физический, материальный, видимый мир есть проявление или воплощение некоего духовного, идеального, невидимого начала). Отныне считалось, что историю творит не Бог, но сами люди, однако делают это исходя из собственного произвола, ориентируясь на свои желания и мысли, совершают исторические события так, как хотят, и поэтому последние есть результат их вполне сознательной и целенаправленной деятельности. А поскольку большим влиянием и властью пользуются монархи, полководцы, дипломаты и другие значительные люди, значит именно их желания и планы более всего влияют на ход общественной жизни, а история превращается поэтому в совокупность биографий выдающихся личностей. Более того, при таком понимании происходящих событий получается, что они, по крупному счету, случайны: ведь стоило бы не родиться тому или иному значительному историческому деятелю, и все могло бы быть совершенно иначе; или если бы некая мысль когда-либо не посетила чей-то выдающийся ум, то человечество ныне могло бы оказаться совсем не там, где находится. Историю делают великие по собственному произволу и на свое усмотрение. Блестящую критику такого понимания исторических процессов дал Л.Н. Толстой в эпилоге романа «Война и мир», где он говорит о том, что в Новое время историки отказались от теологических объяснений, но предложили не менее наивные, и уж наверняка более смешные интерпретации: «... новая история не может отвечать таким образом [то есть теологически]. Наука не признает воззрения древних на непосредственное участие божества в делах человечества, и потому она должна дать другие ответы». Далее Толстой предлагает прекрасный памфлет на это новое (идеалистическое) понимание истории, показывая, как оно пытается объяснить события Великой Французской революции и последовавших за ней наполеоновских войн.

«Новая история, отвечая на эти вопросы, говорит: вы хотите знать, что значит это движение, отчего оно произошло и какая сила произвела эти события? Слушайте: «Людовик XIV был очень гордый и самонадеянный человек; у него были такие-то любовницы и такие-то министры, и он дурно управлял Францией. Наследники Людовика тоже были слабые люди и тоже дурно управляли Францией. И у них были такие-то любимцы и такие-то любовницы. Притом некоторые люди писали в это время книжки. В конце 18-го столетия в Париже собралось десятка два людей, которые стали говорить о том, что все люди равны и свободны. От этого во всей Франции люди стали резать и топить друг друга. Люди эти убили короля и еще многих. В это же время во Франции был гениальный человек – Наполеон. Он везде всех побеждал, то есть убивал много людей, потому что он был очень гениален. И он поехал убивать для чего-то африканцев, и так хорошо их убивал и был такой хитрый и умный, что, приехав во Францию, велел всем себе повиноваться. И все повиновались ему. Сделавшись императором, он опять пошел убивать народ в Италии, Австрии и Пруссии. И там много убил. В России же был император Александр, который решился восстановить порядок в Европе и потому воевал с Наполеоном. Но в 7-м году он вдруг подружился с ним, а в 11-м опять поссорился, и опять они стали убивать много народа. И Наполеон привел шестьсот тысяч человек в Россию и завоевал Москву; а потом он вдруг убежал из Москвы, и тогда император Александр, с помощью советов Штейна и других, соединил Европу для ополчения против нарушителя ее спокойствия. Все союзники Наполеона сделались вдруг его врагами; и это ополчение пошло против собравшего новые силы Наполеона. Союзники победили Наполеона, вступили в Париж, заставили Наполеона отречься от престола и сослали его на остров Эльбу, не лишая его сана императора и оказывая ему всякое уважение, несмотря на то, что пять лет тому назад и год после этого все его считали разбойником вне закона. А царствовать стал Людовик XVIII, над которым до тех пор и французы и союзники только смеялись. Наполеон же, проливая слезы перед старой гвардией, отрекся от престола и поехал в изгнание. Потом искусные государственные люди и дипломаты (в особенности Талейран, успевший сесть прежде другого на известное кресло и тем увеличивший границы Франции) разговаривали в Вене и этим разговором делали народы счастливыми или несчастными. Вдруг дипломаты и монархи чуть было не поссорились; они уже готовы были опять велеть своим войскам убивать друг друга; но в это время Наполеон с батальоном приехал во Францию, и французы, ненавидевшие его, тотчас же все ему покорились. Но союзные монархи за это рассердились и пошли опять воевать с французами. И гениального Наполеона победили и повезли на остров Елены, вдруг признав его разбойником. И там изгнанник, разлученный с милыми сердцу и с любимой им Францией, умирал на скале медленной смертью и передал свои великие деяния потомству. А в Европе произошла реакция, и все государи стали опять обижать свои народы».

Эти остроумные строки русского писателя и по сей день звучат достаточно актуально, потому что такого рода объяснения исторических событий встречаются и теперь весьма часто и мы, во многом непроизвольно, склонны, пожалуй, преувеличивать роль личности в истории. По крайней мере вполне очевидно, что суждения типа «Наполеон завоевал Европу», «Гитлер развязал войну», «Ленин устроил революцию», «Горбачев затеял перестройку» и многие другие им подобные являются очень далекими от истинного положения дел минувших и нынешних. Мы конечно же не утверждаем, будто бы личность в истории равным счетом ничего не значит. Наоборот, невозможно не признать, что ее роль в исторических процессах значительна. Мы только хотим подчеркнуть, что вряд ли возможно считать историю только результатом произвола выдающихся личностей; сомнительно, чтобы они делали ее исключительно по своей воле и на свое усмотрение; несправедливо рассматривать историю как совокупность биографий монархов, полководцев, дипломатов, президентов и их тайных и явных фаворитов и советчиков.

Просвещение не было однородным философским явлением. Как мы уже говорили, просветители в своем подавляющем большинстве выступали с апологией разума, науки и прогресса, считали одной из основных задач человека покорение природы и увеличение его могущества. Однако один из известных французских философов-просветителей выдвинул противоположные идеи. Это был Жан Жак Руссо, который в своих философских рассуждениях резко противопоставил природное (все естественное, не созданное человеком) и культурное (все искусственное, созданное человеком) и выступил с негативной оценкой второго.

Между естественной и гармоничной жизнью чувства и искусственностью и односторонностью рассудочного мышления, говорит Руссо, существует неразрешимое противоречие. Чувство – это первичная форма духовной деятельности, которая появляется в историческом пути человечества и в индивидуальном развитии каждого человека гораздо раньше, чем разум, и обуславливает пусть инстинктивные и несознаваемые, но в то же время в высшей степени целесообразные движения и действия, делает человека единым со всем мирозданием, а также – внутренне целостным и потому счастливым. Развитие разума и цивилизации, с точки зрения Руссо, разрушило в человеке первоначальную гармонию, нарушило правильное отношение между потребностями и способностями, ослабило естественную мощь человека. Главная причина человеческих страданий – это разорванность, раздвоенность человека, порожденная выпадением его из первоначального естественного (природного) и гармоничного состояния и превращением его в разумное, цивилизованное, социальное существо. В этом своем состоянии человек раздваивается между своими возможностями и желаниями, долгом и склонностями, природной организацией и социальными учреждениями и т.д. и т.п., то есть, говоря иначе, не принадлежит самому себе. «Сделайте человека вновь единым, – говорит Руссо, – и вы сделаете его таким счастливым, каким он только может быть».

«Все выходит прекрасным из рук Творца, все вырождается в руках человека», – это один из вечных философских сюжетов, который по-разному проявлялся в различные эпохи. Вспомним, о совершенстве природы и несовершенстве человека как социального существа, говорили и китайские даосы, и греческие киники, один из которых – Диоген – жил в бочке и призывал людей вернуться назад к природе, ибо движение вперед, по его мнению, – это путь не в светлое будущее, а в бездну самоуничтожения. На вопрос Александра Македонского, что он может сделать для него, Диоген ответил: «Отойди и не загораживай мне Солнца». Что он хотел этим сказать? По всей видимости – следующее: «Ты воображаешь себя сейчас властелином мира, юный Александр, перед тобой трепещут народы и царства, ты прольешь реки крови и натворишь много дел, создав необъятную империю. Но пройдет время, и твое могучее царство рухнет, и все, с таким трудом тобой создаваемое, пойдет прахом, и от дел твоих ничего не останется, равно как и от тебя самого, твоего величия и славы. И после тебя по Земле пройдут еще тысячи таких же тщеславных александров, которые так же превратятся в прах и тлен, а безмолвное яркое Солнце будет так же неспешно ходить по лазурному небосводу, освещая и согревая всех, как и миллионы лет до тебя, Александр, и миллионы – после. Что ты по сравнению с вечностью мира? Не

бесконечно ли смешны и жалки твои честолюбивые планы и наивное сознание собственного иллюзорного величия? Неужели суетным, вздорным и мимолетным делам человеческим должны посвящать мы свои взоры и помыслы, а не вечной красоте и гармонии необъятного мироздания, простому естеству природы и человека? Так отойди же, ничтожный царь Македонский и не мешай мне смотреть на бескрайнее чистое небо и великое Солнце».

Идеи даосов, киников и Руссо о совершенстве природы и несовершенстве общества, о разрушительной силе цивилизации разделял русский писатель и философ Л.Н. Толстой. Вспомним, в романе «Война и мир» есть знаменитая сцена, почти полностью по смыслу совпадающая со встречей Диогена и Александра. Раненый князь Андрей лежит на поле Аустерлица. Он шел на войну 1805 года, завидуя славе и величию Наполеона и тайно мечтал так же прославиться. Он бросился вперед со знаменем в руках, увлекая за собой солдат и был сражен, лежал на поле и видел над собой бездонное небо, вечное и безмолвное, под которым люди от века убивали и предавали друг друга, отчаянно стремились к богатству и славе, напрягались, суетились и сменяли друг друга поколение за поколением; тщетные помыслы и дела человеческие быстро проходили и навсегда исчезали, а это бескрайнее небо всегда оставалось. Около раненого Андрея оказался Наполеон, объезжавший поле битвы, и, указывая на него, сказал: «Вот прекрасная смерть». Болконский смотрел на Наполеона, своего недавнего кумира, и понимал насколько смешон и жалок этот маленький тщеславный человек, мнящий себя сейчас властелином мира, насколько он ничтожен со всеми своими планами и делами перед глубиной и вечностью бескрайнего неба: ведь скоро ни от самого Наполеона, ни от его свершений ничего не останется, по Земле пройдут и сгинут неведомо куда еще тысячи таких же честолюбивых наполеонов, а это великое небо останется и будет так же молчаливо смотреть на людскую суету, как смотрело тысячи лет назад. Так не есть ли, думал князь Андрей, естественная жизнь человека и природы нечто неизмеримо более совершенное и истинное, чем суетная жизнь социального организма, гордо называющего себя цивилизацией?

Все эти идеи, противопоставляющие природное и социокультурное и резко критикующие второе не казались особенно серьезными и не имели широкого распространения ни на заре человеческой истории, ни в Новое время. Китайские даосы были довольно немногочисленным и во многом изолированным философским сообществом, над греческими киниками их сограждане и современники по преимуществу смеялись, Руссо был единственным известным представителем французского Просвещения, который выступил против апологии разума, науки, прогресса и вообще культуры, антицивилизационные идеи Л.Н. Толстого вызвали удивление и раздражение у многих его современников. Однако ситуация значительно изменилась к настоящему времени. Пессимистических прогнозов будущего, которое ожидает человеческое общество, становится все больше. И это неудивительно, ведь мы – люди рубежа тысячелетий – можем уже по-настоящему заглянуть за край той бездны, на котором стоим, приведенные туда пресловутым прогрессом цивилизации.

Вопросы для самопроверки

1. Какую эпоху в истории философии называют Просвещением? Каковы основные черты философии Просвещения?
2. Какие надежды связывали философы XVIII в. с просвещением человеческих умов?
3. Какова специфика понимания просветителями движущих сил исторического процесса?
4. В чем заключаются достоинства и недостатки идеалистического понимания истории?
5. Из курса Новой истории вспомните взгляды французских просветителей XVIII в. Какую роль сыграли их идеи в подготовке Великой французской буржуазной революции 1789-1794 гг.?
6. Как вы думаете, какие идейные цели преследует следующее рассуждение французского материалиста П.Гольбаха: «Религия повергает человечество на колени перед существом не обладающим протяженностью и, вместе с тем, бесконечным и все наполняющим своей безмерностью; перед существом всемогущим и никогда не выполняющим своих желаний; перед существом бесконечно добрым и возбуждающим одно недовольство; перед существом, стремящимся к гармонии и всюду сеющим раздоры и беспорядок. Пусть же кто-нибудь попробует разгадать, что такое бог богословов?».
7. Прочитав следующее рассуждение известного французского просветителя Жан Жака Руссо определите, в чем он видит главный источник общественных несчастий и как предлагает усовершенствовать социальную жизнь. «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое» и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля - никому!».
8. В чем философские идеи Руссо резко расходятся со взглядами других представителей французского Просвещения? В чем заключается близость его воззрений с идеями китайского даосизма, греческого кинизма и философскими идеями Л. Н. Толстого?
9. Ж. Ж. Руссо считал, что в человеке чувства важнее разума. Он был не только философом, но и выдающимся писателем, основателем одного из крупных течений в европейской культуре и художественной литературе XVII века. Попытайтесь определить, к какому из названных ниже направлений литературы имел отношение Руссо: романтизму, классицизму, сентиментализму или реализму?

Выяснить возможности разума (Кант)

Во второй половине XVIII – первой половине XIX века в Германии было несколько живших в разное время выдающихся мыслителей, создавших грандиозные философские учения. Их интеллектуальная деятельность вошла в историю под названием немецкой классической философии. Ее родоначальником считается Иммануил Кант.

Исходным пунктом его воззрений является утверждение о том, что прежде чем познавать мир, надо выяснить можем ли мы его в принципе познать. Если да, то насколько. Необходимо установить возможности нашего познания, его границы. Главное познавательное орудие – это разум, стало быть прежде всего необходимо выяснить способности и возможности нашего разума. Всестороннее исследование их Кант назвал его критикой, а философия, по его мнению, должна быть не постижением внешнего мира, а критикой разума, то есть изучением его устройства, специфики и законов. Философию Канта часто называют критической. Немецкий философ говорил, что к такому выводу его подтолкнуло учение Дэвида Юма, который «разбудил его от догматического сна». Вспомним утверждение последнего о том, что мир неизбежно скрыт от нас и поэтому знание возможно не о нем, а о своих собственных состояниях (ощущениях, чувствах, мыслях и т.п.) или что предметом философии может быть вполне доступная нам субъективная (внутренняя, психическая, духовная) реальность, но ни в коем случае – не объективная (внешняя). Так же полагал и Кант: откуда нам знать каков мир, если мы имеем дело не с ним самим, а с его отражением в нашем сознании, в силу чего последнее может и должно быть главным объектом философского внимания. Знаменитые вопросы Канта – это такие вопросы как: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? Наконец, главный вопрос, к которым сводятся предыдущие – это вопрос: Кто такой человек? Основные сочинения Канта – это «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения».

Основными познавательными способностями человека, с точки зрения философии Канта являются чувства, рассудок и разум. То, что существует само по себе, в философии Канта называется **ноуменом** или «вещью в себе», которая непознаваема, то же, что видим мы, то, как реально существующее представляется нам, он обозначил **феноменом** или «вещью для нас». Главный вопрос заключается в том, насколько соответствует первое второму, или в какой мере феномены могут предоставить нам информацию о ноуменах. Кант утверждал: две эти области жестко разграничены, видимое нами – совсем не то же самое, что действительно есть. В нашем уме содержатся некие врожденные или **априорные** (доопытные) формы сознания, под которые мы как бы подгоняем окружающий мир, втискиваем его в них и он существует в нашем представлении совсем не в том виде, каков он на самом деле, а в том, каким он только и может быть в этих априорных формах. Вспомним учение Секста Эмпирика: каждое живое существо устроено неким определенным образом и поэтому оно воспринимает действительность не такой, какая она сама по себе, но всегда видит только то, что может и должно увидеть в силу этого своего устройства. У человека, говорит Кант, тоже по-особенному устроены органы чувств и разум, и мы воспринимаем окружающий мир именно таким, каким он должен быть по нашим представлениям, то есть не сознание сообразуется с реальными вещами, познавая их, а наоборот, вещи – с формами сознания. Иначе говоря, мы наделяем мир своими изначальными, врожденными, доопытными формами, схемами, структурами и постигаем в действительности то, что сами же в нее вкладываем. Например, мы считаем, что реально существует время. Но давайте задумаемся в это понятие – оно ведь существует только в человеческом уме, являясь специфическим термином, которого нет ни у какого другого живого существа. А если бы не было вовсе на земле человека, то кто тогда говорил бы о времени, ведь в этом случае данного понятия нигде, никак и никогда не могло бы быть. Что же тогда такое «время»: реальность или же – наш способ восприятия реальности? Но ведь то же самое можно сказать и обо всем остальном. Мысленно проведем такую процедуру – устраним человека из мира, представим себе реальность без него. Чем тогда будет мир? Неужели таким же, как и сейчас? Но кто тогда назовет один предмет – деревом, другой – животным, а третий – рекой, кто тогда скажет, что гора выше, чем растение, что весенняя листва зеленая, что птицы летают и т.п.? Ведь нет существа, которое могло бы выработать все эти понятия и увидеть действительность через их призму. Мы просто настолько привыкли к своему представлению о мире, что считаем его самим миром, наше субъективное восприятие реальности так прочно к ней приклеилось, что мы уже давно не замечаем, что эта реальность совсем не такова, какой мы ее мним. Вспомним всем хорошо знакомую с детства операцию: какое-либо простое слово (например, «кастрюля») надо повторить 30-50 раз, при этом постоянно вдумываясь в его значение. Через несколько десятков повторений это слово потеряет для нас свой смысл, превратится в абсурдный набор звуков, и мы с удивлением спросим себя, почему данная вещь называется именно таким «странным» термином, а не другим. Мы привыкли к тому, что один предмет называется «кошкой», другой – «планетой», а третий – «цветком» и совершенно не задумываемся о связи названия с самим предметом, никогда не спрашиваем себя, почему дерево – это «дерево». Точно так же мы не задумываемся о связи наших представлений о мире с самим миром (хотя на самом деле связи-то никакой нет) и не спрашиваем себя, такая ли на самом деле действительность, какой мы ее видим (нисколько не подозревая, что она совершенно иная).

Иногда говорят, что Кант совершил в теории познания коперниканский переворот. Чтобы понять, о чем идет речь, вспомним, что переворот Коперника в астрономии заключался в том, что не Солнце движется вокруг Земли, а Земля – вокруг Солнца. Переворот Канта в теории познания заключается в том, что не разум согласуется с вещами (отражая их как «правильное зеркало»), а вещи – с разумом, т.е. мы как бы «подгоняем» мир под свои представления и видим его не таким, каков он на самом деле, а таким, каким можем и должны увидеть в силу устройства своих органов чувств и мышления (мир такой, какой он на самом деле, непознаваем, он – «вещь в себе»).

Но если нам ничего неизвестно о мире, то как в нем ориентироваться и, вообще, жить. Надо выяснить, есть ли (или может ли быть) что-либо общее и безусловное для всех людей, некое представление или убеждение, или знание, в котором бы никто вообще не мог сомневаться. Таким принципом является понятие добра, которое неизменно представлено в сознании любого нормального (не больного психически) человека. Каждый из нас прекрасно знает, что хорошо, а что плохо, что делать можно и чего нельзя, и считает добро, как и зло чем-то реально существующим, а не просто человеческой выдумкой. Предположим, что вам предложили убить человека, гарантировав отсутствие всякого юридического наказания, а также привели убедительные аргументы в пользу того, что добро и зло – это вздор и всего лишь вымысел ума, что в действительности их нет и поэтому каждый волен делать абсолютно все.

Вам доказали, что убить **можно**, станете ли вы убивать? Конечно же, нет. Но почему? Потому что, что-то вас удерживает от этого, вы, несмотря ни на какие аргументы, видите, что этого делать **нельзя**, что это **зло и преступление**. Вам не требуется никаких доказательств, так как вы это знаете наверняка, а точнее – не знаете, а верите в это полностью и безусловно. Такая вера и является врожденной идеей добра, которая прочно встроена в наше сознание, является его неотъемлемой частью и удерживает нас от nepозволительных поступков. Ведь если бы мы искренне считали добро произвольной выдумкой, то творили бы все подряд.

Значит, мы однозначно верим в то, что добро существует само по себе, в качестве некоей реальности. Откуда в нашем уме эта идея? Оттуда же, откуда Солнце в небе, сердце в груди, крылья у птицы. Что следует из нее? Ведь если добро, как мы полагаем, существует на самом деле, значит должен быть какой-то вечный его источник или некий незыблемый гарант, которым может быть только Бог. Иначе говоря, если мы неизбежно верим в наличие добра в действительности, то вследствие этого мы также обязательно верим в Бога, как в непререкаемую причину этого добра. Такое рассуждение является знаменитым кантовским доказательством существования Бога, который чаще всего называют нравственным аргументом. Он будет шестым по счету после пяти, рассмотренных нами в теме о средневековой философии. Кант говорит, что ни доказать, ни опровергнуть неким логическим путем существование Бога невозможно. Поэтому его мысль только условно можно назвать аргументом, ведь в ней Бог выводится из нравственности. Захочется ли нам, спрашивает немецкий философ, жить в мире, который устроен по законам зла, где торжествуют злодеи и страдают невинные, где процветает только ложь и подлость, насилие и жестокость, где преступление почитается добродетелью и возможна одна несправедливость, где творятся самые жуткие и немыслимые вещи? Конечно же, не захочется. Мы непроизвольно считаем, что мир, в котором мы живем, не таков, что в нем есть и правда, и справедливость, и добро, и порядок. И поскольку мы так твердо убеждены в этом, то обязательно должны признать существование Бога как гарантии действительности и незыблемости всего вышеперечисленного. Такое предположение абсолютно необходимо, так как без него наше существование совершенно немыслимо. Таким образом, если бы Бога и не было, то мы все равно не могли бы в него не верить, а значит, его следовало бы создать или – если Бога и нет, то он все равно есть. Вот так парадоксально, но в то же время вполне убедительно звучит кантовский аргумент.

Его можно было бы сформулировать и иначе. Представьте себе, что один человек строит свое благополучие за счет другого. Знакомая ситуация? Наверное, каждый из нас с ней сталкивался. Удивляет нас такая ситуация? Нисколько не удивляет, ведь вполне естественно для человека думать о личной выгоде, улучшать свою жизнь, следовать инстинкту самосохранения и проявлять эгоизм. Так существует вся природа: одно растение устремляется к Солнцу и забывает собой другое, лев в пустыне пожирает антилопу и т.д. и т.п. Жить по закону личной выгоды и эгоизма – значит жить по закону природы, и когда человек так живет, то в этом нет ничего удивительного, потому что таким образом он проявляет себя как природное, естественное существо. Однако иногда (пусть очень редко, но все же!) человек поступает не по, а вопреки законам природы, поступает не естественно, а сверхъестественно. Например бросается в ледяную воду и спасает тонущего, хотя сам может утонуть или делится последним куском хлеба с нуждающимся, хотя прекрасно знает, что сам будет завтра голодать. Откуда в человеке такие действия и порывы? Ни из каких законов природы они не следуют и никак с ними не связаны. А если они не от природы, значит от Бога, ведь больше предположить нечего. Если человек поступает порой естественно, «поедая» например своего ближнего, следовательно есть природа, которая порождает такие действия, а если порой он поступает сверхъестественно, например рискуя собственной жизнью спасает ближнего, значит есть Бог, от которого исходят такие проявления человека. И вообще все благородное, честное, доброе, бескорыстное и жертвенное в нас говорит о том, что помимо естественного мира есть также мир сверхъестественный, помимо природы есть Бог. Ведь если бы его не было, то не было бы и человека. Когда последний живет по закону личной выгоды и эгоизма, он очень недалеко стоит от природы и поэтому является не столько человеком, сколько суперобезьяной. Почему супер? Потому что более хитер, умен, ловок, чем просто обезьяна, потому что лучше знает где достать пищу. А когда же человек из суперобезьяны превращается в собственно человека? Тогда, когда становится выше законов природы, освобождается от них, когда способен рискуя собой спасти другого, когда способен поступить по чести и справедливости, даже если пострадает от этого, когда неспособен совершить подлость, если даже она принесет ему немалую выгоду.

Обратите внимание, есть тысячи оправданий и мотивов для наших плохих поступков: я был слаб, ленив, струсил, все так делают, а мне нельзя что ли. Только нет никаких мотивов для поступков хороших. Ты почему, рискуя жизнью спас тонущего, почему бросился один против десяти хулиганов, приставших к девушке, почему сказал правду, когда все вокруг молчали и боялись? На все эти «почему» нет ответов. Да не почему, а просто по совести! Когда не почему, тогда – по совести, которая и есть показатель человеческого в человеке. Ее полное отсутствие даже при блестящей внешности, выдающемся уме и высоком социальном положении говорит о том, что перед нами не человек, а всего лишь суперобезьяна.

Человек совестливый является человеком в полном смысле этого слова. Он способен совершать добрые дела просто так, безо всякой личной выгоды. Такие поступки Кант называет моральными (т.е. по-настоящему добрыми). Если же человек делает что-то хорошее в надежде на какую-то выгоду (например, спасая тонущего, я знаю, что он очень богат и щедро меня отблагодарит), то его поступок обесценивается и добрым в полной мере не является. Такие поступки Кант называет легальными. Как видим, кантовская философия посвящена не только проблемам познания, но и в не меньшей мере проблемам морали. В этой части своего учения он сформулировал знаменитый категорический императив – простое и однозначное правило, соблюдение которого и является главным мерилем нравственности, делает человека по-настоящему человеком. В его формулировке оно звучит следующим образом: «Поступай всегда так, чтобы максима твоей воли могла стать принципом всеобщего законодательства». Говоря иначе, живи всегда по совести, не придумывай себе никаких оправданий, когда ты ей изменяешь, умей быть спокоен виноватым и искренне раскаиваться в своих плохих поступках, будь ответственным за все, что думаешь и делаешь, будь, проще говоря, человеком, а не суперобезьяной. Категорический императив можно было бы сформулировать и так: совершай по преимуществу моральные, а не легальные поступки, потому что именно они действительно прекрасны. И правда, что может быть более удивительным в нас, чем голос совести, который как мы уже говорили, ставит человека выше законов Вселенной, делает его свободным от них? Голос совести или, выражаясь по-кантовски, моральный закон в душе – это самое прекрасное, что есть в человеке. Этот закон как

внутренняя красота и совершенство человека заставляет нас трепетать и восхищаться не в меньшей степени, чем видимая физическая гармония и великолепие мироздания. Две вещи, говорит Кант, всегда завораживали и потрясали меня: это звездное небо над головой и моральный закон в душе.

Вопросы для самопроверки

1. В чем видел И. Кант главный предмет философии? Почему его философия называется критической?
2. Что такое феномен и ноумен в учении Канта? Как они соотносятся?
3. Что называл Кант априорными формами сознания? Каким образом выглядит процесс познания в его учении?
4. Считается, что Кант произвел в философии переворот, равный по своему значению перевороту Коперника в естествознании. Как вы думаете, в чем заключается «коперниканский переворот» Канта?
5. Каковы этические воззрения Канта? Что представляет собой нравственное доказательство существования Бога? Какие поступки Кант называет легальными, а какие – моральными? Что такое категорический императив?
6. Когда Кант говорил, что моральный закон в душе так же прекрасен, как звездное небо над головой, что он, на ваш взгляд называл моральным законом?
7. Философскую деятельность Канта принято делить на докритический период и критический, в который он создал свои главные произведения. Сам Кант говорил, что в докритическом периоде своего творчества он находился в догматическом сне, и что разбудил его от этого сна Д.Юм. Какие идеи Д.Юма оказали влияние на формирование кантовской философии?
8. Согласны ли вы со следующим рассуждением Канта, доказывающим и иллюстрирующим наличие априорных форм сознания (обсудите свой ответ): «Однако не только в суждениях, но даже и в понятиях обнаруживается априорное происхождение некоторых из них. Отбрасывайте постепенно от вашего эмпирического понятия тела все, что есть в нем эмпирического: цвет, твердость или мягкость, вес, непроницаемость; тогда все же останется пространство, которое тело (теперь уже совершенно исчезнувшее) занимало и которое вы не можете отбросить... Поэтому вы должны под давлением необходимости, с которой вам навязывается это понятие, признать, что оно a priori пребывает в нашей познавательной способности».

Мироздание – застывшая мысль (Гегель)

Наиболее выдающейся фигурой в немецкой классической философии был Георг Гегель, система которого по своему размаху и значительности в духовной жизни Нового времени может быть сравниваема с учением Платона, составившим целую эпоху в культуре античного мира. Кроме того, как и Платон, Гегель был представителем классического идеализма, по которому физический мир есть только проявление или инобытие духовной, незримой реальности.

Основной гегелевской мыслью является положение – «все действительное разумно, все разумное действительно», которое, на первый взгляд, кажется не совсем понятным. Вдумаемся в первую часть фразы: «все действительное разумно». Речь идет о том, что окружающий нас мир (действительность) устроен необыкновенно разумно. Мы наблюдаем порядок и гармонию во всем существующем. Вспомним телеологический аргумент, который говорит как раз о целесообразности и безупречности мирового целого. Могла ли физическая природа, будучи неразумной (отсутствие духа есть свойство материи) сама по себе так правильно и разумно устроиться? Если не могла (а это очевидно), то совершенно необходимо предположить реальность некоего разума, намного более совершенного, чем человеческий, который и привел материальное в состояние целесообразности и гармонии. Из того, что все действительное разумно, неизбежно следует наличие чего-то разумного, духовного, идеального, что существует не в качестве человеческого мышления, но самостоятельно, отдельно, само по себе и является некой невидимой нами реальностью. И поскольку это разумное представляет собой не выдумку, не фантазию, не продукт нашего ума, а нечто реально существующее, то мы говорим, что оно действительно, что оно есть (об этом и идет речь во второй части гегелевского положения: «все разумное действительно»). Таким образом, по мнению Гегеля, чувственный или физический мир создан какой-то духовной реальностью, а более точно – является ее проявлением, воплощением, реализацией в иной, материальной форме. Эта мысль, несомненно, пантеистическая: то, что мы видим вокруг себя – это совсем не то, что есть на самом деле, но – всего лишь по-иному явленная нам идеальная, невидимая, умопостигаемая действительность. Что она собой представляет, чем является: душой мироздания (подобной Брахману в индийской философии), Числом (как у Пифагора), безличным Единым (как у Ксенофана), Всеобщим законом (как гераклитовский Логос), миром идей (как у Платона), теистическим началом (как в Средние века), божественным максимумом Бытия (как у Николая Кузанского)? Гегель называет эту высшую духовную реальность Абсолютной Идеей или Мировым Разумом, а все существующее представляет как ее саморазвитие. Философию Гегеля часто называют **панлогизмом**. Абсолютная Идея – это безличное пантеистическое, или панлогическое начало, в котором сконцентрировано все вообще, и поэтому оно является Бытием, пребывающим в различных формах или проходящим в своем саморазвитии три основных этапа.

Первый из них – это существование Абсолютной Идеи в собственном лоне, когда она является самою собой, находится в исключительно идеальной сфере, в области чистого духа, совершенного мышления. Эта сфера называется у Гегеля Логикой и подобна миру платоновских идей – области высшей, запредельной и неосязаемой. Поэтому важно отметить, что Логика в учении немецкого философа – это совсем не то же самое, что мы разумеем обычно в этом понятии: это ни в коем случае не наука, которую

изучают в школе или институте, а идеальный, незримый и умопостигаемый мир, являющийся первичной и истинно сущей реальностью. На втором этапе Абсолютная Идея покидает сферу Логики и переходит в иную форму, воплощаясь в физический или материальный мир, который, таким образом, является не самостоятельной действительностью, а инобытием Абсолютной Идеи. Природа – это в чувственном или телесном виде существующий дух, или же она есть, по словам Гегеля, «застывшая мысль» (под термином «мысль» здесь понимается, конечно же, Абсолютная Идея). В этом пункте наиболее прослеживается гегелевский идеализм. Получается, что видимый нами мир – совсем не то, что есть на самом деле, он – проявление невидимой реальности, которую мы и должны усмотреть за всем физическим и чувственно воспринимаемым. Иначе говоря, нам только кажется, будто бы он существует сам по себе, на самом же деле он – иллюзия или фантом, потому что представляет собой в материальном виде воплотившееся идеальное Бытие. Представьте себе, что перед вами – чистый лист бумаги. На нем ничего нет, но в вашем сознании есть какие-то образы или представления, которые вы можете с помощью карандашей и красок перенести на бумагу, то есть – изобразить в рисунке некий свой замысел. Теперь на этом листе каждый прекрасно видит, что именно было в вашем сознании, какие образы хотели вы передать через свой рисунок, который, следовательно, есть не что иное, как в другой форме представленные мысли и чувства, инобытие или проявление вашего духа. Почему бы не предположить, что окружающая нас природа – воплощение какого-то разумного замысла, грандиозная материализовавшаяся композиция некой духовной реальности, в физических объектах выраженные понятия и мысли? В любом случае такое понимание окружающего мира не исключено, но и нет никаких гарантий, что все обстоит действительно так. Основными разделами природы как инобытия Абсолютной Идеи являются, по Гегелю, механика (пространство, время, материя, движение, всемирное тяготение), физика (небесные тела, свет, теплота, химизм и т.п.), органика (геологические реалии, растительный и животный мир). На третьем этапе саморазвития Абсолютная Идея переходит из области физического или природного в сферу опять идеальную или разумную, которая является человеческим сознанием. Теперь она существует в мышлении или – в человеческом духе. Формами ее Бытия на этом этапе являются субъективный дух (антропология, феноменология, психология), объективный дух (право, нравственность, государство) и абсолютный дух (искусство, религия, философия).

В гегелевском учении о трех стадиях саморазвития Абсолютной Идеи мы видим триаду. Существование ее в собственном лоне – это пребывание (тезис), переход в форму чувственного мира, в предметы и вещи, является отпадением ее от самой себя (антитезис), ибо она материализуется, как бы изменяет своей идеальной природе, однако новое ее воплощение в различных видах человеческого сознания (синтез) представляет собой вновь обретенную ей духовность, а значит – возвращение к самой себе. С триадой мы неоднократно сталкивались раньше, она присутствует в самых различных учениях, как древних, так и современных, находит место и в идеалистических и в материалистических построениях и поэтому является то ли «врожденной идеей» человеческого ума (как сказал бы Декарт), то ли вечным философским сюжетом, а возможно – и тем и другим одновременно.

Гегель был не только создателем одного из классических вариантов идеалистической философии. В его воззрениях достигла своего апогея диалектика – философское учение (зародившееся еще в древности) о всеобщей взаимосвязи и вечном изменении и развитии всего существующего. Он сформулировал основные законы (всеобщие правила или принципы) и категории (основные понятия) диалектики, которые являются с его точки зрения универсальными, то есть пронизывают собой все Бытие. Но поскольку последнее по Гегелю – это прежде всего Мировой Разум или Абсолютная Идея, то его диалектическое учение относится по преимуществу именно к этой духовной реальности и уже во вторую очередь – к материальному миру, который является ее инобытием. Гегелевские идеи во многом стали основой философских идей выдающихся немецких философов XIX века – Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые восприняли диалектику Гегеля, но дали ей иную, материалистическую интерпретацию.

Первый закон – единства и борьбы противоположностей – говорит, что все в мире состоит из противоположных начал (день-ночь, расцвет-упадок, созидание – разрушение и т.д. и т.п.), которые вечно борются друг с другом. Эта борьба и есть источник постоянного движения, изменения и развития. Но противоположные начала не только находятся в состоянии борьбы, они также образуют единство: без одной противоположности не может быть другой, они друг друга обуславливают, предполагают, создают (об этом законе мы уже говорили в параграфе про элеатов и Гераклита).

Второй закон – перехода количественных изменений в качественные – говорит о том, что количество и качество, будучи противоположностями, диалектически взаимосвязаны таким образом, что при изменении количества (увеличении или уменьшении) до какого-то предела (меры) происходит переход (скачок) к новому качеству. Например воду можно нагревать до 10, 20, 30, 40, 50, 60 и т.д. градусов по Цельсию, но она все равно будет оставаться водой; однако в некий момент прибавление всего одного градуса – 99°C + 10°C (изменение количества) – приводит к резкому изменению качества – вода превращается в пар.

Третий закон – отрицания отрицания – говорит о том, что любая вещь, появляясь на свет из какой-нибудь другой вещи (своей причины), занимает ее место и тем самым отрицает ее, но через какое-то время сама отрицается новой вещью, которую она порождает себе на смену. Так например, брошенное в весеннюю землю семя превращается в растение и уступает ему место, отрицается им, а потом это растение превращается в созревшие на исходе лета плоды, в свою очередь – отрицается ими. Как видим, отрицание – это не уничтожение, а переход на новый уровень существования: старое присутствует в новом в ином, преобразованном (или снятом, выражаясь по-гегелевски, виде). По крупному счету, до Гегеля существовало два основных представления о движении: прямолинейное и циклическое. В одном случае имеет место постоянное возникновение нового (графически это можно изобразить восходящей прямой), а в другом – бесконечное повторение старого (графически изображается окружностью). Движение, в основе которого лежит закон отрицания отрицания, представляет собой диалектическое единство противоположных начал: и создания нового, и повторения старого, и графически может быть изображено витками спирали (старое повторяется, но каждый раз – на новом уровне). Так например нынешняя зима – такая же, как и прошлогодняя (холодно, снежно и т.д.), но все же это именно новая, нынешняя зима, а не прошлогодняя, которая навсегда ушла в прошлое. Примеры, иллюстрирующие законы диалектики, бесконечны, потому что эти законы универсальны, то есть действуют на всех уровнях организации мира.

Важным элементом гегелевского диалектического учения являются его основные категории – наиболее общие (широкие) понятия, максимально охватывающие различные области существующего и являющиеся парными, то есть обозначающими противоположности, находящиеся в борьбе и единстве.

Одна из пар – это общее и единичное: любая вещь сочетает в себе признаки, делающие ее сходной с другими вещами и – отличной от них. Так например любой из нас обладает чертами, присущими всем людям, человеку вообще (прямохождение, членораздельная речь, мышление, социальность и т.п.), но в то же время ни один человек на Земле не похож полностью на другого, уникален и единичен. Его общая человеческая природа выражается через его единичную уникальность: каждый конкретный человек – это диалектическое единство общего и единичного. Вторая пара категорий – это причина и следствие: любая вещь имеет какую-либо причину (ведь ничто не происходит из ничего) и является ее следствием, но через какое-то время сама становится причиной для будущих следствий. Например растение – следствие брошенного в землю зерна, но в то же время – причина будущих семян, которые в нем созреют. Таким образом, любая вещь – это диалектическое единство причины и следствия. То же самое можно сказать и о других парных категориях, таких как возможность и действительность, форма и содержание, целое и часть, сущность и явление.

Подробнее следует остановиться на парах категорий свобода – необходимость и случайность – закономерность. На первый взгляд свобода и необходимость друг друга исключают, ведь свобода – это отсутствие какого-либо внешнего принуждения, полная произвольность, а необходимость, наоборот, - наличие внешнего принуждения, произвольность. Однако при более пристальном взгляде на свободу и необходимость оказывается (с точки зрения и гегельянства и марксизма), что они диалектически взаимосвязаны. Приведем простой пример. Допустим два человека заблудились в лесу. Один из них, пытаясь выйти из него, движется совершенно свободно в любом произвольно выбранном направлении. Когда угодно он может изменить свой путь и идти куда заблагорассудится, будучи абсолютно свободным. Только, действуя таким образом, он вряд ли выберется из леса. Другой заблудившийся, наоборот, ориентируется по звездам и идет в некоем определенном, строго заданном направлении, никуда не отклоняясь от него. Понятно, что в этом движении он несвободен, но именно поэтому ему удастся выйти из леса и обрести свободу. Как то ни удивительно, свобода заключается в познании необходимости и ее практическом использовании. Говоря иначе, свобода – это познанная необходимость.

То же можно сказать о случайности и закономерности. На первый взгляд – это взаимоисключающие противоположности. Никто, наверное, не будет отрицать наличие в мире закономерности. Еще древние философы говорили, что если бы ее не было, то все представляло бы собой сплошной хаос, в котором невозможно было бы разобраться: муравьи могли бы рождаться от слонов, а мыши – от крокодилов, окружность запросто могла бы быть треугольником, а Солнце – планетой и т.д. и т.п. Но если в мире присутствует упорядоченность и закономерность, то что же тогда представляет собой случайность? И гегелевская, и марксистская диалектика утверждает, что случайность – это форма реализации закономерности, ее дополнение: закономерность пробивает себе дорогу через массу случайностей. Говоря иначе, случайность – это неопределенность в проявлении (осуществлении) закономерности по месту, времени и форме (событие неизбежно должно произойти, но неизвестно где, когда и как оно совершится). Например французский ученый Анри Беккерель открыл явление радиоактивности случайно: урановая соль оказалась в одном шкафу с фотопластинкой. Однако не будь этой случайности, радиоактивность все равно была бы обнаружена, так как это открытие было подготовлено всем ходом развития науки, было закономерным (возможно, что оно могло бы быть сделано в другое время и в другом месте, и – не Беккерелем, но оно не могло бы вообще не быть сделанным).

Вопросы для самопроверки

1. Как понимать одно из центральных положений гегелевской философии: «Все действительное разумно, все разумное действительно»?
2. Можно ли утверждать, что учение Гегеля продолжает пантеистическую философскую традицию? В чем заключается гегелевский пантеизм?
3. Что представляет собой мироздание по Гегелю? Какие стадии саморазвития проходит гегелевская Абсолютная Идея?
4. Как понимать гегелевское утверждение о том, что природа - это застывшая мысль?
5. Что такое гегелевская триада? Охарактеризуйте ее основные элементы.
6. Почему систему идеализма Гегеля называют классической? Определите черты сходства платоновского и гегелевского идеализма.
7. В одном из своих сочинений Гегель говорит, что многие из факта наличия разнообразных философских систем и учений, противоречащих друг другу и называющих себя – каждое – истиной, выводят вообще невозможность философии. Этому утверждению он противопоставляет следующее рассуждение: «Мы должны дать понять, что это многообразие философских систем не только не наносит ущерба самой философии – возможности философии, – а что, наоборот, такое многообразие было и есть безусловно необходимо для существования самой науки философии, что это является ее существенной чертой... исходным пунктом, конечной целью философии является познание, что эта единая истина вместе с тем есть источник, только из которого истекает все другое, все законы природы, все явления жизни и сознания, представляющие собою лишь отражение этого источника; или, выражая это иначе, цель философии состоит в том, чтобы свести все эти законы и явления, обратным на внешний взгляд путем, к этому единому источнику, но сделать это лишь для того, чтобы познать, как они из него выводятся». Как вы думаете, о какой единой истине и едином источнике идет речь в этих гегелевских словах?

8. Вспомните, что такое диалектика. Каковы ее основные законы, сформулированные Гегелем? Попытайтесь привести примеры из самых различных областей жизни, иллюстрирующие законы диалектики.

9. Что такое категории диалектики? Почему они являются парными? Каково содержание парных категорий общего и единичного, причины и следствия, свободы и необходимости, случайности и закономерности? Попытайтесь самостоятельно раскрыть содержание парных категорий возможности и действительности, формы и содержания, целого и части, сущности и явления.

«Нам здешний мир так много говорит» (Фейербах)

Гегель считал, что за видимым нами физическим миром стоит неоощаемая духовная реальность, которая и является подлинным или истинным существованием. Однако с не меньшим основанием можно было бы предположить, что никакой идеальной действительности нет, а есть только нас окружающее и чувственно воспринимающееся, и единственная реальность – это природный мир, что и сделал последний представитель немецкой классической философии Людвиг Фейербах. По его мнению, понятия «Бытие», «природа», «реальность» обозначают одно и то же. Можно, конечно же, при желании усмотреть за телесными объектами что угодно и нафантазировать любые неясные причины и скрытые основания (разумеется, обладающие идеальной природой) всего, что мы видим вокруг себя. Но стоит ли это делать, когда в том нет никакой надобности? Зачем сочинять еще какую-то реальность, помимо ощущаемой нами? Неужели нам мало одной? Или, может быть, считать, что она одна – скучно и неинтересно и поэтому непременно надо предположить вторую? Или невозможно объяснить существующее одними только естественными причинами? Но в том-то все и дело, что можно, говорит Фейербах. Прежняя философия прибегала к представлениям о высшем и запредельном, потому что люди мало знали и многого не понимали, теперь же (когда мы значительно продвинулись вперед в области познания) – самое время отбросить вымыслы и объяснить мир из него самого. Натурализм и атеизм должны стать главными чертами грядущей философии, которую немецкий мыслитель называл «новой философией» или «философией будущего». Основная ее идея прекрасно может быть выражена словами Фауста у Гете:

« Я этот свет достаточно постиг.

Глупец, кто сочинит потусторонний,

Уверует, что там его двойник,

И пустится за призраком в погоню.

Стой на своих ногах, будь даровит,

Брось вечность утверждать за облаками!

Нам здешний мир так много говорит!

Что надо знать, то можно взять руками.

Так и живи, так к цели и шагай,

Не глядя вспядь, спиной к приведеньям,

В движеньи находя свой ад и рай,

Не умаленный ни одним мгновеньем!»

Природа или физический мир – единственно сущее, ниоткуда не взявшееся и никуда не могущее деться, бесконечное и самостождественное (равное самому себе, ни в чем не нуждающееся для своего существования и предполагающее полное отсутствие чего-либо еще, кроме себя самого). Есть только материальный мир, бескрайний в пространстве и времени, необъятно многообразный, организованный на самых различных качественных уровнях (более или менее сложные тела и организмы) и постоянно меняющийся, развивающийся, эволюционирующий. Живая природа возникла из неживой, однако, почему же теперь мы не видим, чтобы где-нибудь или когда-нибудь из неживого происходило живое и поэтому не можем это экспериментально обосновать? Отвечая на этот вопрос, Фейербах говорит, что данное превращение было возможно в определенных условиях, которые имели место миллионы лет назад и отсутствуют сейчас, отчего мы и лишены возможности непосредственно наблюдать такой процесс. Точно так же разумная природа (человек) много тысячелетий назад выделилась из живой, и по тем же причинам этого не происходит сейчас. То есть утверждение о давнем-давно случившемся происхождении человека от обезьяны вовсе не означает, что нынешние обезьяны непременно должны тоже превращаться в людей и нисколько не умалется от невозможности этого сегодня. Человек, наделенный разумом, является самым совершенным созданием природы. Она же, как мы уже видели, по мнению Фейербаха есть единственная реальность. Поэтому предметом философии может и должно быть не что иное, как физический мир и человеческое сознание. «Созерцайте же природу, – восклицает он, – созерцайте человека! Здесь перед вашими глазами вы имеете мистерии философии».

Философию Фейербаха часто называют натурализмом. В силу того, что в центре внимания немецкого мыслителя находится природа и человек, как самое совершенное ее создание, его философию также называют антропологическим материализмом. Также философию Фейербаха можно назвать антропоцентрической.

Поскольку он решительно отрицал что-либо потустороннее и сверхчувственное, значительное место в его учении занимает острая критика религии. Вспомним, как греческий философ Ксенофан, рассматривая олимпийских богов, говорил, что они выдуманы людьми, так как почти ничем не отличаются от последних. По Фейербаху Бог также является человеческой фантазией. Откуда она берется? Из неудовлетворенных потребностей, нереальных стремлений и несбыточных желаний. Неудивительно, что наличная жизнь, как правило, не устраивает человека вполне. Кто из нас мог бы похвастаться тем, что совершенно счастлив? Любимый хочет большего и лучшего. Понятно, что представления о благе у каждого свои, и недоволен жизнью всякий по-своему. Однако, чем могут быть недовольны все, какая претензия является наиболее общей, и чего себе пожелал бы кто угодно, независимо от возраста, пола, национальности, характера, взглядов и всего прочего? Вспомним, что Эпикур всеобщей человеческой особенностью считал страх перед смертью, наличие которой заставляет мучительно искать смысл жизни, а также – перед богами и судьбой, которые влияют на нас, подчиняя себе и игнорируя наши желания и планы. Мысль о собственной смертности и слабости является основной угнетающей идеей любого ума. Кто же из нас не хотел бы быть неподвластным смерти и неограниченным в своих возможностях? Мечта о бессмертии и могуществе – основная в людском сознании. Но при этом, мы хорошо понимаем, что такое желание в высшей степени нереально и никто никогда не достигнет ни того, ни другого. Что же нам остается? Ничего, кроме как, отчаявшись, вымечтать сквозь слезы существо идеальное, бессмертное и всемогущее (а также абсолютно справедливое), поклониться его совершенству и уверовать в него как в реальность. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Бог – это представление (или мечта) человека о себе самом, только более совершенном, которое неизбежно порождается нашим умом. Свою собственную сущность, самих себя мы произвольно доводим до абсолюта, до возможного предела желаний, затем получившийся результат также безотчетно отрываем от своего реального существования (отчуждаем) и помещаем на Небо. Фейербах назвал религию «бессознательным самосознанием человека». Будучи не в состоянии что-либо существенно изменить в земной жизни, мы уповаем на потустороннюю и запредельную сферу, в которой отсутствующее на земле не только может, но и непременно должно быть.

И если это действительно так, то никакой высшей реальности на самом деле нет, а есть только мы (и ничего и никого больше во всем мироздании), а Бог – всего лишь фантазия, понятно каким образом возникающая в сознании. Но тогда не стоит ли нам гордо поднять голову и расправить плечи, почувствовать себя свободными и независимыми? Человек должен собственную сущность, отчужденную в Боге, вернуть к самому себе и здесь, на земле осуществить то, что он перенес в выдуманный, сверхъестественный мир. И пусть невозможно стать непосредственно бессмертным, но можно увековечить себя своими деяниями, внести собственной жизнью вклад в общий путь человечества, явиться пусть маленьким, но звеном в неразрывной и бесконечной цепи мироздания и тем самым преодолеть смертность и обрести вечность. Пусть невозможно стать всемогущим, но увеличивать свою силу и делать себя менее подчиненным внешнему миру человек вполне способен. В наших возможностях – стать творцами собственной жизни и обуздать судьбу, а также – непрерывным трудом усовершенствовать себя и изменить жизнь, сделав ее более счастливой. Замечательно иллюстрируют эту мысль строки В.В. Маяковского:

«Жилы и мускулы – молитв верней.

Нам ли вымаливать милостей времени!

Мы –

каждый –

держим в своей пятерне

миров приводные ремни!»

Фейербах говорит, что религию как бессознательное самосознание надо заменить осознанным, то есть представлением о том, что человек – самое совершенное существо природы, над которым нет никаких высших сил. На место веры в Бога следует поставить веру в человека и возможно даже вместо старой теистической религии создать новую антропоцентрическую, которая будет верой в силы и возможности человека, восхищением его физической и духовной красотой, готовностью исполнить свое земное предназначение. И поскольку основным объектом внимания и изучения становится человек, то философия по мнению Фейербаха должна превратиться в антропологию, главным вопросом которой будет установление нашей сущности, то есть – общих черт, связывающих и объединяющих всех людей, обязательно присущих любому, несмотря ни на какие индивидуальные особенности. Эти общие черты он называет человеческой природой, неизменной и независимой ни от эпохи, ни от национальности и ни от чего прочего, которая и является основной движущей силой всякой конкретной жизни. Наиболее существенные свойства человеческой природы – это любовь к жизни, инстинкт самосохранения, эгоизм (в широком смысле!), то есть восприятие мира через себя) и, конечно же, стремление к счастью, состоящее из множества слагаемых (наиболее важным из которых является жажда любить и быть любимым).

В философии часто звучал вопрос о том, хорош или плох человек по своей природе и, разумеется, существует мнение, что он изначально добр, равно как есть утверждение, что он, в любом случае, порочен. Фейербах считал, что человеческая природа не является ни дурной, ни хорошей: человек сам по себе ни плох и не добр, он такой, какой он есть, и никакую оценку с точки зрения добра и зла ему дать невозможно. А вот условия человеческой жизни как раз и делают каждого хорошим или плохим, то есть нейтральная в моральном смысле наша природа по-разному реализуется в конкретных обстоятельствах. И поэтому, если вы хотите, чтобы человек был хорош, то создайте ему такие условия, в которых его неизменная (от него не зависящая) природа проявилась бы наилучшим образом. Если же эти условия отсутствуют, не удивляйтесь тому, что человек плох и не обижайтесь на него. Наши пороки – это неудавшиеся добродетели, они стали бы добродетелями, если бы условия нашей жизни были иными.

По поводу преобразования общественной жизни всегда было два мнения: одни говорили, что необходимо нравственное усовершенствование каждого, исправление нашей природы (позиция, как правило, религиозная или идеалистическая), другие же предлагали радикально менять условия человеческой жизни, считая их несовершенство главной причиной всех несчастий (как правило, материалистическое воззрение). Фейербах, конечно же, разделял вторую точку зрения, а его философские взгляды во многом стали идейной основой появившегося в середине XIX века марксизма – теории революционного преобразования действительности, сокрушения старого, несправедливого общественного порядка и построения новой социальной реальности, которая обеспечит процветание общества и благополучие каждого его представителя. Основоположники этого учения К. Маркс и Ф. Энгельс считали утопичным самостоятельное нравственное перерождение каждого, но полагали вполне осуществимым организованное коренное изменение общественного строя и создание таких условий, в которых всякий человек неизбежно станет лучше в моральном отношении. Поэтому главное по их мнению – это не отвлеченные размышления о причинах несовершенства нашей жизни, а активная деятельность по ее преобразованию. «Философы лишь различным образом объясняли мир, - говорит Карл Маркс, – но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Вопросы для самопроверки

1. Какова центральная идея Л.Фейербаха? Почему философия, по его мнению, должна сосредоточиться на изучении природы и человека?
2. Каковы главные причины возникновения религии с точки зрения Фейербаха? Чем предлагает он заменить религиозные представления?
3. Почему учение Фейербаха называют антропологическим?
4. Что понимал Фейербах под неизменной человеческой природой? Каковы ее основные признаки с его точки зрения? Согласны ли вы с характеристикой человеческой природы, предложенной Фейербахом?
5. Охарактеризуйте основные точки зрения социальной философии на исправление общественных несовершенств? Какой из них придерживался Фейербах?
6. Прочитайте следующее рассуждение Фейербаха. «Я понимаю под эгоизмом эгоизм необходимый, неизбежный, не моральный, ... а метафизический, то есть эгоизм, основывающийся на существовании человека без его вedomо и воли, тот эгоизм, без которого человек не может жить: ибо для того, чтобы жить, я должен постоянно присваивать себе то, что мне件лезно, и отстранять то, что мне враждебно и вредно, тот эгоизм, стало быть, который коренится в самом организме, в усвоении усвояемой материи и в выбрасывании неусвояемой. Я понимаю под эгоизмом любовь человека к самому себе, то есть любовь к человеческому существу, ту любовь, которая есть импульс к удовлетворению и развитию всех тех влечений и склонностей, без удовлетворения и развития которых человек не есть настоящий, совершенный человек и не может им быть; я понимаю под эгоизмом любовь индивидуума к себе подобным индивидуумам, - ибо что я без них, что я без любви к существам, мне подобным? - любовь индивидуума к самому себе лишь постольку, поскольку всякая любовь к предмету, к существу есть косвенно любовь к самому себе, потому что я ведь могу любить лишь то, что отвечает моему идеалу, моему чувству, моему существу». Как вы думаете о каком эгоизме идет речь в этих словах Фейербаха? Как отражается в них его представление о неизменной человеческой природе? Согласны ли вы с этим представлением?

Не объяснять мир, а изменять его (Маркс и Энгельс)

Значительным событием в истории философской и общественной мысли XIX века было появление марксизма. Духовное наследие, оставленное немецкими мыслителями Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом представляет собой не только систему философских взглядов, но также (и даже в большей степени) – экономическую теорию и социально-политическое учение.

Марксизм вырос из предшествующих ему философских, экономических и социально-политических идей, созданных во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Каждой из его составных частей соответствует свой источник. Так например источником философских построений марксизма является немецкая классическая философия в лице уже рассмотренных нами учений Гегеля и Фейербаха. У Гегеля основатели марксизма заимствовали диалектику, а у Фейербаха – материализм. Поэтому марксистская философия называется диалектическим материализмом или – материалистической диалектикой. Однако марксистская философия не исчерпывается диалектическим материализмом, потому что его предметом является природа. Объяснению же общества и истории посвящена вторая часть марксистской философии, которая называется историческим материализмом. Источником экономической теории марксизма является английская классическая политэкономия Адама Смита и Давида Рикардо, а источником социально-политического учения – французский социализм Анри Сен-Симона и Шарля Фурье – мыслителей, которые нарисовали проекты совершенного общественного устройства. Только их социализм Маркс и Энгельс называли утопическим (как и предшествующую ему социально-философскую традицию начиная с учения Платона об идеальном обществе), то есть несбыточным, а свой – научным, то есть вполне осуществимым. Одно из произведений Энгельса так и называется – «Развитие социализма от утопии к науке». В этом учебнике нас будут интересовать философская и социально-политическая стороны марксизма.

В произведении «Диалектика природы» Энгельс, определяя философию, говорит, что она представляет собой науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Как мы уже отмечали, природе и мышлению посвящен такой раздел марксистской философии как диалектический материализм, а обществу и истории – исторический материализм.

Понятие материи является одним из главных в диалектическом материализме. Маркс и Энгельс были учениками и последователями Гегеля, в учении которого, по словам Маркса, почти все верно, за тем только исключением, что его философская система стоит кверху ногами и поэтому ее надо всего лишь перевернуть и поставить с головы на ноги. Он полемизирует по этому поводу с Гегелем в своем известном сочинении «К критике гегелевской философии права».

Вспомним, пантеистический идеализм Гегеля утверждал, что физический или материальный мир – это инобытие (иная форма существования) мировой духовной реальности – Абсолютной Идеи. Это утверждение Маркс и называет стоящим кверху ногами и предлагает его перевернуть: первична не духовная реальность (Мировой Разум или Абсолютная Идея), а материальная, а все духовное есть продукт длительной эволюции материи от низших форм к более высоким и связано только с мыслящим человеком, вне и помимо которого нет никакого духа или сознания. Таким образом, утверждая, что не материальный мир – инобытие духа, а наоборот, дух – инобытие материи, Маркс, по его собственным словам, поставил учение Гегеля с головы на ноги. (Хотя справедливости ради надо отметить, что невозможно наверняка выяснить какое учение стоит на голове, а какое – на ногах, то есть является более верным, и вполне возможно, что – вообще никакое. Об этом шла речь во второй теме «Основные философские картины мира».

Диалектический материализм утверждает, что материя является единственным началом и причиной мироздания. Никаких других начал, кроме нее, нет, а все бесконечное многообразие мира – это различные формы материи, которая несотворима, неуничтожима, самостождественна (является причиной самой себя), бесконечна во времени и пространстве, а также – в своих свойствах и качествах, способна к саморазвитию, то есть обладает творческим началом, благодаря которому может самостоятельно переходить от более низких форм существования к более высоким. Перечитаем последнее предложение, обратив внимание на перечисленные свойства материи. Быть вечным, обладать творческим началом, порождать бесконечное многообразие мироздания – как не назвать эти качества божественными? В диалектическом материализме дух, сознание, творчество – все нематериальное – переносится в материю и растворяется в ней, поэтому возможно утверждать, что в этом учении она представляет собой пантеистическое начало, а марксистскую философию природы, в какой-то мере, можно назвать материалистическим пантеизмом или пантеистическим материализмом. И действительно, если создатели марксизма поставили гегелевское учение с головы на ноги, а последнее является идеалистическим пантеизмом, то у Маркса и Энгельса неизбежно должен был получиться материалистический пантеизм. Они, конечно же, никогда не говорили о пантеизме, подчеркивая, что являются, вслед за Фейербахом, твердыми материалистами и атеистами, хотя оттого, что их материализм – пантеистический, он вовсе не перестает, по крупному счету, быть материализмом. Вспомним, что в философии Возрождения и Николай Кузанский и Джордано Бруно были пантеистами, однако их учения имеют более различий, чем сходства, ведь первый был кардиналом католической церкви, а второй был жестоко казнен церковью за свои убеждения. Пантеизм Николая Кузанского был идеалистическим (мистическим, теологическим – природа растворена в Боге), а пантеизм Джордано Бруно был, по крупному счету, материалистическим (натуралистическим – мировое духовное начало растворено в природе).

Неотъемлемым свойством материи с точки зрения диалектического материализма является движение, а вернее – не столько свойством, сколько способом существования: материя существует только в вечном движении, изменении, развитии. Как видим, движение в данном случае понимается не только в механическом смысле (как перемещение из точки в точку), а гораздо шире. Энгельс выделял пять основных форм движения материи: 1) механическое движение (простое перемещение материальных тел в пространстве), 2) физическое движение (различные взаимодействия материальных тел), 3) химическое движение (взаимодействия, изменения и превращения различных веществ), 4) биологическое движение (сложные процессы изменения и развития, происходящие в живой природе), 5) социальное движение (изменения, процессы, события, происходящие в человеческом обществе). Каждая следующая форма движения, говорит Энгельс, базируется на предыдущих и включает их в себя, однако не сводится автоматически к ним, а представляет собой новый, более высокий уровень, качественно отличающийся от предшествующих.

Давайте вспомним, что философское учение о вечном движении, изменении и развитии, а также о всеобщей взаимосвязи существующего называется диалектикой, которая, появившись еще в древней философии, достигла вершины своего развития в учении Гегеля. Его диалектические идеи были восприняты основателями марксизма. Только у Гегеля диалектика относится, прежде всего, к пребыванию Абсолютной Идеи в ее собственном лоне – сфере Логики, а у Маркса и Энгельса она является неотъемлемой характеристикой материального мира и методом его познания. (Последний представлен в диалектическом материализме грандиозной иерархией различных уровней организации материи, начиная с атомов и молекул и заканчивая человеческим обществом). Гегель сформулировал основные законы (всеобщие правила, принципы) и категории (основные понятия) диалектики главным образом применительно к первой стадии саморазвития Абсолютной Идеи – Логике, а основатели марксизма перенесли их на материальный мир, утверждая, что они являются его всеобщими или универсальными основаниями и принципами.

Законы и категории марксистской диалектики в одинаковой степени представлены как в диалектическом материализме, так и в историческом материализме – социально-философском учении об обществе и истории. Приступая к нему, отметим, что марксизм начался именно с исторического материализма, основные идеи которого были созданы К.Марксом, а диалектический материализм – это произведение Ф.Энгельса, которым был дополнен исторический материализм для превращения марксизма во всесторонне и полное философское учение.

С давних времен человека интересовал вопрос о том, какова главная причина событий, происходящих в человеческом обществе, где та невидимая пружина, которая движет историю. Ведь если ее найти, то можно обнаружить объективные исторические законы, понять прошлое, разобраться в настоящем и даже предвосхитить будущее, то есть построить историческую науку в полном смысле этого слова. Но если такой главной причины или пружины истории не существует, если все исторические события – грандиозный хаос непонятно как связанных друг с другом фактов, которые можно только констатировать, но не объяснить, тогда историческая наука – строгая и беспристрастная – невозможна.

Чаще всего люди все же верили в наличие этой основной причины и пытались ее найти (вспомним: «Во всем мне хочется дойти до самой сути...»). В истории философской мысли давались различные глобальные объяснения исторических событий.

Одно из них называется теологическим и утверждает, что все происходящее в человеческом обществе напрямую зависит от воли Бога. А поскольку она непостижима, то разобраться в исторических событиях, а тем более влиять на них невозможно. Такое понимание истории было характерно для древности.

Другое объяснение появилось в XVII-XVIII веках в связи с идейной секуляризацией Нового времени: теперь причины исторических событий связывались не с божественным провидением, а с волей значительных исторических личностей (монархов, полководцев, дипломатов и т.п.). Считалось, что идеи в их головах приводят в движение народы и государства, поэтому такое понимание истории чаще всего называется идеалистическим.

В XX веке в социально-психологических учениях Зигмунда Фрейда и особенно его последователей появилось биологическое понимание человека и общества, в силу которого все, что происходит с человеком и человечеством – это результат стихийной деятельности наших бессознательных желаний, страстей и инстинктов, среди которых главным является сексуальный инстинкт. Бессознательное может быть как личным, так и коллективным; трансформируясь в разнообразные формы, оно порождает как различные проявления одного человека (его научную, религиозную, политическую и какую угодно другую деятельность), так и грандиозные социальные события (войны, восстания, революции и т.п.).

Близким к биологическому является иррационалистическое (от лат. Irrationalis – неразумный) понимание человека и общества, выдвинутое немецкими философами Артуром Шопенгауэром (XVIII в.) и Фридрихом Ницше (XIX в.), которые считали, что и мироздание, и человек, и общество, и история есть проявление некой мировой воли – слепой неразумной страсти, которая влечет человечество в неведомом ему направлении.

И наконец в том же XIX веке в философии прозвучала идея отказа от поиска главной причины исторических событий. В силу этой идеи таких причин – великое множество, и все они в одинаковой мере влияют на происходящее, а поэтому и разобраться в нем, скорее всего, невозможно. Мы можем только описывать события, но не объяснять их, только констатировать последовательность фактов, но не устанавливать их причинно-следственную связь; наша задача – скользить по поверхности истории, не пытаясь проникнуть в ее глубины. Данное понимание общества и истории часто называется многофакторным и характерно для такого философского направления второй половины XIX – первой половины XX вв. как позитивизм. Об этом направлении и его представителях, а также более подробно о Шопенгауэре, Ницше и Фрейде пойдет речь в следующей главе этой книги. Здесь же только отметим, что во всех перечисленных подходах к пониманию истории, по крупному счету, звучит мысль о ее по преимуществу случайном характере и поэтому непостижимости, о невозможности объективной и строгой исторической науки.

Исторический материализм представляет собой один из вариантов понимания истории наряду с вышеперечисленными точками зрения. Одно из его основных утверждений заключается в том, что людям прежде чем о чем-либо думать или испытывать какие-либо чувства надо есть, пить, одеваться и иметь крышу над головой, потому что без этих прозаических и для многих даже презренных вещей невозможна физическая, а значит и любая другая (кроме, разумеется, загробной, которой с точки зрения марксизма нет) жизнь человека. Хочет он того или нет, но его материальные потребности и интересы являются определяющими для жизни. Складываясь с потребностями и интересами других людей, они составляют тот суммарный исторический вектор, который и есть внутренняя логика и скрытая воля истории. Известный русский марксист Г.В. Плеханов говорил по этому поводу следующее: «Общественные отношения людей не представляют собой плода их сознательной деятельности. Люди сознательно преследуют свои частные, личные цели. Каждый из них сознательно стремится, положим, к округлению своего состояния, а из совокупности их отдельных действий выходят известные общественные результаты, которых они, может быть, совсем не желали и, наверное, не предвидели». Речь идет о том, что не сознание людей (их мысли, чувства, желания, предпочтения, цели, идеалы и все прочее) определяет их реальную жизнь, а наоборот, реальная или материальная, или экономическая жизнь людей (производство, потребление, распределение и обмен ими материальных благ) определяющим образом влияет на их сознание. «Во дворцах думают иначе, чем в хижинах», - утверждают марксисты.

Такое понимание общества и истории получило название материалистического. Исследование экономической сферы жизни общества, материальных интересов отдельных людей, социальных групп и целых народов, по мнению Маркса, дает ключ к пониманию общественных событий, позволяет установить объективные законы истории, создать беспристрастную историческую науку. А это позволит людям, в свою очередь, не пассивно созерцать исторический процесс, а стать его сознательными участниками, творцами и преобразователями. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», - в этих словах Маркса – пафос его социально-философского учения.

Одной из главных отличительных черт человека, говорит он, является труд или трудовая деятельность (прежде всего – по производству материальных благ). Эта деятельность направлена на какой-либо предмет труда (различные природные материалы), из которого при помощи средств труда (разнообразных орудий и приспособлений) человек создает всевозможные материальные блага. Предмет труда и средства труда составляют средства производства, которые вместе с людьми, обладающими производственными знаниями, умениями и навыками складываются в производительные силы общества. В процессе

производства между людьми возникают определенные отношения – производственные отношения. Как правило, это отношения между теми, кто непосредственно трудится и теми, кто присваивает себе результаты этого труда на том основании, что они владеют средствами производства. Например между рабовладельцем и рабом существуют рабовладельческие производственные отношения, а между помещиком и крепостным крестьянином – феодальные производственные отношения. Производительные силы и производственные отношения образуют способ производства материальных благ.

Выше мы уже говорили о том, что с точки зрения исторического материализма экономическая жизнь общества (которая базируется на определенном способе производства) определяет, в конечном итоге, все другие сферы его жизнедеятельности. Поэтому способ производства обуславливает некую социальную организацию общества, его политическое устройство и даже культурную жизнь. Определенный этап в развитии общества, в основе которого лежит некий способ производства с соответствующими ему социально-политическими и культурными характеристиками называется в историческом материализме общественно-экономической формацией.

Подчеркивая наличие в истории объективных законов, марксизм утверждает, что внешне необычайно пестрая палитра исторической жизни народов в основе своей содержит некие общие принципы, которые и позволяют говорить об истории человечества не как о конгломерате различных цивилизаций, культур и исторических судеб, а как о всеобщем и едином процессе, руководимом определенными закономерностями и имеющим внутреннюю логику.

Основной исторический закон с точки зрения марксизма заключается в следующем. Производительные силы общества постоянно развиваются: сложнее становятся орудия труда, совершенствуются технологии, приумножаются человеческие знания и навыки. Поэтому производительные силы – это мобильная (подвижная) часть способа производства. А производственные отношения, будучи в течение какого-то времени неизменными, являются стабильной (неподвижной) частью способа производства. На некоем этапе производственные отношения полностью соответствуют характеру и уровню развития производительных сил, но, постепенно совершенствуясь, последние через какое-то время перерастают эти производственные отношения, которые, таким образом, превращаются в оковы для их дальнейшего поступательного развития. Возникает необходимость в смене старых производственных отношений новыми. Эта смена происходит, как правило, в форме социальной революции, приводящей к установлению нового способа производства и новой общественно-экономической формации, после чего все повторяется, но уже на другом эволюционно-историческом уровне. Таким образом, производственные отношения – это как бы общественные одежды, из которых постоянно вырастает социальный организм в лице производительных сил. Однако смена этих одежд не всегда происходит в форме социальной революции.

Исторический материализм выделяет пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую, коммунистическую и, соответственно, – четыре глобальных перехода от одной к другой. Первые два перехода осуществляются безреволюционным путем, а вторые два происходят в форме революций.

Первая общественно-экономическая формация характеризовалась примитивным уровнем развития производительных сил, отсутствием частной собственности, имущественным равенством людей и коллективным трудом во имя выживания рода или племени. Дальнейшее развитие производительных сил привело к появлению излишков материальных благ, имущественному расслоению людей и частной собственности. Общество раскололось на две больших группы или на два класса, один из которых владеет средствами производства, а у другого почти ничего нет. Понятно, что первый класс гораздо малочисленнее, чем второй, но в его руках – экономическая, а потому и политическая сила, с помощью которой он может заставлять другой класс работать на себя или – эксплуатировать его. А для подчинения эксплуатируемых эксплуататорам нужен особый аппарат насилия, которым является государство.

Рабовладельческая, феодальная и капиталистическая общественно-экономические формации являются классово-антагонистическими (от греч. антагонизма – бороться, сражаться), основанными на классовой борьбе, эксплуатации человека человеком, на социальной несправедливости, где процветание одних строится на лишениях и несчастьях других (ведь очевидно, что если где-то чего-то больше, то в другом месте должно быть ровно на столько же меньше), где одни имеют все именно потому что у других нет ничего. В эксплуататорском обществе трудящийся (будь то раб или крепостной крестьянин, или наемный рабочий) работает до изнеможения, а результаты его труда присваивает себе собственник средств производства – угнетатель (будь то рабовладелец, помещик или буржуазный предприниматель), который по сути разбойно грабит другого человека, лишая его права на все то, что сам имеет сполна. Эксплуататорские общества, утверждает Маркс, глубоко антигуманны, ведь трудящийся полностью лишается результатов своего труда. Получается, что его труд (заполняющий всю его жизнь), а значит и его жизнь не принадлежит ему, отчуждается от него. Таким образом, отчуждение (одно из главных понятий марксизма), делающее человека не принадлежащим самому себе является неотъемлемой чертой всех классово-антагонистических формаций.

Принципиальное утверждение марксизма заключается в том, что антигуманные эксплуататорские общественно-экономические формации, пришедшие на смену первобытнообщинному бесклассовому равенству благодаря поступательному развитию производительных сил общества рано или поздно в результате дальнейшего их развития сменяются новой общественно-экономической формацией – коммунистической, в которой не будет частной собственности на средства производства, враждебных классов, государства, эксплуатации и отчуждения, в которой вновь восторжествует социальная справедливость, но теперь уже на новом, неизмеримо более высоком по сравнению с первобытной эпохой уровне развития общества (вспомним диалектическую спираль отрицания отрицания).

Однако новая формация не выйдет на арену истории сама собой, не наступит столь же естественно, как природная весна – за нее надо бороться. Эксплуатируемый класс – пролетариат – последней классово-антагонистической формации – капиталистической – должен, говорит Маркс, подняться на эту борьбу и, увлекая за собой другие социальные силы, в пламени революции смести

буржуазные производственные отношения и построить новый общественный строй.

Как видим, одна из центральных идей исторического материализма заключается в том, чтобы на основе познания объективных законов истории превратить человека из ее стороннего наблюдателя и слепого орудия в активного участника и подлинного творца.

Надо не объяснять мир (так как многочисленные и разнообразные его объяснения все равно ни к чему не ведут), а менять его здесь и сейчас (осознав, что это вполне в нашей воле), утверждает марксизм – социально-философское учение, на несколько десятилетий ставшее официальной идеологией нашего государства. Это значит, что все мы должны были считать всю мировую философию каскадом более или менее наивных заблуждений человеческой мысли, а марксизм – единственно верным учением. Хотя всегда было очевидным (обратите внимание – и раньше, а не только сейчас!), что никакое учение нельзя назвать «единственно верным», но также вряд ли возможно какое-либо учение считать совершенно неверным. Марксизм – это один из многочисленных вариантов постижения природы, человека и, особенно, общества и истории, который занимает свое законное и достойное место в грандиозной мозаике мировой философской мысли.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое марксизм? Каковы его источники и составные части?
2. Что такое диалектический материализм? Как понимать утверждение Маркса о том, что он перевернул гегелевское учение с головы на ноги?
3. Как трактуется материя в диалектическом материализме? Возможно ли называть его пантеистическим материализмом? Попытайтесь отметить достоинства и недостатки такого определения.
4. Как соотносятся понятия материи и движения в диалектическом материализме? Какие формы движения материи выделяются Ф.Энгельсом?
5. Что такое исторический материализм? Какие варианты объяснения общества и истории были созданы философской мыслью в различные эпохи? Что представляет собой материалистическое понимание общества и истории, предложенное марксизмом? Какой из вариантов объяснения общества и истории представляется вам наиболее убедительным и почему? Вспомните какие-нибудь крупные события мировой или отечественной истории и попытайтесь прокомментировать и объяснить их, последовательно отталкиваясь от каждого из рассмотренных в параграфе вариантов объяснения истории.
6. Каково содержание основных понятий исторического материализма: производительные силы, производственные отношения, способ производства, общественно-экономическая формация? Что представляет собой закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил? Насколько успешно, на ваш взгляд, описывает этот закон исторические события?
7. В любой общественно-экономической формации К.Маркс выделял две основные составные части: «базис» и «надстройку». Как вы думаете, что в историческом материализме подразумевается под тем и другим понятием?
8. Что представляет собой классово-антагонистический общественный строй? Каковы с точки зрения марксизма причины появления частной собственности, антагонистических классов и эксплуатации человека человеком? Что называет Маркс отчуждением?
9. Каково по Марксу будущее эксплуататорских общественно-экономических формаций? Какой общественный строй должен прийти им на смену с его точки зрения? Как вы думаете, марксистское учение о будущем человеческого общества представляет собой утопию или же, наоборот, вполне осуществимый научный прогноз? Обоснуйте свой ответ.
10. Вспомнив марксистскую диалектику случайности и закономерности и свободы и необходимости попытайтесь определить, что говорит марксизм о случайности и закономерности в историческом процессе и о роли личности в истории?

Философ в России – не только философ (особенности русской философии) (Раздел по русской философии подготовлен кандидатом философских наук, доцентом кафедры философии МПГУ Рябовым П.В.)

Как уже говорилось философия – это прежде всего история философии, где мы находим основные философские («вечные») вопросы, проблемы и сюжеты, узкие тропинки и широкие дороги ищущей человеческой мысли, мысли, которые в своей совокупности и являются не чем иным, как специфической формой духовной культуры человечества – философией. Поэтому в наших лекциях кратко освещается история мировой философии, начиная с религиозно-философских учений Древнего Востока и заканчивая современными философскими идеями.

Однако, как вы заметили, до сих пор речь шла только о зарубежной философии, причем в основном – о западной. И это справедливо, ведь философия, по общепризнанному утверждению, эволюционируя от мифологии и религиозно-философских учений Востока, в своем полном и завершенном виде появилась в Древней Греции – колыбели западноевропейской цивилизации. Превратившись в мировое явление, она захватила собой все народы и континенты, не миновав и наше отечество. Была ли в России философия? Конечно же, была и есть. Только русская философия значительно отличается от западной. О ее особенностях, течениях и наиболее выдающихся представителях пойдет речь в этой последней теме.

По мнению исследователя русской философии С.А. Левицкого, «древняя Русь не знала ни богословия, ни философии...» До XVIII века философские идеи на Руси присутствовали либо в чисто религиозной оболочке, либо проявлялись в искусстве (не случайно древнерусскую иконопись часто называют «умозрением в красках»). Преподавание философии в русском государстве началось лишь в конце XVII века в первом высшем учебном заведении Московского царства – Славяно-греко-латинской академии.

XVIII век, начавшийся с реформ Петра I, часто именуют «веком ученичества» русской философии, веком, когда в России начинает складываться самостоятельное философское мышление, появляются основные философские понятия, начинается обособление философии от религии. В это время зрелые, опирающиеся на вековые традиции философские учения Запада – сначала идеи французских просветителей, а затем и представителей немецкой классической философии, с которыми мы уже знакомы, с жаром воспринимались и усваивались на российской почве. Однако это отнюдь не означает, что (как это нередко утверждают) русская философия не имеет самостоятельной ценности, своеобразия и значения. При всей важности западных влияний и при всем многообразии различных русских философов и течений мысли, можно указать на некоторые общие черты, в целом характерные именно для русской философии.

В первую очередь, бросается в глаза публицистичность, острая полемичность сочинений русских мыслителей, их нелюбовь к чистой теории и отвлеченным (оторванным от жизни) проблемам. Не случайно даже знаменитый русский философ Владимир Соловьев написал работу с характерным названием: «Критика отвлеченных начал», а известный философ А.Ф.Лосев говорил: «Русская философия остро недолюбливает... логические построения как таковые, причем эта нелюбовь очень часто превращается в прямую и острейшую ненависть ко всякому отвлеченному построению и к самой тенденции отвлеченно мыслить...» Поэтому неудивительно, что функции философии в России часто брала на себя художественная литература. Как известно, «поэт в России – больше, чем поэт» (Е.Евтушенко). И в XIX веке – веке высочайшего расцвета русской литературы – философские идеи зачастую высказывались не профессорами в привычной форме трактатов и лекций, но писателями и поэтами в форме романов, поэм и стихотворений.

С этой первой особенностью русской философии тесно связана и вторая – ее повышенное внимание к моральным, историческим, социальным вопросам, связанным с живым и конкретным человеком и смыслом его жизни в мироздании и обществе. Поэтому неудивительно, что если публицистика и художественная литература часто решала философские проблемы, то от философии, в свою очередь, ждали непосредственного руководства практической жизнью.

Можно сказать, что русская философия не была философией в классическом, западноевропейском смысле этого слова. Вспомним, в начале этой книги речь шла о том, что философия является специфической формой духовной культуры наряду с другими ее формами – искусством, религией и наукой, но не сводится ни к одной из них, отличаясь особенными, только ей присущими чертами. Так вот русская философия, по крупному счету, не была совершенно независимым, отдельным, специфическим видом духовной деятельности, но, напротив, являясь не просто тесно связанной с другими ее видами – искусством, религией, наукой, была как бы в них растворена, в то время как последние в России были весьма философичны. В силу этих особенностей русской философии и существует мнение о том, будто бы ее вовсе не было. Скорее всего, ее самобытный характер никак не дает оснований для такого утверждения. Ведь если нечто проявляется в какой-то особенной, специфической форме, то это не означает, что его вообще нет. Более того, может быть публицистичность, художественность, религиозность, социальность, приближенность русской философии к человеку и к жизни делают ее не в меньшей, а в большей степени философией, которая, как мы помним, есть не что иное, как любовь к мудрости. И наконец в каком случае нам более захочется задуматься и найти истину: когда мы читаем какой-нибудь сложный философский трактат, где через слово надо заглядывать в толковый словарь или когда философские проблемы и вопросы разворачиваются перед нами через образы героев художественного произведения?..

Итак, по общему признанию развитие самобытной и созревшей русской философской мысли началось в XIX веке, когда усвоившие достижения западной философии, думающие и европейски образованные русские люди – представители дворянства, оторванного, в результате петровских реформ от основной массы населения и народной культуры – с особенной остротой и силой поставили вопрос о месте России в истории мировой цивилизации, об ее культурном своеобразии и историческом предназначении.

Вопросы для самопроверки

1. Как вы думаете, почему самостоятельная философия возникла в России лишь в XIX веке?
2. Каковы основные особенности русской философии?
3. В России функции философов часто брали на себя писатели и поэты. Попытайтесь привести примеры зарубежных писателей, поэтов, драматургов, чьи произведения в художественной форме выразили те или иные философские идеи?

Россия – это Запад или Восток? (П. Я. Чаадаев, славянофилы и западники)

Появление самостоятельной и оригинальной философской мысли в России приходится на 30-ые годы XIX века – мрачную эпоху реакционного правления Николая I-го. Это царствование было ознаменовано расправой над декабристами, господством в обществе жандармов и чиновников, гонениями на вольную мысль (так, в это время даже было запрещено преподавание философии в русских университетах, поскольку, по словам царского министра просвещения, «польза от философии не доказана, а вред от нее возможен»). Эта эпоха – время страшной коррупции и зверского крепостнического произвола, эпоха расцвета казенного патриотизма, когда повсеместно пропагандировалась известная теория «официальной народности», теория национальной исключительности и имперского превосходства России. Наиболее концентрированно этот, как его называли,

«квасной» патриотизм, выразил не кто иной, как шеф жандармов А.Х.Бенкендорф, в следующих выразительных словах:
«Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно лучше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение».

Однако 30-ые годы – это, по выражению А.И.Герцена, «время наружного рабства и внутреннего освобождения», время, когда в маленьких дружеских кружках, в студенческих аудиториях и в нескольких московских салонах кипела интенсивная духовная жизнь, неприглаженно ставились вопросы о смысле русской истории и о реальном вкладе России в мировую культуру.

На широкое публичное обсуждение эти вопросы решился вынести Петр Яковлевич Чаадаев, своеобразный и глубокий мыслитель, друг декабристов и Пушкина. Именно ему поэт посвятил ряд стихотворений, в одном из которых так восторженно охарактеризовал Чаадаева:

Он вышней волею небес

Рожден в оковах службы царской

Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес,

А здесь он – офицер гусарский.

В 1830-ые годы, впрочем, Чаадаев уже давно оставил «оковы службы царской». Еще раньше, в начале 1820-ых годов именно он, вероятно, послужил прототипом образа Чацкого в комедии Грибоедова «Горе от ума». В 1836 году Чаадаев опубликовал в журнале «Телескоп» первую статью под названием «Философическое письмо» (всего этих «писем» было восемь, однако семь последующих так и не увидели тогда своего читателя), в которой остро и резко поставил вопросы о том, что такое Россия и что такое подлинная любовь к родине.

Выход в свет чаадаевской статьи А.И.Герцен назвал «выстрелом пушки в ночи», а ее написание – «подвигом честного человека». Публикация первого «Философического письма» имела вполне предсказуемые в николаевскую эпоху последствия: журнал «Телескоп» был закрыт, его издатель отправлен в ссылку, а Чаадаева по приказу царя... объявили сумасшедшим. (Так судьбу Чацкого неожиданно повторил тот, кто, возможно, был его прототипом – театральная драма повторилась в реальной жизни). На Петра Яковлевича сразу же обрушился шквал клеветы, угроз и обвинений. Что же произвело столь сильное впечатление? Какие мысли Чаадаева вызвали такое раздражение у царских властей и повергли в шок всю читающую публику?

Вот что пишет Чаадаев о России: «прошлое России – пусто, настоящее – невыносимо, а будущего у нее – нет». «Мы – пробел в нравственном миропорядке», «враждебный всякому истинному прогрессу» и, раз уж Бог создал Россию, то как пример того, чего не должно быть – «чтобы преподать миру какой-нибудь важный урок». «Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории был нам навязан, каждая новая идея почти всегда была заимствована». Если на католическом Западе Чаадаев находит динамизм и единство исторического процесса, то для России, усвоившей православный вариант христианства из Византии, а потому оказавшейся на задворках христианского мира, и надолго очутившейся под монгольским игом, по мнению мыслителя, характерны замкнутость, невежество, пассивность, рабство. Чаадаев выступил за сближение России с Европой на почве универсальной идеи христианства.

Как уже было сказано, «Философическое письмо» Чаадаева вызвало бешеное озлобление среди читающей публики. По словам современника, все говорили про «чаадаевскую статью» и «чаадаевскую историю» – чиновники, барыни, священники – «все соединились в одном общем вопле проклятия и презрения человеку, дерзнувшему оскорбить Россию». По поводу этих негодующих отзывов весьма верно и точно выразился выдающийся литературный критик В.Г.Белинский: «Что за обидчивость такая! Палками бьют – не обижаемся, в Сибирь посылают – не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, задел народную честь – не смей: говорить речь – дерзость, лакей никогда не должен говорить!»

Петр Яковлевич, которому запретили выходить из дому, что-либо публиковать, и, публично объявив «помешанным», начали насильственно «лечить» (как известно, в XX веке в СССР инакомыслящих также неоднократно объявляли безумными и принудительно сажали не в тюрьму, а в психиатрические больницы), с мужественным достоинством выносил свое одиночество. Вскоре он, объясняя свою позицию, написал работу под названием «Апология сумасшедшего», в которой официальному патриотизму – слепому и самодовольному восхищению государством, противопоставил новое понимание любви к Родине – честное, горькое, самокритичное. В своей «Апологии» Чаадаев писал: «Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной». «Прекрасная вещь – любовь к Отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к Истине... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами».

«Философическое письмо» Чаадаева стало прологом великого спора о прошлом, настоящем и будущем России, о ее месте в семье европейских народов, о русском народе и его роли в мировой истории, об истинной и ложной любви к родине. Чаадаев прочно зафиксировал в национальном самосознании факт экономической, социальной, политической и культурной отсталости России – и от этого факта нельзя было просто так отмахнуться. (Можно сравнить его с мальчиком из сказки Андерсена, решившегося сказать принародно шокирующую истину: «А король-то голый!»). Однако парадоксальным образом произведение, прозвучавшее как надгробное слово России и русской культуре, одновременно явилось началом пробуждения русского самосознания. Поставленные Чаадаевым вопросы требовали ответа. Выступление мыслителя, вызвавшего на себя «огонь» правительственных репрессий и общественного негодования, стимулировало философскую дискуссию, в которой оформились две крайние позиции, сторонники которых вошли в историю под именами «славянофилов» и «западников». С ними, конечно же, вы встречались на уроках истории и

обществознания (как и с Чаадаевым – на уроках литературы), но в этой книге вас ожидает не просто повторение хорошо известной информации: речь пойдет именно о философских взглядах славянофилов и западников. Читая эту лекцию, попытайтесь про себя отметить, с какими из их идей вы знакомы, а с какими – сталкиваетесь впервые. (А может быть хорошо известные идеи предстанут перед вами с какой-нибудь новой, неожиданной стороны?). То же самое необходимо сказать и о некоторых последующих пунктах этой темы, где вы вновь встретитесь с Герценом и народниками, Достоевским и Толстым. К тому же русская философия немаловажна без данных имен: ведь именно эти мыслители являются наиболее яркими и выдающимися ее представителями. Так же неудивительно и то, что речь пойдет об их социальных, исторических, религиозных и моральных воззрениях: вспомним – в начале этой главы мы говорили о том, что повышенный интерес к подобным темам представляет собой одну из главных особенностей русской философии.

Славянофилами стали называть группу мыслителей, литераторов и публицистов, наиболее яркими фигурами, среди которых были А.С. Хомяков, братья П.В. и И.В. Киреевские и братья И.С. и К.С. Аксаковы. Вопреки Чаадаеву, славянофилы утверждали, что нет какого-то единого, универсального, общечеловеческого пути развития, а каждый народ живет своей особой жизнью, имеет свой особый «народный дух». Выступая против казенного патриотизма, против крепостного права, самодержавной бюрократии, в защиту достоинства личности, славянофилы, тем не менее, говорили о чувстве национальной гордости за Россию. Они остро осознали разрыв интеллигенции с народом и стремились вернуться к «почве», отказаться от слепого подражания Западу. И все это не было только декларациями – славянофилы внесли огромный вклад в изучение самобытной народной русской культуры: братья Аксаковы занимались основательным изучением статистики, Хомяков стал первым русским светским богословом, славянофил Афанасьев собрал и издал собрание русских народных сказок и исследовал древнерусское язычество, П.В. Киреевский также собрал и опубликовал русские народные песни, а близкий к славянофилам В.И. Даль стал автором известного и доселе непревзойденного толкового словаря «живого великорусского языка».

В чем же усматривали славянофилы своеобразие и преимущество России? За что критиковали западную цивилизацию?

Подобно Чаадаеву, славянофилы считали, что религия формирует народную культуру и определяет историю. Однако, если, по Чаадаеву, католическая церковь создала условия для вызревания «социальной идеи» христианства, а русское православие – замкнуто, консервативно, реакционно, пассивно и не влияет на общество, то, по убеждению славянофилов, напротив, католическая церковь извратила христианство, превратив его из источника любви и свободы в мертвый институт власти и принуждения, тогда как православная церковь сохранила истину христианства в первоначальном, неискаженном виде. На современном Западе, по мнению славянофилов, господствует расщепленность, расколотость – как сознания отдельного человека, так и между людьми, правят бал одиночество и конкуренция. По выражению Константина Аксакова, «на Западе душа убывает». Иван Киреевский обвиняет западную культуру в отрыве просвещения умственного от просвещения нравственного, приводящем к тому, что достижения человеческого ума обращаются против самого человека.

Всему этому славянофилы противопоставили идею целостного знания (истина познается не только рассудком, но и «духом в его живой цельности») и важнейший спасительный принцип **соборности**, лежащий, по их мнению, в основе православной веры и всей русской жизни. Соборность они определяли как «единство во множестве», как «хоровое начало», сочетающее ценность личного и общего, добровольный союз людей для совместного действия. Неразрывное единство веры и разума, мысли и чувства, единичного и всеобщего, христианства и светской культуры – таков высший идеал славянофилов.

Говоря о православии, как соборной религии, они имели в виду не казенную церковь, ставшую после реформ Петра I всего лишь частью государственной машины, но – живое единство верующих. «Церковь знает братство, – по словам А.С. Хомякова – но не знает подданства... В делах веры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушание есть смерть». По мнению славянофилов, в католицизме единство доминирует над свободой личности, в протестантизме свобода – над единством, и лишь православие представляет собой синтез единства и свободы, то есть основано на соборности. Таким образом, церковь не есть внешний авторитет, но есть выражение внутренней истины, принимаемой человеком свободно и осознанно.

Свое социально-экономическое воплощение соборность, по мнению славянофилов, нашла в русской общине, в которой люди коллективно («всем миром») решают вопросы совместной жизни и труда. В то время, как на Западе община давно погибла и восторжествовал дух конкуренции и эгоизма, в России общинность является, по мнению славянофилов, залогом ее великого будущего.

Идеализируя Древнюю Русь, славянофилы вместе с тем ясно видели пороки современной им Российской Империи. Хомякову принадлежат знаменитые поэтические строки о России, исполненные, пожалуй, не меньшей горечи и боли, чем «Философическое письмо» Чаадаева:

В судах полна неправдой черной,

И игом рабства клеймена,

Безбожной лести, лжи тлетворной

И лени мертвой и позорной

И всякой мерзости полна!

Спасение России славянофилы видели в ликвидации крепостного права, в освобождении церкви из-под ига государства, в уничтожении «немецкой» бюрократии, в развитии самоуправления и возвращении к общинным началам русской жизни. Отрицая капитализм, парламентаризм, конституционализм, как «западные» выдумки, славянофилы стремились вернуться к (во многом

выдуманной ими же) эпохе XVII века, - времени допетровской Руси.

Славянофилам противостояла – в московских салонах и на страницах изданий – другая группа мыслителей (в основном состоявшая из ученых и профессоров – историков, юристов и т.д.), получившая название «западников». Наиболее ярким представителем этой группы был Т.Н.Грановский. Западники были убеждены в общности исторического пути всех народов и считали, что Россия должна двигаться по пути Европы, преодолевая свою отсталость. По их мнению, подлинная история России началась лишь с эпохи Петра I, направившего страну на путь европейского просвещения. «Запад» ассоциировался для этих мыслителей с понятиями «прогресс, гуманность, свобода» – со всем тем, чего так не хватало в России. В отличие от славянофилов и Чаадаева, западники мыслили секуляризованно, в рамках светской культуры, исходили из идеалов **космополитизма** (от греч. космос – мир + политэс – гражданин, т.е. гражданин мира) и абсолютной автономии (независимости) личности.

При всех очевидных различиях, противоположность между воззрениями западников и славянофилов не стоит считать абсолютной. Примыкавший в те годы к западникам А.И.Герцен подчеркивал: «наше сердце билось одно, но головы, как у двуликого Януса, смотрели в разные стороны» (Янус – римский бог входа и выхода, изображался с двумя смотрящими в разные стороны лицами). Западники по-своему любили Россию, хотя и ненавидели ее недостатки, а славянофилы с большим уважением относились к Западу (так, Хомяков называл Европу «страной святых чудес») и лишь подчеркивали самобытность русской, православной культуры, способной, однако, воспринять и лучшие начала европейской цивилизации.

Славянофилы – люди, более всех несогласные с Чаадаевым по принципиальным вопросам, одновременно более других симпатизировали ему, как человеку. Поэт Федор Тютчев, близкий по взглядам к славянофилам, говорил о Чаадаеве: «Человек, с которым я больше всех спорю, это человек, которого я больше всего люблю». И западники и славянофилы относились к одной духовной среде, встречались в одних дружеских компаниях и одинаково глубоко ненавидели рабство и унижение человеческого достоинства со стороны николаевского режима. И те и другие бились над решением одного и того же вопроса – как преодолеть отсталость и несвободу русской жизни, но ответы давали разные: идти общим путем с Европой, догоняя ее (западники) или же найти в самобытности, непроявленности сил русского народа залог будущего величия России (славянофилы). И славянофилы, и западники создали себе своего рода «утопии», только «утопия» славянофилов находилась в русской истории (Московское царство XVII века), а «утопия» западников – на современном им Западе. При этом славянофилы, по словам философа Владимира Соловьева, сравнивали идеалы Древней Руси с фактическими грехами Запада. Преимущество, конечно, оставалось на стороне русских идеалов. Напротив, западники, критикуя Россию, сравнивали западные идеалы гуманности с грешной русской действительностью, причем преимущество оставалось, конечно, на стороне гуманного Запада.

Спор западников и славянофилов, начавшись во второй четверти XIX века, длится и по сей день. Несколько меняются аргументы и суждения спорящих сторон, но суть спора остается прежней, так же волнуя умы и являясь одним из вечных «нервов» всей нашей общественной и философской мысли, поляризируя и будоража мыслящее общество.

Вопросы для самопроверки

- Сравните судьбу П. Я. Чаадаева и его литературного «двойника» Чацкого из комедии Грибоедова «Горе от ума».
- В чем взгляды Чаадаева сходны с позицией западников, а в чем – с позицией славянофилов?
- Как Чаадаев отвечал на упреки в «непатриотичности»? Подумайте, чем истинная любовь к Родине отличается от «казенного» патриотизма.
- По мнению исследователя русской философии С.А.Левицкого, «Чаадаеву открылась какая-то страшная правда о России – темная правда, от которой нельзя просто отмахнуться». Как вы думаете, о какой правде идет речь? Согласны ли вы с его мнением? Обоснуйте свою позицию.
- В чем славянофилы видели своеобразие и самобытность русской культуры?
- Приходилось ли вам слышать о современных продолжателях западников и славянофилов? Если да, то сравните их с их предшественниками – западниками и славянофилами середины XIX века.
- Как и почему оценивали фигуру и деятельность Петра I славянофилы и западники?
- Подумайте, за что западники ценили западное общество, и за что его же критиковали славянофилы?
- Обращаясь к западникам, А. И.Герцен писал: «Европа нам нужна, как идеал, как упрек, как благой пример; если она не такая – ее надо выдумать». Как вы понимаете это высказывание? Актуально ли оно в наши дни?

«Вопрос об отношении лица к обществу и общества к лицу» (А.И.Герцен)

Многие идеи славянофилов и западников были творчески соединены в народничестве – наиболее влиятельном и мощном направлении русской мысли и духовной жизни XIX – начала XX вв. Основателем народничества стал Александр Иванович Герцен.

В 1826 году, когда на трон вступил палач декабристов Николай I, юный Герцен дал клятву, которой он остался верен всю свою жизнь. Он «клялся отомстить за казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронном, с этим алтарем, с этими пушками». Казнь декабристов, писал Герцен, «окончательно разбудила ребяческий сон моей души... Мало понимаю или очень смутно, в чем дело, я чувствовал, что я не с той стороны, с которой картечь и победы, тюрьмы и цепи». Неудивительно, что жизнь Герцена сложилась трагически: ссылки, эмиграция, разлука с Россией, смерть горячо любимой жены и троих детей, разочарование в западной цивилизации... (Герцен оказался за границей, во Франции, в то самое время, когда буржуазия, пришедшая к власти под лозунгами свободы, равенства и братства, потопила в крови восстание парижских рабочих в июне 1848 года).

Выдающийся писатель, замечательный мыслитель, публицист и общественный деятель, пронзительно тонкий психолог, Герцен был знаком со многими выдающимися представителями европейского общества, став крупной фигурой в мировой культуре. В России Герцен примыкал к «западникам». На формирование его взглядов повлияли немецкие романтики Шиллер и Гете, французские социалистические авторы, а также Гегель и Фейербах. Однако он создал собственное оригинальное философское учение, в центре которого стоит проблема личности и ее взаимосвязи с обществом.

Герцен не верил ни в Бога, ни в бессмертие души, ни в неизбежность исторического прогресса – мировоззрение его во многом было трагично. И тем важнее для него было опереться на личность, противопоставить человеческую свободу и творчество бессмыслице окружающего мира. Личность возвышается над слепым потоком природного бытия и над слепым потоком истории. Выступая против фаталистической «железной необходимости», будто бы неумолимо господствующей в истории (эту идею проповедовали последователи Гегеля и Маркса), Герцен подчеркивает категорию возможности, в которой, по его мнению, выражается свобода личности и альтернативность исторического процесса: «Пути вовсе не неизменны. Напротив, они-то и изменяются с обстоятельствами, с пониманием, с личной энергией. Личность создается средой и событиями, но и события осуществляются личностями и носят на себе их печать...»

Для Герцена человеческая личность – неповторимая, живая и конкретная – высшая ценность. Она не может быть принесена в жертву чему бы то ни было, будь то кумиры «религии», «морали», «государства», «разума», «прогресса» или «экономического и научного развития». По убеждению мыслителя, «подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее есть продолжение человеческих жертвоприношений». Личность – не средство, но цель всякого исторического прогресса.

Величайшим разочарованием в жизни «западника» Герцена было его разочарование в Европе, когда он приехал туда из России. Герцен писал: «Тяжко, душно жить в России – это правда... и тем тяжелее было для нас, что мы думали, что в других странах легко и хорошо жить. Теперь мы знаем, что и там тяжело. Оттого, что и там не разрешен вопрос, около которого сосредоточилась теперь вся человеческая деятельность, вопрос об отношении лица к обществу и общества к лицу». Что же ужаснуло Герцена в европейской жизни?

Диагноз, поставленный мыслителем современной европейской культуре, таков: «Мещанство – окончательная форма западной цивилизации, ее совершенное летоие». Что же стоит за понятием мещанства? По Герцену – это политическое и экономическое господство буржуазии, подмена духовных ценностей коммерческими, стирание и обмельчание личности, наступление «внутреннего варвара», торжество пошлости, заурядности, развитие капиталистической индустрии, разрушающей как отдельную личность, так и солидарность между людьми и порождающей конкуренцию, повсеместное лицемерие и мелочный эгоизм (до Герцена слово «мещанство» понималось как сословная, а после него – как духовная характеристика). «Под влиянием мещанства, - говорит Герцен, - все переменялось в Европе. Рыцарская честь заменилась бухгалтерской честностью, гуманные нравы – нравами чинными, вежливость – чопорностью, гордость – обидчивостью, парки – огородами, дворцы – гостиницами, открытыми для всех, то есть для всех, имеющих деньги». Сравнивая средневекового рыцаря с современным торгашом, оказавшимся наследником европейской цивилизации, Герцен горько замечает: «Как рыцарь был первообразом мира феодального, так купец стал первообразом нового мира; господа заменились хозяевами. Купец сам по себе лицо стертое, промежуточное, посредник между одним, который производит, и другим, который потребляет, он представляет нечто вроде дороги, повозки, средства. Рыцарь был больше он сам, больше лицо, и берег, как понимал, свое достоинство, оттого-то он, в сущности, и не зависел ни от богатства, ни от места; его личность была главное; в мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное – товар, дело, вещь, главное – собственность».

Итак, в России – самодержавие и крепостничество, на Западе – господство буржуазности и мещанства, констатирует Герцен. Где же выход? Выход, по мнению мыслителя, в синтезе того лучшего, что выработали западная и российская цивилизации: европейской культуры, просвещения, идеи свободы личности и – российской общинности, солидарности, коллективизма. Эта идея стала краеугольным камнем русского народничества. «В современной Европе нет юности и юношей» – отмечает Герцен, тогда как русские люди еще способны к юношескому энтузиазму, идеальным порывам, живой, страстной вере и жертве (вспомним, к примеру, перекликающиеся с этой мыслью, слова Достоевского о «русских мальчишках», безоглядно и бескомпромиссно ищущих истину). На смену вере Герцена в Запад приходит вера в Россию, в русскую крестьянскую общину. На чем она основывается? Во-первых, русский народ, мало затронутый буржуазностью, учтя опыт Запада, может не повторить ошибок Европы («хорошие ученики часто переводятся через класс»). И, самое главное, - давно погибшая на Западе, но сохранившаяся в России община, представляет собой зародыш того самого общества, о котором говорят, к которому стремятся теоретики западного социализма. Общинное самоуправление, коллективистская психология, общинное землепользование, убеждение крестьян в том, что земля, подобно воздуху, - «ничья и Божья» и обрабатывать ее могут все, а владеть ею никто, - вот предпосылки «русского социализма» Герцена.

Западное мещанство основано на «безусловном самодержавии собственности». В России – крестьянской стране с общинным землевладением – этого «самодержавия собственности» еще нет и, следовательно, есть возможность избежать буржуазного пути развития и связанных с ним страданий народа, распада коллективизма и торжества мещанства. Итак, сочетать западный идеал свободы личности и российское начало общинного коллективизма, разрушить самодержавно-крепостническое государство – в

этом Герцен видел надежду и спасение России, могущей пройти между Сциллой буржуазного мещанства и Харибдой царского деспотизма (Сцилла и Харибда – в греческой мифологии – два морских чудовища, подстерегавших мореплавателей с двух сторон: кому удавалось избежать Сциллы, тот попадал к Харибде и наоборот). «Прошлое русского народа темно, его настоящее ужасно, но у него есть право на будущее» – эта позиция Герцена, как нетрудно заметить, отличалась и от взглядов Чаадаева, и, тем более, от теории «официальной народности», синтезируя и объединяя лучшие идеи западников и славянофилов.

Будущее общество – это грядущий социализм, который Герцен сравнивает с ранним христианством, проповедовавшим всеобщее равенство и братство, и одновременно похоронившим античный мир и создавшим новое – средневековое общество. Социализм для Герцена призван сочетать личную свободу с социальной справедливостью, политическое освобождение с экономическим равенством и уничтожить власть и эксплуатацию. Эти идеи, провозглашенные Герценом, были развиты следующими поколениями русских народников.

Вопросы для самопроверки

- Какие идеи Герцена созвучны взглядам западников, а какие – взглядам славянофилов?
- Подумайте над той характеристикой, которую Герцен дал европейскому мещанству в середине XIX века. Насколько эта характеристика актуальна сегодня? А как вы понимаете смысл слова «мещанство»?
- Тема критики мещанства – одна из основных для русской художественной литературы. Приведите какие-нибудь примеры подобной критики.
- В чем Герцен видел преимущества России перед Западом, способные ей помочь перейти к социализму, минуя буржуазно-индустриальный этап?
- Как в философии Герцена соотносятся личность и общество?
- Вспомните, какие еще, кроме Герцена, теоретики русского народничества вам известны. Попробуйте сформулировать основные отличительные черты философии народничества.

Возможно ли счастье без свободы? (Ф. М. Достоевский)

Один из знаменитых философов и писателей XX-го века Альбер Камю как-то заметил: «Хочешь философствовать – пиши романы». По своему влиянию на общество, по силе, и по глубине философской мысли, русская художественная литература зачастую далеко превосходила «профессиональную» философию. Не создавая грандиозных, логически завершенных и однозначных философских учений, выдающиеся русские писатели Федор Достоевский и Лев Толстой в своих романах, повестях и публицистических произведениях пронзительно остро, проникновенно и необычайно глубоко поставили ключевые вопросы человеческого существования.

Жизнь Федора Достоевского была трагичной, и, быть может, трагизм его собственной судьбы помог ему ощутить такие глубины трагического в мире и в человеке, которые большинство людей не может или не желает видеть. Трудная жизнь в бедности, каждодневный литературный труд на износ, тяжелое нервное расстройство, вынесенный в юности смертный приговор за участие в социалистическом кружке (приговор был изменен в последнюю минуту перед расстрелом и заменен каторгой), нелегкие годы, проведенные в Сибири, затем разочарование в былых революционных и социалистических идеалах, непрестанные сомнения в существовании христианского Бога и жажда верить в него – так складывался жизненный путь писателя.

Значительную часть своей жизни Достоевский прожил в Петербурге – городе, где Россия и Европа соединились, переплелись и сошлись в противоборстве и, можно сказать, что он был во многом петербургским писателем. Величавые громады дворцов над реками и каналами, гранитные набережные, геометрически правильные прямые проспекты, прекрасные памятники и, рядом с этим величием и великолепием, - чахоточный туман, грязные «доходные» дома, где в жалких каморках, в мрачной сырой атмосфере сгущающихся сумерек страдают, мучаются, сходят с ума «униженные и оскорбленные» «бедные люди» – герои Достоевского.

Нередко Достоевского называют «жестоким талантом», а его мировоззрение характеризуют как «философию трагедии». Весь свой гений Достоевский посвятил раскрытию тайны человека. Он так и писал: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Существование Бога и предназначение человека для героев Достоевского – не просто «точки зрения», но вопросы жизни и смерти. В относительно спокойном, еще самодовольно верящем в прогресс, науку и разум, но уже не верящем в Бога, XIX веке, Достоевский (задолго до Фрейда, открывшего бессознательное), указывает на скрытую в человеке склонность к агрессии, на утрату современным человеком смысла жизни, на одиночество и трагизм человеческого существования, порождающие сильнейшую внутреннюю борьбу. «Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердце человека», говорит писатель. Герои Достоевского – мятущиеся натуры, всегда пребывающие в дисгармонии, в «надрыве», одержимые «проклятыми вопросами», неспособные к мещански-равнодушной жизни, жаждущие переделать мир, спасти человечество, выходящие за рамки общепринятых норм, «золотой» - благодушной и безопасной, - «середины». Подобно другим пророкам, своим современникам – Кьеркегору и Ницше, Достоевский больше созвучен катастрофизму XX века, чем своему времени. В человеке есть много такого, о чем он сам и не подозревает и что писатель называет «подпольем». Эта тайная, подсознательная жизнь человека выступает то в виде его «Двойника» (например, Смердяков – брат и Двойник Ивана Карамазова), то в виде «подпольного человека» (повесть «Записки из подполья»). Важнейшие для человека проблемы писатель разрешает не путем рассуждения, а через поступки, через судьбу своих персонажей. Этим героям (даже порой

лично ему малосимпатичным) Достоевский дает возможность высказаться в полную меру, показать всю логику своих мыслей и следующих за ними действий. Поэтому-то герои – «разрушители» и «отрицатели», одержимые страстями, гордыней, неверием, - Иван Карамазов, Родион Раскольников – выглядят убедительно и по-своему привлекательно. Они зачастую правдоподобнее и глубже, чем «положительные» персонажи Достоевского – Соня Мармеладова, князь Мышкин, Алеша Карамазов или старец Зосима.

Достоевский восстает против просветительского мифа о человеке, как прежде всего рассудочном существе, в котором рассудок отождествляется с добрым началом, а биологические инстинкты – со злым. Зло в человеке (как и добро) таится не в одних биологических инстинктах, а в самом Духе, в сердце человека, оно есть тоже явление духовного порядка. Человеческая свобода заключается в возможности и необходимости для человека добровольного выбора между добром и злом, - выбора, от которого не может уйти никто. Достоевский подчеркивал: «Рассудок удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотение есть проявление всей человеческой жизни». «По своей глупой воле пожить» – главное для человека, и, следовательно, ключ к пониманию человека лежит глубже его сознания, его рассудка – в его «подполье», где находится «он сам». Ядро, существо человека – в его свободе (здесь и далее речь идет именно о свободе выбора), в его стремлении к индивидуальному самоутверждению. Нет ничего глубже в человеке, чем его свобода, его воля (во всех смыслах этого слова).

Принципиальное и основополагающее для христианства представление о человеке одновременно и как образе Божиим, и как греховном существе, способном как к падению и злодеянию, так и к спасению и подвигу, обретает в романах Достоевского новый глубокий смысл. На каторге, опустившись на самое «дно» общества, Достоевский увидел, что в любом человеке – даже самом «маленьком», заурядном неприятном и ничтожном с виду, - есть нечто, достойное уважения или, по крайней мере, сострадания, нечто, дающее надежду на его возрождение и преображение. В каждом человеке, если смотреть на него не сверху вниз, не со злобой или презрением, а с любовью, можно увидеть образ Божий. «Самый забитый, последний человек есть тоже человек и называется брат твой». Каждый человек ценен не только тем, чем (или кем) он является сейчас, но и тем, кем он может (потенциально) быть.

Подобно Ницше, Достоевский фиксирует кризис и саморазрушение европейского гуманизма, - ситуацию, когда человек, отринувший Бога и обожествивший самого себя, приходит, вместо христианского Богочеловечества, к идее Человекобожества (у Ницше это – Сверхчеловек). Один из героев Достоевского, Кириллов в романе «Бесы», так выражает эту идею: «Будет новый человек, счастливый и гордый... Кто победит боль и страх, тот сам Бог будет... Мир закончит тот, кому имя «человекобог»... «Если нет Бога, то я Бог. Сознать, что нет Бога и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал, есть нелепость». Стать Богом, стать своевольным – значит, победить страх, прежде всего, страх смерти, воплотить свою безграничную свободу – и Кириллов, бросая вызов небесам, желает победить страх и утвердить свою божественность, посредством добровольного и беспричинного самоубийства. Другой герой Достоевского, Иван Карамазов, не может принять мира с его злом и несправедливостями и, движимый состраданием к человеку, отрицает Творца мира, возвращает ему свой «билет в рай» (вновь остро встает проблема теодицеи, о которой мы говорили в теме, посвященной средневековой философии). Наконец, третий вариант гуманизма, дошедшего до своих пределов, отрицающего Бога и переходящего в свою противоположность, демонстрирует Родион Раскольников, движимый одновременно и жаждой самоутверждения, «комплексом Наполеона», и желающий облагодетельствовать и спасти людей при помощи убийства. Он позволяет себе делить людей на «обычных», «материал», и на «избранных», стоящих вне обычных рамок и норм, и совершает «убийство ради добра», «по системе». Ведь, «если Бога нет, то все дозволено». Так, по убеждению Достоевского, человечность, оторванная от Бога, перерождается в бесчеловечность – в самоотрицание человека, а это есть признак глубокого недуга, поразившего человечество. По словам Достоевского, человек, восставший против образа Божьего в себе, противопоставляющий себя другим людям, восстает тем самым и против своей собственной сущности. Не случайно Раскольников признается: «не старушонку я убил, себя убил». А другой герой романа «Преступление и наказание» произносит: «Ведь это разрешение преступить через кровь по совести страшнее обычных преступлений». Как только утрачиваются твердые нравственные ориентиры, как только человек решает объявить себя Богом, как только он начинает отрицать абсолютную ценность другого (любого!) человека и исходить из того, что злые средства оправданы ради доброй цели, - этот человек неизбежно приходит к саморазрушению и краху.

Поскольку человеческая свобода (свобода выбора), будучи источником всякого добра и всякого зла, отождествляется Достоевским с сущностью человека, он категорически выступает против принудительного «счастья», снятия с человека ответственности за свое поведение, попыток «по науке» и чисто внешним образом «облагодетельствовать» людей. Никакое устройство общества само по себе не изменит человеческой природы – в противном случае пришлось бы признать, что люди – рабы обстоятельств, то есть отказаться от той внутренней свободы, которая и делает человека личностью.

Центральная тема всего творчества Достоевского – поиск путей спасения людей: один из его героев – Раскольников – хочет помочь людям, «преступив через кровь» – но лишь губит себя, другой – князь Мышкин (в романе «Идиот») – всех любит, но в жестоком и несправедливом обществе оказывается не в силах помочь людям и гибнет сам. Наконец, Великий Инквизитор (в романе «Братья Карамазовы») хочет «облагодетельствовать» людей, лишив их свободы выбора, навязав им счастье бездушных скотов или безликих младенцев. «Легенда о Великом Инквизиторе», предельно остро ставящая вопрос о возможности принудительного счастья, счастья помимо свободы, по праву считается вершиной творчества Достоевского. Свобода страшна непредсказуемостью, негарантированностью, своеволием – да и каждому ли человеку она по плечу? Свобода ведет к страданиям и ошибкам. Может быть, лучше и счастливее жить без нее? Принудительное материальное счастье – в обмен на потерю свободы и личности – такова дилемма, формулируемая Достоевским. Но возможно ли счастье людей (именно людей, а не муравьев) через рабство?

Великий Инквизитор, хотя и выступает от имени Христа, готов убить Христа подлинного, и упрекает его в том, что тот не видит слабости людей. Он выполняет план «осуществления рая на земле без Бога», путем умерщвления в человеке инстинкта свободы. «Жалея» людей, Инквизитор жертвует свободой человеческой воли: «будут тысячи миллионов счастливых младенцев» ... - царство всеобщего рабства, царство обезличенного стада. В итоге (как и в случае с Раскольниковым) противоречие между целями и

средствами приводит к замене цели средством – под маской добра в мир входит зло. Достоевский подчеркивает: «друг человечества с шатостью нравственных оснований есть людоед человечества...». Попытка осчастливить людей, отняв у них свободу, ведет к превращению человечества в «муравейник». Выраженные с такой художественной силой мысли Достоевского оказались в XX веке сбывшимися пророчествами.

Обращаясь к вопросу о призвании России в мировой истории, Достоевский видел свою задачу «в упразднении распри между славянофилами и западниками». Правда, в решении этого вопроса, писатель нередко впадал в националистическое мессианство («Христа может проповедовать одна лишь Россия. Богоносный народ – один только русский»). И вместе с тем Достоевский подчеркивал универсальную восприимчивость и отзывчивость русского человека («У нас, русских, две родины – Европа и наша Русь»), писал о необходимости всечеловеческого взгляда на мировые вопросы: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите».

Творческий мир Достоевского трагичен, бездонен и противоречив, так же, как и его мировоззрение. Писатель верил в добрую природу человека и показывал могущество злого, «подпольного» начала в нем, жаждал обрести Бога и – отчаивался, сомневался в Боге, проповедовал национальное мессианство и – идею «всеобщего», отрицающую узкие рамки национальности, с надеждой восклицал, что «красота спасет мир» и с тревогой констатировал, что «красота – это страшная и ужасная вещь». Достоевский, как никто, прочувствовал нарастающий кризис нашей эпохи – одиночество личности и утрату веры в Абсолют, всеразвращающую власть денег, искушение «принудительного рая» – и противопоставил этим опасностям живую любовь, сострадание к людям, осознание абсолютной ценности каждой человеческой личности, всеобщую солидарность и всеобщую ответственность. «Все за всех виноваты» – говорил писатель. Вспомним, эта идея ярко выражена в одном из направлений современной философии – экзистенциализме. Человек ответственен не только за все, что он думает и делает, но и (как то ни удивительно на первый взгляд) за все, творящееся вокруг него, так как является скрытым или явным, равнодушным или активным, злорадным или страдающим, но – в любом случае добровольным и свободным – свидетелем и участником всего происходящего. Чувство вины за все и за всех – это удел свободного человека, утверждают экзистенциалисты. Не случайно поэтому философские идеи Достоевского о человеческой свободе, ответственности и мучительном непрекращающемся поиске самого себя являются одним из источников и провозвестников экзистенциальной философии.

Вопросы для самопроверки

- В чем Ф. М. Достоевский видел внутренний кризис и разложение гуманизма в современную эпоху?
- Согласны ли вы с мнением Достоевского о том, что нет ни окончательно «плохих», ни окончательно «хороших» людей, и что любой злодей может преобразиться, изменившись в лучшую сторону, а любой прекрасный человек может стать злодеем?
- Вспомните каких-нибудь героев романов Достоевского, например, Родиона Раскольникова или Ивана Карамазова. Можно ли их назвать полностью «положительными» или полностью «отрицательными» персонажами? И встречаются ли, по вашему мнению, полностью и до конца «положительные» или полностью и до конца «отрицательные» персонажи – в жизни?
- Как вы понимаете идею Достоевского о невозможности человеческого счастья без свободы? Согласны ли вы с ней? Обоснуйте свой ответ.
- Согласны ли вы с утверждением Достоевского о том, что «если Бога нет, то все дозволено»?
- Однажды родители талантливого мальчика – в будущем известного мыслителя и поэта Дмитрия Мережковского – привели своего юного сына к Достоевскому, чтобы тот оценил его стихи. Послушав, Федор Михайлович поморщился и сказал: «Плохо, слабо. Страдать вам надо, молодой человек, страдать!» «Пусть не пишет, - лишь бы не страдал» – воскликнул отец ребенка. Как вы понимаете приведенные слова Достоевского? Согласны ли вы с ними?
- Нередко сравнивают личности и мировоззрения Достоевского и Ницше. Ницше говорил, что важнейший, мало кем еще осознанный факт нашей эпохи заключается в том, что «Бог умер, и это мы убили Его». Сравните размышления Достоевского и Ницше по этому поводу. Чья позиция ближе лично вам?
- Великий инквизитор в романе Достоевского «Братья Карамазовы» убежден в том, что человек – раб, хотя и создан бунтовщиком. «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно». Согласны ли вы с таким взглядом на человека?
- Достоевский говорит о двойственной, несовершенной природе человека, о его промежуточности. Как вы думаете, такая природа человека – вечный и неизменный факт, или же это лишь преходящее, исторически преодолимое состояние?

Может ли «Добро» быть «с кулаками»? (Л. Н. Толстой)

Творчество и мировоззрение Льва Николаевича Толстого не менее насыщены философскими идеями и не менее противоречивы, чем творчество и мировоззрение Достоевского. Врожденное жизнелюбие, восхищение перед стихией жизни во всех ее проявлениях – и проповедь аскетизма, отрицающего все «животное»; гениальный художественный дар и критика искусства, как ненужной «роскоши»; стремление подчинить свое литературное дарование моральной проповеди; страстный индивидуализм в жизни и – отрицание ценности индивидуальности в теории; восхищение перед Христом, как перед величайшим учителем

человечества – и отрицание исторического христианства и официальной церкви, - таковы лишь некоторые контрасты, характерные для Толстого. Как никто зная жизнь, пройдя через опыт неимоверного ужаса перед смертью, делающей жизнь бессмысленной и никчемной, Толстой, особенно в поздний период своего творчества, все больше переходил от литературной деятельности к созданию и проповеди собственного нравственно-религиозного учения.

Обращаясь к великим мудрецам прошлого: Будде и Лао Цзы, киникам и стоикам, Сократу и Христу, Канту и Руссо, Паскалю и Шопенгауэру – Толстой пришел к выводу, что все они учили примерно об одном и том же, - о любви людей друг к другу, о стремлении к Богу, об осуждении пороков, препятствующих этому. Особенно важным для писателя было учение Христа, которое, по его убеждению, исказили и извратили люди, именующие себя «христианами». Однако все христианство Толстой сводил исключительно к нравственному учению, отрицая божественную природу Христа и его воскресение из мертвых, индивидуальное бессмертие человеческой души, таинства, чудеса, церковную иерархию и догматику.

Одна из главных тем в творчестве Толстого – противопоставление природы и цивилизации, созданной людьми. (Эти идеи русского писателя отчасти затрагивались нами в теме о французском Просвещении). Давайте вспомним самое начало романа «Воскресение»: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и не выгоняли всех животных и птиц – весна была весною даже и в городе... Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, - красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом». Красоте и величю первозданной природы здесь противопоставлена искусственность и фальшь цивилизации, основанной на насилии человека над человеком и над миром.

В романе «Война и мир» князь Андрей Болконский гонится за славой, успехом, признанием других людей, но, тяжело раненый в битве, вдруг понимает, что «все пусто, все обман, кроме этого бесконечного неба». Пелена спадает с его глаз.

Природа – вот воплощение высшей гармонии, противопоставленное суете, эгоизму, низменности людей. Идеалы, проповедуемые Толстым – простота, естественность, равенство, любовь. Смысл жизни – в ней самой, в ее незатейливых радостях, в служении людям, в слиянии человека с природой, в труде. Простой народ намного ближе к этому, чем развращенные люди «света», мнящие себя «просвещенными» и свысока смотрящие на бедных тружеников. Подобно киникам и Руссо, Толстой стремится вернуться от душной, лживой и насильственной цивилизации к пантеистически обожествляемой им природе и простому народу.

Писатель отрицал, как бесчеловечные и противоестественные, все основные столпы существующего общества: государство, официальную церковь, частную собственность, суды и тюрьмы, армию и патриотическую идеологию. Из всех атрибутов государства наибольшее отвращение у писателя вызывала смертная казнь. В самом деле, когда обычный человек убивает другого человека, движимый страстью: ревностью, местью или голодом – это зло, это «преступление». А когда убивает палач – по приговору судьи и от имени государства – холодно, методично, равнодушно, как машина – это «добро», это «правосудие»? Толстой не согласен с этим. Не случайно эпиграфом романа «Анна Каренина» он избрал евангельские слова, произнесенные Господом, - «Мне отмщение и аз воздам». (т.е. мне, Господу Богу предстоит совершать отмщение и Я буду воздавать всем по их заслугам). Иначе говоря – только Бог может судить людей, а люди не должны брать на себя функции судей и, тем более, палачей.

Цивилизация, именующая себя «христианской», практикует присягу на Библии (хотя в Библии прямо содержится запрет клясться), освящает войны (хотя Христос призывал к любви и ненасилию). Почему же так происходит? Большинство людей, в глубине души осознавая это несоответствие, оправдывают себя при помощи аргумента: «А если все так делают, то, стало быть, так и надо» - писал Толстой. Вот как он развивает эту мысль в романе «Воскресение»: «Если бы была задана психологическая задача: как сделать так, чтобы люди нашего времени, христиане, гуманные, просто добрые люди, совершали самые ужасные злодеяния, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно решение: надо, чтобы было то самое, что есть, надо, чтобы эти люди были губернаторами, смотрителями, офицерами, полицейскими, то есть, чтобы, во-первых, были уверены, что есть такое дело, называемое государственной службой, при котором можно обращаться с людьми, как с вещами, без человеческого, братского отношения к ним, а во-вторых, чтобы люди этой самой государственной службой были связаны так, чтобы ответственность за последствия их поступков с людьми не падали ни на кого отдельно».

Ощущая огромное чувство вины – и своей личной, и того сословия, к которому он принадлежал, Толстой, верный своим идеям, преодолевая страшное сопротивление со стороны и общества, и своей семьи, ушел из «высшего света», стремился отдать свой долг простому трудовому народу: пахал землю, учил крестьянских детей грамоте. Он изведal и славу, и знатность, и богатство, и радость творчества, и семейное счастье, - и остро сознавал свое привилегированное положение как несправедливое, стремясь отказаться от всего этого. В чем же видел писатель путь к исправлению общества?

В одном из современных стихотворений ярко и наглядно выражена позиция, которой придерживается и всегда придерживалось подавляющее большинство людей:

Добро должно быть с кулаками,

Добро суровым быть должно,

Чтобы летела шерсть клоками

От тех, кто лезет на Добро.

Но Толстой, напротив, убежден в обратном – в том, что Добро, прибегающее к кулакам, перестает чем-либо отличаться от зла. Толстой требовал абсолютного сродства средств с целями, указывая, что их расхождение ведет к перерождению целей. В одной восточной сказке богатырь побеждает (убивает) дракона и сам превращается в него, после этого приходит новый богатырь, вновь убивает дракона и вновь превращается в него. Как видим, речь идет о том, что как только добро становится с кулаками, как только прибегает к насилию (то есть – к методам зла), так сразу же перестает быть добром и перерождается во зло. Борьба с волками волчьими методами – значит самим быть волками, убежден писатель. Эта идея стара как мир, но всегда злободневна. Вспомним, в романе братьев Вайнеров «Эра милосердия», по которому был снят знаменитый телефильм «Место встречи изменить нельзя» капитан Жеглов говорит, что с преступностью покончат только карательные органы, а собеседник возражает ему, что преступность искоренят никак не карательные органы, а будущее нравственное преобразование каждого человека и всего человечества, когда вообще исчезнет насилие (даже во имя благих целей) и наступит эра любви, эра милосердия. Посмотрим в прошлое – как правило, любая насильственная борьба против тирании и несправедливости оборачивалась новой (еще более жестокой) тиранией и новой (еще большей) несправедливостью. Так что же делать, с удивлением спросите вы. Как можно победить зло без помощи кулаков, как убить дракона, не прикасаясь к нему, как сокрушить тиранию власти, не прибегая к ножам и топорам, пистолетам и бомбам?

Все очень просто – говорит Толстой, надо лишь не соучаствовать в насилии и обмане, не лгать, не стремиться изменить других, а изменяться самому, жить в соответствии с евангельскими истинами, не бояться прослыть чудаком, даже если противоположное «делают все» и «так принято», - а следовать тому закону, который в глубине души все знают, и который провозглашен всеми великими философами, но который ныне никто не воспринимает всерьез. В самом деле, утверждает мыслитель, если **все** солдаты откажутся убивать и бросят оружие, то не будет войн; если **все** люди перестанут выполнять распоряжения власти и откажутся повиноваться законам государства, то исчезнет государственная власть (то есть худшая и наиболее организованная форма насилия над людьми) – и мир изменится к лучшему. Так ненасильственно, меняя лишь себя, а не других, люди способны преобразовать общество, перестроив его на принципах любви и братства. Этот путь более эффективен, чем попытки навязать некое «благо» другим людям. Поэтому правильный путь – «воздержание от поступков, противных любви к ближнему и сознание человеком в себе Божественного начала».

Как видим, убить надо не внешнего дракона, а внутреннего, искоренить зло в себе, а не вне себя. Ведь, по крупному счету, любое насилие, любая власть, утверждает Толстой, держится на нашем подчинении, нашей готовности повиноваться. Не повиноваться – вот подлинный выход: власть, не находящая встречного повиновения, рушится как дерево, лишенное корней; как только побежден дракон внутренний - в виде нашей трусости, слабости, рабства, конформизма, - так внешний дракон в виде государственного насилия, несправедливых законов, бесчеловечных приказов и всего подобного рассыпается в прах. Например, два десятка власть предержащих политиков задумывают войну и два миллиона людей идут убивать друг друга. Почему совершается война: по воле двух десятков политиков или вследствие рабской готовности двух миллионов людей подчиняться их безумной воле? Если два миллиона людей **как один** откажутся воевать, то что тогда будут делать два десятка политиков, мнящих себя властителями человеческих судеб?

Вспомним, говоря о патристике, мы отмечали одну из важных идей христианства, состоящую в том, что зло – это всего лишь умаление добра, отпадение от него и поэтому, будучи несамодостаточным, не имея своей причины и своих оснований, оно в принципе искоренимо. Так как же бороться со злом? Уничтожать его? Конечно же, нет! Надо всего лишь увеличивать Добро, тогда зло исчезнет само собой.

Нравственная проповедь Толстого, указавшего на неправду и лицемерие существующего общества, именуемого себя христианским и цивилизованным, подкрепленная личным примером писателя и ярко выраженная в его художественных произведениях, имела огромное влияние на мыслящих людей в России и за рубежом, пробуждая в них голос совести и заставляя изменить свой образ жизни. Не только интеллигенция, но и многие люди из народа были затронуты идеями Толстого. В его имение – Ясную Поляну, шли паломники, желавшие чему-то научиться у мыслителя. Приверженцы Толстого создавали коммуны, издательства и кооперативные общества, отказывались от военной и государственной службы, пытались воплотить в жизнь его нравственные идеалы.

Незадолго до революции 1917 года среди русских студентов было проведено анкетирование, в котором присутствовал вопрос о том, какой писатель более других оказал на них положительное моральное влияние. Подавляющее большинство ответило: «Толстой».

Вопросы для самопроверки

- Л. Н. Толстой считал, что «добро не имеет ничего общего с красотой» – А. Ф. М. Достоевский полагал, что «красота спасет мир» и, вместе с тем, что «красота – это страшная и ужасная вещь... тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут». Какая из этих позиций вам ближе и почему?
- Л. Н. Толстой полагал, что все люди хотя и обманывают себя, но в глубине души знают, как надо жить – любя друг друга, - и что насильственные пути никогда не могут привести ни к чему хорошему. Как вы думаете, является ли такая позиция Толстого верной и действенной, или это несбыточная мечта?
- Разделяете ли вы отношение Льва Толстого к государству, армии, частной собственности, смертной казни? Обоснуйте свою позицию.
- Как Лев Толстой относился к личности и проповеди Христа и к официальной христианской церкви? Как вы думаете, почему Святейший Синод (высший орган православной церкви) отлучил Толстого от церкви?

Ноосфера и «воскрешение отцов» (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский)

XX век нередко называют веком начала «космической эры» – эпохой выхода человека за пределы своей планеты. Но уже в XIX – начале XX вв. в России появилась целая плеяда мыслителей, творчество которых вошло в историю философии под названием «русского космизма». Они пытались осмыслить человека как существо, с одной стороны, включенное в мироздание (космос), порожденное им, а с другой стороны, имеющее свои особые неповторимые черты, способное к творческому и разумному познанию, освоению и преобразованию Вселенной. Божественность, одушевленность, единство космоса, неразрывная связь человека с природой, идея активной эволюции, направляемой преобразующей деятельностью человечества, выходящего в космическое пространство, изменяющего и мир в целом, и собственную физическую и нравственную природу – таковы основные темы философии русского космизма.

В размышлениях космистов причудливо сочетаются языческо-пантеистические мотивы обожествления природы и христианская идея «обожения» человека (то есть восхождения человека к Богу, его активного сотворчества в деле созидания мира), фантастические мечтания и научные гипотезы, моральная проповедь и просветительская вера во всемогущество Разума и Науки. При этом человек рассматривается не как «венец мироздания», а как важный этап в процессе развития космоса, как выдающееся достижение Природы (или прекрасное творение Бога), однако, достижение незавершенное, неокончательное, способное к дальнейшему росту и осознанно берущее на себя ответственность за судьбу всего космоса. В человеке, как неотъемлемой части мироздания, бессознательное развитие природы достигает своего пика и должно перейти в свою новую – сознательно-целенаправленную стадию.

Основателем космизма можно считать Николая Федоровича Федорова – человека, о котором философ Н.О.Лосский писал, что «это был, несомненно, праведник и неканонизированный святой», а Лев Толстой признавался: «я горжусь тем, что живу в одно время с подобным человеком». Мыслитель фантастической эрудиции, крайний аскет, полагавший, что иметь какую-либо собственность – грех (свое крошечное жалование библиотекаря он почти целиком раздавал нуждающимся), Николай Федоров производил огромное впечатление на современников. Остро ощущая свою личную ответственность за всех людей, он стремился преодолеть отвлеченно-теоретический характер философии и науки, горячо ратовал за единство слова и дела, знания и действия. Он писал: «к истории нужно относиться не «объективно», т.е. безучастно, и не «субъективно», т.е. с внутренним лишь сочувствием, а «проективно», т.е. превращая знание в проект лучшего мира».

Николая Федорова отталкивала та разобщенность, замкнутость каждого в себе, словом, - то «небратство», которое царит среди людей. Каждый человек, в сущности, безразличен к судьбе остальных людей и к судьбе ушедших поколений. «История есть (в сущности) разорение природы и истребление друг друга» - говорил философ. Именно против подобного положения вещей и призвано объединить человечество Общее Дело – дело регуляции людьми стихийных сил природы, дело преображения мира, освоения космоса и, в итоге, обретения людьми бессмертия.

В этом учении Федорова вера в могущество науки и техники сочетается с христианской верой в необходимость для человека помочь Богу в деле спасения мира, а не пассивно ждать Страшного Суда. После прихода Христа, говорит Федоров, дело спасения мира всецело в руках людей. Царство Божие на земле возможно, так же, как и возможно избежать Апокалипсиса, если только приложить усилия всего человечества.

Мечты Федорова, которые он пытался нравственно, религиозно и научно обосновать, поистине грандиозны. Регуляция природы должна распространить влияние человека «на все миры, на все системы миров до окончательного одухотворения Вселенной». Федоров писал об управлении метеорологическими процессами для получения высоких урожаев, об использовании солнечной энергии (вместо энергии угля), об освоении электромагнитной энергии земного шара (чтобы превратить всю Землю в корабль для полетов в космос), о заселении других планет, о переделке человеческого организма, о создании «братского» общества без классовых различий, войн, армии и полиции. Конечная цель, по мнению философа, заключается в том, чтобы достичь такого единства, которое сделает невозможным любое разрушение, любую изоляцию, победит саму смерть.

Вот что писал Николай Федоров: «Космос (каков он есть, но не каковым он должен быть) есть сила без разума, а человек есть (пока) разум без силы» – значит, «сила станет разумной, когда знание, когда разум станет управлять ею». Так, путем сознательного управления эволюцией, освоения космоса, совершенствования собственной природы, человечество достигнет братства, единства и, в конце концов, сможет победить смерть и воскресить все умершие поколения.

Победа над смертью? Но разве это не абсолютная утопия и невозможная мечта? И почему именно такую задачу ставит Федоров перед человечеством?

Всем нам приходилось терять близких людей и отчаиваться от осознания своего бессилия вернуть родного человека. Федоров же не мирился с этим и верил в возможность воскрешения всех когда-либо умерших на Земле людей. Он утверждал, что вся наша цивилизация строится на костях отцов, что сама современная идея «прогресса» приносит целые поколения в жертву ради будущего счастья их потомков. Все это несправедливо и бесчеловечно. Раз в Библии говорится о временах, когда «смерти уже не будет», человек не должен сидеть сложа руки, но – должен стремиться победить ее, ибо «самая природа в человеке создала зло смерти, создала свое несовершенство». Люди могут вслед за Христом повторить подвиг воскресения. Борьба со смертью и воскресение умерших должны, по мысли Федорова, стать главным делом человечества, должны сплотить всех людей воедино: «всеобщее воскрешение является последней целью, исполнением воли Божией, осуществлением метафизического совершенства, всеобщим счастьем». Да, воскрешение и бессмертие сегодня кажутся невероятным чудом, но разве то, что вчера казалось столь же невероятным, не сбылось сегодня? Невозможное сегодня может, а значит, должно стать возможным завтра или послезавтра!

Ведь, пока человек смертен, сохраняется глубинная основа страдания и зла, корень вражды, разделения и соперничества. Во многом именно из-за частой смены поколений, научный прогресс не сопровождается нравственным (каждый индивид за короткую жизнь не успевает овладеть духовной культурой человечества). И наконец, просто безнравственно наслаждаться плодами прогресса, основанного на смерти и страданиях «отцов», не стремясь вернуть им долг, - убежден Федоров.

Две задачи: заселение, преобразование космоса и обретение человеком бессмертия, тесно взаимосвязаны в философии Общего Дела, поскольку «борьба с разъединяющим пространством» для Федорова есть «первый шаг в борьбе со всепоглощающим временем». Космос неисчерпаем по своим ресурсам и может стать полем деятельности для бессмертной жизни, и, наоборот, - только бессмертные существа могут преобразить, заселить Вселенную. Люди объединившись, смогут все, - утверждал мыслитель: «воскрешение будет делом не чуда, а знания и общего труда».

Многие идеи Николая Федорова получили развитие у других представителей русского космизма – Константина Эдуардовича Циолковского и Владимира Ивановича Вернадского. Константин Циолковский – ученый, инженер, изобретатель и философ, один из основателей космонавтики, посвятил свое творчество всестороннему обоснованию неизбежности выхода человека в космическое пространство. По его убеждению «прогресс организмов шел непрерывно и не может поэтому остановиться на человеке». За сознанием и жизнью непременно должны прийти Сверхсознание и Сверхжизнь. А значит, в повестку дня должна быть поставлена проблема космического будущего человечества. Именно освоение бескрайних просторов Вселенной – путь к предотвращению гибели человеческой цивилизации в результате истощения земных ресурсов. Подобные проекты имеют высокий нравственный смысл, так как они поднимают каждого человека от сиюминутного и эгоистического к всемирному и героическому. Мечта о «небе», тысячелетиями жившая в людях, должна воплотиться в реальность.

Вселенная в учении Циолковского предстает в духе пантеизма – как живое, единое, одушевленное целое, развивающееся циклически и никогда не погибающее. Космос – это целостный организм, подобный «добрейшему и разумнейшему животному». Мыслитель не сомневался, подобно Джордано Бруно, в существовании множества населенных живыми существами миров и ставил задачу разработки «космической этики», основанной на осознании «круговой поруки» всех нравственных существ за судьбу космоса, на признании необходимости совместного труда людей и «инопланетян» в деле преобразования Вселенной. По Циолковскому, жизнь и разум – фундаментальные атрибуты мироздания, а «Смысл» Космоса – в неизбежности появления в нем цивилизаций, творчески и осознанно влияющих на устройство и эволюцию Вселенной.

О том же самом – формировании «планетарного мышления», «космической философии», основанной на осознании единства человека и природы и человеческой ответственности за судьбу космоса, писал и другой выдающийся русский ученый, геолог, биолог и химик, - Владимир Иванович Вернадский. По мысли Вернадского, мир – един, жив и вечен. Природа порождает человека с его разумом, и этот разум сам становится решающей космической силой. «Человек должен понять, - утверждал философ, - что он не есть случайное, независимое от окружающего его и свободно действующее природное явление. Он составляет неизбежное проявление большого природного процесса, закономерно длящегося в течение по крайней мере двух миллиардов лет».

По убеждению Вернадского, «под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – ноосферу». Это понятие – **ноосфера** (от греческого «нус» – «разум») – ключевое в учении Вернадского. Что же такое ноосфера? «Ноосфера – это биосфера, переработанная научной мыслью», она включает в себя поток информации, знаний, теорий, изобретений – это новая специфическая «оболочка» Земли, оказывающая на биосферу все большее преобразующее воздействие. В ноосфере преобладает духовное начало, материализующееся в усовершенствованной природе, машинах, орудиях, творениях искусства.

Вернадский подчеркивал несовершенство человека, его промежуточный характер (эта мысль созвучна идеям Ницше о Сверхчеловеке): человек «служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее». Человек – высшая точка эволюции бессознательной, стихийной и, вместе с тем, начало, исходный пункт разумной, направленной дальнейшей эволюции.

Однако человек, создавший мощную науку и технику, оказывается способен к хищническому отношению к природе, чреватому экологической катастрофой, самоуничтожением себя как вида. Гибель человечества означала бы и падение, гибель всей космической эволюции, породившей жизнь и человеческое сознание. Поэтому Вернадский проповедовал «сознание нравственной ответственности ученых за использование научных открытий и научной работы для разрушительной, противоречащей идее ноосферы, цели».

Нравственное преображение человека должно идти параллельно с его физическим преображением и его победой над болезнями и смертью. Проповедуя активную работу человека над преодолением его собственной нынешней «промежуточности» и несовершенства, Вернадский выдвигает как ориентир, идею **автотрофности** (от латинского – «самопитание») человека. Сейчас люди для поддержания своего существования вынуждены поедать других существ, тогда как растения автотрофны – строят свой организм на основе мертвого вещества (газы, соли), при помощи солнечного света делая неживое живым. Цель, поставленная Вернадским перед человечеством и тесно связанная с освоением космоса, - изменить доступные людям формы питания и источники энергии, путем творческого самосозидания.

Итак, освоение космоса, преображение собственного облика человека, победа над болезнями, достижение социального и нравственного совершенства, формирование «планетарного сознания», регуляция природных стихий, обретение бессмертия и воскрешение всех предыдущих поколений, - таковы головокружительные мечты русских космистов. Но некоторые из высказанных ими пожеланий уже в XX веке стали явью: человек начал полеты в космос, многие болезни прошлого (оспа, тиф, чума, холера) полностью или частично побеждены. И кто знает, быть может, то, о чем писали Федоров, Вернадский и Циолковский – может стать реальностью завтрашнего дня?

Вопросы для самопроверки

- Какое «Общее Дело», по убеждению Николая Федорова, должно объединить всех людей?
- Приведите какие-нибудь примеры фантастических литературных произведений или фильмов, в которых используются темы, мысли и сюжеты, впервые высказанные представителями философии русского космизма.
- В чем представители русского космизма видят миссию человека, как особой части космического целого?
- Сравните размышления русских космистов о месте человека в эволюции и идеи Ницше о Сверхчеловеке. Что общего и что различного в этих учениях?
- Что такое «ноосфера»? В чем она проявляется и чем характеризуется?
- К. Э. Циолковский и В. И. Вернадский говорили о необходимости создания «космической этики». Что стоит за этим понятием?
- В. И. Вернадский верил в то, что природа, дойдя в человеке до разумной стадии, не может пойти вспять, а значит, наука и разум помогут человечеству рано или поздно решить все стоящие перед ним проблемы. Поэтому он уверенно заявлял: «Цивилизация «культурного человечества»... не может прерваться и уничтожиться». Однако нарастающая глобальная экологическая катастрофа, широкое использование науки для порабощения и уничтожения людей и природы говорят об обратном. Согласны ли вы с мнением В. И. Вернадского? Обоснуйте свой ответ.
- Некоторые из идей русского космизма, которые казались фантастическими в начале XX века, сегодня осуществились в реальности. Как вы думаете, другие мысли Н. Федорова и остальных представителей космизма, - в частности, мысли о достижении человеком бессмертия, радикального изменения своего организма (автотрофности) и воскрешении умерших «отцов» - являются несбыточными лишь сегодня, но станут осуществляться в будущем, или же имеется граница, отделяющая сферу абсолютно невозможного для человечества в сколь угодно отдаленном будущем?

Всеединство и Богочеловечество (В. С. Соловьев)

Наиболее значительным русским философом, гениальным мыслителем мирового значения, по общему признанию, является Владимир Сергеевич Соловьев. Поэт и мистик, публицист и философ, нравственный проповедник, богослов и переводчик сочинений Платона и Канта, человек огромного личного обаяния, обладавший замечательным остроумием, небывалой глубиной и мощью мысли, фантастической широтой духовных интересов и колоссальными познаниями в различных областях, создатель мощного течения русской религиозной философии, Соловьев органично впитал в своем мировоззрении традиции философии Платона и платонизма, отцов христианской церкви и представителей классической немецкой философии, ранних славянофилов и Николая Федорова.

Оригинальность мысли сочеталась в творчестве Соловьева с огромной широтой и терпимостью взглядов. Пожалуй, одной из самых верных характеристик его личности и мировоззрения было бы слово «универсализм» (от лат. *universalis* – всеобщий), - стремление, избежав однобоких и узких «точек зрения», одновременно осознать содержащуюся в них «правду» и сочетать ее в едином всеобъемлющем и гармоничном мирозерцании.

Весьма показательными являются и о многом говорят названия первых крупных сочинений Владимира Соловьева: «Кризис западной философии (против позитивистов)», (о позитивизме шла речь в предыдущей теме), «Критика отвлеченных начал» и «Философские начала цельного знания». В чем же видит Соловьев кризис современной ему западной философии, за что критикует ее, и что такое для него «цельное знание»?

По глубокому и верному наблюдению мыслителя, современная культура стремится к распаду на составные части, к утрате целостности и гармонии. А частичные, разделенные, однобокие «истины», взятые в своей исключительности и отдельности, оборачиваются ложью; распад культуры – оборачивается распадом современного человека. Подобно Платону, Соловьев жаждал высшей гармонии, связующей распадающийся на части мир в единое, прекрасное и благое целое, стремился осуществить синтез веры и разума, науки, искусства, религии и философии.

Ведь любой человек, прежде чем узнавать «нечто», имеет глубокое, не нуждающееся ни в опыте, ни в логических доказательствах, но тем не менее твердое и очевидное ощущение того, что мир есть, и он един – это ощущение глубже и первичнее всякого конкретного и частного познания, предшествует ему. Уже затем, на смену и на основе этого нашего первичного ощущения-знания, приходит детализация и конкретизация, появляются наблюдения и рассуждения, приходят отдельные науки – биология, социология, химия, физика, - и начинают расчленять и препарировать этот мир на части, выделяя из него атомы и молекулы, живые клетки и общественные формации... Такой анализ и расчленение, такой схематизм и препарирование, в какой-то мере необходимы и неизбежны, но и опасны – поскольку за этими разрозненными схемами и фрагментами мира может вовсе исчезнуть его первичная, очевидная, и единая реальность, для обозначения которой Соловьев использует ключевое и важнейшее для его философии понятие – **Всеединство**.

Понятно, что всякая вещь познается через свое отношение к целому, а это целое не есть просто множественность вещей, но нечто большее. Так, например, мы не можем понять, что такое ветка дерева, если не обратимся к дереву в целом; но мы не можем также и понять дерева, если не знаем о лесе. Однако дерево не есть просто набор веток, листьев, корней и т.д., также лес не есть просто некое множество деревьев. Всеединство – это такое целое, в котором каждая часть находит свое место, обретает свой смысл, и при этом не теряется, не растворяется, – так же, как и в игре симфонического оркестра каждый инструмент, вписываясь в общую музыкальную гармонию, сохраняет свое значение и самостоятельность. И Всеединство мироздания, по Соловьеву, подобно слаженной игре такого огромного симфонического оркестра.

Благо, по Соловьеву, – это именно гармония Всеединства, а зло – раскол, хаос, разобщенность, стремление каждой вещи, каждого явления, каждого существа в мире утвердить себя и свою маленькую истину, как истину абсолютную и единственную. Представьте себе, что в симфоническом оркестре каждый инструмент стал играть сам по себе и изо всех сил, – безо всякого согласования с другими и пытаясь заглушить все прочие инструменты. Именно это, по мнению Соловьева, и произошло с миром и человеком, отпавшим от создавшего его Бога. Но оркестр может вновь прийти к утраченной гармонии и порядку, добровольно повинувшись палочке дирижера. Всеединство осталось позади, как некая исходная точка, и находится впереди, – как цель мирового развития, в котором человеку суждено сыграть огромную и важную роль. Чтобы соединиться и сделать это свободно и добровольно, миру сначала надо было развалиться, разделиться на части. Смысл мироздания – в достижении всеобщего синтеза и гармонии, в обретении вселенского восстановления и примирения.

Соловьев убежден, что созданный Богом мир не полностью отпал от своего Творца, не полностью впал в зло хаоса и беспорядка. Связующим звеном между Богом и миром, Душой мира (это понятие восходит еще к Платону) для Соловьева является София – Божественная премудрость. Софию Соловьев определяет по-разному – и как вечное «тело Бога», и как вечную «Душу мира», и как будущее, одухотворенное идеальное человечество. София осуществляет связь между Богом и миром, это образ, по которому Бог создает мир, стремясь к которой, мир достигнет Всеединства, а человек – одухотворенности. София по отношению к Богу материальна, а по отношению к миру духовна, это – одухотворенная телесность. (Здесь мы наблюдаем мотивы пантеизма, о котором неоднократно говорилось в этой книге). Благодаря Софии разобщенные части мира постепенно в ходе мировой эволюции соединяются в одно грандиозное целое. Так сначала через эволюцию природы, а затем через историю человека, идет «процесс собирания вселенной», процесс добровольного достижения утраченного некогда Всеединства. «Искры Божии», изначально содержащиеся во всем, разгораются все ярче, все сильнее, частные истины сливаются в одну гармоничную и всеобъемлющую истину, разрозненная и падшая материя одухотворяется, преображается. От механического единства всемирного тяготения через динамическое единство невесомых физических сил (тепло, свет, электричество), через органическое единство животных сил хаос постепенно оформляется в космос (по-гречески «космос» – порядок). И вот на сцену мирового процесса вступает человек – связующее звено между божественным и природным миром – посредник и помощник Творца в деле освобождения природы и ее воссоединения с Богом. Вспомним, идеи о мировой, вселенской миссии человека содержатся в философии русского космизма.

По убеждению Соловьева, христианство есть не только вера в Бога, но и вера в человека. Индивидуально две природы соединились в Христе; теперь это должно произойти в коллективе, в человеческом обществе, в Церкви. Человек, каким он является сейчас – ограничен, слаб, ничтожен, слишком еще близок к животности, но одновременно – свободен, сверх-природен, устремлен к абсолютному, вечному, к высшей полноте и завершенности. В этой двойственности, промежуточности человека – и трагизм его положения, и надежда на обретение новых вершин.

Однако история еще далека от завершения, человек далек от совершенства, утверждает мыслитель. Человечество лишь находится на долгом пути к Богочеловечеству, к одухотворению природы, соединению с Богом и «собираанию Вселенной».

На этом пути людей поджидает немало искушений – и, прежде всего, искушение эгоизмом – личным и национальным. Выступая с позиций христианского универсализма и горячо осуждая индивидуальную разобщенность людей, «зоологический патриотизм» и раскол христианских церквей, Соловьев призывает к их объединению (так, он сам считал себя не членом существующих церквей – православной или католической – но членом будущей, единой Вселенской Церкви).

Другое искушение – противопоставление веры в Бога вере в человека. Старая религиозная цивилизация во имя Бога отрицала человека, препятствовала прогрессу и тем отступила от духа христианства, тогда как нынешняя безбожная цивилизация, увлеченная успехами социального и научно-технического прогресса, превозносит и обожествляет человека, забывая о Боге. Соловьев подчеркивает, что «последовательно же проведенные и до конца осуществленные обе эти веры – вера в Бога и вера в человека – сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества».

Размышления о Богочеловечестве как цели мировой истории, естественным образом, обращают мыслителя к социальным и политическим вопросам. Средневековое и современное общество, по мнению Соловьева, не есть общество истинно христианское (вопреки распространенному убеждению), но общество компромиссное, в котором проповедь первоначального христианства вынуждена была приспособиться к императорской власти и языческому сознанию населения. Таким образом, основы христианской общественности еще только должны быть созданы. Соловьев призывал к объединению церквей, к введению свободы совести и отмене смертной казни, к преодолению эксплуатации человека человеком, к справедливой организации труда и распределения продуктов, к отказу от националистических предрассудков, к слиянию лучших традиций восточной культуры (с ее «бесчеловечным Богом») с культурой западной (с ее «безбожным человеком»).

Целью христианства, по Соловьеву, является достижение не только «личной святости, но и общественной справедливости». Станным парадоксом Соловьеву представляется то, что все прогрессивные социальные преобразования в духе христианства за последние два века осуществляли в Европе люди, в Христа не веровавшие, тогда как люди, именующие себя «христианами», этому препятствовали. Призывая к созданию истинно христианского общества, Соловьев, подобно Толстому, обличал ложь общества,

которое лишь на словах называло себя христианским. Поэтому «христианство, осуществленное в общественной жизни, - политика, ставшая христианской, это – свобода для всех угнетенных, покровительство для всех слабых; это – социальная справедливость и добрый христианский мир».

Владимир Соловьев является основателем мощного, оригинального и плодотворного течения в русской религиозной и философской мысли начала XX века. Его идеи о Всеединстве и Богочеловечестве, о Софии и христианской политике, получили развитие в работах братьев Е. Н. и С. Н. Трубецких, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева, А. Ф. Лосева и многих других замечательных мыслителей, внесших огромный вклад не только в российскую, но и в мировую сокровищницу Духа.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое «цельное знание» для Владимира Соловьева? Сравните соловьевские размышления о цельном знании с аналогичными мыслями славянофилов.
2. В своей работе «Исторические дела философии» Владимир Соловьев, отмечал: «на вопрос: что делает философия? – мы имеем право ответить: она делает человека вполне человеком». Как вы понимаете это высказывание?
3. Что такое «София» в учении Соловьева? В чем она проявляется и чем характеризуется?
4. Сравните взгляды Соловьева на мировое развитие, идущее к обретению положительного Всеединства и «духовной телесности», со взглядами русских космистов на эволюцию и ноосферу. Что общего можно найти в этих учениях?
5. Как представлял себе В. Соловьев «подлинно христианское общество» и почему отказывался считать таковым средневековую и современную ему цивилизацию?

Ведущие направления современной философской мысли и основные разделы общетеоретической философии

Общая характеристика современной философии

Нужна ли философия? (позитивизм)

Немецкая классическая философия была расцветом философской мысли Нового времени, который уже в середине XIX в. сменился периодом, неизменно следующим за любым наивысшим пунктом в развитии чего-либо. Этот новый этап можно назвать упадком или просто – иной эпохой в истории философии. В данное время философская мысль все же испытала своеобразный кризис. В ней выделилось два во многом противоположных друг другу крупных направления, которые в значительной мере определили философствование XX века. Такая ситуация была связана с попыткой осмысления результатов, полученных философией за 2,5 тысячи лет ее существования. Оказалось, что проблемы, которые она перед собой ставила, не решены, на вопросы, поставленные ей, удовлетворительных ответов не получено, а намеченные цели не достигнуты. Понятно, что в данном случае следовало как-то иначе взглянуть на место и роль философии в духовной культуре человечества и каким-либо образом реформировать саму специфику философского знания. В этой позиции не могло быть никакого сомнения, однако конкретные пути такого реформирования виделись по-разному, отчего в данном вопросе и произошло разделение на две глобальные точки зрения, которые положили начало двум различным традициям, четко обозначенным в философской мысли второй половины XIX-XX вв.

Родоначальником одной из них был французский философ Огюст Конт, который предлагал сравнить результаты деятельности частных наук с итогами философских поисков. Первые за свою историю значительно продвинулись вперед, увеличив человеческую силу и оказав огромное содействие прогрессу. Они с успехом справлялись со своими задачами и позволили людям проникнуть во многие тайны природы: достаточно сравнить уровень знаний тех, кто жил 2 тысячи лет назад с нашим, чтобы увидеть насколько не напрасно существуют частные науки. С философией дело обстоит как раз наоборот: ставя перед собой глобальные цели, она не смогла их реализовать. Что мы знаем сейчас в метафизическом смысле, чего не знали бы наши далекие предки? Ровным счетом ничего! Так же, как и они, мы не ведаем откуда взялся мир, и что он, по крупному счету, собой представляет. Нам сейчас, как и тысячу лет назад, неизвестно, как он устроен и по каким законам существует. Мы ничего не можем сказать о будущем и до сих пор не знаем, в чем смысл жизни. Получается, что частные науки (их также можно назвать эмпирическими, потому что они экспериментально исследуют какую-либо область мира, или естественными) ставили перед собой вопросы, на которые вполне могли дать некие утвердительные или положительные, или позитивные (от лат. *positivus* – положительный) ответы. Философия же ставила перед собой такие вопросы, на которые не могла ответить, а вернее, эти ответы были всегда неопределенными (то ли так, то ли не так), то есть не утвердительными. Ее результаты поэтому вполне можно оценить как негативные (от лат. *negativus* – отрицательный). Вследствие всего сказанного возникает вопрос: нужна ли вообще философия? Не лучше ли отбросить ее, как бесполезное занятие и оставить только эмпирические, положительные или позитивные науки?

Такое воззрение получило название **позитивизма** (сосредоточение на частных науках, дающих позитивные результаты). Но что же делать с философией? От нее следует отказаться как от метафизики, то есть такой области знания, которая пытается глобально объяснить окружающий мир, но в то же время ее возможно превратить в одну из эмпирических наук, которая будет искать не конечные причины мироздания, но заниматься разработкой методов, которыми частные науки решают свои задачи. Философия должна перестать быть грандиозной попыткой постижения Бытия и стать исследованием не мира, но научного знания, то есть отвечать на вопросы о том, как построена любая конкретная наука, чем она занимается, какими способами осуществляет свои цели, как эти способы улучшить или усовершенствовать, чтобы добиться больших результатов.

В позитивистском понимании философия должна стать **методологией** (совокупность научных методов познания, а также исследование их, учение о самих методах) науки, служить обобщающей сводкой результатов, добытых эмпирическими науками, связывать полученные ими знания. Если частные науки видят каждая только свой предмет, ограничены разделением труда, то философия должна исследовать отношения между ними, изучать их взаимосвязи. Вспомним, что в Средние века она была служанкой богословия, теперь же ее превращают в прислужницу наук, то есть она опять перестает быть самою собой. Позитивизм провозгласил себя принципиально новой «неметафизической» («позитивной») философией, которая не признает абстрактных (отвлеченных), умозрительных или неких общих положений, но опирается только на конкретные эмпирические утверждения (вполне поддающиеся практической проверке).

Огюст Конт (который и предложил сам термин «позитивизм») утверждал, что сущность вещей для нас навсегда сокрыта и в принципе невозможно сказать, каков мир сам по себе. Нам известно только то, каким мы его видим, доступны явления предметов. Мы никогда не сможем узнать истинных причин происходящих событий, ибо воспринимаем только их последовательность. То, что нам кажется законами – это всего лишь связь и некий порядок вещей. Дело в том, что мы наблюдаем какие-то постоянные отношения между предметами, которые и называем законами. Но ведь то, что мы видим, может быть совершенно не тем, что есть на самом деле. Значит, не следует претендовать на постижение мира, можно говорить только о наших впечатлениях о нем. Не будет ничего страшного, если конечные причины и подлинные основания мироздания останутся неведомыми, достаточно того, что мы вполне можем ориентироваться в действительности, а большего и не требуется.

Как видим, позитивистские воззрения во многом напоминают учение Дэвида Юма, который считал основной задачей философии служить средством для улучшения практической жизни людей и полагал основой нашего существования не знания о мире, но только веками выработанную привычку к окружающему, которое кажется нам вполне понятным, но на самом деле таковым отнюдь не является. Вполне в духе юмовского скептицизма и эмпиризма Конт полагал, что мы не в состоянии объяснить действительность, в наших силах только описать собственные восприятия внешнего мира.

Основной трактат О. Конта называется «Курс позитивной философии». Человеческое познание, говорит он, прошло в своем историческом развитии три стадии: теологическую, метафизическую и ныне находится на позитивной. В теологическую эпоху люди обладали малым количеством знаний и поэтому при объяснении окружающего мира обязательно использовали представления о различных сверхъестественных силах, которые по их мнению и служат невидимым основанием и первоначалом всего. За ней следует метафизическая стадия, на которой человек уже отказывается от понятия о потустороннем и неведомом, а на место богов (или Бога) теперь становится природа, однако понимаемая не как что-то конкретное, а в качестве всего вообще существующего. На этом этапе предпринимаются попытки глобального и всеобщего ее объяснения, обнаружение неких фундаментальных принципов, лежащих в основе мироздания и открытия универсальных законов, движущих всем происходящим. Со времени создания учения Конта начинается новая стадия в духовной эволюции человечества – позитивная, в которой на первый план выходит деятельность отдельных наук, эмпирическим путем изучающих конкретные области действительности. Причем Конт полагал, что переход от одной стадии к другой определяет не только эволюцию человеческого мышления, но и развитие общества вообще, то есть движущей силой истории он считал прогресс знания. Здесь мы видим положение, которое широко выдвигалось французским Просвещением: миром правят идеи, и если вы хотите преобразовать социальную жизнь, то сначала надо осуществить изменения в умах. Контовская теория трех стадий развития человечества представляет собой вариант идеалистического понимания истории: причиной общественного прогресса является поступательная эволюция знания, состоящая в переходе от религиозных представлений о сверхъестественных существах к отвлеченному и всеобщему понятию о природе и далее – к позитивной науке.

Философское направление, начало которому положил Огюст Конт получило в дальнейшем широкое распространение и нашло многих приверженцев и последователей. Помимо О. Конта у истоков позитивизма стояли английские философы Джон Милль и Герберт Спенсер. Позитивизм продолжил свое существование в различных учениях, (среди которых – эмпириокритицизм австрийского философа Эрнста Маха и швейцарского мыслителя Рихарда Авенариуса), и на его идейной основе уже в XX в. возникло большое количество различных философских течений, которые, как правило, объединяют под общим названием **неопозитивизма** (от греч. *неос* – новый). Наиболее известными его представителями были австрийский философ Людвиг Витгенштейн и английский ученый и мыслитель Бертран Рассел. Главной их мыслью является положение о том, что все наши знания о мире содержатся в языке. Невозможно ничего познавать или обмениваться с кем-либо некоей информацией, или просто думать о чем-то, не используя при этом слова и предложения, то есть не пользуясь языком. Попробуйте, например, представить или помыслить дерево вне, без или помимо самого термина «дерево». Все, что существует, мы воспринимаем не таким, какое оно само по себе, но так, как оно отражено в нашем языке. Мы не можем себе представить мир вне языка, ибо для нас мироздание – это наши представления о нем, оформленные в языковые выражения и возможные только в них. Мир для нас существует исключительно в языке, через него или на его основе. Окружающий мир, говорят представители неопозитивизма – это языковая конструкция, и поэтому предметом философствования должно быть не вне нас находящееся, не физическая реальность, но область нашего языка, то есть философия превращается почти в лингвистику. Поэтому возможно, что традиционные философские вопросы и проблемы возникают не от трудностей познания объективного мира, а от неправильного употребления языка. Значит, возможно создать такой совершенный язык, в котором все вопросы и затруднения автоматически отпадут. Главным элементом такого реформирования должен стать принцип **верификации** (от лат. *verus* – истинный + *facere* – делать). Принцип верификации иногда рассматривается в качестве одно из критериев научного знания. Согласно этому принципу только то знание является научным, которое можно подтвердить. Иначе говоря, верификация – это проверка суждений на предмет их истинности. Если высказывание можно проверить, то оно верифицируемо, если же нельзя, то неверифицируемо. Например, предложение «Вода кипит при температуре 1000С» является верифицируемым, а суждение «Мир создан Богом» неверифицируемо в любом случае. Понятно, что проверке подлежат высказывания эмпирических (естественных) наук, потому что представляют собой суждения о фактах, а также верифицируемы положения точных наук (математики и логики), так как являются **тавтологиями** (от греч. *тауто* – то же самое + *логос* – слово) – высказываниями, в которых не сообщается ничего нового, а значит, и проверять в них нечего. (Например, предложение «Две прямые, не имеющие общих точек, параллельны» тавтологично, так как из того, что у них нет общих точек автоматически следует их параллельность, а в том, что они параллельны обязательно содержится положение об отсутствии у них общих точек.) Неопозитивизм говорит, что в новом, совершенном языке не должно быть неверифицируемых суждений, и тогда все вопросы, проблемы и трудности будут автоматически исключены (ведь в данном случае любое положение можно проверить и усомниться в чем-либо никак нельзя). Непроверяемые высказывания лишены смысла и их надо выбросить из языка, поэтому право на существование имеют естественные и точные науки, а гуманитарные (неверифицируемые) во главе с философией следует игнорировать.

Также интересно утверждение некоторых представителей неопозитивизма, что значение имеют только те слова, для которых может быть найден единичный факт, обозначаемый данным словом. Поэтому понятия «эксплуатация», «угнетение», «классовая борьба» и им подобные лишены смысла, и люди, употребляя их и воображая, что эти слова обозначают некое реальное существование, тем самым создают себе источник напряженности, волнений и конфликтов. Эта мысль легла в основу социотерапии (врачевания общества): если причина общественных несчастий – неправильное употребление слов, то следует реформировать язык, устранив из него наиболее «опасные» термины и, таким образом, улучшить человеческое общежитие. Перед нами отнюдь не новая идея: измените представления в сознании людей в положительную сторону и сама жизнь станет благополучнее и гармоничнее.

Вопросы для самопроверки

1. Какой кризис испытала философия приблизительно в середине XIX в.?
2. К каким выводам приходит прагматически-позитивная мысль, сравнивая результаты двухтысячелетнего развития философии и результаты других (частных) наук?

3. Что такое позитивизм? Раскройте его основные идеи. Что должна представлять собой философия с точки зрения позитивизма? Раскройте содержание понятия методология.
4. Одним из любимых девизов позитивистов является фраза: «Физика, бойся метафизики!» Как вы понимаете смысл этого призыва? Согласны ли вы с ним?
5. Какие мыслители прошлого, на ваш взгляд, являются предшественниками позитивизма?
6. Какие три стадии выделяет О.Конт в историческом развитии знания? Согласны ли вы с утверждением о том, что исторический прогресс определяется в первую очередь и почти исключительно прогрессом в области духовной культуры?
7. О чем идет речь в следующем рассуждении О.Конта? «Это общее изменение человеческого разума может быть теперь легко установлено весьма осязательным, хотя и косвенным, путем, а именно рассматривая развитие индивидуального ума... И не вспомнит ли каждый из нас, оглянувшись на свое собственное прошлое, что он по отношению к своим важнейшим понятиям был теологом в детстве, метафизиком в юности и физиком в зрелом возрасте?».
8. Какое направление в философии XX в. стало преемником позитивистских идей? В чем сходство и различие позитивизма и неопозитивизма?
9. Объясните, почему философия с точки зрения неопозитивизма должна стать деятельностью по исследованию языка?
10. Что такое верификация? Приведите примеры верифицируемых и неверифицируемых высказываний.
11. Что такое социотерапия? Согласны ли вы с утверждением о том, что социальные несчастья коренятся помимо всего прочего в неправильном употреблении слов?

Где польза – там и истина (прагматизм)

Направлением в современной философии во многом близким позитивизму является прагматизм, основателем которого был американский философ XIX века Чарльз Пирс. Его основной мыслью было утверждение о том, что значение идей и понятий состоит в их практических последствиях, которые мы можем от них ожидать. Иначе, по мнению Пирса истинно то, что полезно для нас. Мы уже говорили о том, что греческое слово «прагма» переводится на русский язык терминами «дело», «действие», поэтому прагматизм – это философия, которая вовсе не ставит перед собой задачи познания объективного мира и не считает истиной действительное положение вещей, но призывает исходить из нашей собственной практической жизни и полагать истиной то, что служит ее успеху, благополучию и процветанию.

Прагматизм продолжает субъективистские идеи в философии. Когда мы рассматриваем утверждение, что истинность – это практическая полезность, то невольно вспоминаем знаменитый протагоровский тезис о человеке как мере всех вещей. Что нам до объективной картины мира, говорит известный греческий софист, важно ведь как мы относимся к происходящему, что оно собой для нас представляет, каким каждый из людей видит его. Далее вспомним Юма с его утверждением, что действительность для человека – это поток его ощущений; кантовскую критику разума, по которой мы видим не то, что есть, а только то, что можем видеть в силу своего устройства; странное положение Фихте «весь мир – это Я», преломляющее реальность исключительно через субъективное ее восприятие, и убедимся в том, что прагматизм не является принципиально новым направлением в философии, но представляет собой в иных формах выраженные идеи, возраст которых насчитывает две с половиной тысячи лет.

Объективная действительность непознаваема, говорят представители прагматизма (помимо Ч. Пирса ими являются американские философы Уильям Джеймс и Джон Дьюи): то, что представляется нам, и то, что существует на самом деле – два разных мира, между которыми лежит пропасть. Не смешно ли пытаться сделать то, что в принципе невыполнимо: преодолеть ее? Не лучше ли принять такое положение вещей как должное и позаботиться о себе и своих ближайших делах? Познание по Пирсу является движением не от незнания к знанию, а от сомнения к вере (то есть к вере в то, что все именно так, как мне кажется). Вопрос о том, соответствует ли это мое верование реальному миру, бессмысленный. Если оно помогает мне жить, приводит к поставленной цели, является полезным для меня, значит оно истинно.

Поскольку мир непознаваем, мы имеем полное право представлять его себе каким угодно, думать, что захочется и считать истиной любое симпатичное нам утверждение. Получается, что реальности как таковой для нас нет, так как она – совокупность наших мнений, то есть мы сами ее создаем, конструируем в силу своих субъективных желаний. Действительность, говорят представители позитивизма, абсолютно «пластична»: усилием воображения мы можем придать ей любую форму (вспомним утверждение Канта, что человек упорядочивает внешний мир с помощью врожденных форм своего сознания). То, каким мы себе представляем мироздание является, конечно же, не знанием о нем, но верованием в то, что это наше представление и есть истина. У человека в силу его устройства имеется одна принципиальная особенность, которая заключается в том, что не будучи в состоянии знать о существующем, ему ничего не остается, кроме как верить в него (невозможно не вспомнить «естественную религию» Юма). «Мы имеем право, - говорят сторонники прагматизма, - верить на свой риск в любую гипотезу». Так, например, одного желания, чтобы Бог был, достаточно для веры в Бога (почти то же самое, что и кантовский нравственный аргумент).

Понятно, что мы будем верить в то, что для нас наиболее выгодно, удобно и полезно. Поэтому наши понятия, идеи, теории – это не отражения объективного мира, а орудия, которыми мы пользуемся для достижения неких своих практических целей или инструменты, помогающие нам ориентироваться в той или иной ситуации. Значит, наука представляет собой не знание о

реальности, а своего рода ящик с инструментами, из которого человек берет наиболее подходящие в каких-то определенных условиях. В силу этих положений прагматизм иногда называют **инструментализмом**.

Конечно же, в данном воззрении нет совершенно никаких глобальных философских проблем, оно в принципе чуждо дерзновенных попыток проникнуть в тайные глубины существующего, открыть вечные связи и законы мироздания и единой грандиозной философской системой исчерпать и объяснить все нас окружающее. Но разве не можем мы жить, не имея окончательных знаний о мире? Разве хуже мы ориентируемся в действительности, без полного и всестороннего представления о ней? Неужели отсутствие объективной истины так уж сильно отравляет наше существование? А что, если вполне возможно прожить и без ответов на вечные вопросы и даже обрести счастье, не проникая в сокрытые причины и основания Бытия? Найдите хотя бы одного человека, который просыпаясь у себя дома в преддверии грядущего дня, думал бы о происхождении мира, вечных его тайнах и судьбах человечества и считал бы день потерянным, если бы ему не удалось ответить на эти метафизические вопросы и обрести истину...

Вопросы для самопроверки

1. Какова основная идея Пирса? Что такое прагматизм?
2. Почему возможно утверждать, что прагматизм продолжает субъективистское направление в философии? Какие мыслители принадлежали к этому направлению?
3. Что понимают под верой представители прагматизма?
4. Почему прагматизм иногда называют инструментализмом?

Мир непостижим, разум бессилен (философия жизни)

Вернемся к кризису философии, который она испытала в середине XIX века. Одним из значительных выделившихся тогда направлений был, как мы уже видели, позитивизм, рассматривавший основным источником знания конкретные, эмпирические науки, а философию превращавший в их служанку. Однако, с не меньшим основанием можно было бы предположить, что наука бессильна узнать даже поверхностно окружающий нас действительный мир, что человеческий разум вовсе не так силен, как кажется, и ворота Бытия закрыты перед ним, в силу чего следует искать другие, не научные и не рациональные (рассудочные, разумные) формы познания реальности. Это утверждение легло в основу другого влиятельного философского направления, во многом противостоящего позитивизму и названного «философией жизни».

Во второй половине XIX века произошли значительные изменения в философской мысли, связанные прежде всего с упадком классических представлений. Классической философией считаются представления Гегеля, по которым в основе и мира, и человеческой деятельности лежит разум. Вспомним его знаменитое утверждение: «все действительное разумно, все разумное действительно». Мироздание, по Гегелю, является в различных формах существующим Мировым разумом, все что нас окружает – это его воплощения, или проявления, неудивительно поэтому, что все в мире разумно. Однако в XIX веке, почти сразу после триумфа гегелевской философии, сначала робко, а потом все более уверенно начали звучать противоположные классическим философские идеи. Так ли все разумно в мире, как это утверждает Гегель, спрашивали их представители. Неужели в основе мироздания лежит разум? Почему же тогда мы видим вокруг себя так много неразумного? Разве разумны преступления, насилие, кровопролитие, которые постоянно сопровождают человеческую историю? После всех ужасов, которые люди натворили на земле, можно ли называть человеческую деятельность разумной? И неужели разумен мир, в котором возможны предательства, войны и убийства? Скорее всего, – неразумен. Значит, надо предположить, что в основе мироздания лежит не разум, а что-то совсем другое. Эти философские идеи стали называться неклассическими. Появившись в XIX веке, они стали широко известными и приобрели большую популярность в нынешнем столетии. Поэтому философия XX века, как правило, считается неклассической.

Поскольку Гегель полагал, что в основе мироздания лежит разум и поэтому все, что существует, разумно, его философские идеи часто называют философией разума. Однако, в основной гегелевской мысли вполне можно усомниться. Спорить с тем, что разум существует и – что есть нечто разумное, никто не будет. Но можно ли утверждать, что абсолютно все разумно? Можно ли считать наш мир исключительно разумом, а не чем-то еще? Видя вокруг себя много неразумного и даже безумного (войны и преступления, например), мы должны предположить, что разум – не единственная характеристика мира, не весь мир, а только его часть, причем, скорее всего, – очень маленькая. Разум – это не вся наша жизнь, но только – ее незначительный элемент. В ней, помимо разума, есть много чего еще. Ведь если бы она была полностью разумной, то все давным-давно были бы счастливы. Однако, дела обстоят, скорее всего, наоборот, значит разум или разумность играют слишком малую роль в мире и в жизни. Жизнь намного шире и больше разума. Так что же нам тогда делать предметом философии – разум или жизнь? Конечно же, жизнь! Таким образом, гегелевская философия разума сменяется философией жизни. Именно так стали называться многие неклассические философские учения, выступавшие против гегелевских идей о всеобщей разумности и логичности (классического рационализма).

Одно из важных утверждений философии жизни состоит в том, что жизнь представляет собой нечто единое и целое. Пусть в ней множество слагаемых, но они теснейшим образом взаимосвязаны и переплетены, проникают друг в друга и образуют органическое единство, которое невозможно разложить на первичные составляющие элементы. Так, например, дерево состоит из корней, ствола, листьев, коры и прочего. Но является ли оно простой механической суммой этих частей? Конечно же, нет. Отдельные части соединены в дереве не механически, а органически, так тесно взаимосвязаны и связаны, что без одного из них невозможно любое другое. Поэтому дерево есть нечто гораздо большее, чем просто сумма составляющих его частей, оно является удивительно

организованным их единством, которое представляет собой жизнь данного предмета, то есть качественный уровень в тысячу раз более совершенный по сравнению с простым набором несвязанных исходных элементов. Попробуйте дерево разложить на отдельные части: сами по себе лежат корни, рядышком – отпиленный ствол, поблизости – сорванная кора, подле которой – ворох оборванных листьев. Будет ли в этом случае дерево самим собой? Теперь его не существует, потому что нет его жизни, вместо него – набор ненужного хлама. Значит, только жизнь делает любой предмет самим собой. Как уничтожить его? Очень просто – разложить на составные части и тем самым убить его жизнь. То же самое можно сказать про что угодно: жизнь молекулы, например, это единство ее атомов и причем органическое (они сложным образом взаимодействуют); разложите ее на составляющие атомы, и она исчезнет. Жизнь человеческая складывается из чувств, желаний, эмоций, интеллекта, воли, памяти, воображения и много иного. Можно ли представить себе одно без другого? Только нерасчленимая, единая взаимосвязь всех этих компонентов и образует живое явление, уникальное по своей сложности и непостижимое в своей органичности и гармонии. Целостность и неразделенность, стало быть, есть главная и неотъемлемая черта любой жизни, без которой она невозможна.

Основной же особенностью нашего разума является стремление выделить в целом части и рассмотреть каждую в отдельности. Он неспособен уловить или понять целостность и единство вещи, ему необходимо для этого рассмотреть ее внутреннюю структуру, открыть элементы, из которых она состоит и узнать их взаимодействие. Поэтому разум не может не подходить к предметам аналитически или механически, то есть - не расчленять все сложное на простые составные элементы. Но мы уже видели, что любая жизнь убивается таким разложением, и предмет перестает быть самим собой. Значит, разум оказывает себе дурную услугу: разбивая то, что он хочет изучить, на части, он получает не исследуемую вещь, а мертвый набор элементов, в котором нет ничего от первоначальной целостности и подлинности. Получается, что жизнь постоянно ускользает от разума, и он в принципе не способен постичь ее, так как своей деятельностью только омертвляет, уничтожает или постоянно теряет то, к чему направлены его познавательные усилия. Наука, построенная на разуме, тоже не в состоянии проникнуть в реальность, будучи по самой своей разумной природе безнадежно оторванной от жизни. Научное познание построено на аналитической, то есть разлагающей процедуре: разбивая изучаемое на части, оно упускает главное, за сплетением корней и ветвей не видит леса. В учебниках по психологии, например, одна глава посвящена воображению, другая – памяти, третья – эмоциям, как будто каждое из этих явлений существует само по себе, а не растворено во всех других и поэтому в принципе невыделяемо, в результате чего человеческая душа, представленная механическим набором психических свойств, остается непостижимой тайной. Рассудочное мышление обречено на то, чтобы вариться в собственном соку и ничего ровным счетом не знать о жизни, которая и есть единственная существующая реальность. Она, стало быть, по природе своей **иррациональна** (от лат. *irrationalis* – неразумный), то есть построена по иным принципам, нежели разум и поэтому неподвластна ему. А может быть, в ней вообще нет никаких составных элементов и она представляет собой только целостность и вечное единство, а отдельные части – это выдумка нашего интеллекта, без которой он не может обойтись и поэтому ищет несуществующее.

В любом случае, надо искать иные, не рассудочные формы постижения действительности, которые позволят увидеть целое и органическое, а значит – истинно сущее. Таким способом познания может стать **интуиция** (от лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть) – способность к непосредственному обнаружению истины безо всяких обоснований и доказательств. Интуитивное понимание чего-либо – это именно не рассуждение, а усмотрение, когда нечто постигается вдруг, внезапно и полностью, и поэтому его часто называют озарением. Каким образом оно происходит, неизвестно, так как не подчиняется никаким законам и не построено ни на каких принципах, в отличие от рациональной деятельности (мышления). Но интуиция, будучи в принципе иррациональной, наиболее адекватна (соответствует) реальности и поэтому вполне может стать методом особого философского познания. Интуитивное постижение действительности характерно для такой формы человеческого духа как искусство. Художник ведь никогда не анализирует и не препарирует предмет своего внимания, но пытается уловить его таким, каков он есть, во всей его сложности и непостижимости. Художественное творчество – это тоже разновидность познания, но совершенно иным образом организованная и действующая. Философия должна сблизиться с искусством и заимствовать из его арсенала разнообразные ненаучные способы и приемы освоения мира.

Философия жизни представляет собой направление, объединяющее учения, созданные в различное время и в разных местах и существенно отличающиеся друг от друга, сходные только в наиболее общих своих положениях. Наиболее значительными ее представителями считаются немецкие философы Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Вильгельм Дильтей и французский мыслитель Анри Бергсон. Философия жизни является своеобразной идейной основой, на которой впоследствии выросли некоторые значительные философские течения XX века, в частности – экзистенциализм, о котором пойдет речь далее (в последнем параграфе данной темы).

Вопросы для самопроверки

1. Раскройте смысл словосочетания «философия жизни».
2. Каковы основные идеи философии жизни? Каким образом доказывают ее представители несводимость жизни к сумме элементов, из которых она складывается?
3. На каких основаниях низводит философия жизни разум с его первостепенных позиций в познании? Согласны ли вы с утверждением о том, что действительность, по крупному счету, иррациональна? Обоснуйте свой ответ.
4. Какие нерациональные способы и формы познания предлагает философия жизни вместо традиционно-рациональных?
5. Почему философия жизни предлагает отдалить философию от науки и приблизить ее к искусству?

6. Каковы черты сходства и различия позитивизма и философии жизни? На основании своего ответа заполните таблицу:

	позитивизм	философия жизни
Отношение к предшествующей философии и ее оценка		
Представления о гносеологических возможностях философии		
Метафизические устремления		
Представления о предмете философии		
Представления о методах философского познания		
вид духовной деятельности, к которому надо «прикрепить» философию		

7. Прочитайте следующее рассуждение известного представителя философии жизни А. Бергсона: «Интуиция – инстинкт, сделавшийся бескорыстным, сознающим самого себя, способным размышлять о своем предмете и расширять его бесконечно. Только интуиция способна исполнить задачу философии, цель которой – исследовать живое без задней мысли о практическом использовании, освободившись от форм и привычек, в собственном смысле слова, интеллектуальных... Интуиция – род интеллектуальной симпатии, путем которой переносятся внутрь предмета, чтобы слиться с тем, что есть в нем единственного и, следовательно, невыразимого». Определите, в чем заключается, по мнению А.Бергсона, преимущество иррационально-интуитивных форм познания по сравнению с рассудочными.

Не разум, а воля (Шопенгауэр и Ницше)

Одним из известных представителей философии жизни был немецкий мыслитель Артур Шопенгауэр. Гегель считал, что в основе мироздания лежит разум, говорит Шопенгауэр. Но почему же тогда все, что происходит в нашей жизни, как правило, отличается неразумностью? Может быть, в основе мира находится не разум, а что-то совсем иное. Что? Нечто неразумное, нелогичное, неподвластное уму и пониманию, бессознательное, иррациональное, непредсказуемое и непостижимое привычными способами.

Все это Шопенгауэр назвал волей и противопоставил ее разуму, о котором говорил Гегель. В основе мироздания лежит не разум, а воля, и поэтому в нем много неразумного, случайного и необъяснимого. Что представляет собой эта воля, чем является? Воля – это совокупность желаний и инстинктов, страстей и порывов, настроений и чувств, – это бессознательные побуждения, безотчетные стремления, ничем и никем не контролируемые действия. Для воли чужды вопросы зачем, почему, каким образом, с какой целью. Для нее нет никаких целей, причин, мотивов, следствий и любых других разумных оснований. Для нее достаточно только того, что она есть. Ее существование или наличие – единственная несомненная истина. Когда сорная трава с неистовой силой устремляется к Солнцу, заглушая собой культурные растения, разве руководствуется она какой-то разумной необходимостью? Конечно же, нет. Она растет благодаря заложенному в ней слепому инстинкту жизни или – воле к жизни, как говорит Шопенгауэр. Когда лев в пустыне поедает антилопу, разве действует он в силу какого-либо осознанного мотива? Конечно же, нет. Он проявляет таким образом свою волю к жизни. То же самое можно сказать о любом существе на Земле.

Человек не является исключением из общего правила. У него есть разум, и поэтому нам кажется, что в отличие от всех других существ, он действует не в силу безотчетных желаний и слепых инстинктов, а в силу разумных и осознанных мотивов, действует разумно. Но это иллюзия говорит Шопенгауэр. Если человек поступает разумно, то почему же тогда он лжет, подличает, предает, почему способен убить себе подобного, сделать ему различные гадости и пожелать зла? Как то ни печально признать, но человек руководствуется в своей деятельности не разумными основаниями, а слепой неразумной волей. Все его действия и поступки есть проявления его воли к жизни, его бессознательного желания жить, его неистового и инстинктивного стремления существовать во что бы то ни стало, причем жить как можно лучше, пусть даже и за счет страданий и лишений себе подобных. А разум – это всего лишь инструмент воли к жизни, ее орудие, с помощью которого человек исполняет свои желания.

Воля, следовательно, присутствует везде и во всем, является единственным свойством мироздания, самим мирозданием. По Гегелю мир – это разум, по Шопенгауэру мир – это воля. Будучи неразумной, воля влечет нас по жизни в неведомом нам направлении. Нам кажется, что мы поступаем сознательно и свободно, на самом же деле мы просто не замечаем, что являемся заложниками своей собственной воли, которая действует помимо нашего разума, мы – рабы ее, безотчетно исполняющие все ее прихоти и капризы, требования и приказы. Воля превращает нашу жизнь в вечную борьбу и напряжение: мы постоянно к чему-то стремимся, чего-то избегаем, мы вынуждены каждый день и час что-то делать, куда-то спешить, на что-то надеяться и чего-то бояться. Воля ни на секунду не оставляет нас в покое, наполняя жизнь агрессией, страхом, ненавистью и отчаянием. Мы сами не принадлежим себе, полностью подчиняясь воле, являемся ее бездумными исполнителями.

Как видим, воззрения Шопенгауэра представляют собой печальный и мрачный фатализм. Что же он предлагает нам? Каким видится ему выход из столь удручающей ситуации? Выход есть, говорит немецкий философ, и заключается он в следующем. Если причиной нашего вечного жизненного напряжения и порождаемых им страданий является воля, то нам следует сознательно ей противостоять: направить все свои силы на то, чтобы подавить ее, искоренить, угасить. Как это сделать? Отказаться от собственных желаний, умалить потребности, ни к чему не стремиться, ни за чем не гнаться. Не потакать воле, а отказывать ей во всем, не выполнять ее требований, а отворачиваться от них. Только таким способом возможно погасить пламя воли и привести жизнь в состояние спокойствия и даже апатии. Как мы уже знаем, сознательный отказ от желаний называется в философии аскетизмом. Вспомним, именно аскетизм является одной из главных особенностей буддизма. Шопенгауэр был хорошо знаком с религиозно-философскими учениями древней Индии и Китая и многое из них заимствовал при создании своего учения. Аскетическое поведение, считал он, позволит нам избежать борьбы, напряжения и страданий, подавит волю к жизни. И пусть аскетизм не подарит нам безусловного счастья, однако ничего лучшего в нашем несовершенном и неразумном мире нам не предложено.

Другим известным представителем философии жизни был немецкий мыслитель Фридрих Ницше. Его идеи, с одной стороны, очень сходны с воззрениями Шопенгауэра. Мир представляет собой, говорит Ницше, не разумную упорядоченность и вечную целесообразность, а беспорядок и сплошную случайность, потому что в основе его лежит не разум, а воля. Мироздание – это не гармония, как считал Гегель, а хаос, в котором нет ничего устойчивого, определенного и истинного. В этом хаосе не на что ориентироваться и не на что опереться, в нем отсутствуют какие-либо нормы, правила или законы. А это значит, что жить и действовать в нем можно как угодно. Никто ничем не связан и не ограничен, никто никому ничего не должен, ничем не обязан и поэтому волен делать все, что ему заблагорассудится. Если нет ничего истинного, значит, все дозволено, говорит Ницше. Поскольку всем управляет не разум, а воля, то и человек тоже характеризуется ей. Ницше называет ее волей к власти. Однако этот термин надо понимать не в узком смысле как желание командовать или властвовать, а в широком – как волю к силе, могуществу, как волю к полноценной, мощной, яростной жизни, как стремление сбиться, воплотить, реализовать себя наиболее полно. В этом пункте заключается главное отличие идей Ницше от взглядов Шопенгауэра. Если Шопенгауэр считал волю к жизни нашей главной бедой, приносящей только страдания и призывал ее уничтожить, то Ницше, наоборот, говорил, что воля к жизни (или к власти) – это единственная возможная истина в мировом хаосе, несомненное благо и поэтому ее надо всячески поощрять, развивать, взращивать и лелеять. Надо не гасить, как предлагал Шопенгауэр, а раздувать изо всех сил нашу волю до максимальных пределов, делать пламя жизни как можно ярче и интенсивнее. Чем сильнее горит воля к власти, тем полноценнее и значительнее наша жизнь, тем больше она из себя что-либо представляет. Жизнь, полная приключений и опасностей, борьбы и напряжения, азарта и риска, отваги и мужества, ярости и агрессии, страданий и стойкости закаляет человека, увеличивает его волю, делает его сильным и независимым, гордым и самодостаточным. Он никого не будет ни о чем просить, никого не станет бояться, он превратится в господина собственной судьбы и сможет властвовать над другими; он сделает все, что захочет, возьмет у жизни все, что ему потребуется. Конечно же, ни угрызений совести, ни раскаяний не сможет он испытать. Чувства вины и сострадания чужды ему. Он не понимает что такое добро и зло, что значит – можно, и что – нельзя. Он считает, что можно все, на что человек способен. Он полагает хорошим то, что укрепляет волю к власти и вытекает из силы, он видит пороком все, что следует из слабости.

Для такого человека добро и зло – это пустые выдумки, которые сочинили слабые для того, чтобы сдерживать произвол и агрессию сильных. Надо, говорит Ницше, встать по ту сторону добра и зла, то есть – пересмотреть и переоценить все ценности, идеалы, правила и нормы. Следует понять, что никаких правил и норм нет, а вернее, есть только одно правило или закон – сила: если ты силен – делай все, что хочешь, а если слаб – уйди с дороги и уступи жизненное пространство сильному. Если силен – беззащитно съешь любого себе подобного, а если слаб – пеняй на себя и не стони, если кто-то станет поедать тебя.

Идеал Фридриха Ницше – это Сверхчеловек, который дерзко и независимо идет по жизни, сокрушая все общепринятые установления, вековые привычки, взгляды и идеалы. Конечно же, никакого Бога, с точки зрения сверхчеловека, не существует, потому что он сам себе Бог. Христианская религия для него – это порождение трусливых и слабых, которые, сами будучи не в состоянии что-либо сделать, просят чего-то у нереального и вымышленного Бога. Их философией являются выдумки о справедливости, добре, нравственности и всем прочем из этого рода. Таких людей большинство. Им противостоит малочисленная, но в тысячи раз более сильная и совершенная группа людей, философией которых является сила, могущество и воля к власти. Их призвание и удел – господство над всеми остальными, а основное ремесло, конечно же, война. Мыслитель предсказывал наступление эпохи грандиозных катастроф и войн за господство над миром.

Сам Фридрих Ницше вовсе не был сверхчеловеком и отличался довольно мирным характером. Он не стремился властвовать над другими людьми, не совершал преступлений и вообще за всю свою жизнь не причинил никому никакого вреда. Но его философские идеи пришлись очень кстати фашистскому Третьему рейху и стали (правда в очень искаженном и примитивном виде) важной составной частью нацистской идеологии и пропаганды.

Вопросы для самопроверки

1. За что Шопенгауэр критиковал гегелевскую философию? Что он противопоставил Мировому разуму, о котором говорил Гегель?
2. Что такое воля в учении Шопенгауэра? Как он доказывает, что в основе мироздания лежит не разум, а воля?
3. Каково воззрение Шопенгауэра на человеческую жизнь? Почему его учение можно назвать фатализмом?
4. Как человек должен вести себя в жизни с точки зрения Шопенгауэра? В чем сходство его воззрений с религиозно-философскими учениями Древней Индии и Китая?
5. В чем сходство философских воззрений Шопенгауэра и Ницше? В чем заключается главное различие между шопенгауэровскими и ницшеанскими представлениями о воле?
6. Что представляют собой добро и зло в учении Ницше? Что с его точки зрения является хорошим, а что - плохим?
7. Что говорил Ницше о Сверхчеловеке? Мыслитель призывал к «переоценке ценностей». Как вы думаете, что он имел в виду?
8. Ницше говорил, что «истина – это полезная ложь». Как вы понимаете это парадоксальное высказывание?
9. Ницше – принципиальный враг христианства, христианской морали и христианской цивилизации. Одно из своих произведений он даже назвал «Антихристианин». Подумайте, за что Ницше мог ненавидеть христианскую религию и христианскую мораль.
10. Философию Ницше, жившего в XIX веке часто называют пророческой. Как вы думаете, какие идеи мыслителя получили особую актуальность и подтверждение в культуре и истории XX века.

Я, Оно и Сверх-Я (Фрейд)

Известным представителем неклассических философских и, особенно, научных представлений о человеке был австрийский ученый, врач и психолог XIX-XX веков Зигмунд Фрейд. Классические философские представления о человеке, как и о мире, заключаются, главным образом, в том, что он представляет собой разумное или сознательное существо. Как разумен мир, так разумен и человек. Сознание или мышление является его основной отличительной чертой. Вспомним знаменитое утверждение Декарта: «Я мыслю, следовательно я существую».

В XIX веке, как мы уже видели, прозвучала идея о том, что и мир и человек, скорее всего, неразумны, а разум представляет собой маленький элемент мира и играет незначительную роль в человеческой жизни. Но это были философские утверждения. А в науке о человеке – **психологии** (от греческих слов псوخэ – душа и логос – наука) первым усомнился в его разумной природе Зигмунд Фрейд.

Нам кажется, говорит он, что человек – целиком разумное существо, которое живет и действует только рационально или логично, что он понимает мотивы своих поступков, может объяснить свои действия и всегда осознает свои цели. Но ведь наука, в отличие от религии, считает человека не божественным творением, а дальним потомком высших млекопитающих животных. Так неужели он настолько далеко ушел от царства природы, что в нем не осталось ничего биологического? Конечно же, осталось, просто мы не хотим этого замечать. Причем, по мнению Фрейда, биологического или природного в человеке гораздо больше, чем разумного или культурного, или социального. Все биологическое в человеке, представляющее собой различные инстинкты, которые есть у любого живого существа, Фрейд назвал областью бессознательного. В силу самой своей природы (специфики) оно скрыто от нас, а вернее, – недоступно нашему сознанию или разуму. Говоря иначе, оно в нас есть, но мы его не осознаем и поэтому не знаем или не понимаем, что оно существует.

Представьте себе айсберг – огромную ледяную глыбу, плавающую в океане. Как известно, надводная, видимая его часть намного меньше подводной, невидимой. Нам кажется, что айсберг – это только то, что находится над водой, и мы не знаем его настоящих размеров, потому что они скрыты от непосредственного наблюдения. Так же и с бессознательным – оно представляет собой невидимую, скрытую часть человеческой психики, а сознание или разум человека – это видимая и незначительная ее частица. Как айсберг – это, главным образом, то, что находится под водой, а не над ней, так и человек – это, в основном, сфера его бессознательного, а вовсе – не сознания, как нам кажется. Получается, что мы по-настоящему не знаем самих себя, своей природы.

Бессознательное в человеке – это совокупность его природных качеств, первобытных инстинктов, унаследованных от животных предков. Эти-то инстинкты и определяют человеческие чувства, желания, мысли и поступки. Не в сознании или в разуме следует искать главную причину деятельности человека, а в области бессознательного. Именно оно из неведомых нам глубин направляет каждую конкретную человеческую жизнь.

Из всех бессознательных инстинктов наиболее сильным является половая или сексуальная страсть, которую Фрейд называет термином **либидо**. В либидо сконцентрирована вся жизненная энергия человека. Но, живя в обществе и в коллективе, а не в лесу и не в стаде, человек не может вполне исполнить или удовлетворить все свои сексуальные желания. Ему приходится сознательно их ограничивать, подавлять, бороться с ними. В этом случае его половая энергия устремляется в какое-либо другое русло. Она может преобразоваться в энергию художественного творчества, научного поиска, в общественно-политическую деятельность, спортивные достижения, и - во что угодно еще. Такое вытеснение сексуальных желаний и преобразование их в иные виды деятельности Фрейд называет **сублимацией** (от латинского слова *sublimare* – возносить или переходить).

Другим сильным инстинктом после сексуального является, по Фрейду, влечение к разрушению или инстинкт смерти, который находит свое выражение в войнах, убийствах и преступлениях, сопровождающих историю человеческого общества. Таким образом, жизнь и деятельность человека, с точки зрения Фрейда, объясняются взаимодействием трех слоев или пластов его психики. Определяют человеческие мысли, действия и поступки различные биологические инстинкты, составляющие сферу бессознательного, главными из которых являются сексуальный инстинкт (в греческом – Эрос) и инстинкт смерти (в греческом – Танатос). Эту бессознательную инстинктивную область Фрейд называет термином «Оно». Кроме нее на человеческое поведение влияют различные общественные нормы, принципы и законы, которые австрийский ученый обозначает термином «сверх-Я». Само же человеческое сознание Фрейд именуется словом «Я». На приводимой ниже схеме проиллюстрирован механизм взаимодействия этих трех слагаемых человеческой психики.

Получается, что человеческое сознание (Я) не является «хозяином в собственном доме», потому что вынуждено постоянно раздваиваться, рваться пополам между бессознательными инстинктами и общественными ограничениями. Человеку всегда приходится выбирать что-то среднее между своими биологическими влечениями (желаниями) и моральными нормами общества, в котором он живет. Говоря проще, ему чего-то хочется, и в то же время ему нельзя этого сделать. Он вынужден или подавить свои желания, или пренебречь общественными нормами. Ему трудно сделать и то, и другое.

На этой почве у человека могут возникнуть различные психические расстройства, главной причиной которых являются, по Фрейду, подавленные или вытесненные желания (как правило, сексуального характера). Австрийский ученый разработал особый метод лечения психических заболеваний, который получил название **психоанализа** (от греческих слов *псюхэ* – душа и *аналю* – развязывать). Дословно этот термин можно перевести как развязывание или освобождение души. Сущность его заключается в том, что врач в ходе длительной беседы выясняет истинную причину психического расстройства (заболевания) своего пациента, которой оказываются, чаще всего, когда-то подавленные им сексуальные желания. Он показывает (демонстрирует) ему эти причины, и пациент, осознавая или понимая их, сам может справиться со своей болезнью, потому что с врагом видимым бороться всегда намного легче, чем с невидимым противником.

Идеи Зигмунда Фрейда, неожиданные и очень смелые для конца XIX века, потрясли Европу, вызвали как острую критику, так и восторженные отзывы, стали широко известными, завоевали огромную популярность, положили начало новому направлению в психологии и составили целую эпоху в истории наук о человеке.

Вопросы для самопроверки

1. Почему фрейдовские представления о человеке можно назвать неклассическими?
2. Что представляет собой бессознательное в учении Фрейда? Как соотносятся сознание и бессознательное с его точки зрения?
3. Какие бессознательные инстинкты Фрейд считал наиболее сильными? Что такое либидо и сублимация?
4. Каков механизм взаимодействия трех пластов человеческой психики по теории Фрейда? В чем заключается двойственность человеческой природы с его точки зрения?
5. Что такое психоанализ? Каков его основной принцип?

Сизифов труд, чаша данаид и танталовы муки (экзистенциализм)

Одним из духовных наследников философии жизни стал экзистенциализм – широко распространенное направление в современной философии. Его родоначальником, а вернее, предшественником считается живший в XIX веке датский философ Сёрен Кьеркегор, а наиболее значительными представителями являются французские философы Альбер Камю и Жан Поль Сартр, немецкие философы Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс, русские философы Николай Бердяев и Лев Шестов. В ряду основных идей экзистенциалистов

содержится утверждение о том, что существование человека всегда индивидуально, конкретно, единично, в то время как все общее – это конструкция ума и реально не существует. Что такое человек вообще? Как он выглядит, где живет и что собой представляет? «Человек» есть всего лишь понятие, название, термин, которым мы обозначаем некие общие черты, присущие всем людям. Но является ли этот «человек» реальностью? Понятно, что он не существует. А что же тогда реально? Только каждый отдельный человек, в котором воплощено, реализовано, наглядно или ощутимо представлено это родовое (общее) понятие. Точно так же не обозначают никакого действительного существования такие термины как «мужчина», «женщина», «европеец», «китаец», «древний грек», «современный американец» и т.п. Очевидно, что существовать по-настоящему может только единичный, конкретный, данный человек, а не обобщенные названия его. Реальностью является индивидуальное существование или **экзистенция** (от лат. *existentia* – существование), а философия, предметом которой всегда было и есть сущее, может быть поэтому только экзистенциальной (то есть посвященной единичному, индивидуальному существованию). Все же общее: «человечество», «общество», «история» – это фантомы или фантастическая среда, так как подлинная действительность сосредоточена в отдельных людях, каждый из которых в силу своей единичности уникален и неповторим и потому является высшей ценностью и настоящим предметом философского внимания. Да и не будет ли преступлением перед самим собой единственную и бесценную жизнь растворить в некоем нереальном обществе, посвятить ее безличной истории или абстрактному человечеству? Косяк сельдей в море, говорят экзистенциалисты, зрелище, несомненно, впечатляющее, однако, каждая сельдь в нем равным счетом ничего не значит.

Но если признать, что экзистенция (индивидуальное существование человека) должна быть предметом изучения, то немедленно возникает вопрос: каким образом сделать ее этим предметом. Дело в том, что ее главным свойством является необъективируемость, то есть невозможность превратить ее в объект рассмотрения; это можно сделать с любым абсолютно предметом, но только не с экзистенцией. Нельзя же собственную жизнь (а она и является экзистенцией) сделать объектом наблюдения, то есть посмотреть на нее извне, со стороны. Наша жизнь всегда с нами и неотделима от нас, поэтому постижение ее представляет собой большую трудность. Экзистенция не поддается рациональному или научному познанию, которое может иметь дело только с объектами. Значит, единственный способ постичь индивидуальное существование заключается в том, чтобы его пережить и описать так, как оно открывается в непосредственном переживании внутреннему чувству. Любая вещь, лучше всего понимается через свою противоположность. Так, например, мы знаем, что такое день только благодаря наличию его противоположности – ночи. Если, допустим, существовал бы только день, а ночи не было бы вовсе, то могли бы мы знать, что такое день? Коль скоро все познается через противоположное, то и существование или жизнь, стало быть, наиболее полно может раскрыться перед лицом смерти. Именно через нее мы можем уловить экзистенцию, увидеть ее, получить о ней некое представление. Поэтому тема смерти является одной из основных в экзистенциализме.

Почему человек задумывается о смысле жизни? Потому что есть смерть. Если бы ее не было, вопрос о смысле жизни не мог бы возникнуть. В чем он заключается? Зачем жить, если я все равно умру; и если мне суждено умереть, то что я должен сделать в отпущенное мне время, чтобы моя жизнь что-то из себя представляла, была чем-то, была жизнью, а не пустотой или живой смертью? Что и зачем делать – вот суть всякого вопроса о смысле жизни. Но смертно ведь вообще все, отчего же только человек задается подобной проблемой? Потому что, и это главное, он знает о собственной смерти. Если бы не знал, то не ставил бы перед собой такого вопроса, как и в случае, если бы он был бессмертным. Животные тоже смертны, но не знают о смерти и потому безмятежны, боги знают о смерти, но бессмертны и потому блаженны. Между царством природы и миром богов находится человек – самое трагическое и несчастное существо, которому достался наиболее незавидный удел: и быть смертным и знать об этом. Неудивительно, что он произвольно и бессознательно пытается убежать от смерти. В чем это выражается? В его повседневной жизни. Посмотрите, как активно, полноценно, даже упоенно он живет: ставит перед собой цели, к чему-то стремится, чего-то избегает, радуется, печалится, негодует, надеется и постоянно что-то делает, борется и напрягается. Зачем все это, если в конце – смерть? К чему эти тысячи усилий? Человек живет так, будто бы смерти вовсе не будет, а если будет, то не с ним, а если и с ним, то слишком не скоро и настолько неизвестно когда, что, может быть, и вообще не будет. В своей жизненной активности мы не только убегаем от смерти, но и боремся с ней, отрицаем ее каждым полноценным и жизнеутверждающим днем своего существования. Все сказанное прекрасно выражено в замечательных строках С.Я. Маршака:

Все умирает на земле и в море,

Но человек суровой осужден:

Он должен знать о смертном приговоре,

Подписанном, когда он был рожден.

Но, сознавая жизни быстротечность,

Он так живет – наперекор всему, –

Как будто жить рассчитывает вечность

И этот мир принадлежит ему.

В самой основе человеческой жизни заключен парадокс: будучи неизбежно смертным и зная об этом, человек каждым мгновением своей жизни отрицает смерть. Получается, что он стремится сделать невозможное, совершить нереальное, осуществить неосуществимое. Эту трагическую и парадоксальную человеческую сущность очень хорошо уловили и выразили в мифических символах древние греки. Вспомним Сизифа, который был осужден богами вкатывать в гору тяжелый камень. Как только он достигает с неимоверными усилиями вершины горы, камень срывается и с грохотом падает вниз, а несчастный Сизиф спускается к подножию, чтобы вновь катить его, и так продолжается вечно. А дочери царя Даная должны были в подземном царстве Аида

бесконечно наполнять водой с помощью ковшиков бездонный сосуд. Наказание же мифического героя Тантала заключалось в том, что он стоял по пояс в воде, томимый жаждой и голодом. Над ним висели на ветках деревьев прекрасные плоды. Как только он поднимал голову, чтобы вкусить их, ветви убежали вверх. Как только он опускал ее, чтобы напиться, вода уходила вниз, в результате чего он не мог сделать ни того, ни другого.

Но откуда у нас знание о смерти? Оттуда же, что и все остальные знания – из разумной нашей организации. Разум, а вернее сознание или духовная жизнь – главная отличительная черта человека, в силу которой у него есть то, чем не располагает ни одно другое существо на земле – свобода выбора между добром и злом. Человек знает, что хорошо и что плохо, а значит перед его мысленным взором и душой всегда две возможности: я могу поступить дурно, но также могу совершить добродетельный поступок. Тигр, например, ничего не знает о добре и зле. Если к нему в клетку бросить цыпленка, он не может выбирать между убийством или дарованием жизни этому беззащитному существу, он ничего не знает и не может знать о хорошем и дурном, о двух принципиальных возможностях своего поведения, и именно поэтому у него нет выбора между ними. Он обречен сделать только одно: в силу своего инстинкта хищника броситься на цыпленка и съесть его. Виноват ли он в этом случае в содеянном, несет ли за него ответственность? Не виноват и не ответственен, потому что, будучи лишенным всякого выбора, является несвободным существом. И совершенно иначе с человеком: зная о добре и зле и всегда имея возможность выбрать, он свободен в этом выборе и поэтому, если выбирает зло, то виноват в этом и несет полную ответственность. Таким образом, настоящая вина всегда свободна, где нет свободы, там нет и вины. Поэтому человек, как свободное существо, ответственен за все совершаемое им, но также – и за все, творящееся вокруг, потому что живет в происходящем, осознает его, а значит, в любом случае, является его участником.

Чувство вины и ощущение ответственности, равно как и страх перед смертью – слишком тяжелое бремя. Пытаясь избавиться от него, человек пытается растворить себя в обществе, утешаясь тем, что все когда-либо умирают, совершают маленькие или большие проступки и имеют за душой грехи, что обстоятельства порой сильнее его, а значит он не виноват в одном, не отвечает за другое и т.д. Однако, жизнь в обществе – это эфемерное, неподлинное, призрачное существование, потому что раствориться в массе людей невозможно. Свою индивидуальную жизнь или экзистенцию никуда не денешь, не спрячешь, не передашь другому. Она всегда и везде с тобой, и она – только твоя. Никто не проживет твою жизнь за тебя, никто не сможет умереть вместо тебя. Ты один на один со своей жизнью и помощи ждать неоткуда. В этом смысле каждый из нас безысходно одинок. Только речь в данном случае идет не об обычном, а о метафизическом одиночестве. Не лучше ли не убежать от себя, пытаться не замечать трагических черт нашего существования, а открыто посмотреть в лицо собственной экзистенции и прожить свою жизнь так, чтобы быть оправданным перед лицом ее быстротечности и неизбежного конца?

Вопросы для самопроверки

1. Что такое экзистенция? Почему философия, с точки зрения Кьеркегора, может и должна быть только экзистенциальной?
2. Почему экзистенция необъективируема? Возможно ли ее рациональное постижение?
3. Каким образом предлагает экзистенциализм постичь сущность индивидуального существования?
4. Почему тема смерти является одной из центральных в экзистенциализме? Какие черты человеческого существования вытекают из факта его смертности с точки зрения экзистенциализма?
5. В чем заключается экзистенциальная парадоксальность человеческой жизни? Какими примерами можно ее проиллюстрировать?
6. Как вы понимаете тезис о том, что без свободы нет ни вины, ни ответственности? О какой свободе идет речь в экзистенциальной философии?
7. Как можно объяснить утверждение о том, что человек (не вообще, а конкретный) ответственен за все, происходящее вокруг него?
8. Почему, растворяя свою жизнь в обществе и в истории, невозможно освободиться от ее экзистенциальных проблем?
9. Как вы понимаете тезис экзистенциализма о том, что каждый из нас безысходно одинок? В традиционном ли смысле употребляется здесь понятие одиночества?
10. Прочитайте следующее рассуждение известного представителя экзистенциализма А. Камю. «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно... Как определить большую неотложность одного вопроса в сравнении с другим? Судить можно по действиям, которые следуют за решением. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь умирал за онтологический аргумент. Галилей отдавал должное научной истине, но с необычайной легкостью от нее отрекся, как только она стала опасной для его жизни. В каком-то смысле он был прав. Такая истина не стоила костра. Земля ли вертится вокруг Солнца, Солнце ли вокруг Земли – не все ли равно? Словом, вопрос этот пустой. И в то же время я вижу, как умирает множество людей, ибо, по их мнению жизнь не стоит того, чтобы ее прожить... Поэтому вопрос о смысле жизни я считаю самым неотложным из всех вопросов». Каким образом предлагает Камю пересмотреть все вопросы, проблемы и идеи традиционной (старой, предшествующей) философии? Согласны ли вы с тем, что в подавляющем большинстве ее проблемы были, по сути, «пустыми»? Разделяете ли вы тезис о том, что подлинные философские вопросы всегда экзистенциальны (посвящены коренным проблемам человеческого существования)?

11. Сейчас слово «экзистенциализм» стало очень модным и часто употребляется по поводу и без повода. Подумайте, какие вопросы и проблемы можно назвать «экзистенциальными»? Приведите примеры кинофильмов или произведений художественной литературы, в которых затрагиваются экзистенциальные проблемы.

Основные разделы философского знания

Основные понятия и идеи онтологии

Что такое онтология и онтологические вопросы?

Как мы уже знаем, **онтология** (греч. *ontos* – сущее, бытие, *logos* – учение) – это философское учение о бытии. Что такое бытие? Этот термин происходит от глагола «быть», который в личной форме звучит как «есть», поэтому можно сказать, что бытие – это все, что есть, все существующее, или само существование, реальность, действительность. Приведем примеры онтологических вопросов: 1) Существует ли мир? 2) Если мир существует, то откуда он взялся? 3) Что он собой представляет, и как он устроен? И т.п. Основная онтологическая проблематика заключается в том, существует ли что-нибудь вне нас и независимо от нас; и если существует, то что это такое, чем является, что собой представляет.

Итак, онтология – это раздел философии, изучающий фундаментальные принципы бытия. Онтология стремится рационально постичь целостность природы, осмыслить все существующее в единстве и построить рациональную картину мира, восполнив данные естествознания и выявив внутренние принципы взаимосвязи вещей.

Онтология возникла в античности, когда философы поставили вопрос о сущности наблюдаемых явлений и высказали предположение, что эта сущность органам чувств недоступна: выявляет ее только разум. Идеи онтологии, стремящейся найти устойчивые основы изменчивости природы и раскрыть многообразные процессы как проявления ее целостности, стимулировали развитие науки, придавая ученым уверенность в естественной упорядоченности природы, в наличии в ней доступной их разуму гармонии.

Что такое субстанция?

В античности была поставлена проблема первоначала или субстанции – первичного, самодостаточного слоя реальности. Субстанция – то, что устойчиво и постоянно; в отличие от чувственно воспринимаемых вещей, она воспринимается разумом и не зависит ни от чего, все определяя. Иначе говоря, субстанция – это некое первоначало, или первооснова всего существующего.

Выше были упомянуты некоторые онтологические концепции античных философов. Ими не исчерпывается многообразие идей. Так, Диоген Аполлонийский (не путать с киником Диогеном) заметил, что все элементы должны иметь нечто общее, иначе они не могли бы взаимодействовать; значит, элементы не последняя ступень бытия, а существует нечто, объединяющее их. Именно им введено понятие материи – бескачественной основы мира: материя беспредельна, безвидна и бессильна, она лишена свойств и поэтому все вмещает. Диоген так представлял космос: в пустоте, наполненной воздухом, при его сгущении и разрежении рождаются и распадаются миры.

Одной из самых интересных была космологическая система Анаксагора, который ясно противопоставил инертное вещество и двигатель-разум, отделив мысль от материи. Начальным состоянием мира, по мнению Анаксагора, была бесформенная и неподвижная смесь множества мельчайших частиц. Однажды в каком-то месте пространства эта смесь приобрела вращательное движение (по воле мирового разума). Под действием первичного вихря произошло разделение элементов: темное, влажное, холодное собралось в середине и образовало Землю, а светлое, сухое, горячее устремилось составило небеса. Цель творения – «осуществить все благое, заложенное в мире».

Итак, античность считала мир космосом – упорядоченной целостностью. Части космоса были иерархически упорядочены и подчинены единому закону красоты и порядка. Космос противопоставляли бесформенному и неупорядоченному хаосу.

Новое время увидело в природе сложный механизм, состоящий из материальных частей и подчиненный единым законам. Этот механизм, созданный Богом, нуждался только в первотолчке, после которого начинается его движение. Космосом правят простые и неизменные законы: на всех уровнях организации Вселенной процессы сводятся к взаимодействиям масс и сил. Основными понятиями онтологии были дух и материя. Материи приписывали такие свойства, как пассивность, косность, инертность. Противоположностью был дух – активный, невещественный, представленный множеством живых существ.

Субстанция – предельное, самостоятельно существующее основание, к которому можно свести многообразие мира; фундаментальный вид бытия, который обуславливает все другие его виды, а сам от них в своем существовании не зависит. Категория субстанции используется для отражения объективной реальности, рассматриваемой в ее внутреннем единстве.

Долгое время поиск субстанции, неизменной и существующей благодаря самой себе, был основным вопросом онтологии. Предлагались различные варианты. Монизм, выявляя сходство и взаимосвязь всех объектов, предполагал наличие за ними единого начала, определяющего все многообразие мироздания. Сущее понималось как результат развития духовного начала (идеализм) или в основе всех форм бытия усматривалось начало материальное (материализм). Духовная субстанция понималась как мировой разум (объективный идеализм это идеальное начало отождествлял с Богом, мировой душой и т.д.) или как личное сознание (субъективный идеализм отождествлял мир с содержанием этого сознания). В материи идеализм видел лишь бесформенное вещество, из которого дух создает видимый мир. Материализм признавал существование мира вне сознания и независимо от него; он рассматривал духовные явления как продукты эволюции материального мира, происходящей согласно его собственным законам. Если вульгарный материализм видел в сознании разновидность материи, то более развитые его направления понимали под сознанием свойство материальных объектов, возникшее на определенном этапе их развития.

Позднее, когда была открыта эволюция, на роль субстанциальной первоосновы мира и единственного постоянного начала среди изменяющихся вещей предлагалась сама энергия (энергетизм). Но другие философы упрекали сторонников монизма в схематизации реальности и считали, что единым началом нельзя объяснить ее многообразие, представив все существующее как состояния и свойства единой субстанции. Дуализм предполагал существование двух равноправных субстанций, не сводимых друг к другу, – духа и материи. Дух понимали как субстанцию активную, свободную и способную к творчеству, а материю – как субстанцию пассивную и управляемую законом причинности, отражая их различие в противопоставлении души и тела, бытия и сознания, высшего мира и низшего. Плюрализм считал, что для разных уровней бытия характерны различные самостоятельные субстанции.

Но, начиная с немецкой классической философии, основным предметом ее исследования становится не субстанция, а субъект. Бытие понимается не как неизменное состояние, а как процесс; появляются концепции эволюционного развития субстанции. Позже философия вообще теряет интерес к этой проблеме; в картине мира место первоначала занимает понимаемый согласно последним достижениям науки субстрат – элементарные образования, из которых построен реальный мир. Наука, совершенствуясь, получила способность к построению в результате интеграции и систематизации знаний собственной, научной картины мира. Целостная система представлений о природе складывалась из представлений об основных объектах, их свойствах и взаимосвязях. Картина мира классической науки показывала Вселенную как множество материальных объектов, движение которых подчинено законам классической механики. Эта картина мира сыграла важную роль, обеспечивая единство развивающейся науки, но постепенно показала свою неполноту. После того, как кризис в физике начала XX века показал, что традиционные понятия онтологии нуждаются в уточнении, стали отрицания саму ее проблематику. Так, неопозитивизм рассматривал онтологию как рецидив метафизических заблуждений: картина мира должна строиться наукой, а традиционные суждения онтологии неверифицируемы.

Немногие концепции XX века касались онтологической тематики. Чаще всего в картину природы пытались ввести некую бессознательную силу (жизнь, волю и т.д.), которая отвечала бы за сложный процесс эволюционной смены форм ее организации и восходила бы от низших форм к возникновению сознания. Из всех онтологических концепций XX века наибольшая популярность выпала на долю эволюционной теории **П.Тейяра де Шардена**. Он утверждал, что материя и сознание едины и охвачены процессом эволюции – физическая энергия убывает по закону энтропии, а духовная возрастает. Неорганический мир развивается в мир органический, а тот дает человека. Некая «**радиальная энергия**» как духовная составляющая свойственна даже атому, а в живой материи дух обретает сознание, в человеке – самосознание. Источник мира и эволюции – Бог. Первый этап мирового процесса – «**преджизнь**», когда атомы соединяются в молекулы, все более сложные, и наконец появляется возможность формирования живой клетки. Жизнь не случайность, а новый этап эволюции – биологический. Решающий этап появления человека: до его появления все в мире было разобщено, а на долю человека выпадает возможность синтезировать все существующее в **ноосфере** – сфере духа. Ноосфера создается по мере научного прогресса, в нее включаются другие живые организмы и значительная часть неорганического мира. Это – третий этап развития Вселенной, после неорганического и органического миров. Эволюция движется к цели – **точке Омега**: «По своей сути ноосфера и вообще мир представляют собой совокупность, имеющую центр... Его безмерные поверхности... должны снова сомкнуться впереди в одном пункте, назовем его Омегой, которая и сольет их полностью и поглотит в себя». Итак, создаваемая ноосфера как гармоничная общность живого и неживого, по мнению П.Тейяра де Шардена, имеет своим пределом «точку Омега» – скачкообразный переход в состояние единого разумного организма.

Антропный принцип

Между тем общенаучная картина мира, выстраиваемая современной наукой, приобретает все больше философских аспектов. Заметное место в ней занимает **антропный принцип**, констатирующий, что строение мира неотделимо от существования его наблюдателей. **Космологические постоянные** Вселенной (физические константы, определяющие размеры, массу, заряд, время жизни элементарных частиц) словно бы «настроены» для того, чтобы сделать возможным появление жизни. Космологически антропный принцип фиксирует неустойчивость Вселенной к значениям набора ее фундаментальных констант. Незначительные отклонения в значении хотя бы одной из них привели бы к невозможности существования многих структур известного нам мира (атомных ядер, химических элементов, звезд и т.п.). Возможно, появление разумной жизни во Вселенной – не случайность, а закономерность. Религия понимает антропный принцип как подтверждение того, что Бог создал мир для людей. Наука предполагает, что данное сочетание космологических постоянных возникло случайно: возможно, существовали (или существует) множество миров с иными их значениями, но наблюдатели появились только в нашем мире.

Эта согласованность начальных условий Вселенной и отражается в антропном принципе, имеющем несколько формулировок. **Слабый антропный принцип** (Р.Дикке): то, что мы наблюдаем, должно удовлетворять условиям, допускающим существование наблюдателя. **Сильный антропный принцип** (Б.Картер): Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на определенном этапе появился человек. **Синергетический антропный принцип** (Дж.Уилер): Вселенная приобретает реальность посредством наблюдателей, которых сама и порождает на некотором этапе своего существования. **Финалистский антропный принцип** (Ф.Типлер): возникшее при развитии Вселенной производство информации не прекратится. **Сверхсильный антропный принцип**: человек является необходимым элементом Вселенной, так как его разум необходим для ее вечного существования (человеческий разум, став на определенном этапе эволюции участником космологических процессов, спасет Вселенную от необратимого распада из-за роста энтропии).

Системный анализ

Онтологическое значение имел **системный анализ** – теоретическое исследование сложных систем. Его основы заложены **Л.Бергаланфи** в 40-е годы XX века. Под **системой** понимали модель любого объекта, представляющую его как совокупность элементов и связей между ними. При этом сами элементы системы в ходе ее взаимодействия с внешней средой могут меняться, а **структура** системы (отношения между элементами) постоянна и обеспечивает сохранение целостности системы при различных воздействиях. Каждый объект может быть рассмотрен как система, свойства которой несводимы к сумме свойств составляющих ее элементов, а поведение которой обусловлено не только воздействиями внешней среды, но и ее собственной структурой. Системный анализ показал, что поведение и структура **сложной** системы не могут быть описаны полностью. Выделялись типы систем: **закрытые**, которые обмениваются с окружающей средой только энергией, и **открытые**, в которых происходит также обмен веществом со средой.

Кибернетика, исследуя устойчивость и управляемость систем, особое значение придавала **информации** – свойству материальных объектов запечатлеть в своей структуре различные состояния и передавать их друг другу. Отвлекаясь от тех форм материи и энергии, с помощью которых осуществляется передача информации, кибернетика понимала информацию как неоднородность в их распределении. Любое взаимодействие системы со средой понималось как информационное (накопление, переработка или передача информации), а устойчивость системы (сохранение ее организованности) связывалась с ее способностью сохранять поступившую информацию.

Так фундаментальный философский смысл получили научные понятия: **энтропия** (понимаемая как мера неорганизованности системы) и **информация** (анти-энтропия, отражающая рост порядка, увеличение сложности и разнообразия структур).

Синергетика

Синергетика – междисциплинарное направление научных исследований, возникшее в 70-е годы XX века и посвященное исследованию открытых нелинейных систем. В отличие от **линейных** систем (чье поведение описывается уравнениями первого порядка и поэтому полностью предсказуемо), реакция **нелинейной** системы на внешнее воздействие не определяется его величиной. Синергетика обратила внимание на неустойчивые процессы и возникающую в их результате самопроизвольную упорядоченность, сопровождающуюся резким понижением энтропии. Отмечено, что в сложных нелинейных системах возможна **самоорганизация** – спонтанное (независимое от внешних условий) возникновение или совершенствование упорядоченных структур. Эти процессы наблюдаются в системах с большим числом элементов и делают невозможным точное описание их развития. Как правило, система предсказуемо реагирует на внешние воздействия, то есть находится в устойчивом состоянии. Но с усилением этих воздействий ее поведение становится неустойчивым: незначительные и непредсказуемые изменения внешних условий (**флуктуации**) могут изменить систему. Ситуации, после которых для системы открывается несколько возможных путей развития, назвали **точками бифуркации**. Поскольку бесконечно малая флуктуация может изменить все развитие системы, предсказать ее поведение в точке бифуркации невозможно: выбор пути эволюции системы подчинен случайным факторам. Именно в точках бифуркации происходит быстрая и непредсказуемая перестройка системы, после чего она снова переходит в устойчивое состояние.

С помощью подобной модели ученые описали нелинейные процессы (горение, диффузию, автокатализ), а теперь пытаются представить все эволюционные процессы как самоорганизацию нелинейной среды. Синергетика превращается из научного направления в новое мировоззрение: на основе ее принципов пытаются объяснить процессы саморазвития во всех системах – физических, биологических, социальных. Ранее случайность и неустойчивость пытались исключить из научных теорий и картин мира, сегодня они понимаются как предпосылки развития.

Переосмыляется понятие **хаоса**: в нем видят самодостаточность и потенциальную упорядоченность, способную выявиться во множестве структур. Так, **И.Пригожин** говорит о «**детерминированном хаосе**» или о «**порядке из хаоса**», описывая внутреннюю активность хаоса и его созидательный потенциал, позволяющий порождать на микроуровне организованные структуры. Но, хотя из хаоса и может рождаться локальный порядок, ценой является увеличение энтропии внешней среды.

Синергетика видит мир не совокупностью частиц, а системой нелинейных процессов. Достоинства синергетической картины мира и ее неизбежные ограничения покажет будущее.

Итак, в XX веке происходит падение интереса к онтологии: наука способна дать нефилософское обоснование единства мира. Но многие философы считают эту тенденцию ошибочной, выступая против **деонтологизации** философского знания. Новую онтологию видят совокупностью знаний, отражающих предпосылки существования человека и принципы его деятельности. Она займет промежуточное место между наукой и философией (стремясь соединить научные знания о природе с поиском стоящих за ее процессами иных видов бытия).

Онтология использует ряд понятий для отражения мира.

Действительность – совокупность материальных тел, существующих в пространстве и времени и данных в восприятии, а также идеальных объектов и культурных ценностей.

Вселенная – это понятие, охватывающее все существующее, как физическую систему наибольшего масштаба, который доступен нашим знаниям и наблюдательным средствам.

Космос – это самодостаточная реальность, содержащая все материальные формы, структурно упорядоченная и подчиненная единым, внутренним, необходимым законам физики.

Природа – это мир, независимый от человека и развивающийся по своим законам, но являющийся для человека **окружающей средой** (совокупностью условий его существования).

Виды бытия

Бытие – самая абстрактная из философских категорий; это – объективная реальность, существующее вообще. Противоположность бытия – **небытие**, ничто; мы не можем даже представить себе что-либо, относящееся к категории небытия – ведь к бытию принадлежат даже наши мысли. Иногда мы называем переходом в небытие разрушение, но это переход в иную форму бытия. Первым употребил понятия бытия и небытия **Парменид**: для него бытие было противоположностью преходящему, изменчивому миру вещей: если они познаваемы чувствами, то бытие открывается только логическому мышлению. Бытие – то, что имеется за миром вещей: оно едино, неизменно, неподвижно, не имеет чувственных свойств, вечно, несотворимо и неуничтожимо, но ограничено в пространстве (имеет форму шара). **Платон** противопоставил понятие единого бытия как более глубокого слоя действительности чувственному бытию как многообразию вещей. Он различал материальное бытие и идеальное, доступное лишь философскому разуму. Тот же путь прошли философы Индии, противопоставив бытию иллюзию мира – **майю**. В средние века христианские философы считали, что бытием в полном смысле слова обладает лишь Бог: живые существа и предметы сотворены им, а потому сами не имеют доступа к бытию. В Новое время бытие отождествлялось с **веществом** и воспринималось как объективная реальность, противостоящая человеку. По мере развития философии высказывались и мнения, что понятие бытия как самое всеобъемлющее не нужно: сказать о чем-либо, что оно есть – значит, ничего не сказать. **И. Кант** считал, что бытие не способ существования вещей, а общезначимый способ связи наших понятий и суждений. **Г. Гегель** утверждал, что бытие – самое «тощее», малозначимое из понятий. Но смысл категории бытия – в **подчеркивании единства мира как непреходящей целостности**, несмотря на множественность изменяющихся форм. Категория бытия как предельно общая абстракция объединяет по признаку существования все предметы и процессы; все многообразие явлений, относящихся к одному типу бытия, объединено некой общей основой. Можно выделить следующие **типы бытия**:

1. **Материальное объективное** бытие – существует вне человека и независимо от сознания человека (заклучает в себе все вещи, процессы, состояния материального мира).
2. **Психическое субъективное** бытие – включает все, относящееся к внутреннему миру человека, содержащееся в его сознании (мысли, чувства, фантазии, идеи и т.п.).
3. **Объективное духовное** бытие – внеиндивидуальные формы бытия, принадлежащие социальной общности: рожденные интеллектуальной деятельностью человека и в то же время не принадлежащие его внутреннему миру. К этому типу принадлежат основные понятия этики, логики, математики. Объективна ли, например, таблица умножения? С одной стороны, она существует как продукт нашего разума; с другой, она не зависит от разума отдельного человека, и даже все человечество не могло бы ее изменить. То же можно сказать о математических операциях и других категориях науки. Они субъективны как создаваемые и совершенствующиеся в ходе развития человечества и объективны как отражение реальных процессов мира.

Философское понятие материи

Материя – основополагающая категория философии, обозначающая объективную реальность, данную нам в ощущениях; для материалистов она – причина, содержание и носитель всего многообразия материального мира. Противопоставленная субъективной реальности сознания, материя сначала понималась как конкретная вещь, из которой состоят наблюдаемые объекты (четыре элемента Эмпедокла); потом представление углублялось, принимая более абстрактную форму элементарных структур природы (атомы Демокрита). Попытки найти первоначало (понимаемое как фундаментальная основа бытия, вносящая в многообразие вещей порядок и единство) привели к формированию **механистической картины мира**: мир понимался как совокупность относительно устойчивых тел, перемещающихся в пространстве с течением времени (это движение подчинено законам механики, поэтому его можно предсказать), а материя представлялась как **вещество** – совокупность неделимых частиц, обладающих объемом и массой покоя, механически движущихся в пустоте. Затем веществу стали противопоставлять **поле** – непрерывное, в отличие от дискретной материи, и лишенное массы. Всеобщую сущность вещей искали не в общем носителе – **субстрате**, а в наличии у материальных объектов общих свойств (массы, протяженности и т.п.). Позже был открыт корпускулярно-волновой характер микрообъектов: привычное противопоставление поля и вещества утратило смысл. Выяснилось, что частицы обладают волновыми свойствами, а все поля имеют своими носителями частицы. Поэтому, когда в конце XIX века произошла революция в естествознании, сокрушившая механистическую картину мира, идеалисты заговорили об «исчезновении материи» – и получили ответ материалистов: исчезла не материя, а старые представления о ней.

Физическое понимание материи постоянно изменяется: так, ушли в прошлое противопоставление поля и вещества, материи и энергии. Считаемые необходимыми для материальных вещей свойства (масса, упругость) оказались присущими лишь некоторым ее уровням. Философское понимание материи не сводится к сумме известных фактов: отождествление понятия материи как объективной реальности с конкретными научными представлениями о ее структуре и свойствах приведет к исключению тех видов и свойств, которые еще неизвестны науке. Поэтому в настоящее время материю определяют двумя признаками, отличающих материальное бытие от других его классов: **объективностью**, то есть независимостью от нашего сознания, и **доступностью для чувственного восприятия** (хотя существуют ее проявления, которые недоступны нашим органам чувств, но они могут постигаться через приборы).

В философии существует несколько пониманий материи.

1. **Объективный идеализм** считает материю объективно существующей, но пассивной субстанцией (ей приписывают неподвижность, косность, инертность), подчиненной активной субстанции (духовной) – источнику движения и развития.
2. **Субъективный идеализм** считает материю лишь иллюзоном, преходящим порождением субъективного начала (духа).
3. **Механистический материализм** утверждает, что все состоит из материи: ей приписывает бесконечность в пространстве и вечность во времени, способность движения и развития (материя не нуждается для этого в воздействии извне).
4. **Диалектический материализм** утверждает, что материя – объективная основа всего существующего: материя первична, а другие виды бытия есть ее порождение; мир – движущаяся материя в ее бесконечно разнообразных проявлениях.

Материю нельзя противопоставлять конкретным вещам как сырье, из которого они формируются. Материя существует только в виде бесконечного разнообразия конкретных объектов. **Вещи не состоят из материи, а являются конкретными формами ее проявления.** Поэтому материальное единство мира не противоречит наличию различных **структурных уровней материи**, каждый из которых имеет своего носителя и свою систему закономерностей. Каждый уровень качественно своеобразен и, хотя и состоит из низших уровней, не сводится к ним. **Принцип материального единства мира** утверждает: 1) все уровни материи имеют общее происхождение, взаимодействуют друг с другом и переходят друг в друга; 2) любой материальный объект обладает всеми свойствами материи; 3) все материальные процессы подчиняются единым законам.

В настоящее время выделяют следующие **структурные уровни неживой материи**: уровень элементарных частиц; атомный уровень; молекулярный уровень; уровень макроскопических тел; уровень космических тел; уровень галактик; уровень Метагалактики. Возможно, существуют уровни больших и меньших масштабов (например, вакуумный, кварковый или системы метagalactic), но законы их наукой еще не изучены. Выделяют отдельно уровни **живой природы**: органический (клеточный) уровень; многоклеточный организм; популяция (группа организмов одного типа, живущих на одной территории); биоценоз (совокупность живых существ, населяющих данный участок); биосфера. Можно выделить **социально организованную материю**, бытие человека. Ее уровни: человек; семья; социальная группа (коллектив); народность (этнос); человечество.

Итак, известная нам материя обладает **структурностью**: существуют и различные закономерно связанные уровни материи, и **материальное единство мира** – их взаимосвязь и взаимозависимость, наличие ее универсальных свойств и законов.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое онтология и какие цели она преследует?
2. Что такое субстанция и сколько субстанций выделялось?
3. Каковы принципы синергетической картины мира?
4. Как используется в философии понятие бытия?
5. Какие виды бытия выделяет философия?
6. Что понимается под материей разными философскими учениями?
7. Что означает материальное единство мира?
8. Каковы структурные уровни материи?
9. Почему уже не противопоставляются поле и вещество?

Основные понятия и идеи гносеологии

Что такое знание?

Как мы уже знаем, одним из важных разделов философии является **гносеология** (греч. gnosis – знание, познание, logos – учение) – философское учение о познании. Приведем примеры гносеологических вопросов: 1) Познаваем ли мир? 2) Способен ли человек познать мир? 3) Есть ли у познания границы? 4) Что такое истина? 5) Как мы познаем мир? И т.п.

Одной из наиболее важных проблем в философии является вопрос о познаваемости мира и о возможностях человеческого познания. Эта проблема родилась, наверное, вместе с рождением самой философии. Если философия – это в переводе с греческого «любовь к мудрости», то получается, что у же в самом понятии «философия» заложена познавательная проблематика: мудростью нельзя обладать, к ней можно только стремиться, что и означает – познавать мир и самого себя. Один из известных философов эпохи Возрождения Николай Кузанский в своем знаменитом трактате «Об ученом незнании» писал: «Знает по-настоящему тот, кто знает свое незнание...однозначное приведение неизвестного к известному настолько выше человеческого разума, что Сократ убедился, что он знает только о своем незнании; премудрый Соломон утверждал, что все вещи сложны и неизъяснимы в словах.

Поскольку это так, то ясно, что все, чего мы желаем познать, есть наше незнание. Если мы сможем достичь этого в полноте, то достигнем знающего незнания. Для самого пытливого человека не будет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании, всякий окажется тем учнее, чем полнее увидит свое незнание». Как видим, и знаменитое изречение Сократа «я знаю только то, что я ничего не знаю» и «ученое незнание» Николая Кузанского близки скептицизму – одному из направлений в гносеологии.

Познание – это процесс приобретения и развития знания, который прежде всего обусловлен общественно-исторической практикой. Основными понятиями для обозначения разных аспектов познавательного процесса является знание и незнание. Знание – объективная реальность, данная в сознании человека, который в своей деятельности отражает, идеально воспроизводит объективные закономерные связи реального мира. Важно заметить, что знание является образом вещи или события, которым свободно и осознанно располагает человек. Поэтому необходимо отличать знание от сведений и впечатлений (т.е. всего того, что запечатлел субъект). Последними бессознательно может располагать и животное. Как говорят, и животное знает, но оно не знает о том, что знает. Осознанный характер знания возможен лишь потому, что знания существуют только на фоне незнания (любое знание появляется из незнания). Формой выражения незнания является вопрос. Только такая запечатленная информация становится знанием (т.е. тем, чем человек осознанно располагает), которая есть ответ на поставленный (пусть даже на неявно поставленный) вопрос. Различие и взаимосвязь знания и незнания находятся в основании различия науки («ученого знания») и философии («ученого незнания»). Осознанная граница между знанием и незнанием есть проблема. Таким образом, выявление и постановка проблемы – это выявление поля незнания.

Если знание – есть результат познания, то суть познания (точнее, научного исследования) – метод. Именно метод получения знания делает их осознанными. Метод (от греч. *methodos* – букв. «путь к чему-либо») – «путь», способ познания. Метод определяет направление поиска, стратегию исследования. Вопрос о методе возникает сразу после постановки проблемы (и, как правило, после выдвижения гипотезы – теоретического предположения о сущности предмета познания), т.е. когда очерчена область неизвестного. Каждый метод предполагает последовательное (методическое) использование основных категорий. Категории (греч. *katēgoria* – высказывание, свидетельство) – форма осознания во всеобщих понятиях. Язык осуществляет первичный способ категоризации мира.

Кто? или что? (субъект или сущность), какой? (качество или свойство), сколько? (количество), где? (пространство), когда? (время), почему? (причина), зачем? (цель) и т.д. – все это вопросы категоризации. В строгом смысле категории не есть понятия. Категории представляют и выражают устойчивые различия сущего, отношения между вещами. Понятия же – это языковая форма отражения сущности предмета. Категории и понятия – важные инструменты познания вообще, философского анализа также.

Вернемся к пониманию метода как пути познания. От метода отличают приемы, иногда способы или процедуры познания, которые хотя и базируются на методах, но не имеют прямого отношения к универсальным определениям сущего (предмета познания). К ним, относят измерение, сравнение, идеализацию и т.п. Граница между методом и процедурой познания, естественно, подвижна, и, кроме того, зависит от мировоззренческой позиции ученого. (Если он полагает, что идеи существуют объективно, то идеализация для него будет выступать не как процедура, но как метод). С другой стороны, в познании есть такие ориентиры, которые не имеют отношения к самому предмету, находятся за его пределами, – это принципы познания. К ним, например, относятся требования строгости, доказательности, объективности, верифицируемости и пр. С методами неразрывно связаны средства научного познания (инструменты). К таким средствам прежде всего относят язык науки (язык описания), приборы, экспериментальные установки и пр.

Необходимо особо отметить, что знание становится научным только, если указан метод его получения. Именно наличие метода отличает научное познание от обыденного.

Субъект и объект

Важнейшими категориями в гносеологии являются субъект и объект познания. Субъект (лат. – надлежащее) – источник и носитель активного отношения к объекту. Субъект – это прежде всего человек – индивид, коллектив, социальная группа, общество в целом. Объект (лат. – предмет) – то, что противостоит субъекту в его познавательной и практической деятельности (т.е. материальные и духовные явления); но объектом познания может быть и сам человек. Объект следует отличать от предмета познания. Предмет или «предметная область» – та совокупность свойств объекта, которая вычленяется познавательными или практическими средствами. Так, например, человек – объект исследования различных наук, но предметом психологии является психика человека, анатомии – различные органы и их системы, антропологии – проблема происхождения человека, истории – процесс развития человеческого общества и т.д.

Субъект и объект – парные категории, подобно «причине» и «следствию», «случайности» и «необходимости» и т.д. Субъект всегда предполагает объект, а объект всегда предполагает субъекта. Под объектом в гносеологии следует понимать не просто любой фрагмент объективной (или субъективной) реальности, а только такой, на который направляется внимание субъекта, который вовлекается в деятельность субъекта и становится предметом его теоретической или практической деятельности. Как парные категории, субъект и объект выражают единство противоположностей. Разрешение постоянно возникающих противоречий между субъектом и объектом происходит посредством практического изменения объекта субъектом, посредством подчинения его сознательной воле человека. Но в ходе их взаимодействия меняются цели субъекта, которые определяют его волю, и противоречие воспроизводится вновь.

Человек постигает окружающий мир различными способами. Еще в XVII-XVIII вв. предметом острой полемики стала проблема соотношения чувственной и рациональной сторон познания и их значимости в познавательной деятельности человека. В зависимости от решения этого вопроса обозначились два противоположных направления в гносеологии: сенсуализм и рационализм.

Сенсуализм (лат. – ощущение, чувство) – направление в гносеологии, которое основным источником знания считает данные органов чувств. Рационализм (лат. – разумный) – направление в гносеологии, которое основным источником знания считает разум (мышление), как достаточно автономную человеческую способность видения всеобщего в единичных явлениях.

Вообще, строго говоря, можно выделить два основных вида познания, которые противоположны друг другу: рациональный и иррациональный.

Исходным уровнем первого познания является «чувственное познание» – активное познание явлений, включенное в практическую деятельность. Способность человека к чувственному отражению действительности – это способность получать информацию об объектах в форме индивидуальных конкретно-чувственных образов, которые возникают в сознании человека в результате деятельности органов чувств и центральной нервной системы. Чувственное отражение осуществляется в форме ощущений, восприятий и представлений.

Ощущением называется элементарный чувственный образ, например, звук (который мы слышим), цвет (который видим) и т.д. То есть, ощущение – это отражение в сознании человека отдельных свойств предметов. Восприятием же называется целостный чувственный образ, который мы получаем от того или иного объекта, когда одновременно осуществляется воздействие на несколько органов чувств. Например, ощущение вкуса яблока и, с другой стороны, восприятие вкуса, формы, запаха, цвета яблока в их единстве. Таким образом, восприятия соответствуют системе свойств предмета. Восприятие является результатом активного, деятельного отношения субъекта к внешней среде, а ощущения есть предпосылка восприятия. Так, ощущения могут существовать вне восприятия, например, ощущения холода, темноты, но восприятия невозможны вне ощущений.

И, наконец, третья форма чувственного отражения – представление – обобщенный чувственно-наглядный образ предметов и явлений действительности, который возникает в нашем сознании в их отсутствие (т.е. без непосредственного воздействия этих предметов и явлений на органы чувств). Представление возникает, когда мы вспоминаем о каком-либо предмете и как бы просматриваем в своей памяти, как он выглядит.

Ощущения, восприятия и представления ведут к накоплению информации, жизненного опыта и обеспечивают возможность чувственно-образного познания мира. Но в органах чувств не могут непосредственно отражаться многие объективные предметы и явления (например, атомы и элементарные частицы), более того, одному лишь чувственному познанию недоступно изучение предметов и явлений на сущностном уровне. Ограниченность чувственного познания разрешается на уровне абстрактно-мысленного отражения (лат. – отвлечение).

Абстрактное мышление – это рациональное, логическое познание, позволяющее перейти от рассмотрения внешних сторон явлений к изучению их сущности посредством оперирования понятиями и построения научных теорий. Основными формами абстрактно-мысленного отражения выступают понятия, суждения и умозаключения. На данном уровне познания осуществляется анализ и синтез информации, ее осмысление, формирование обобщений. В мышлении мы как бы переходим границы видимого мира. Мышление соотносит показания органов чувств со всеми уже имеющимися знаниями индивида и, более того, со всем совокупным опытом и знаниями человечества в той мере, в какой они стали достоянием данного субъекта. В результате синтеза наиболее существенных признаков предметов и явлений, абстрагирования формируется понятие, фиксируемое в языке обобщающее слово. Понятие – исходная и ведущая форма абстрактно-мысленного отражения объектов. «Понятие как форма (вид) мысли, или как мысленное образование есть результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса признаков». (Войтвилло Е.К.). Понятия закрепляются в дефинициях.

Наряду с понятиями, абстрактно-мысленная способность человека включает в себя и такие формы рационального освоения действительности как суждения и умозаключения. Суждение – есть форма мысли, в которой посредством связи понятий утверждается или отрицается что-либо о чем-либо. Высказывая суждения, мы уже пользуемся понятиями. Последние же являются элементами суждений. На базе понятий и суждений формируются умозаключения, представляющие собой рассуждения, в ходе которых логически выводится новое суждение (заклучение или вывод).

Можно выделить следующие отличительные черты способности к абстрактному мышлению по сравнению с чувственным отражением действительности:

- способность к отражению общего в предметах;
- способность к отражению существенного в предметах;
- способность к конструированию на основе познания сущности предметов понятий-идей, подлежащих опредмечиванию;

· опосредованное познание действительности – как через посредство сенситивного (чувственного) отражения, так и с помощью рассуждений, умозаключений и благодаря применению приборов.

Указанные черты и есть проявления способности к созданию абстракций (абстракция – одна из сторон, форм познания, заключающаяся в формировании образов реальности посредством мысленного отвлечения свойств от их носителей и вещей, от условий их существования). Отсюда и название данной способности – «абстрактно-мысленная».

Не следует забывать, что весь процесс познания как отражения действительности в сознании человека протекает в ходе практики, о роли которой в познании речь пойдет ниже.

Другой вид познания – иррациональный – можно и не выделять как отдельный от рационального, автономный вид. Как заметил М. Хайдеггер, «иррационализм есть только не осмыслившая себя рациональность». По крайней мере, допускается возможность частичной рационализации иррационального в будущем.

Согласно общепринятой трактовке, иррационализм – направление в философии, которое отрицает или ограничивает, с одной стороны, возможности разума в познании мира, а с другой, – отвергает или снижает степень разумности порядков мира. Ограничивая познавательные способности разума, иррациональное познание на его место выдвигает другие формы освоения мира (или способности к познанию): веру, интуицию, инстинкт, чувства, переживание и т.п.

И, действительно, опыт познавательной деятельности свидетельствует о том, что обычная логика во многих случаях оказывается недостаточной для решения научных проблем. Важное место в этом процессе занимает интуиция, сообщающая познанию новый импульс и направление движения. Интуиция (лат. – «пристально смотреть») – безусловная способность человека к непосредственному, прямому пониманию смысла и познанию, минуя обоснование и доказательства. Интуитивной способности человека свойственны: 1) неожиданность, внезапность решения задачи; 2) неосознанность путей и средств ее решения; 3) непосредственность постижения истины на сущностном уровне объектов. По другому можно сказать, что интуиция есть внезапное озарение. В конце XIX в. как реакция на позитивизм возникло философское течение интуитивизма (Лосский Н.О., Франк С.Л., Бергсон, Гартман и др.).

Философское понимание истины

Непосредственная цель познания в любой его форме – истина, путь к которой обычно сложен, труден и противоречив. Проблема истины является ведущей в гносеологии. Все проблемы философской теории познания касаются либо средств и путей достижения истины, либо форм ее существования (понятий факта, гипотезы, теории и т.п.), реализации, структуры познавательных отношений и т.п.

Имеются разные понимания истины. Например, «истина – это соответствие знаний действительности» (или знание, соответствующее своему предмету, совпадающее с ним); «истина – это опытная подтверждаемость»; «истина – это свойство самосогласованности знаний»; «истина – это соглашение». Первое положение является классическим. Его разделяли Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Гольбах, Фейербах, Маркс и др. Из этого положения следует, что вопрос о соответствии утверждения (суждения) действительному положению вещей это вопрос о его истинности. Поскольку человек не располагает абсолютным знанием и истиной, но стремится к ним, то главная для него проблема – критерий истинности (критерий соответствия) его теорий, убеждений и суждений. Правда, данную проблему можно отвергать, занимая радикальную позицию агностицизма и скептицизма.

В истории философии было выдвинуто несколько концепций критерия истинности:

- 1) Критерий соответствия суждения (теории) фактам.
- 2) Критерий логической полноты и непротиворечивости. Если все суждения связаны логически необходимым образом, вытекают одни из других, не противоречат друг другу, не содержат смысловых разрывов (обладают полнотой), то они истинны.
- 3) Прагматический критерий отождествляет идею истины с эффективностью. «Если эффективно действует, значит истинно». Нет единой истины, у каждого она своя в меру того, насколько принятая система убеждений приводит к желаемому результату. Данный критерий касается только индивидуального опыта.
- 4) Критерий практики предлагает устанавливать соответствие не между знанием и действительностью, а между знанием и коллективным практическим опытом. Этот опыт и объявляется действительностью мира. Если человеку удастся определить свое знание в том или ином произведении (например, техническом устройстве), если это произведение стало частью реального мира (если оно эффективно), значит оно находится в соответствии с законами мироздания, а следовательно, породившее его знание – истинно.

Значение практики для познавательного процесса подчеркивали многие философы разных ориентаций.

Понятие «практика» выражалось через широкий спектр терминов: «действие», «деятельная жизнь», «опыт», «труд» и т.п. К. Поппер указывал на недопустимость разрушения единства теории и практики или (как это делает мистицизм) ее замены созданием мифов. Он подчеркивал, что практика – не враг теоретического знания, а «наиболее значимый стимул к нему».

В процессе практики человек создает новую реальность – мир материальной и духовной культуры, новые условия своего существования, которые не даны ему природой в готовом виде. Важнейшими формами практики являются: материальное производство – преобразование естественного бытия людей (природы); социальное действие – преобразование общественного

бытия людей; научный эксперимент – активная (в отличие от наблюдения) деятельность, в процессе которой человек искусственно создает условия, позволяющие ему исследовать интересующие его свойства объективного мира.

К основным функциям практики, кроме того, что она выступает критерием истины, относятся следующие:

- практика является источником познания, так как все знания вызваны к жизни главным образом ее потребностями;
- практика выступает как основа познания, его движущая сила;
- практика является опосредованно целью познания, ибо оно осуществляется не ради простого любопытства, а для того, чтобы направлять и соответствующим образом, в той или иной мере, регулировать деятельность людей. Все наши знания возвращаются, в конечном итоге, обратно в практику и оказывают активное влияние на ее развитие.

5) Герменевтический критерий истины исходит из способности людей понимать друг друга и договариваться. В знании ровно столько истины, сколько удастся передать всем другим людям (и именно в бесконечной перспективе). Онтологической основой данного критерия является понимание как способ человеческого бытия.

Характерные черты истины. Основные свойства истины выражаются при помощи парных категорий, например: объективность – субъективность; абсолютность – относительность; всеобщность – конкретность. Так истинное знание – объективно, поскольку оно не зависит от мнения отдельного человека или конечной группы людей (т.е. истина объективна по содержанию). Но в то же время оно субъективно, поскольку является именно человеческим знанием. Истинное суждение – абсолютно, поскольку имеет содержание, которое не может быть исправлено дальнейшим развитием познания, но в то же время и относительно, ибо нет такого знания, которое не могло бы быть уточнено и дополнено. Таким образом, об абсолютной истине (абсолютное в объективной истине – устойчивое, неизменное) мы можем сказать то, что это гносеологический идеал, который недостижим, т.е. недостижимо полное, исчерпывающее знание о действительности. Абсолютными знаниями могут представляться знания об отдельных сторонах предметов, аспектах действительности. Истинное знание конкретно, поскольку всегда предполагает условия, при которых оно соответствует действительности (если условия не предполагаются, то это будет или заблуждение, или глупость), но в то же время оно носит всеобщий характер, поскольку предполагает, что конкретная ситуация соответствует всеобщему порядку. И хотя мы знаем, что в истинном знании имеются все эти противоположные определения, но в точности указать меру объективного субъективного, абсолютного – относительного, конкретного – всеобщего, не можем. В этом состоит проблемность или парадоксальность или неразрешимость истинного знания. Когда знание забывает о своей проблемности, о существовании парадоксальной границы между его противоположными определениями, оно становится заблуждением, а еще далее – глупостью. Истина есть процесс. Свойство объективной истины быть процессом проявляется двояко: 1) как процесс движения от относительного знания к знанию абсолютному; 2) как процесс преодоления заблуждений в структуре концепций, теорий.

Заблуждение же – это «знание», не соответствующее своему предмету, не совпадающее с ним. Заблуждение как теоретико-познавательный феномен следует отличать от лжи – преднамеренного искажения истины в корыстных интересах – и связанной с этим передачи заведомо ложного знания – дезинформации. Таким образом, заблуждения характеризуются свойством непреднамеренности. Они играют неоднозначную роль, то есть, с одной стороны, препятствуют достижению истины, но, с другой, – являются частью гносеологического процесса: выдвиганием гипотез субъект накладывает на область неизвестного сеть своих предварительных представлений, базирующихся на уже известном, что иногда приводит к заблуждениям.

Заблуждения могут способствовать созданию проблемных ситуаций. «Все существующие идеи в науке решались в драматическом конфликте между реальностью и нашими попытками ее понять». (А. Эйнштейн).

Ложным человеческое знание становится не потому, что оно не имеет отношения к действительности, а потому, что границы его действительности указаны неверно. Неспособность человека вообще увидеть проблемность ситуации или суждения есть глупость. От ошибки и заблуждения глупость отличает уверенность. Глупость всегда уверена в чем-либо, так как не видит и не знает проблемы. Отсюда родство глупости и самодовольства, неотвязной спутницей которого становится театральность, в дальнейшем злобность и безумие.

Основные концепции истины

Истина, по гречески – «алете́йя» – одно из важнейших понятий философии на протяжении всего ее существования. Что же это такое – истина? Конечно же, однозначного, исчерпывающего и окончательного ответа на этот вопрос до сих пор не существует, и вряд ли такой ответ вообще может быть найден. Есть множество вариантов ответа на этот вопрос, т.е. существуют различные точки зрения на то, что такое истина.

Одна из этих точек зрения была высказана еще Аристотелем и называется она **классической концепцией** (теорией) **истины**, или **корреспондентской** (лат. *correspondere* – отвечать, осведомлять, соответствовать). Она формулируется примерно так: истина – это соответствие наших знаний о действительности (мире) самой этой действительности (миру). Вроде бы лучше и проще ответить на вопрос о том, что такое истина, невозможно. Соответствие знаний действительности. А как может быть иначе? Кстати, мы в своем большинстве стихийно разделяем эту точку зрения; и действительно, если бы вас спросили, что такое истина, вы, скорее всего, если никогда специально не задумывались над этим вопросом, сказали бы, что истина – это соответствие знаний действительности: когда такое соответствие есть, то можно говорить о наличии истинного знания, или истины, когда этого соответствия нет, тогда нет и истинного знания, или истины. Вроде бы все просто. Однако – просто не так, как на первый взгляд может показаться.

Давайте задумаемся над классическим определением истины, которая является, согласно этому определению, соответствием наших знаний действительности. В этом определении явно присутствуют два объекта: 1. Сама действительность, 2. Наши знания о действительности. Причем главное здесь – сопоставить первое и второе на предмет соответствия, т.е. выяснить, есть это соответствие или его нет. Однако для того, чтобы сопоставить первое и второе на предмет соответствия, нам надо иметь как первое, так и второе, т.е. нам надо иметь: 1. Действительность как таковую, саму по себе, такую, какой она является вне, без, помимо наших представлений, 2. Наши знания о действительности. Со вторым пунктом все в порядке – наши знания о действительности всегда с нами. Но что делать с первым пунктом? Разве мы имеем действительность саму по себе, разве она дана нам как таковая, разве мы знаем наверняка, какая она на самом деле? Кстати, если бы мы знали это, то вопроса об истине и не возникало бы! Зачем нам сопоставлять действительность с нашими знаниями о ней, если мы и так о ней все знаем? В том-то все и дело, что действительность нам не дана сама по себе, она для нас существует только в виде наших представлений о ней. О действительности самой по себе, вне и без человеческих о ней представлений, может знать только Бог. Для человека же действительность – это именно его о ней представления; к самой действительности, к действительности, как таковой, у него нет прямого доступа. Тогда получается, согласно корреспондентской концепции истины, что надо сопоставить не действительность с нашими знаниями, а наши знания – с нашими знаниями! Но при этом действительность остается как бы «за скобками». Стало быть, говорить о соответствии наших знаний действительности невозможно, и классическую теорию истины вряд ли можно признать безупречной.

Иначе и проще говоря, определение истины, по которому она является соответствием наших знаний действительности, предполагает наше изначальное, как бы «заочное» и исчерпывающее знание об этой действительности, которого у нас, конечно же нет.

Поэтому понятно, что наряду с классической теорией истины существуют и неклассические ее концепции, корни которых уходят далеко в историю философии. Например, такие философы, как греческие софисты и скептики, Д.Юм и И.Кант, с которыми вы познакомитесь на страницах этой книги, высказывались явно не в духе корреспондентской теории истины. Однако последняя со времен Аристотеля все же была преобладающей в истории философии. Неклассические представления об истине в полной мере проявились, появились и оформились в XX веке. Однако это не означает, что классическая теория истины устарела и ушла в прошлое. В настоящее время есть философы, которые придерживаются именно ее, но есть и их оппоненты, которые стоят на позициях неклассических представлений об истине.

Существует несколько основных неклассических концепций истины. Одной из них является **конвенциональная концепция истины**, или **конвенционализм** (лат. *conventio* – соглашение), согласно которой истиной является то, о чем мы договорились (выработали конвенции, или соглашения) считать это истинным. Примером конвенционального построения знания может служить математика, в которой есть аксиомы – некие положения, или утверждения, которые не доказываются, а просто принимаются как истинные, т.е. об их истинности как бы договариваются. Один из представителей конвенциональной концепции истины – французский ученый и философ А. Пуанкаре.

Кстати фактически любое мировоззрение во многом строится конвенционально: его сторонники как бы договариваются об основоположениях системы своих идей, вырабатывают своего рода конвенции об их истинности. Помните, когда примерно в 4-ом классе школы на уроках математики мы решали задачи с помощью составления простого уравнения, мы говорили, например: «Пусть скорость лодки – это x , тогда скорость лодки по течению – $x+5$, тогда...» и т.д. Так вот, по крупному счету, построение любого мировоззрения начинается с этого основного «Пусть», которое и представляет собой некую договоренность о том, что такие-то положения мы будем считать истинными и на их базе строить дальнейшую идейную конструкцию.

Например, сторонники религиозного мировоззрения исходят прежде всего из того, что Бог существует, а их оппоненты – атеисты, – из того, что Бог не существует. По сути дела, религиозное мировоззрение начинается с конвенции и вытекающих из нее последствий: «Пусть Бог существует, тогда есть бессмертная душа, вечная жизнь, божественный промысел, постоянно влияющий на человеческую жизнь...». Так же и атеистическое мировоззрение начинается с конвенции и вытекающих из нее последствий: «Пусть Бога нет, тогда нет бессмертной души, вечной жизни, божественного промысла, а человек сам формирует свой жизненный путь...».

Другая известная неклассическая концепция истины называется **прагматической теорией истины**, или **прагматизмом** (греч. *pragma* – дело, действие), основателем которого считается американский философ XIX века Чарльз Пирс, который утверждал о том, что значение идей и понятий состоит в их практических последствиях, которые мы можем от них ожидать. Иначе истинно то, что полезно для нас. Прагматизм – это философия, которая не ставит перед собой задачи познания объективного мира и не считает истиной действительное положение вещей, но призывает исходить из нашей собственной практической жизни и полагать истиной то, что служит ее успеху, благополучию и процветанию.

Объективная действительность непознаваема, говорят представители прагматизма: то, что представляется нам, и то, что существует на самом деле – два разных мира, между которыми лежит пропасть. Познание является движением не от незнания к знанию, а от сомнения к вере (то есть к вере в то, что все именно так, как мне кажется). Вопрос о том, соответствует ли это мое верование реальному миру, бессмысленный. Если оно помогает мне жить, приводит к поставленной цели, является полезным для меня, значит оно истинно. Поскольку мир непознаваем, мы имеем полное право представлять его себе каким угодно, думать, что захочется и считать истиной любое удобное и выгодное для нас утверждение.

Еще одной неклассической концепцией истины является **когерентная теория истины** (лат. *cohaerentia* - сцепление, связь), согласно которой истинным следует считать ту систему идей, в которой нет внутренних логических противоречий, т.е. - все со всем согласовано, связано в единую картину, все последовательно, стройно, обосновано и т.п. Одним из представителей когерентной теории истины является немецкий философ XX века К.Поппер. Для иллюстрации основной идеи этой концепции можно привести

следующую аналогию. Всем хорошо известно, что такое детский конструктор: из некоего набора деталей можно соорудить различные комбинации-фигурки-поделки. Этот набор деталей уподобим разнообразным фактам окружающего нас мира, грандиозную совокупность которых обычно называют опытом; а фигурки-поделки уподобим теориям, концепциям, идеям, которые призваны сделать не что иное, как объяснить факты. Как из одного и того же набора деталей конструктора можно собрать разные комбинации-фигурки, так для одних и тех же фактов можно выдвинуть разные объяснения. Главное в любой поделке из конструктора, чтобы все детали были на своих местах, чтобы не осталось лишних деталей, чтобы все они были друг с другом как следует соединены, наконец, - чтобы данная конструкция-поделка функционировала (если это, например, машина, то она должна ездить, если - пушка, - стрелять, если - человек, то - ходить, сидеть и т.п.). Так же и в некоем объяснении чего-то, в концепции или теории факты должны быть связаны в единую картину, не вписывающихся фактов не должно оставаться, все должно быть взаимосогласовано, концепция должна быть практически применима, и в этом случае ее вполне можно считать истинной.

Когерентная концепция истины достаточно популярна в современном мире. Она, как вы заметили, имеет точки соприкосновения с другими неклассическими теориями истины - прагматической и конвенциональной. Когерентная концепция не пренебрегает возможностью практического применения идей, их полезностью для человека; а также она признает и аксиомы, которые лежат в основе любой теоретической конструкции. Главное же в ней - это, наверное, утверждение, согласно которому, на одну и ту же совокупность фактов можно выдвинуть различные, конкурирующие друг с другом объяснения, ни одно из которых не сможет считаться более правильным, чем другое, т.к. каждое из них одинаково хорошо справляется со своей объяснительной задачей. Для иллюстрации этой мысли приведем здесь анекдот-притчу.

Некую женщину спрашивают:

- Как ваша дочка замуж вышла?

Она отвечает:

- Очень хорошо и удачно, я так за нее рада!

- А почему?

- Ну ей такой муж достался: по дому она ничего не делает, спит каждый день допоздна, нигде не работает, а в выходные они с мужем в театр ходят или в ресторан.

- Вот здорово! Поздравляем! Ну а сын как женился?

- Ой, сын - очень плохо, я так из-за него расстраиваюсь!

- А почему?

- Да такая жена ему досталась: по дому ничего не делает, спит каждый день допоздна, нигде не работает, а в выходные хочет с мужем в театр ходить или в ресторан.

Обратите внимание, в данной истории факт один и тот же, но его толкования, объяснения, видения, или интерпретации (лат. *interpretatio* - посредничество) являются разными. Причем не просто разными, а противоположными. Но что самое главное - обе эти интерпретации являются верными, правильными, истинными. Ведь действительно дочка вышла замуж удачно, ей можно только позавидовать; а сын действительно женился очень неудачно, и ему можно только посочувствовать.

В когерентной теории истины речь идет, по крупному счету, о том, что одни и те же факты, опыт, окружающий мир можно объяснить по-разному; главное - не сами факты, а их интерпретация, или истолкование, объяснение. Причем последнее должно быть всего лишь логичным, непротиворечивым, последовательным, чего вполне будет достаточно для того, чтобы считать данную интерпретацию правильной, или истинной. Но тогда получается, что истин может быть много. Это действительно так: в когерентной теории истины, причем так же, как и в прагматической, и в конвенциональной говорится о плюрализме и альтернативности истин, в отличие от классической, или корреспондентской теории, где истина - одна, ведь знания или соответствуют действительности, или не соответствуют. Что же касается неклассических концепций, то в них речь идет о множественности истин, т.к. логически непротиворечивых интерпретаций одного и того же может быть несколько (когерентная концепция); различных договоренностей об основоположениях какой-то системы идей тоже возможно некоторое количество, отличное от единицы (конвенциональная концепция); практически работать и приносить пользу также могут самые различные, конкурирующие друг с другом и даже взаимоисключающие теории (прагматическая концепция). Поэтому корреспондентская концепция истины также часто называется **монистической**, или **монизмом** (греч. *monos* - один), а неклассические - **плюралистическими**, или **плюрализмом** (лат. *pluralis* - множественный).

Вопросы для самопроверки

1. Что такое гносеология? Каковы ее основные вопросы?
2. Что представляют собой понятия знания и незнания, метода, гипотезы, категории?
3. Что такое субъект и объект? Каково их взаимодействие?

4. Каковы основные познавательные способности человека?
5. Каково основное содержание таких идей как сенсуализм, рационализм и иррационализм? Что такое интуиция?
6. Каковы основные критерии истины?
7. Что представляет собой корреспондентская концепция истины? В чем заключается ее основной возможный недостаток?
8. Каковы основные неклассические концепции истины? В чем заключается сходство между ними и в чем состоят черты их различия?
9. Что такое монизм и плюрализм истины?

Основные понятия и идеи антропологии

Что такое антропология?

Антропология (греч. *antropos* – человек, и *logos* – учение) – философское учение о человеке. Приведем примеры антропологических вопросов: 1) Кто такой человек? 2) Каково его происхождение? 3) В чем смысл его жизни? 4) Каково его предназначение в мире? И т.п.

В широком смысле слова философская антропология – это раздел философии, изучающий человека. В узком смысле – течение современной философии, наиболее известные представители которого – М. Шелер, А. Гелен, Г. Плеснер.

Основные направления философской антропологии – принципы анализа человеческой сущности, сущность и существование человека. Сущность – внутреннее содержание объекта, выражающееся в единстве всех форм его бытия. Сущность отличают от явления, как внешнего, наблюдаемого, и от специфики, т. е. особенностей, отличающих объект от других. Такие особенности могут быть заметными, но не очень важными. Специфика человека изучается в антропологии, в т. ч. в нефилософской. Например, в исторической антропологии и в археологии основой определения человека считается «гоменидная триада»: прямохождение, объем мозга и перпендикулярное положение большого пальца.

Философское исследование человека началось с вопроса о его специфике. Знаменитый софист Протагор утверждал, что «человек – это мера всех вещей». Платон сказал, что «человек – это двуногое существо без перьев», по Аристотелю «человек – это политическое животное», по Ф. Ницше «человек – неустановившееся животное», по Э. Кассиреру «человек – это символическое животное».

В силу определения современной специфики, человек – единственное животное, способное к функциональной игре во взрослом возрасте.

Проблема сущности человека

1. Теоцентризм. Сущность человека определяется тем, что он создан Богом, т. е. его нельзя определить самого по себе, независимо от Бога. Только исходя из идей творения, можно оценить содержание и цель человеческой жизни. Этот подход был очень популярен в русской философии конца XIX – начала XX вв. Это идеи В. С. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Н. Толстого. Бердяев: «Сущность человека определяет его подобие Богу-творцу», т. е. сущность человека в том, что он – творец. Все остальные существа «живут по своей мерке».

2. Натуроцентризм. Человек – это природное живое существо. Биологический уровень существования человека играет определяющую роль по отношению к его индивидуальности, к формам его общественного поведения и ко многим социальным процессам.

Натуроцентризм сформировался в античной философии (Демокрит), поддерживался позитивизмом, прагматизмом. В философии XX в. в его рамках появляется идея принципиального несовершенства биологической природы организма. А. Герен утверждает, что человек плохо приспособлен к среде своего обитания. Его основное состояние в современном мире – перегруженность (физическая, информационная, интеллектуальная). Культура – это совокупность механизмов, компенсирующих биологическую недостаточность человека. Техника, средства массовой информации и государство компенсируют эти перегруженности.

3. Социоцентризм. Главное в человеке то, что он – часть человеческого общества. Только в нем он может существовать как человек. Все человеческие качества формируются в социально-культурной среде. У истоков социоцентризма – Аристотель с определением человека как государственного животного. Сущность человека – совокупность всех общественных отношений. В XX в. в рамках этого подхода разрабатывается понятие «социальный тип личности». Это совокупность качеств, наиболее характерных для определения человеческого сообщества и обусловленных особенностями истории и деятельности данного сообщества.

Для каждого из этих подходов существуют рационалистический и иррационалистический варианты. Рационализм связывает сущность человека с разумом, иррационализм – с другими феноменами его психики.

Во всех этих подходах сущность человека связывается с чем-то внешним по отношению к нему. Признается, что есть более высокая и значимая реальность, чем сам человек.

4. Антропоцентризм. Сущность человека не в чем-то ином, внешнем по отношению к нему, а в нем самом, в его самопознании. Формирование человека – это всегда самосозидание в активной деятельности. Любые внешние воздействия не могут полностью определить человека. У истоков такого понимания стояли Сократ, Кант.

Кант рассматривает человеческое бытие как уникальное и как объект особого философского рассуждения. «Все, что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство. Только человек, а с ним и каждое разумное существо есть цель сама по себе». Всем разумным существам присуща добрая воля, т. е. готовность действовать на основе нравственных принципов. На основе доброй воли люди устанавливают императивы, т. е. предписания поступать определенным образом. Большинство императивов – гипотетические, их выполнение зависит от ситуаций. Категорический императив только один – «поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать всеобщим нравственным законом».

Одной из форм развития антропоцентризма является переход от рассмотрения человека с точки зрения сущности к рассмотрению его с точки зрения существования.

Существование – это бытие объекта во всей совокупности его индивидуальных характеристик и процессов, с ним происходящих.

Философское направление, которое рассматривает человека с точки зрения существования, называется экзистенциализм (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Г. Марсель, Ж. П. Сартр, А. Камю).

Они различают подлинное и неподлинное бытие человека. Подлинное бытие – это состоявшаяся жизнь человека, в которой была развита и проявлена его индивидуальность. Неподлинное бытие – жизнь, прожитая по стандартам в соответствии с общепринятым, без совершенного вывода. Подлинное бытие не дано изначально, человек должен найти путь к нему. Состояние, которое выводит человека к поиску подлинного бытия – пограничная ситуация, страх утраты своего «Я».

Больше всего мешает достичь подлинного бытия то, что Хайдеггер называет «давление ман» – глухое неприятие всего необычного, отрицательная реакция на любые нетипичные оценки и поступки.

Проблема человека в истории философии

Проблема человека разрабатывается со времён древности. Древневосточная философия почти полностью посвящена решению данной проблемы. Например, Конфуций считал, что человек, живя в обществе, государстве, должен беспрекословно выполнять порученные ему функции. В государстве все должны заниматься своим делом: император властвовать, чиновники управлять, остальные подчиняться. Для конфуцианства характерен упор на выполнение норм сяо – почитание старших по возрасту и положению в обществе.

В европейскую философию проблему человека привнёс Сократ. В отличие от своих предшественников, он считал, что пытаться постичь природу – значит вмешиваться в дела богов. Единственным предметом философских размышлений поэтому должен стать человек. Сократ стремился обосновать положения этического рационализма: добродетели должны строиться на знании, а моральные убеждения – не просто приниматься на веру, а быть выведены из разума. Только разум даёт общеобязательное знание. В качестве основных человеческих добродетелей Сократ называл умеренность, храбрость и справедливость, то есть качества полезные не только отдельному человеку, но и обществу в целом. Платон и Аристотель также не отделяли человека от общества (государства). Платон считал, что для процветания государства каждый должен делать только то, к чему имеет способность. Процветание государства будет способствовать и счастливой жизни его граждан. Аристотель также полагал, что полноценно человек может жить только в обществе. Наилучшим государственным устройством, в отличие от Платона, Аристотель считал не гипотетическое государство, а аристократию как власть лучших. В отличие от мыслителей классического периода, в эллинистической философии проводится идея о том, что для обретения счастья жить нужно незаметно, особенно не вмешиваться в сферу политики (например, воззрения Эпикура).

В Средние века человек рассматривался как образ и подобие Бога, конечная цель творения мира. Только человек способен высказывать суждения, отличать добро и зло. Однако первородный грех, присущий всем людям приводит к тому, что они становятся рабами своих страстей и желаний. Для спасения души, на которое должны быть направлены основные усилия людей, необходима помощь Бога – действие божественной благодати. Человечество направляется Богом к сверхъестественной судьбе: соединению с Богом в божьем царстве.

Философия эпохи Возрождения «подняла» человека до уровня Бога. Человек стал рассматриваться как центр мира. В своей деятельности и замыслах он не может быть ничем ограничен. Человек может всё. Гуманизм провозглашал свободу человека, его достоинство, могущество разума.

В Новое время стали обращать преимущественное внимание на внутренний мир человека. Человек как разумное существо должен подчинить своим интересам природу и перестроить общественные отношения на разумных основаниях. Также философы пытались раскрыть природные основы человека. Так, по мнению Гоббса, «природа человека есть сумма его природных способностей и сил», основная из которых – это способность мыслить. Локк придавал особое значение формированию гармонии физического и духовного начал личности. Французские материалисты XVIII века стремились представить человека как единство материи и сознания, однако, в силу неразвитости природоведческих наук, строили свои рассуждения с опорой на механику, поэтому допускали значительные упрощения. Например, Гольбах, опираясь на незыблемость законов природы, был вынужден построить фаталистическую теорию, отрицавшую свободу выбора.

Представители немецкой классической философии стремились преодолеть механицистское понимание человека. Согласно Гегелю, человек реализует свою духовную сущность, преодолевая природность, через включение в многообразие отношений общественной жизни (семья, государство, право и т.п.). Наоборот, согласно Фейербаху, сущность человека определяется его телом. Человек – это целостный материально-духовный субъект. Его главной характеристикой у Фейербаха выступает чувственность, которая синтезирует телесность, разум, волю и чувства.

Философия марксизма выдвинула деятельную парадигму человека. Человек, по Марксу, обладает творческой универсальной сущностью, реализовать которую мешают различные виды человеческого отчуждения. В условиях свободного труда будут формироваться универсально развитые личности, взаимно обогащающие друг друга. Подчеркивает активный, деятельный характер человеческого бытия в философии марксизма понятие практики как совокупной деятельности человека по преобразованию условий, обстоятельств и самих себя.

Основное антропологическое направление философии XX века – экзистенциализм. Оно обращает внимание на существование отдельного человека в стандартизированном мире, где происходит нивелировка человеческих жизней. Экзистенциалисты обратили внимание на то, что наука и разум мало что дали для счастливой жизни человека. Неподлинное существование – это власть над людьми других людей и вещей, превращение человека в вещь, обезличивание личности. Подлинное существование возможно через осознание человеком собственной конечности и свободы. По Сартру, свободный человек всегда действует самостоятельно, а не как «винтик» огромного механизма, и ощущает ответственность не только за свои поступки, но и за всё, что происходит в мире.

К иррационалистическим теориям человека примыкает психоанализ. Его основатель Зигмунд Фрейд считал, что многие функции нашего тела, связанные с деятельностью мозга, осуществляются бессознательно. «Низшее» бессознательное проявляется во снах, оговорках, описках и т.д. «Высшее» бессознательное – это творчество, механизм которого также не осознаётся. Бессознательное, по Фрейду, состоит из сексуальных инстинктов, инстинкта агрессивности, инстинкта жизни и др. Следование нормам морали и законам общества вытесняет бессознательное на периферию психики, однако и оттуда оно оказывает определяющее воздействие на поведение человека. Карл-Густав Юнг выделил индивидуальное и коллективное бессознательное. В целом, психоаналитическое направление преувеличивает значение биологических факторов, недооценивая роль социальных.

Представитель направления философской антропологии Макс Шелер утверждал, что человек является своего рода центром, из которого исходят различные связи с миром. Он противопоставил логике интеллекта логику чувства. Подлинным персональным бытием личности выступает любовь. Любовь, по Шелеру, – это акт восхождения, который сопровождается мгновенным прозрением высшей ценности объекта. Любовь может быть направлена только на личность как носителя ценности, но не на ценность как таковую.

Происхождение человека

Проблемой происхождения человека занимается антропология как раздел биологии. Позволим себе зайти на территорию биологов, чтобы воспользоваться их данными и обозначить основные этапы антропогенеза, то есть процесса эволюционного формирования человека, его трудовых навыков, речи и социальных форм жизни. Все люди по зоологической систематике относятся к классу млекопитающих, отряду приматов, семейству Гоминидов (прямоходящих приматов), роду Номо, виду *Homo sapiens*. Причем три последние ниши (семейство – род – вид) мы занимаем в гордом одиночестве.

4-1 млн. лет назад в Восточной Африке и 3-1 млн. лет назад в Южной Африке гоминиды были представлены австралопитеками. Считается, что это была ветвь лазающих по деревьям приматов – дриопитеков, которые из-за изменений климата лишились привычной среды обитания и были вынуждены приспособиться к жизни в безлесной саванне. Они были промежуточными между обезьянами и человеком существами. Анализ ДНК человека и шимпанзе показывает, что эти виды имели общих предков, но разошлись 6-8 млн. лет назад. В саванне у австралопитеков прямохождение из случайного и вынужденного перешло в необходимое. Таким образом, руки освободились для более тонких и разнообразных операций. Но если двуногость сформировалась довольно рано, формирование «трудовой руки» и головного мозга длилось гораздо дольше.

Прямохождение изменило положение костей таза, отверстие малого таза сузилось, родиться и выживать стали недоношенные по меркам животного мира детеныши. Формирование большого числа нейронных связей в коре головного мозга (его объем у австралопитеков достигал 650 куб. см) происходило уже после рождения в изменчивой и неопределенной предметной и стадной среде. Это формирование большого числа контактов (синапсов) клеток мозга закладывало анатомо-физиологические предпосылки для будущего мышления. Изменилась и структура питания, с животной пищей в организм стало поступать больше белков.

Впрочем, некоторые специалисты считают перечисленные факторы недостаточными, чтобы запустить процесс антропогенеза. Они делают основную ставку на мутации, которые происходили под воздействием повышенной радиации в зоне разломов земной коры. Но, в любом случае, мутации должны были повышать приспособленность австралопитеков к новому образу жизни. Похоже, процесс развивался успешно: около 2-х млн. лет назад появился так называемый Человек умелый, или *Homo habilis*, ставший первым представителем рода Номо. Рядом с его останками находили грубо обколотые гальки, служившие скребками и рубилами. Эта примитивная галечная культура эпохи палеолита провела грань, отделившую прямоходящих человекообразных обезьян от древнейших предков человека.

Но собственно к древнейшим людям, или архантропам, входившим в семейство Гоминид, относятся питекантропы и синантропы, чьи останки были найдены на Яве, в Африке и в Китае. Они жили 1,8 млн. – менее 200 тыс. лет назад и из Азии проникли в Европу. Древнейшие люди обладали мозгом до 1200 куб. см, примитивной речью, умением поддерживать огонь и хорошо изготавливать

каменные орудия. В биологической классификации они именуется Homo erectus – Человек прямоходящий. Следующий представитель семейства Гоминид, рода Homo – неандерталец. Время его существования определяется по-разному: 250-35 тыс. лет или 70-30 тыс. лет назад.

Время появления новых людей – неантропов – 50-40 тыс. лет назад. В этот период выделились и основные человеческие расы: европеоидная, австрало-негроидная и монголоидная. Но так как с формированием социальных отношений и ослаблением биологических факторов естественного отбора скорость эволюции вида Homo sapiens резко снизилась, ни одна из рас не превратилась в отдельный биологический вид.

Впервые ископаемые позднепалеолетические люди – кроманьонцы – были найдены во французской пещере Кро-Маньон в 1868 г. Выяснилось, что неандертальцы и кроманьонцы существовали совместно, но первые были вытеснены соперниками, превосходившими их не столько в росте и силе, сколько в трудовой деятельности, речи, мышлении, то есть в способности накапливать и передавать небиологическую информацию.

Создатель эволюционной теории Чарльз Дарвин (1809-1882) обращал особое внимание на сходство в строении тела человека и приматов, на общность факторов, которые определяли эволюцию животных и предков человека. По сравнению с Дарвином, современные биологи гораздо большую роль отводят социокультурным факторам развития: «С философской точки зрения человек – существо качественно иное по сравнению с животными, так как труд является основным условием его жизнедеятельности и осуществляется он в условиях общества». Начало такой трактовке антропогенеза было положено работой Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876 г.). Он совершенно правильно оценил значение так называемой гоминидной триады (прямохождение, развитие руки и увеличение объема головного мозга) для перехода к производству каменных орудий труда и возникновению общества. При этом биологических факторов, наследственных особенностей никто не отменял. С шимпанзе у нас более 90% общих генов. Каким образом взаимодействуют природные и социокультурные факторы – одна из самых дискуссионных тем философской антропологии.

Что такое «природа человека»?

Прежде чем обсуждать проявления природных и социальных факторов в человеческом поведении, неплохо бы выяснить, что понимается под обществом и природой. Представления об обществе будут изложены в следующей теме. Сейчас же определим, что такое природа, но не вообще, а природа человека.

Этот термин чрезвычайно многозначен. В связи с обсуждением проблемы человека мы выделим два его значения: природа как проявление природного, биологического начала в человеке; природа как существенное, неотъемлемое, то, что делает человека человеком. Понятно, что делать человека человеком могут неприродные, небиологические факторы, тогда первое и второе значение, а также стоящие за ними теоретические позиции, могут конфликтовать.

Мыслители прошлого, которые пытались определить сущность человека, часто использовали образ природы, скрытой под социально-историческими наслоениями. Французский просветитель XVIII в. Жан-Жак Руссо сравнивал человека со статуей греческого морского божества Главка, которая стояла в порту. Волны веками окатывали ее, пока она не покрылась коростой соляных отложений и не стала безобразной. Но если сбить соляную корку, мы увидим под ней по-прежнему прекрасный лик божества. Так и люди во многих своих общественных проявлениях представляют карикатуру на естественного, природного человека, считал Руссо. Снимите культурные наслоения – и увидите подлинного человека. Этот прием использовали многие мыслители и до, и после Руссо. Казалось, удалив социокультурные «наносы», они должны были находить одно и то же, ведь не может быть у человека много природ. Однако такой подход не оправдал себя.

В качестве примера рассмотрим обсуждение вопроса о природе человека в Древнем Китае. Вопрос ставился так: хорош или зол человек по своей природе и можно ли изменить эту природу воспитанием и государственной политикой? Так вот, на один вопрос было, по меньшей мере, четыре ответа.

Человеческая природа не зла и не добра, она этически нейтральна и зависит от социальных обстоятельств, от политики властей, – считали конфуцианцы и использовали сравнение с водой. Вода может течь на север, на юг, на восток и на запад, смотря куда прорыть канал. «Природа человека не разделяется на добрую и недобрую, подобно тому, как вода в своем течении не различает востока и запада»

Нет, человек по природе добр, – считали Мэн-цзы и его последователи. В доказательство они приводили такой пример: «Если люди вдруг увидят ребенка, который вот-вот упадет в колодец, они все без исключения испытают чувство тревоги и страдания». Не имеющий сострадания просто не человек. Поэтому вода всегда течет вниз, а человеческая природа всегда стремится к добру. Злобу и эгоизм людей Мэн-цзы трогательно объяснял неблагоприятными внешними обстоятельствами. «В урожайные годы большинство молодых людей бывают добрыми, а в голодные годы – злыми. Такое различие происходит не от природных качеств, которые им дало Небо, а потому что голод вынудил их сердца погрузиться во зло».

Человек по природе зол, считали легисты («законники»), поэтому его надо держать в узде строгих правил. Может, когда-нибудь в древности люди были просты и честны, но ныне они стали хитрыми и нечестными. Поэтому для воспитания добродетели нужны «смертные казни и применение справедливости с насилием». Как кончил свои дни легист Шан Ян, чьи взгляды мы только что изложили? Он был казнен, как только умер правитель, который ему покровительствовал.

Одни люди по природе целиком добры и могут подавать пример остальным, другие – злы и пропадут без доброго руководства и наставлений, то есть обе стороны нуждаются друг в друге. Такова точка зрения Лао-цзы.

Такой разноречивой оценкой свидетельствует о нескольких вещах. Во-первых, так называемая природа человека, которой оперировали философы прошлого, не имела отношения к биологической наследственности. Ни в естественной среде, ни в генах человека нет ни добра, ни зла. Это моральные, культурные характеристики.

Во-вторых, это был осознанный или неосознанный прием, который помогал удалить случайности, выделить или смоделировать главные черты человека, а затем вывести их за пределы общественной истории. Эти «природные» черты подавались как вечные и неизменные, а потому могли быть средством критики нравов, политических порядков и вообще всех отрицательных явлений современности. И наоборот, с помощью образа природы можно было обосновывать новые общественные идеалы. То есть, если Томас Гоббс (1588-1679) живо изображает ужасы естественного состояния, войну всех против всех и злую природу человека, он действует не как натуралист-антрополог, а как политик, который поддерживает диктатуру Кромвеля из страха перед безвластием и гражданской войной. Создание в XIX в. убедительных социальных концепций, в том числе марксизма, сделало непопулярными спекуляции на природе человека. Но в XX в., в связи с усовершенствованием эволюционной теории, появлением этологии (науки о поведении животных), генетики поведения и других биологических дисциплин моделирование базовых свойств человека разгорелось с новой силой.

Основные понятия и идеи социальной философии

Что такое социальная философия?

Изложенные в предыдущих разделах теоретические и методологические положения имеют немаловажное значение для понимания проблем общественного развития. Вместе с тем изучение непосредственно общества как целостной социальной системы предполагает обоснование ряда новых положений и введение новых понятий, с помощью которых могут быть объяснены структура общества, т.е. характер взаимосвязей и взаимозависимостей его сторон, а также механизмы его функционирования и развития. На пути осмысления данных вопросов предстоит познакомиться с содержанием концепций наиболее влиятельных течений и школ социальной философии, внесших заметный вклад в понимание проблем развития общества, его культуры. Это поможет глубже представить общество во всем многообразии его явлений и процессов, а также уяснить различные подходы к его изучению, что составляет достояние самой социально-философской мысли.

Прежде чем определить предмет социальной философии, укажем на основные значения понятия «социальное». В современной философско-социологической литературе данное понятие употребляется в узком и широком смысле.

В узком смысле «социальное» обозначает существование особой области общественных явлений, составляющих содержание так называемой социальной сферы жизни общества, в которой решаются свой круг проблем, затрагивающий соответствующие интересы людей. Эти проблемы касаются социального положения людей, их места в системе общественного разделения труда, условий их трудовой деятельности, перемещений из одних социальных групп в другие, их жизненного уровня, образования, охраны здоровья, социального обеспечения и т.д. Все эти проблемы внутри социальной сферы решаются на почве складывающихся здесь специфических социальных отношений, понимаемых также в узком смысле. Их специфическое содержание определяется содержанием указанных проблем, по поводу которых они возникают. Этим они отличаются, скажем, от экономических, политических, нравственных, правовых и других общественных отношений.

В широком смысле понятие «социальное» употребляется в значении «общественное», как синоним данного понятия, совпадая с ним по объему и содержанию. В этом случае понятие «социальное» («общественное») обозначает все происходящее в обществе в отличие от происходящего в природе. Другими словами, оно обозначает специфику общественного по отношению к природному, естественному, биологическому. В широком смысле понятие «социальное» употребляется также как противоположное индивидуальному. В этом случае оно обозначает то, что относится к социальным группам или же ко всему обществу в отличие от того, что касается индивидуальных качеств отдельного человека.

В социальной философии понятие «социальное» употребляется как в широком, так и в узком смысле. Другими словами, оно может касаться всех происходящих в обществе процессов, в том числе и в его социальной сфере, но может касаться только тех, которые относятся собственно к данной сфере и выражают ее специфику. Сама же социальная сфера рассматривается в ее взаимодействиях с другими сферами общественной жизни в рамках единого общества.

Предметом социальной философии является общество, взятое во взаимодействии всех его сторон, т.е. как целостная социальная система, а также законы функционирования и развития общества. Это значит, что социальная философия рассматривает и объясняет различные общественные явления и процессы на макроуровне, т.е. на уровне всего общества как саморазвивающейся и самовоспроизводящейся социальной системы. Ее в первую очередь интересуют не столько специфические особенности, скажем, экономических, политических или же духовных явлений – это главным образом предмет других наук, сколько их место в целостной структуре общества и та роль, которую они играют в его существовании и развитии. Социальная философия рассматривает также взаимодействия между собой различных обществ. В поле ее зрения находятся и те явления и процессы общественной жизни, которые характеризуют развитие всего человечества. В этом случае предметом социальной философии выступает исторический процесс в его целом, взаимодействие его объективных и субъективных сторон, закономерности его развития.

Внимание социальной философии не могут не занимать практическая деятельность людей и их общественные отношения. Ведь именно в процессе своей практической деятельности – производственно-экономической, духовной, социально-политической, научной, нравственной, эстетической – люди производят необходимые для своего существования материальные и духовные блага, преобразуют природу, создают необходимую для себя духовную атмосферу и социокультурную среду.

В процессе своей совместной деятельности люди вступают между собой в различные отношения, чтобы решать насущные вопросы их общественной жизни. Речь идет о производственных, семейно-бытовых, нравственных, политических и других общественных отношениях, которые в своей совокупности образуют структуру общества. Ведь общество – это прежде всего люди в их общественных отношениях друг к другу. Подобное понимание общества имеет место в целом ряде социально-философских теорий, которых мы еще коснемся. В рамках общественных отношений людей реализуются все виды их практической деятельности, создаются государственные, экономические, нравственные и прочие социальные институты, развиваются все стороны культуры общества.

Таким образом, различные виды деятельности людей и их общественных отношений составляют основное содержание общественной жизни и определяют развитие общества. Они представляют собой исходные начала и основные факторы становления, функционирования и развития любого общества. Именно поэтому они являются предметом внимания и изучения социальной философии.

Социальная философия исследует как объективные, так и субъективные стороны деятельности и общественных отношений людей. Она исследует объективные побудительные силы их деятельности, в качестве которых выступают, например, их объективные потребности и интересы, а также присущие их сознанию мотивы и цели деятельности. Все эти явления взаимосвязаны между собой и находятся в диалектическом взаимодействии.

Материализм и идеализм в социальной философии

В зависимости от того, как, в частности, объясняется природа побудительных сил деятельности людей, истолковывается сущность и социальная направленность их деятельности и общественных отношений, из содержания которых складывается содержание общественной жизни и в целом исторического процесса. Если исходить из того, что мотивы и цели людей являются первоосновой их деятельности, ее конечной причиной, то получается идеалистическая трактовка общественного развития, в которой духовному началу отведена роль «демиурга» – творца общества и его культуры. Если же считать, что мотивы и цели деятельности людей определяются условиями их общественного бытия, то утверждается материалистический взгляд на развитие общества.

Видимо, как первый, так и второй подходы имеют право на существование. Это значит, что основная линия разграничения различных направлений и школ социальной философии лежит в плоскости материалистического и идеалистического подходов в истолковании движущих сил развития общества, всей человеческой истории.

Основополагающим вопросом социальной философии является вопрос о том, как взаимодействуют между собой сознание и бытие людей, т.е., с одной стороны, их цели, мотивы, экономические, политические, нравственные и другие установки, а с другой стороны, объективные обстоятельства их жизни и деятельности. Данный вопрос определяется самой сутью развития общества, которое осуществляется путем сознательной и целеполагающей практической деятельности людей. Центральным моментом при этом выступает взаимодействие объективных и субъективных обстоятельств их деятельности, материальных и духовных факторов.

Последовательный ответ на поставленный выше вопрос можно дать, лишь исходя из столь же последовательного идеалистического или материалистического истолкования развития общества. В первом случае конечной причиной всех изменений в обществе объявляется сознание людей или же мировой дух и т.д. Во втором случае такую причину находят в материальных условиях жизни людей, в их общественном бытии, которое истолковывается как объективная основа возникновения и развития сознания – общественного и индивидуального.

Как идеалистическое, так и материалистическое мировоззрение, равно как основанные на них методы исследования общественных явлений, сохраняют свое значение и актуальность по сей день. Их придерживаются многие из существующих ныне течений и школ социально-философской мысли, дающих свое толкование происходящих в обществе процессов. Не исключено, что подобный плюрализм в области социальной философии может играть положительную роль, если он будет способствовать преодолению известной односторонности в исследовании явлений общественной жизни, более глубокому раскрытию взаимодействия материальных и духовных начал в историческом процессе. Этому в немалой степени может способствовать борьба идей и теорий материалистической и идеалистической социальной философии, если она будет разворачиваться в духе глубоких творческих дискуссий и конструктивных поисков истины.

Идеализм в социальной философии основывается главным образом на том факте, что деятельность людей является в принципе сознательной, ибо прежде, чем что-то делать, они мысленно представляют себе более или менее ясно цель и содержание деятельности – духовной, экономической, политической и т.д. Это значит, что идеальный план деятельности всегда предшествует его воплощению (материализации) в какой-либо практический результат.

Отсюда делается вывод: сознание первично, все остальное в обществе вторично, производно от сознания, определяется им. Исходя из данного постулата, все предметы материальной и духовной культуры, другие общественные явления истолковываются как воплощение и олицетворение сознания и в целом духовного начала в жизни людей. Данный вывод подкрепляется, в частности, историческим фактом отделения умственного труда от физического и духовного производства от материального. При этом делается заключение об определяющем значении умственного труда и духовного производства в жизни общества и каждого человека. Главное в развитии общества усматривается в его духовном совершенствовании, в конечном счете – в духовном совершенствовании каждого человека.

В таких суждениях есть немалая доля истины. Невозможно отрицать действительно огромное значение духовного начала в развитии человека, общества и его культуры. Хотя это еще не доказывает абсолютной самостоятельности и полной независимости

сознания людей и, так сказать, человеческого духа от материальных условий общественной жизни. И все же на почве идеалистической социальной философии высказано немало идей, касающихся различных сторон жизнедеятельности общества и человека. Это относится, например, к социально-философским воззрениям представителей немецкой классической философии Канта и Гегеля, французских философов Конта и Дюркгейма. других представителей идеалистической социальной философии, в том числе неокантианства, современного позитивизма, экзистенциализма и т.д. Фундаментальное значение имеют высказанные Кантом и Гегелем идеи об объективной основе развития общества. Кант видел такую основу в объективно существующем мире умопостигаемых сущностей – «вещей в себе», Гегель – в саморазвитии абсолютной идеи.

Материалистический подход к пониманию общества также заключается в признании объективных основ его существования и развития. Это последовательно обосновывается в социальной философии марксизма. Однако объективные основы развития общества усматриваются ею не в какой-либо духовной субстанции, а в материальных условиях развития общества, прежде всего в развитии материального общественного производства.

Тем самым принципиально меняется исходное начало и вся система координат в рассмотрении явлений общественной жизни, их природы, сущности, характера их взаимодействия. Создается иная картина причинно-следственных взаимосвязей внутри общества. Иначе видятся те фундаментальные факторы исторического процесса, которые определяют структуру общества, характер его функционирования и развития.

Данный подход, оформившийся в материалистическое истолкование истории, составляет сущность современной диалектико-материалистической социальной философии как философской теории развития общества. Одновременно он выступает в качестве диалектико-материалистической методологии исследования явлений общественной жизни, общества как целостной социальной системы, исторического процесса.

Данная методология ориентируется на то, чтобы первооснову развития общества искать не в сознании, а в общественном бытии людей, которое в решающей степени обуславливает мотивы деятельности и поведения каждого человека, в том числе его желания, стремления, цели. Роль сознания, духовных факторов при этом не отрицается. Напротив, говорится о постоянном возрастании их значения в развитии общества. В то же время указывается, что они производны от содержания общественного бытия людей, материальных условий их жизни.

Таким образом, развитие общества предстает как «естественно-исторический процесс», развивающийся по своим объективным законам. Подчеркивается, что его развитие носит противоречивый характер. Многообразные социальные противоречия, прежде всего в области материального производства, а также в социальной и политической сферах общества, выступают как источники происходящих в нем изменений и развития.

Также следует отметить, что социально-философская проблематика волновала мыслителей с глубокой древности. Одна из важных философских задач – это осмысление человеческого общества, его истоков, сущности и перспектив; и, конечно же, один из настолько же важных, насколько и сложных философских вопросов – это вопрос о причинах общественного несовершенства. Почему люди не могут жить в мире и согласии? Почему чаще всего человек человеку – волк, хотя должен быть – друг, товарищ и брат? Как построить социальную жизнь на началах справедливости и гармонии? Как сделать общество процветающим?

Известный французский просветитель Ж.Ж. Руссо писал: «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое» и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте лучше этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля – никому!». Причиной общественных несчастий он, вслед за греческим философом Платоном, видел в частной собственности на средства производства. В утопии Платона (учении об идеальном обществе и государстве) отсутствует частная собственность. Утверждение необходимости общественной собственности на средства производства лежат в основе коммунистических идей, которые появились в глубокой древности и сопровождали человечество на протяжении всей его истории.

Социальная философия как методология общественных наук

Выше отмечалось, что социальная философия воссоздает целостную картину развития общества. В связи с этим она решает многие «общие вопросы», касающиеся природы и сущности того или иного общества, взаимодействия его основных сфер и социальных институтов, движущих сил исторического процесса и т.д. С этими вопросами постоянно сталкиваются при исследовании своих проблем различные общественные науки: история, политическая экономия, социология, политология, социальная психология, право, этика и др.

Обращение к положениям социальной философии помогает представителям этих наук находить решения их специфических проблем. Это значит, что социальная философия играет роль методологии общественных наук, определенным образом направляет проводимые ими исследования соответствующих сторон общественной жизни, формирует подходы и принципы их изучения. Это возможно потому, что она помогает представителям общественных наук осмыслить место в обществе изучаемых ими явлений, их связи с другими социальными явлениями, сочетание закономерностей и случайностей в их развитии и т.д.

Эффективность этой помощи зависит прежде всего от содержания социальной философии, степени ее проникновения в суть того или иного общества, происходящих в нем процессов. Именно глубина и широта ее суждений и концептуальных положений, эвристический характер многих из них, т.е. присущая им способность постигать тайны общественных явлений и их сложные взаимодействия, определяют теоретическое и методологическое значение социальной философии. Это ее значение обнаруживается при использовании ее положений в решении соответствующих проблем науки и практики.

Задача социальной философии состоит вовсе не в том, чтобы детально отразить все явления и процессы общественной жизни. Жизнь общества чрезвычайно богата различными событиями. Она весьма сложна многообразными связями между общественными явлениями, носящими динамичный и противоречивый характер. Все богатство и сложность общественной жизни не в состоянии выразить ни одна наука. Не ставит перед собой такой цели и социальная философия. Однако, воссоздавая ту или иную идеальную модель развития общества и его отдельных сторон, социальная философия способствует пониманию сущности различных общественных явлений, их места и роли в обществе, вскрывает наиболее значимые прямые и обратные связи между этими явлениями как элементами социальной системы. В конечном счете она воспроизводит целостную картину существования общества, вскрывает основные механизмы взаимодействия его сторон, тенденции и закономерности его развития.

В этом выражается основное содержание концепций многих традиционных и современных направлений и школ социальной философии. Желательно, конечно, чтобы содержание концепций социальной философии как можно более глубоко отражало реальные социальные процессы, что способствовало бы их более глубокому пониманию. Это важно не только для науки, но и для практики, точнее, для научного обоснования практической деятельности людей.

Необходимость этого постоянно напоминает о себе. Важно, чтобы развитие общества шло не самотеком, а было бы более целенаправленным и осуществлялось в интересах всех людей. А для этого надо, в частности, чтобы их деятельность была как можно менее стихийной и как можно более сознательной, осмысленной ими на уровне понимания проблем всего общества. Это особенно важно для деятельности государственных органов, призванных целенаправленно организовывать практическое решение социальных проблем и тем самым находить оптимальные пути развития общества. Во всем мире люди стремятся к тому, чтобы более осмысленно, с учетом не только сиюминутных, но и долговременных интересов, решать проблемы своей общественной жизни, от чего зависит и решение их личных проблем. Немаловажно, чтобы они отчетливо осознавали как ближайшие, так и отдаленные последствия своей деятельности и могли бы изменить ее в собственных интересах.

В этом могут помочь соответствующие мировоззренческие и методологические положения социальной философии. Раскрывая общественное значение различных форм деятельности и их роль для самоутверждения человека в обществе, показывая характер самого общества, динамику и направленность его развития, социальная философия содействует тому, чтобы люди осознавали ближайшие и отдаленные последствия своих действий для них самих и других людей, социальных групп и, возможно, для всего общества. В этом заключается одно из проявлений прогностической функции социальной философии, которая нередко помогает предвидеть тенденции развития социальных процессов и сознательно прогнозировать их.

Итак, можно говорить о мировоззренческой, теоретической, методологической и прогностической функциях социальной философии. Ее мировоззренческая функция заключается в том, что она формирует у человека общий взгляд на социальный мир, на существование и развитие общества, определенным образом решает вопросы о соотношении бытия людей, материальных условий их жизни и их сознания, о месте и назначении человека в обществе, цели и смысле его жизни и т.д. Все эти проблемы ставятся и решаются в рамках различных школ материалистической, идеалистической и религиозной философии.

Теоретическая функция социальной философии состоит в том, что она позволяет проникнуть в глубь социальных процессов и судить о них на уровне теории, т.е. системы взглядов об их сущности, содержании и направлении развития. На данном теоретическом уровне может идти речь о тенденциях и закономерностях развития общественных явлений и общества в целом. Со всем этим связана методологическая функция социальной философии, заключающаяся в применении ее положений при исследовании отдельных явлений и процессов общественной жизни, изучаемых теми или иными общественными науками. В этом случае положения социальной философии играют роль методологии в исследованиях, осуществляемых в области исторических, социологических, юридических, экономических, психологических и других наук.

Наконец, прогностическая функция социальной философии состоит в том, что ее положения способствуют предвидению тенденций развития общества, его отдельных сторон, возможные ближайшие и отдаленные последствия деятельности людей, содержание которой, собственно, определяет содержание общественного развития. На основе такого предвидения становится возможным строить прогнозы развития тех или иных социальных явлений и всего общества.

Указанные функции социальной философии проявляются в развитии сознания каждого человека, если он овладевает философским мировоззрением, теорией и методологией философского мышления. В этом случае он приобретает способность мыслить системно, диалектически, рассматривать общественные явления в их взаимодействии, изменении и развитии. В результате формируется определенная методологическая дисциплина мышления, делающая его строго логическим и четким, что является показателем культуры мышления.

Все это не исключает, а скорее предполагает развитие у человека способности мыслить творчески, нестандартно, преодолевая разного рода стереотипы, односторонность и догматизм, мыслить в тесной связи с жизнью, воспроизводя всю ее сложность и противоречивость. Логическое творческое мышление становится действенным средством познания общественных явлений и решения практических задач жизнедеятельности людей и всего общества.

В настоящее время при анализе явлений общественной жизни применяются так называемые конкретные социологические исследования. К ним прибегают при изучении экономических, социально-бытовых, политических и других явлений и процессов. Другими словами, их применение может быть универсальным, как и применение положений социальной философии. В то же время между ними имеются существенные различия. Главное из них заключается в том, что социальная философия способна осмыслить происходящие в обществе процессы более глубоко, яснее понять внутреннюю логику их развития и многообразные формы их проявления, чем это позволяют взятые сами по себе данные конкретных социологических исследований, которые чаще всего содержат информацию лишь о внешней стороне социальных явлений и процессов. К тому же более глубоко могут быть истолкованы результаты самих конкретных социологических исследований, которые в рамках социальной философии получают

системное обоснование.

При этом, если социальная философия, действительно, придерживается научных основ при анализе и объяснении происходящих в обществе процессов, она исходит из соответствующих принципов. К ним можно отнести:

- подход к обществу как к целостной социальной системе, все элементы которой находятся между собой во взаимосвязи и взаимозависимости; при этом особое значение придается причинно-следственным и закономерным связям, анализ которых составляет основное содержание социального детерминизма как теоретического и методологического принципа исследования социальных явлений, ориентирующего на всесторонний учет существующих между ними причинно-следственных и закономерных связей и отношений;
- рассмотрение всех общественных явлений и процессов в их постоянной динамике, т.е. в движении, изменении и развитии; это есть принцип историзма, требующий анализа любых социальных явлений в исторически развивающемся социальном контексте, т.е. в системе их развивающихся и изменяющихся связей с другими общественными явлениями, вместе с которыми и под влиянием которых развиваются и данные явления. Это значит, что при анализе социальных явлений нельзя искусственно вырывать их из исторического контекста, т.е. той системы обстоятельств, в которой происходило или происходит их развитие, чтобы не получить поверхностных, а то и ложных выводов об их сути и социальном значении;
- нахождение и анализ тех социальных противоречий, которые определяют суть и источник развития данных общественных явлений и процессов;
- рассмотрение последних в их исторической преемственности с учетом того, что действительно устарело и играет ныне консервативную, а то и откровенно реакционную роль, а что продолжает жить, сохраняет свое значение и дает возможность обществу развиваться по пути цивилизации и прогресса;
- все это выражается в принципе перехода от абстрактного к конкретному в анализе развития общества, отдельных социальных явлений, исторического процесса в целом; данный принцип, обоснованный в рамках диалектического метода, не потерял своей актуальности и значения по сей день.

Таковы вкратце положения социальной философии, характеризующие ее предмет, функции и принципы исследования социальных явлений, а также ее теоретическое и методологическое значение для других общественных наук, изучающих различные стороны жизни общества, для анализа практической деятельности людей и их общественных отношений.

При рассмотрении общества принято выделять следующие сферы общественной жизни: 1) материально-экономическую, 2) социальную, 3) политическую, 4) духовную. Каждая из этих сфер имеет собственную специфику, играет свою, только ей присущую роль в жизни общества. Эти сферы можно рассматривать как подсистемы общества, имеющие сложное строение и обладающие относительной целостностью.

Материально-экономическая сфера общественной жизни

Сущностью материально-экономической сферы общественной жизни является деятельность, направленная на удовлетворение потребности людей в поддержании своей жизни. Средства, с помощью которых удовлетворяются потребности, обычно называются благами (или материальными благами). Без постоянного воспроизводства материальных благ существование общества невозможно. Потребности разделяются на первичные, затрагивающие жизненно важные нужды человека (еда, жилище, одежда и т.п.) и вторичные, без удовлетворения которых человек может прожить, но качество его жизни при этом ухудшается. Примером таких вторичных потребностей может стать нужда в предметах роскоши, автомобиле, модных аксессуарах. Грань между первичными и вторичными потребностями подвижна: то, что в одной ситуации не представляется необходимым, в другой может стать условием нормальной жизнедеятельности. Например, компьютер, используемый по преимуществу для игры, – вторичная потребность, но если он является приспособлением для осуществления профессиональной деятельности, то его наличие становится обязательным для выполнения производственных задач.

Законом развития человеческого общества является неограниченный рост потребностей. В процессе удовлетворения одних потребностей формируются другие, новые, которые могут превосходить предшествующие как в количественном, так и в качественном отношении. Именно рост потребностей можно рассматривать как движущую силу совершенствования материально-экономической сферы, благодаря чему изобретаются новые машины, станки, используются новые ресурсы, производятся новые продукты.

Экономическая жизнь различных обществ сильно различается. В истории не единожды предпринимались попытки осуществить классификацию, выделить определенные типы уклада экономической жизни. Одним из самых известных подходов к этой проблеме стал марксистский, предложивший выделять в истории человечества различные общественно-экономические формации в зависимости от экономического базиса общества. Наряду с этим в современных исследованиях часто выделяются следующие типы экономик: традиционная, централизованная, рыночная, смешанная.

Традиционная экономика, как видно из самого названия, основана на традициях, передаваемых из поколения в поколение. Темпы развития такого общества низки (это связано с тем, что и рост потребностей в нем является крайне низким, они почти не меняются от поколения к поколению), общество воспроизводит само себя с незначительными изменениями. Эти характеристики были

присущи древним аграрным обществам, существовавшим до индустриальной революции, но встречаются они и сегодня в слаборазвитых странах. Основной задачей традиционных обществ является удовлетворение первичных потребностей, поэтому главенствует здесь производство продовольствия.

С развитием средств производства эта задача постепенно отходит на второй план: сегодня около 7% населения, занятых в сельском хозяйстве, могут обеспечить продовольствием все население Земли при наличии соответствующей техники, удобрений, технологий хранения и переработки продуктов. На первый план выдвигается промышленность. После перехода к индустриальному обществу, для которого характерна развитая и сложная организация разделения труда, автоматизация (люди в производстве используют станки и механизмы) и массовое производство товаров, возможно существование трех видов экономической системы: централизованной, рыночной или смешанной. Таким образом, все эти виды экономик описывают индустриальное общество, основанное на развитой промышленности. Переход к такому типу общества осуществлялся в разное время в различных регионах земного шара, а в Европе процесс индустриализации пришелся на XIX столетие.

Рыночная экономика – такая экономическая система, в которой вопросы о том, что, как и для кого производить, решаются через рынок, основанный на конкуренции. Рынок регулируется ценами, которые формируются в результате взаимодействия спроса на тот или иной товар и его предложение. Именно цены показывают, что производить, а какие производства лучше закрыть, какие ресурсы использовать, а от каких – отказаться. Для нормального функционирования рыночной экономики необходимо наличие частной собственности на средства производства. Частная собственность формирует новые стимулы к повышению производительности труда, к совершенствованию производства. Появляется личная заинтересованность производителей и собственников в более эффективном размещении и использовании принадлежащих им ресурсов. Она проявляется различными способами, в частности, собственники рабочей силы стремятся заработать большую зарплату, собственники денежного капитала – получить больший процент, предприниматели большую прибыль, потребители – приобрести больше товаров за меньшую цену. Выдающийся австрийский экономист Фридрих Август фон Хайек (1899-1988) в этой связи остроумно заметил: «Погоня за прибылью – единственный способ, при помощи которого люди могут удовлетворять потребности тех, кого они вовсе не знают». В XX в. именно рыночная экономика была наиболее распространенной.

Несмотря на свою эффективность, рыночная экономика имеет и ряд отрицательных характеристик. Рыночной экономике присуще нерациональное использование ресурсов (частные собственники заинтересованы лишь в личной выгоде, поэтому они не думают об интересах общества в целом), социальное неравенство и нестабильность, безработица и т. д. Во многом из-за этого в ряде стран была предпринята попытка перехода к государственному регулированию экономики, к централизованной экономической системе.

В централизованной (плановой) экономической системе господствует общественная (государственная) собственность на средства производства, и планирование производства – в идеале – должно осуществляться на основе учета интересов всего общества. Практика воплощения такой экономической системы (в СССР, например) показала, что в результате огосударствления экономики рынок умирает, формируется колоссальная по численности бюрократия со своими групповыми интересами, а само плановое хозяйство становится громоздким и медленно реагирующим на изменение потребностей общества. Как правило, возникает дефицит многих товаров, и спрос на них удовлетворяется через «теневую» экономику, где вновь «прорастают» рыночные «побеги».

Надо сказать, что попытки государственного планового регулирования предпринимались задолго до начала строительства социализма в СССР и других странах. Усиление государственного регулирования экономики диктовалось целями подготовки к войнам, их ведения, поддержания обороноспособности стран. Но в последнее время государственное управление становится необходимым и для других целей: обеспечения общественных потребностей в здравоохранении, образовании, поддержке неимущих и т. д. Вмешательство государства в экономику, таким образом, обусловлено появлением новых экономических потребностей, с которыми рынок по своей природе не может справиться. Поэтому в большинстве современных развитых обществ существует смешанная экономика, в которой в различной мере сочетаются преимущества рынка и централизованного управления. Благодаря этому становится возможным проведение плановой социальной политики, охрана окружающей среды (что может быть невыгодно отдельному предпринимателю, но в чем заинтересовано общество в целом), благодаря государственной поддержке в большинстве развитых стран проводятся фундаментальные научные исследования (ведь не все научные разработки могут быть выгодными с точки зрения рынка).

Во второй половине XX в. в работах Д. Белла, Г. Капа, З. Бжезинского, А. Тоффлера и других исследователей сложилась концепция постиндустриального общества. Так стали называть новую стадию общественного развития, следующую за индустриальным обществом, где ведущую роль приобретают сфера услуг, массовые коммуникации, информация. На этом этапе развития на первый план выдвигается уже не сельское хозяйство (как в традиционном обществе) и не промышленность (как в индустриальном обществе), а экономика знаний. Меняется характер труда. Производство становится «безлюдным» – в нем используются автоматы, компьютеры, роботы. Постиндустриальное общество связано с превращением процесса труда, по крайней мере, для заметной части общества, в творческую деятельность, в средство развития человеческой личности. Многие ученые считают, что это общество можно назвать постэкономическим, так как в нем преодолевается господство экономики (производство материальных благ) над людьми, а основной задачей общества становится развитие человеческих способностей. Сегодня наиболее развитые страны уже вступили в постиндустриальную эпоху, стоит эта задача и перед Россией.

Социальная сфера общественной жизни

Социальная сфера общества складывается как система взаимодействия социальных групп – классов, наций, профессиональных сообществ, страт. Основой для понимания социальной сферы является представление о социальной структуре общества.

Под структурой понимают совокупность устойчивых взаимосвязей между элементами системы, значит, социальная структура – это то, как элементы, составляющие общество, связаны друг с другом. В качестве элементов социальной структуры можно выделить различные образования: этнические группы (нации, народности, племена), классы, социальные слои, профессиональные и возрастные группы. В марксизме основой социальной структуры являлись взаимоотношения между различными общественными классами, причем под классом понималась большая группа людей, владеющая либо не владеющая средствами производства, занимающая определенное место в системе общественного разделения труда и характеризующаяся специфическим способом получения дохода. В противоположность этому подходу, Питирим Александрович Сорокин (1889-1968) русский социолог, эмигрировавший после революции 1917 г. в США, – предложил выделять в обществе не классы, а страты (от лат. stratum – настил, слой). Страта – это социальный слой людей, имеющих сходные объективные показатели по четырем шкалам стратификации: доход, власть, образование, престиж. Таким образом, можно сказать, что страты различаются по своему положению в социальной иерархии, причем значение имеет не только объективное положение в общественном производстве, но и признание этого положения другими членами общества (престиж), культурный уровень (образование) и т.д. Подход Сорокина позволяет нарисовать более богатую полутонами картину общества. Например, малообразованный человек, наживший свой капитал в результате нарушения закона, в цивилизованной стране не может считаться представителем высшей страты, как бы богат он ни был: он не может войти в элиту из-за отсутствия необходимого образования и компрометирующего прошлого, которое вызывает осуждение других представителей общества (членов высшей страты в том числе, которые уже в силу этого не признают его «своим») и делает невозможным для него доступ к власти.

Стратификация (расслоение) – обязательная характеристика развитого общества. В истории все попытки построить общества с реальным равенством их членов потерпели крах. Но степень расслоения в обществах может быть различной. Наглядно представим ее в виде пирамиды, которая может быть высокой, с узким основанием или, наоборот, низкой, «распластанной», где разница между «верхними» и «нижними» этажами не так уж значительна.

С одной стороны, «вытянутая» социальная «пирамида» означает повышенную вероятность социальных конфликтов (разница между «высшими» и «низшими» стратами настолько велика, что порождает социальную напряженность), с другой – «распластанная» говорит о снижении в обществе соревновательности, об отсутствии достаточных стимулов для продвижения «вверх» по социальной лестнице. Исследователи пришли к выводу, что для обеспечения стабильного развития общества лучшим профилем пирамиды будет средний вариант: не слишком вытянутый вверх, но и не слишком стирающий все различия.

В исследованиях, посвященных современному обществу – постиндустриальному или хотя бы с элементами постиндустриализма, – обсуждаются и другие геометрические фигуры, которые могли бы стать визуальным образом социальной структуры общества, – ромб или овал: высшие и низшие слои общества малочисленны, большинство составляет «средний класс», то есть тот, который в системе социальной стратификации расположен между высшим и низшим классами. В развитых странах (в США, Германии, Японии и др.) именно средний класс является основным слоем общества, составляя около 65 % населения. В современной России средний класс достаточно малочислен, для нашей страны характерна поляризация населения по уровню доходов.

Еще одним важным показателем состояния общественного организма является возможность вертикальной мобильности. Социальная мобильность – это перемещение индивида или целой социальной группы в рамках «пирамиды», изменение их статуса и положения. Причем социальная мобильность может быть горизонтальной (в рамках одного «этажа», например, если человек поменял работу шофера на работу автомеханика: его социальный статус, положение в обществе изменились не очень сильно, он остался на том же «этаже» социальной пирамиды) и вертикальной. Вертикальная мобильность – это перемещение с этажа на этаж социальной пирамиды, а «лифтом», который поднимет индивида на другой уровень, могут стать образование, выгодный брак, овладение перспективной профессией и т.д. Существуют «социальные лифты» и для целых групп – например, революционные события способны наделить властью угнетенные ранее социальные слои. Так вот, если «лифты» не работают или работают плохо, то вертикальная мобильность в обществе затруднена, и такое общество резко замедляет темп своего развития. Общества с затрудненной вертикальной мобильностью называют «закрытыми». В них динамика социальной жизни сведена к минимуму, у индивида нет реальных перспектив повысить свой статус, занять лучшее положение в обществе, поэтому он не заинтересован в своем развитии, овладении новыми знаниями и навыками. «Закрытые» общества обязательно приходят к кризису, в результате которого сложившаяся социальная иерархия рушится. «Открытые» же общества развиваются быстрее, их члены видят перед собой перспективу повышения социального положения, происходит постоянный обмен между различными «этажами» социальной пирамиды.

Политическая сфера общественной жизни

Эта сфера тоже связана с отношениями между классами, нациями и другими социальными группами, но рассматриваются они сквозь призму завоевания, удержания и использования государственной власти. В рамках политической сферы исследователи выделяют три основных явления: политические отношения, политические институты и политическую идеологию. Систему государственных и негосударственных политических институтов называют политической системой, а основным институтом политической системы является государство, при помощи которого осуществляется управление обществом. К. Маркс рассматривал государство как средство укрепления и защиты власти правящего класса; сторонники функционального подхода основное значение придают тем аспектам деятельности государства, которые основаны на сотрудничестве. Но в любом случае государство отличается от других социальных институтов и организаций следующими признаками:

- наличием специального аппарата власти;
- наличием государственной территории;

- суверенным правом издания законов, обязательных для граждан, и правом применять насилие, если законы нарушаются;
- исключительным правом собирать налоги, выпускать денежные знаки и т.д.

Получается, что государство обладает рядом функций, причем большинство из них являются монополией государства: определение и создание правовых норм поведения в обществе (функция законодательной власти), регулирование общественных отношений вплоть до применения вооруженной силы (функция исполнительной власти), разрешение конфликтов (функция судебной власти).

Та часть политической сферы, которая обладает относительной независимостью от государства, называется гражданским обществом. Оно состоит из самостоятельных и относительно свободных индивидов, а также их объединений. В состав гражданского общества входят семья, церковь (там, где она отделена от государства), политические партии, профсоюзы, ассоциации по интересам (бизнес-центры, клубы и др.) и т.д. Получается, что общество – это гражданское общество плюс государство.

Элементы и ценности гражданского общества сложились в Европе уже в XVIII в. В них входили такие представления о нормах индивидуального существования, как требование личной безопасности; принцип равенства всех перед законом; право на частную собственность; право на частную жизнь; признание индивидуальных различий, уважение к другому человеку и др. Хотя государство и гражданское общество относительно самостоятельны, они взаимодействуют и предполагают друг друга. Причем стиль их взаимодействия является характеристикой реального развития общества.

Вся человеческая история дает примеры постоянного, более или менее острого конфликта между гражданским обществом и властью, личностью и государством. Именно этот конфликт является важнейшей составляющей социального развития. Данный конфликт резко обостряется в условиях модернизации, перестройки общественного организма. Подобную модернизацию политической жизни сегодня переживает и Россия. В нашей стране можно проследить два взаимосвязанных, хотя и разнонаправленных, процесса: с одной стороны, кризис прежней государственности, что ведет к ее естественному ослаблению, а с другой – создание предпосылок для усиления контроля государства над обществом. Дело в том, что ослабление центральной власти, неизбежное при глобальных переменах в общественной жизни, на определенном этапе начинает противоречить планируемым преобразованиям и реформам, замедлять их темп, что вызывает потребность в усилении политической системы, повышении роли бюрократии, «укреплении властной вертикали». Победа первой тенденции может привести к невозможности эффективного управления обществом. Если же побеждает вторая тенденция, – гражданское общество теряет возможность влиять на принятие решений, устанавливается авторитарный стиль правления. Поэтому так важно найти «средний путь», сохранив и рычаги государственного управления, и возможность для гражданского общества влиять на принятие властных решений. В конечном счете речь идет о сохранении свободы для личности в политическом пространстве.

Российская жизнь традиционно протекала как «движение сверху вниз», когда народные массы пассивно воспринимали спускаемые сверху требования, законы, установления. Государство и государственные институты безраздельно господствовали, оказывая подавляющее влияние на общественную самодеятельность. Даже неизбежная саморегуляция хозяйственной, общественной и другой деятельности носила ограниченный характер: «Вот приедет барин, – барин нас рассудит». В тех же случаях, когда массы народа активизировались, история давала примеры русского бунта, «бессмысленного и беспощадного» (по определению А.С. Пушкина). Традиция приказного, административного управления в России выступает как исторически привычное ограничение свободы человека; суверенность личности воспринимается как нечто второстепенное и не очень важное. Следствием подобной исторической «привычки» является отсутствие у многих членов российского общества навыков обоснования своего выбора, принятия осознанного решения, низкий уровень политической культуры.

Установка массового сознания на принятие всех важных решений независимой от общества политической элитой, с одной стороны, способствует примитивно-легкому решению вопроса об ответственности за неудачи, а с другой – порождает иллюзию, что «правильный» президент, губернатор или мэр может коренным образом изменить ситуацию к лучшему. Неистребимая вера в «добраго царя» говорит о традиционном примате государства над обществом. В свободном же обществе действия правителя, единоличного или коллективного, должны регламентироваться не моралью заботы, сострадания и добра, а совсем иным – правовым – кодексом. Но переход к правовому регулированию отношений между властью и обществом означает принятие ответственности за свои поступки, что требует серьезных изменений в массовом сознании.

Управление обществом посредством законов в правовом обществе – это выделение каждому члену общества «свободного пространства», в рамках которого он может проживать любую жизнь по своему собственному свободному выбору. При авторитарном же управлении гражданин общества лишается свободы принятия решений, поскольку не знает границ своего жизненного «пространства» – они не установлены, так как государство осуществляет выбор за гражданина и информирует его об обязанностях, но одновременно он лишается и тяжелого груза ответственности. В этом смысле, любое авторитарное государство – это государство опеки, когда даже самые благие цели (безопасность граждан, справедливое распределение, всеобщее благоденствие и др.) приводят к рассмотрению человека как недееспособного индивида, не способного самостоятельно определять задачи и цели своего существования. Здесь уместно процитировать уже упоминавшегося экономиста и теоретика либерализма фон Хайека, утверждавшего, что «основной вопрос сводится не к тому, что деятельность государства должна руководствоваться каким-то определенным принципом, а к тому, что власть государства должна ограничиваться обеспечением того, чтобы каждый человек придерживался принципов, которые он сам знает и которые может учитывать при принятии своих решений».

Создание правового государства и формирование гражданского общества – актуальные проблемы в современной России.

Духовная сфера общественной жизни

Духовная сфера общества – это система отношений между людьми, отражающая духовно-нравственную жизнь общества, структурными элементами которой являются мораль, религия, политическое сознание, наука, искусство. В основе этой сферы лежит духовное производство – деятельность, направленная на создание новых духовных ценностей. Такое производство, служащее удовлетворению особых – духовных – потребностей, осуществляется как профессионалами (интеллигенцией), так и другими талантливыми людьми (созданием народа является фольклор, народная медицина, народные промыслы и др.). Особенность продуктов духовного производства состоит в том, что в процессе их потребления они не исчезают (если вы удовлетворяете свою первичную материальную потребность в еде с помощью бутерброда, он исчезает у вас в желудке), а становятся частью духовного мира человека-потребителя, обогащают его внутренний мир. Поэтому не только производство, но и потребление духовных ценностей является творческим процессом саморазвития личности. Здесь тоже действует закон роста потребностей: чем образованнее и культурнее человек, чем больше потребляет он именно духовных ценностей, тем больше у него потребность в духовном потреблении и тем более высокие требования он предъявляет к качеству потребляемого «продукта».

Если в политической сфере общественной жизни центральным моментом является государство, то для духовной сферы таким определяющим элементом выступает общественное сознание. В зависимости от носителя (субъекта) общественного сознания можно выделить следующие его виды: индивидуальное, групповое и массовое сознание. Носителем индивидуального сознания является отдельный человек, носителем группового сознания социальная группа, носителем массового – неорганизованная группа людей, объединенная какой-либо идеей, целью (например, фанаты рок-группы).

В общественном сознании выделяют уровни – обыденно-практический и научно-теоретический. Подобный аспект рассмотрения общественного сознания можно назвать гносеологическим, поскольку он показывает глубину проникновения субъекта познания в объективную реальность. Как известно, обыденно-практическое сознание более поверхностно, чем научно-теоретическое. Общественное сознание на обыденно-практическом уровне проявляет себя как социальная психология, на научно-теоретическом – как идеология и наука. Попробуем разобраться, что такое идеология. Во-первых, очевидно, что речь идет о теории, то есть согласованной системе взглядов на мир. Но в литературе термин этот, как правило, имеет негативный оттенок. Почему? Потому что идеология – это такая система взглядов, где мир рассматривается через призму интересов определенной социальной группы, что

делает неизбежными искажения, пристрастные оценки, тенденциозное истолкование фактов. С другой стороны, возможно ли беспристрастное познание общества? Когда мы от исследований в области физики или химии переходим к анализу современной социальной действительности, нейтральными и объективными быть очень трудно. Поэтому идеологии – обязательная часть жизни общества, они были и будут всегда, пока есть социальные группы со своими интересами. Марксизм называл себя научной идеологией рабочего класса, работы цитированного выше Хайека можно назвать теоретическим обоснованием интересов социальной группы собственников, Фома Аквинский в своих работах обосновывал решающую роль церкви в обществе и был ее идеологом. Социальные теории всегда очень тесно связаны с идеологиями, а идеологии воздействуют на массовое сознание, активно изменяют поведение людей, выдвигают определенные идеалы общественного развития.

Формами общественного сознания являются нравственное, религиозное, научное, эстетическое, экологическое, философское и т.п. сознания.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое социальная философия? Чем она занимается? Каковы ее основные вопросы и проблемы?
2. Как соотносятся материалистическая и идеалистическая тенденции в социальной философии?
3. Почему социальную философию часто называют методологией общественных наук? Каковы основные функции социальной философии как методологии общественных наук?
4. Почему общество можно представить как систему? Какие подсистемы принято в нем выделять?
5. Какие типы экономических систем вы знаете? Что характерно для каждого типа?
6. Какие черты отличают постиндустриальное общество? Как вы думаете, в каких странах постиндустриальное общество уже стало реальностью?
7. Что такое социальная структура общества?
8. Чем отличаются понятия «социальный класс» и «социальная страта»? Что у них общего и различного?
9. Приведите примеры горизонтальной и вертикальной социальной мобильности. Что такое «социальный лифт»? Какие социальные лифты существуют в современном российском обществе?
10. Какие признаки присущи государству?
11. Что такое «гражданское общество»?
12. Какие уровни общественного сознания вы знаете? Что характерно для каждого из них?

